ДБ
10
Я-76

БФ
I.

ТРУДЫ

ЯРОСЛАВСКАГО ОБЛАСТНОГО СЪѢЗДА

(СЪѢЗДА ИЗСЛѢДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ).

ИЖДИВЕНІЕМЪ

И. А. Вахрамѣева.

МОСКВА
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова
Леонтьевскій переулокъ, д. № 5
1902

10
76

Ярославский областной съезд исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области, 1-й. Ярославль. 190

ТРУДЫ

ЯРОСЛАВСКАГО ОБЛАСТНОГО СЪѢЗДА

(СЪѢЗДА ИЗСЛѢДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ).

ИЖДИВЕНІЕМЪ

И. А. Вахрамѣева.

МОСКВА
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова
Леонтьевскій переулокъ, д. № 5
1902

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
496808

Библиотека ОФН
Академии Наук СССР

~~418~~
~~57~~

Оглавленіе.

	Стр.
ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ	I—LV
Подготовительныя работы по созыву Съѣзда	IX— XIV
Дневникъ Съѣзда	XIV—XXXII
I. Открытіе Съѣзда	XVI— XXIV
II. Выставка Съѣзда	XXIV— XXV
III. Бюро Съѣзда	XXV— XXVI
IV. Распредѣленіе занятій Съѣзда	XXVI—XXVII
V. Осмотры и поѣздки	XXVII— XXIX
VI. Закрытіе Съѣзда	XXIX—XXXII
Протоколы засѣданій Съѣзда	XXXIII— LV
ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ	1–177
Н. Д. Чечулинъ. Къ вопросу о распространеніи въ Московскомъ государствѣ иноземныхъ вліяній	1— 7
В. И. Онѣжневскій. Губернскія Ученыя Архивныя Комиссіи и архивное дѣло въ нихъ	7— 27
А. Я. Садовскій. Къ матеріаламъ по изслѣдованію Нижегородскаго уѣзда въ Смутное время и вскорѣ послѣ него (1613—1629 гг.)	27— 66
Гр. А. А. Бобринской. О нѣкоторыхъ символическихъ знакахъ, общихъ первобытной орнаментикѣ всѣхъ народовъ Европы и Азіи	66— 76
Прот. І. Я. Сырцовъ. Усыпальницы бояръ Годуновыхъ въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ	76— 84
С. Ѳ. Платоновъ. О топографіи Угличскаго „кремля“ въ XVI—XVII в.в.	84— 87
И. В. Баженовъ. Воскресенская, что на Дебрѣ, церковь въ г. Костромѣ	87— 99
А. И. Соболевскій. Откуда шла русская колонизація въ Ростово-Суздальскую область?	99—103
В. А. Андронниковъ. О матеріалахъ по этнографіи Костромского края, собранныхъ мѣстной Губернской Ученой Архивной Комиссіей. (Живая старина въ Костромской губерніи)	103—125
Н. М. Бекаревичъ. О нѣкоторыхъ городищахъ въ Костромской губерніи	125—129
М. А. Липинскій. Къ вопросу о несвободномъ земледѣльческомъ населеніи въ Московскомъ государствѣ (По даннымъ Угличской Писцовой книги)	129—143

Стр.

С. П. Писаревъ. Кого изъ Смоленскихъ князей, съ именемъ Андрея, слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ „Святой Андрей Переяславльскій и Смоленскій Чудотворецъ". . . . . 143—151

В. И. Колосовъ. Время основанія города Твери . . . . . 151—158

Н. М. Бекаревичъ. О каменномъ вѣкѣ въ Костромской губерніи . . . 158—162

И. А. Виноградовъ. О надписи на Стерженскомъ крестѣ . . . . . 162—164

Е. В. Барсовъ. Изъ исторіи колонизаціи и культуры Ростовскаго края . . . . . 164—170

А. И. Маркевичъ. Акты Череповецкаго Воскресенскаго монастыря . 170—177

Труды происходившаго въ г. Ярославлѣ 10—14 августа 1901 года „Съѣзда изслѣдователей исторіи и древностей Ростово-Суздальской Области“ издаются на основаніи постановленія Съѣзда въ засѣданіи его отъ 14 августа. Всѣ расходы по изданію „Трудовъ“ выразилъ желаніе возложить на себя почетный членъ Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи Коммерціи Совѣтникъ Иванъ Александровичъ Вахрамѣевъ. Изданіе печаталось подъ редакціей Секретаря Съѣзда Профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея И. Я. Гурлянда.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

Мысль о съѣздѣ дѣятелей Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій территоріи, составлявшей нѣкогда Ростово-Суздальскую землю, принадлежитъ бывшему профессору Демидовскаго Юридическаго Лицея, нынѣ профессору Императорскаго Петербургскаго Университета и помощнику статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта Э. Н. Берендтсу. Разработанная при непосредственномъ участіи непремѣннаго попечителя Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи, Ярославскаго губернатора Гофмейстера Б. В. Штюрмера, эта мысль послужила предметомъ всесторонняго обсужденія гг. членовъ Ярославской Ученой Архивной Комиссіи въ рядѣ частныхъ собраній, послѣ чего была оффиціально заявлена на торжественномъ собраніи Комиссіи, состоявшемся по случаю исполнившагося десятилѣтія со дня ея учрежденія въ г. Ярославлѣ.

Тогда же было постановлено: 1) выработать программу предположеннаго Съѣзда; 2) обратиться съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ къ Ученымъ Архивнымъ Комиссіямъ городовъ: Твери, Костромы, Нижняго Новгорода, Владиміра, Вологды и Новгорода, а также ко всѣмъ историкамъ и археологамъ, которые выразили бы желаніе содѣйствовать задуманному дѣлу совѣтомъ, указаніями, трудами.

Во исполненіе означеннаго проф. Э. Н. Берендтсъ представилъ въ Комиссію программу предположеннаго Съѣзда, а непремѣнный попечитель разослалъ въ вышеозначенныя Архивныя Комиссіи и цѣлому ряду извѣстныхъ русскихъ историковъ и археологовъ нижеслѣдующее сообщеніе:

«Одной изъ важнѣйшихъ задачъ современной русской исторіографіи является полное и подробное изслѣдованіе исторіи отдѣльныхъ русскихъ областей на основаніи изученія памятниковъ старины какъ вещественныхъ, такъ и письменныхъ. Историческія судьбы юго-западной Россіи уже давно служатъ предметомъ мѣстныхъ изслѣдованій, имѣющихъ серь-

езное научное значеніе, благодаря объединенной дѣятельности южныхъ историко-археологическихъ учрежденій.

На сѣверѣ, въ предѣлахъ древняго Ростово-Суздальскаго княжества сложилось великорусское племя, сплотившее въ одно цѣлое и славянскихъ насельниковъ и народы финскаго корня и создавшее единовластный, а затѣмъ и самодержавный политическій строй, основу государственнаго могущества Россіи.

Исторія образованія великорусскаго племени еще не написана; не собраны воедино тѣ данныя по археологіи, этнографіи, этнологіи и исторической географіи, которыя проливаютъ свѣтъ на ходъ развитія этой исторіи; не установлены еще въ точности спеціальныя научныя задачи, къ исполненію коихъ изслѣдователи должны стремиться совмѣстно.

Ближайшей цѣлью мѣстныхъ историко-археологическихъ учрежденій, дѣйствующихъ въ предѣлахъ той области, въ которой развивалось великорусское племя и которая почти совпадаетъ съ областью бывшаго Ростово-Суздальскаго (и Владимірскаго) Великаго Княжества, должно быть признано собираніе и выясненіе слѣдовъ развитія великорусской культуры и изслѣдованіе дѣятельныхъ силъ, служившихъ дѣлу ея образованія. Удовлетворительное выполненіе такой задачи всегда затруднялось отсутствіемъ единства въ трудахъ по сему предмету отдѣльныхъ историко-археологическихъ учрежденій нашего края.

Сознаніе недостаточности предпринимаемыхъ нынѣ разрозненныхъ работъ породило въ средѣ Ярославской Ученой Архивной Комиссіи мысль о цѣлесообразности организаціи областныхъ историко-археологическихъ съѣздовъ, въ которыхъ участвовали бы всѣ, кто посвятилъ себя изученію прошлаго той земли, которая нѣкогда составляла область Ростово-Суздальскаго (и Владимірскаго) Великаго Княжества, а также тѣхъ мѣстностей Сѣвера, судьба которыхъ столь тѣсно была связана съ исторіей этой исконной колыбели великорусскаго племени. Ярославская Ученая Архивная Комиссія имѣетъ здѣсь въ виду губерніи: Ярославскую, Владимірскую, Костромскую, Нижегородскую, часть Вологодской и часть Тверской, а равно и Череповецкій и Бѣлозерскій уѣзды Новгородской губерніи.

Въ силу изложеннаго, Ярославская Ученая Архивная Комиссія имѣетъ честь обратиться къ N. N. Губернской Ученой Архивной Комиссіи съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ сообщеніи ей своихъ соображеній и своего мнѣнія по принципіальному вопросу о цѣлесообразности областныхъ историко-археологическихъ съѣздовъ, въ составѣ представителей поименованныхъ выше губерній. Первый изъ этихъ съѣздовъ могъ бы быть созванъ въ Ярославлѣ, какъ въ городѣ, гдѣ находится одно изъ старѣйшихъ по времени учрежденія высшихъ учебныхъ заведеній Россіи.

Если мысли этой суждено встрѣтить сочувствіе, то возможно будетъ послѣ полученія надлежащаго на сіе разрѣшенія Высшаго Правительства войти въ ближайшее соглашеніе относительно времени съѣзда, способовъ его организаціи и главныхъ вопросовъ, подлежащихъ его обсужденію».

Въ отвѣтъ на это сообщеніе поступили въ началѣ 1900 года заявленія отъ всѣхъ поименованныхъ выше Комиссій, члены которыхъ единодушно высказались за цѣлесообразность совмѣстныхъ трудовъ по изслѣдованію прошлаго Ростово-Суздальскаго Края и изъявили свою полную готовность принять участіе какъ въ предполагаемомъ Ярославскомъ Съѣздѣ, такъ и въ подготовительныхъ къ нему работахъ.

Съ большимъ интересомъ и полнымъ сочувствіемъ къ мысли объ

Областныхъ Съѣздахъ отнеслись также и слѣдующія лица: предсѣдатель Императорской Археологической Комиссіи гр. А. А. Бобринскій, директоръ Петербургскаго Археологическаго Института проф. Н. В. Покровскій, академикъ А. И. Соболевскій, профессоръ Петербургскаго Университета С. Ѳ. Платоновъ, профессоръ Казанскаго Университета Д. А. Корсаковъ, Д. И. Иловайскій и др. Особенно многимъ обязана Комиссія проф. Н. В. Покровскому, авторитетъ котораго въ значительной мѣрѣ способствовалъ практическому осуществленію мысли о Съѣздѣ встрѣтившей, къ сожалѣнію, на своемъ пути и нѣкоторыя достаточно неожиданныя препятствія, грозившія уничтожить зарождающееся предпріятіе въ самомъ началѣ.

16 марта 1900 г. въ Ярославлѣ состоялся первый предварительный съѣздъ представителей Губернскихъ Архивныхъ Комиссій, созванный для совмѣстнаго рѣшенія вопроса о программѣ Съѣзда. Изъ Владиміра прибылъ правитель дѣлъ Владимірской Архивной Комиссіи В. Т. Георгіевскій и изъ Нижняго-Новгорода правитель дѣлъ Нижегородской Архивной Комиссіи А. И. Звѣздинъ и членъ той же Комиссіи А. П. Мельниковъ. Непремѣнные попечители Архивныхъ Комиссій Губернаторы Костромской И. М. Леонтьевъ и Тверской—Князь Н. Д. Голицынъ сообщили непремѣнному попечителю Ярославской Комиссіи, первый—о невозможности прибытія въ Ярославль ко дню 16 марта представителя Костромской Комиссіи, а Князь Голицынъ о томъ, что служебныя занятія членовъ Тверской Комиссіи задерживаютъ ихъ въ настоящее время въ Твери, но что ими изъявлена полная готовность прибыть для совмѣстныхъ занятій въ Ярославль, во время наступающей Свѣтлой Недѣли.

При участіи упомянутыхъ выше представителей Владимірской и Нижегородской Архивныхъ Комиссій состоялось въ домѣ Губернатора совѣщаніе, на которомъ обсуждалась представленная проф. Берендсомъ программа запросовъ.

Въ совѣщаніи принимали участіе Директоръ Лицея С. М. Шпилевскій, Е. И. Якушкинъ, профессора Лицея: Э. Н. Берендсъ, И. Я. Гурляндъ, М. А. Липинскій, А. Р. Свирщевскій и А. В. Шмидтъ и другіе дѣятели мѣстной Архивной Комиссіи.

Совѣщаніе постановило принять программу проф. Берендса въ нижеслѣдующей редакціи:

СПИСОКЪ

главнѣйшихъ вопросовъ, разработка которыхъ желательна на I Ярославскомъ областномъ археологическомъ съѣздѣ.

I. Доисторическія древности.

Выясненіе вещественныхъ данныхъ:

1) О каменномъ вѣкѣ.
2) О бронзовомъ вѣкѣ въ области.

Антропологическія данныя каменнаго и бронзоваго вѣка въ области.

Культурные признаки тѣхъ же эпохъ по даннымъ, которыми располагаютъ мѣстные музеи, изслѣдователи и владѣльцы коллекцій.

Свидѣтельствуютъ ли сдѣланныя въ области находки и изслѣдованія о бродячемъ образѣ жизни аборигеновъ или о кочевомъ?

Желѣзный вѣкъ въ области.

Типы и особенности курганныхъ и иныхъ (если окажется) погребеній въ области.

Свидѣтельствуютъ ли данныя курганныхъ раскопокъ объ однородности состава населенія или о племенной раздробленности?

Вопросъ о преемственности культуръ въ области:

1) культура аборигеновъ,
2) культура славянская (въ эпоху старшаго желѣзнаго вѣка,
3) культура норманская,
4) вопросъ о наслоеніяхъ и взаимодѣйствіи культуръ,
5) вопросъ о томъ, насколько можно говорить о норманскихъ поселеніяхъ въ области и насколько о норманскомъ вліяніи путемъ сношеній.

Выясненіе указанныхъ выше вопросовъ по даннымъ языка, обрядовъ, обычаевъ, вѣрованій, пѣсенъ.

II. Живая старина.

Какія переживанія сохранились въ области въ отношеніи языка, обрядовъ, обычаевъ вѣрованій, пѣсенъ?

Имѣются ли общіе всей области признаки живой старины, и какіе?

Какіе замѣчаются оттѣнки живой старины въ предѣлахъ каждой изъ входящихъ въ составъ области губерній, и чѣмъ эти оттѣнки могутъ быть объяснены?

Замѣчаются ли такіе же оттѣнки въ предѣлахъ различныхъ частей губерніи — уѣздовъ, волостей, селеній — и чѣмъ эти оттѣнки могутъ быть объяснены?

III. Наземные памятники.

1) Церковные.

Мѣстныя особенности церковнаго зодчества по губерніямъ.

Исторія мѣстнаго церковнаго зодчества.

Мѣстныя особенности иконописи.

Исторія мѣстной иконописи.

2) Гражданское зодчество въ области; памятники его; особенности; исторія.

3) Рѣзьба по дереву, кости, шитье, чеканное дѣло, кафельное производство, литье колоколовъ и т. п.

4) Утварь и ея особенности.

5) Одежда и ея особенности.

Вопросъ объ иноземномъ вліяніи:

1) вліяніе татарское,
2) польское,
3) голландское,
4) англійское.

IV. Составъ населенія.

Ипоземныя поселенія въ области въ эпоху историческую.

Болгарское вліяніе на населеніе области.

Татарскія поселенія края.

Насельники княжеской эпохи: инокняжещы и инородцы.

Насельники Московской эпохи.

V. Вопросы архивовѣдѣнія и пріемовъ занятій губернскихъ архивныхъ комиссій.

А) Описаніе положенія архивнаго дѣла въ губерніяхъ изслѣдуемой области. Вопросъ о выработкѣ правилъ и руководящихъ началъ для архивныхъ комиссій при пріемѣ, разборкѣ и описаніи архивныхъ матеріаловъ. Спеціально: вопросъ объ описяхъ, которыя удовлетворяли бы научнымъ требованіямъ.

Архивы волостныхъ правленій.

Архивы помѣщичьихъ и вотчинныхъ конторъ.

Семейные архивы.

Б) Вопросъ о пріемахъ, какими пользуются архивныя комиссіи при собираніи необходимыхъ данныхъ и памятниковъ.

Вопросъ о томъ, насколько возможно объединеніе этихъ пріемовъ.

17 марта, въ экстренномъ засѣданіи Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи, программа предположеннаго Съѣзда была утверждена, послѣ чего была избрана Комиссія для организаціи Съѣзда. Въ составъ Комиссіи вошли: почетный членъ Ярославской Архивной Комиссіи

И. А. Вахрамѣевъ и члены Комиссіи: проф. И. Я. Гурляндъ и М. А. Липинскій (впослѣдствіи избранный Предсѣдателемъ Ярославской Архивной Комиссіи). Собраніе выразило пожеланіе, чтобы Съѣздъ состоялся въ первой половинѣ августа 1901 г.

29 января 1901 г. Ярославскій Губернаторъ Гофмейстеръ Б. В. Штюрмеръ представилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія докладную записку, коей ходатайствовалъ о разрѣшеніи созвать Съѣздъ. 20 марта 1901 г. за № 7659, Временно Управлявшій Министерствомъ Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія И. А. Звѣревъ увѣдомилъ Ярославскаго Губернатора, что, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, онъ разрѣшаетъ созвать въ августѣ 1901 г., на 10 дней, въ г. Ярославлѣ „Областной Съѣздъ изслѣдователей исторіи и древностей Ростово-Суздальской Области“.

ДНЕВНИКЪ СЪѢЗДА.

I. Открытіе Съѣзда.

Открытіе Съѣзда состоялось 10 августа, въ 11½ ч. утра, въ залѣ Екатерининскаго дома призрѣнія ближняго.

Въ 11 ч. началось молебствіе, передъ началомъ котораго о. протоіерей Крыловъ прочиталъ нижеслѣдующее привѣтственное слово Съѣзду отсутствовавшаго по болѣзни архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго высокопреосвященнаго Іоанафана:

Досточтимые мужи науки, изслѣдователи родной старины!

Въ Богоспасаемомъ градѣ семъ Ярославлѣ уже не въ первый разъ составляется археологическій съѣздъ, или собраніе ученыхъ изслѣдователей родной старины... Это очень отрадно!.. Родная старина священна для насъ, а потому она нынѣ и охраняется бдительнымъ окомъ. Нынѣ мы уже стараемся хранить, можно сказать, всякій старинный остатокъ, всякій старинный осколокъ, обломокъ, потому что для насъ уже сознательно стала дорога жизнь нашихъ предковъ, съ которыми и всегда у насъ чувствовалась родная духовная связь. Мало того, мы нынѣ древностей стали искать, мы стали раскапывать курганы и, быть можетъ, могилы нашихъ древнихъ отцовъ, и все, что въ нихъ находимъ, собираемъ въ музеи для того, чтобы по этимъ останкамъ, какъ по книгѣ, читать древнюю жизнь, читать и поучаться... Нынѣ мы уже убѣдились, что наука о древностяхъ раскрываетъ намъ многое и многое важное. Она уже успѣла разсѣять предъ нами многія басни, освѣтить многія истины; она успѣла заставить насъ сознательно уважать старину; она показала намъ, что въ старинѣ много прекраснаго, что въ старинѣ много умнаго, добраго, терпѣливаго, скромнаго; она показала намъ, что въ старинѣ много честнаго, что старина жила вѣрою и вѣру свою подкрѣпляла терпѣніемъ. Словомъ сказать, наука о древностяхъ показала намъ весьма много такого, чего, пожалуй, не достаетъ и въ настоящее, въ своемъ родѣ, уже просвѣщенное время.

Посему съ радостію привѣтствую ваше пришествіе въ сей Божій храмъ.

Знаю, что ваши труды безкорыстны, что они движутся только любовію къ чистой наукѣ и пользамъ дорогого отечества, а потому отъ всей души желаю вамъ полнаго успѣха въ предстоящихъ занятіяхъ.

Остатковъ древности у насъ въ Ярославлѣ и кругомъ Ярославля должно быть очень и очень не мало. Самый градъ нашъ Ярославль своимъ именемъ напоминаетъ намъ имя своего Мудраго основателя, Ярослава I, т. е. начало XI вѣка. Среди святынь града Спасскій монастырь, что нынѣ архіерейскій домъ, есть обитель, основаніе которой относится

по крайней мѣрѣ въ XII вѣку; Спасопреображенскій храмъ основанъ великимъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ Мудрымъ въ 1216 году; Успенскій каѳедральный соборъ построенъ въ 1501 году, въ самомъ началѣ XVI вѣка. Почти всѣ нынѣ существующіе храмы въ г. Ярославлѣ, своею постройкою относятся къ половинѣ XVII вѣка. Кромѣ того, въ ярославскихъ храмахъ есть не мало древнихъ иконъ, крестовъ и другихъ священныхъ предметовъ изъ утвари церковной... Но, безъ всякаго сомнѣнія, въ нашемъ Богоспасаемомъ градѣ и окрестностяхъ его есть и еще не мало древнихъ останковъ, которые не поняты нами, или еще не открыты.

Такія надежды подкрѣпляетъ во мнѣ та особенная важность, которую нашъ ярославскій край имѣлъ въ исторіи отечества нашего.

Область, лежащая въ междурѣчьи рѣкъ Волги и Оки, есть центръ всей Европейской Россіи. Здѣсь, сказать можно, впервые завязался тотъ узелъ нашей общественной жизни, съ которымъ теперь уже соединилось все населеніе Восточной Европы и Сѣверной Азіи. Я говорю о томъ, что здѣсь, по тогдашнему,—въ странѣ лѣсовъ и болотъ, подъ вліяніемъ природы, если не скудной, то, по крайней мѣрѣ, очень умѣренной, въ глубокую древность мирно соединились двѣ націи: туземная финская и пришлая славянская; при чемъ, думается, не малую роль играли и варяги. Нація славянская шла сюда сначала отъ Великаго Новгорода: въ странѣ финновъ она построила свои города, напр., Ростовъ, Суздаль, а потомъ въ XII вѣкѣ она стала надвигаться сюда отъ славнаго Кіева. Не могу не думать, чтобы это замѣчательное соединеніе народностей не оставило послѣ себя болѣе или менѣе глубокихъ слѣдовъ. Затѣмъ, здѣсь, въ междурѣчьи Волги и Оки, сказать можно, впервые сложился у насъ тотъ политическій строй, которымъ доселѣ живетъ русскій народъ. Это я говорю о самодержавіи власти. Какъ извѣстно, начала самодержавія впервые были провозглашены именно здѣсь великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ и роднымъ братомъ его Всеволодомъ III. На думахъ и планахъ этихъ князей развилось потомъ и окрѣпло самодержавіе московскихъ князей и царей, такъ что при Великомъ Петрѣ московское царство было объявлено уже «Всероссійской Имперіей». Не думаю также, чтобы и это замѣчательное возростаніе силы и могущества нашей Великой Державы не оставило своихъ слѣдовъ въ нашей мѣстности, которая стояла къ этому вопросу такъ близко... Сверхъ того, мы знаемъ, что свѣтъ Христова ученія у насъ возсіялъ, можно сказать, немедленно послѣ крещенія Кіева. Такъ, проповѣдывать вѣру Христову въ Ростовѣ приходилъ самъ первый митрополитъ Михаилъ и съ нимъ четыре епископа. Затѣмъ, въ XI вѣкѣ въ дѣлѣ проповѣди Христова ученія много трудились ростовскій святитель Леонтій и Богоявленскій архимандритъ св. Авраамій. Трудами и неусыпными заботами сихъ святыхъ мужей вѣра Христова утвердилась здѣсь прочно и памятниковъ церковныхъ здѣсь много. Что мы доселѣ узнали, то и хранимъ; но посмотрите своимъ ученымъ и опытнымъ взоромъ,—быть можетъ, откроете и еще что-нибудь новое, посмотрите и объясните намъ, если чего-нибудь мы еще не понимаемъ или понимаемъ неправильно...

При семъ не могу не сказать своего душевнаго желанія: желаю, чтобы всѣ ваши открытія въ области родной старины, чтобы все ваше научное освѣщеніе было къ свѣту Христову. Время наше въ истинной наукѣ, какъ видите сами, очень нуждается. А посему, испрашивая благословеніе Божіе на предстоящія ваши ученыя занятія, молитвенно желаю: да восполнится обильно отъ вашихъ трудовъ наша сокровищница родной старины, да будутъ ваши открытія для насъ поучительными и всѣ изысканія для насъ вразумительными. Нашему времени дорого видѣть честь и честность нашихъ древнихъ отцовъ, нашему времени дорого видѣть ихъ трудъ и терпѣніе, нашему времени особенно драгоцѣнно видѣть

наглядно ту твердую вѣру въ Господа Бога и ту беззавѣтную преданность и вѣрность Престолу, съ которыми наша Русь не разъ выходила отъ края погибели.

Итакъ, благословеніе Господне на васъ Того благодатію и человѣколюбіемъ всегда нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ.

По окончаніи молебствія члены Съѣзда и посторонніе посѣтители, числомъ болѣе двухсотъ, собрались въ залѣ. Въ числѣ присутствовавшихъ находились слѣдующія лица: преосвященный Сергій, ярославскій губернаторъ Б. В. Штюрмеръ, костромской губернаторъ И. М. Леонтьевъ, предсѣдатель Императорской археологической комиссіи гр. А. А. Бобринскій, Д. И. Иловайскій, директоръ спб. археол. инст. Н. В. Покровскій проф. петербургскаго унив. С. Ѳ. Платоновъ, Е. И. Якушкинъ, директ. Демид. лицея С. М. Шпилевскій, профессора лицея, проф. И. А. Шляпкинъ, Н. Н. Дебольскій, гр. Гендриковъ, гр. В. В. Мусина-Пушкина, гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ и др.

Съѣздъ былъ открытъ ярославскимъ губернаторомъ Б. В. Штюрмеромъ, который высказалъ въ своей рѣчи привѣтствіе и благодарность собравшимся на Съѣздѣ дѣятелямъ археологической науки и указалъ на тотъ знаменательный фактъ, что 1-й областной Съѣздъ собрался въ одномъ изъ центровъ Ростово-Суздальской земли, гдѣ образовалась великорусская народность и развилось русское государственное начало.

Послѣ этого предсѣдатель Ярославской Архивной Комиссіи М. А. Липинскій познакомилъ присутствовавшихъ съ исторіей созыва областного Съѣзда. Въ заключеніе своей рѣчи М. А. Липинскій заявилъ отъ лица Ярославской Ученой Архивной Комиссіи, что Комиссія считаетъ, членовъ Съѣзда „своими дорогими гостями“, и выразилъ увѣренность что труды Съѣзда окажутся достойными общаго вниманія.

Графъ А. А. Бобринскій отъ лица археологической комиссіи выразилъ членамъ Съѣзда глубокую признательность. „Русскіе люди, — сказалъ ораторъ, — неохотно соединяются для совмѣстной работы — въ особенности люди науки“. Вслѣдствіе разрозненности дѣятелей науки „много недодѣланныхъ работъ скрыто могилой“, не сдѣлавшись общимъ достояніемъ. Поэтому настоящая энергическая попытка объединенія имѣетъ громадное значеніе. „Вы сѣете доброе, — сказалъ гр. А. А. Бобринскій, обращаясь къ членамъ Съѣзда,—и не далекъ тотъ часъ, когда вы увидите плоды своего посѣва“.

Каѳедру занялъ директоръ Демидовскаго юридическаго лицея, заслуж. проф. С. М. Шпилевскій, который произнесъ слѣдующую рѣчь:

Какъ представитель Демидовскаго юридическаго лицея, имѣю честь привѣтствовать открытіе въ Ярославлѣ перваго областного историко-археологическаго Съѣзда. Открытіе

этого Съѣзда должно признать важнымъ событіемъ въ исторіи развитія историческихъ знаній въ Россіи. Областной историко-археологическій Съѣздъ является новымъ, вполнѣ цѣлесообразнымъ средствомъ къ успѣшному изученію исторіи и древностей данной области. А важность исторій отдѣльныхъ областей признается въ настоящее время не только въ интересахъ мѣстныхъ, но и для исторіи всего государства. Въ объясненіе этого положенія, да позволено будетъ мнѣ указать на постепенное развитіе успѣховъ изученія областной исторіи и мѣстныхъ древностей.

На зарѣ своей учено-литературной дѣятельности, въ 1862 году, въ изслѣдованіи «Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства до Петра I», я имѣлъ право сказать, что до сихъ поръ наши историки, не обращая вниманія на областныя различія, разсказывали о событіяхъ какого-то однороднаго русскаго государства, продолжающагося отъ Рюрика до настоящаго времени. Всѣ особенности положенія и факты областной исторической жизни подводили тогда подъ одну идею правительственно-государственнаго централизаціоннаго развитія.

Только съ начала 60-хъ годовъ наши историки начали указывать на важное значеніе для русской исторіи самостоятельнаго развитія отдѣльныхъ областей. Въ 1861 г. въ этомъ смыслѣ высказались Костомаровъ и Щаповъ. Первый заявилъ, что древній русскій государственный строй представляетъ политическія общества, которыя, сохраняя каждое свою самобытность, не теряли между собою связи и единства, выражаемаго ихъ совокупностью. Щаповъ указалъ, что русская исторія въ самомъ основаніи своемъ есть по преимуществу исторія областей, разнообразныхъ ассоціацій, провинціальныхъ массъ народа. Въ 1864 г. И. Е. Забѣлинъ объяснялъ, что до тѣхъ поръ, пока областныя исторіи съ ихъ памятниками не будутъ раскрыты и подробно разсмотрѣны, до тѣхъ поръ всѣ наши общія историческія заключенія о существѣ нашей народности и ея различныхъ историческихъ и бытовыхъ проявленій будутъ голословны, шатки, даже легкомысленны.

Въ настоящее время наши историки твердо убѣждены въ необходимости изученія исторіи русскаго народа по развитію областей и въ возможности такимъ лишь путемъ придти къ правильнымъ общимъ выводамъ относительно исторіи всего государства. Въ этомъ историки сошлись съ естествоиспытателями, которые признали важнѣйшей своей задачей разработку естественно-историческихъ вопросовъ преимущественно по различіямъ того или другого края. Казанское общество естествоиспытателей, имѣющее цѣлью изученіе въ естественно-историческомъ отношеніи восточнаго края Россіи и Сибири, приняло девизомъ для своей печати слѣдующія слова: in specialibus generalia quaerimus. Такой девизъ не можетъ быть чуждъ и историкамъ.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія многое было сдѣлано на пользу изученія мѣстныхъ древностей; на это была направлена дѣятельность и отдѣльныхъ лицъ, и дѣятельность правительственныхъ учрежденій, ученыхъ обществъ, и одиннадцати археологическихъ съѣздовъ.

Я укажу, во-первыхъ, на исторіи отдѣльныхъ областей. Въ концѣ 50-хъ годовъ появилась «Исторія Н.-Новгорода» Храпцовскаго и «Исторія рязанскаго княжества» Иловайскаго, въ 1860 г.—«Исторія Галицкой Руси» проф. Смирнова. Въ началѣ 60-хъ годовъ покойный профессоръ Бѣляевъ задумалъ въ своихъ «Разсказахъ изъ русской исторіи» представить исторію всѣхъ княжествъ, впослѣдствіи вошедшихъ въ составъ московскаго государства, но ему удалось только написать исторію Новгорода, Пскова и Полоцка, т. е. сѣверо-западной Руси. Затѣмъ по исторіи Новгорода и Пскова появились изслѣдованія Костомарова и Никитскаго. Далѣе слѣдуютъ «Исторія тверского княжества» Борзаковскаго, исто-

рія той области, изученіе которой въ историко-археологическомъ отношеніи составляетъ предметъ занятій настоящаго Съѣзда—это почтенный трудъ проф. Корсакова «Меря и ростовское княжество».

Особенно благотворною является дѣятельность кіевскаго проф. Антоновича, которому удалось создать цѣлую школу изъ своихъ бывшихъ слушателей, занявшихся изученіемъ исторіи русскихъ областей, вошедшихъ въ составъ великаго княжества Литовскаго; сюда принадлежатъ исторіи земель: Кіевской, Сѣверской, Переяславской, Волынской, Подольской, Дреговичской, Смоленской и Полоцкой. Исторія русскихъ областей, входившихъ въ составъ вел. княжества Литовскаго, была еще обработана разными учеными въ изданіяхъ извѣстнаго дѣятеля сѣверо-западнаго края П. Н. Батюшкова. Этотъ длинный рядъ областныхъ исторій можетъ быть еще дополненъ; но я, боясь утомить ваше вниманіе, ограничиваюсь указаннымъ и перехожу къ другимъ способамъ изученія мѣстныхъ древностей.

Многія провинціальныя правительственныя учрежденія и ученыя общества имѣютъ своею задачею изученіе мѣстныхъ древнихъ памятниковъ письменныхъ и вещественныхъ: таковы археографическія комиссіи Кіевская и Виленская, губернскія ученыя архивныя комиссіи, Казанское общество археологіи, исторіи и этнографіи, историч. общ. лѣтописца Нестора въ Кіевѣ. Эти учрежденія и общества, исполняя задачи своего существованія, напечатали въ многочисленныхъ изданіяхъ тексты памятниковъ письменныхъ, описанія вещественныхъ памятниковъ и многія историко-археологическія изслѣдованія.

Археологическіе съѣзды признавали своею важною задачею изученіе древностей всего района, который исторически тяготѣетъ въ городу, гдѣ съѣздъ собирается. Эту задачу бывшіе съѣзды исполнили съ полнымъ успѣхомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ изданные труды съѣздовъ, заключающіе въ себѣ многія историко-археологическія изслѣдованія, относящіяся къ району того или другого съѣзда. Очень важное значеніе съѣздовъ обнаруживается и въ томъ, что благодаря имъ поднимается интересъ къ изученію мѣстныхъ древностей; съѣздъ возбуждаетъ къ усиленнымъ историко-археологическимъ занятіямъ, привлекая къ этому мѣстныхъ спеціалистовъ и даже открывая новыхъ дѣятелей для такихъ занятій. Съѣздъ соединяетъ разрозненныя мѣстныя силы, которыя по закрытіи съѣзда могутъ организоваться въ ученое общество, для продолженія историко-археологическаго изученія своего роднаго края; таково, напр., происхожденіе Казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи.

Всѣ указанныя благотворныя вліянія съѣздовъ всероссійскихъ на изученіе древностей опредѣленнаго района еще въ большей степени должны проявиться въ съѣздахъ областныхъ, благодаря болѣе ограниченной задачѣ послѣднихъ, составляющей изученіе древностей только одной области, безъ конкуренціи интересовъ областныхъ съ всероссійскимъ и даже съ интересомъ изученія древностей западно-славянскихъ, классическихъ, византійскихъ и восточныхъ.

Каждая область съ своимъ особымъ историческимъ прошлымъ имѣетъ свои особенно важные для нея интересы. Для области Ростово-Суздальской, бывшей Мерянской земли, первымъ такимъ вопросомъ является вопросъ о происхожденіи великорусской народности, которая здѣсь получила свое начало, затѣмъ важнымъ мѣстнымъ интересомъ является изученіе памятниковъ церковной древности, которыми такъ богата наша область. Какъ видно изъ заявленныхъ рефератовъ, открывающійся съѣздъ остановится на указанныхъ вопросахъ.

Было бы несправедливо предъявлять къ первому областному историко-археологическому Съѣзду особенно строгія требованія, но нѣтъ также никакихъ основаній бояться неудачи этого Съѣзда; напротивъ, въ виду участія въ немъ выдающихся представителей рус-

ской исторіи, филологіи, церковной и доисторической археологіи, отъ настоящаго съѣзда должно ожидать благотворныхъ результатовъ. Кланяемся Вамъ, наши гости, мужи науки, и просимъ Вашего общенія съ нами въ изученіи исторіи и древностей Ростово-Суздальской земли.

Вслѣдъ за этой рѣчью послѣдовала рѣчь директора археологическаго института, проф. Н. В. Покровскаго.

Милостивыя Государыни,
Милостивые Государи!

Изученіе памятниковъ старины въ мѣстныхъ и областныхъ группахъ даетъ прочные устои для цѣльнаго построенія научныхъ археологическихъ системъ или дисциплинъ. Не изучивъ отдѣльныхъ памятниковъ и не сведя ихъ въ правильныя группы, мы не можемъ достигнуть широкихъ научныхъ обобщеній и составить вѣрное понятіе о цѣломъ: таковъ общеизвѣстный законъ индукціи. Вотъ почему областной археологическій Съѣздъ въ Ярославлѣ, задачу котораго составляетъ объединеніе мѣстныхъ ученыхъ силъ и возбужденіе въ обществѣ живого интереса къ старинѣ, долженъ быть привѣтствуемъ съ живѣйшею радостію. По счастливому стеченію обстоятельствъ первый областной Съѣздъ собирается въ Ярославлѣ, въ одномъ изъ крупныхъ средоточій Ростово-Суздальской области. Область эта съ незапамятныхъ временъ была населена, и уже около 1000 лѣтъ тому назадъ господствующее положеніе здѣсь принадлежало русскимъ. Быстро развилась и окрѣпла эта область, благодаря счастливому географическому положенію. Воскресить остатки ея древней культуры, заставить говорить и камни — задача современной науки. Начала этой работы уже исполнены учредителемъ археологическихъ съѣздовъ графомъ А. С. Уваровымъ. Съ успѣхомъ продолжаютъ начатое дѣло представители современной науки и мѣстныя архивныя комиссіи. Они подвигаютъ впередъ изученіе первобытныхъ древностей, рукописей, архивовъ. Но обо всемъ этомъ, вѣроятно, сообщено будетъ въ рефератахъ Съѣзда. Я обращу ваше просвѣщенное вниманіе на тѣ группы памятниковъ, которые служатъ лучшимъ украшеніемъ страны и которые языкомъ художественныхъ формъ повѣствуютъ намъ о культурѣ нашихъ предковъ,—разумѣю памятники искусствъ, особенно архитектуры и живописи. Древнѣйшихъ представителей ихъ мы видимъ во Владиміро-Суздалѣ, а эпоха блестящаго развитія ихъ на началахъ національности нашла наиболѣе яркое выраженіе въ Ярославлѣ. И нигдѣ, кромѣ Москвы съ ея сорока сороками церквей, мы не найдемъ такого изобилія архитектурныхъ памятниковъ XVI—XVII в., какъ въ Ярославлѣ. Они построены здѣсь въ тѣхъ же самыхъ разнообразныхъ формахъ, что и храмы Москвы, естественнаго средоточія русскаго искусства въ блестящую эпоху его развитія. Сравнивая эти памятники, разсыпанные здѣсь щедрою рукою, мы замѣчаемъ, какъ сильно бился здѣсь художественный пульсъ и какъ онъ достигъ послѣдней степени напряженія въ роскошномъ храмѣ І. Предтечи въ Толчковѣ. Внушительное величіе, стройная красота линій, роскошь и изобиліе архитектурныхъ деталей, разсыпанныхъ по всѣмъ наружнымъ поверхностямъ храма, три пятерицы золотыхъ маковицъ, роскошныя крыльца, изразцовыя украшенія разныхъ рисунковъ и колеровъ,—все это дѣлаетъ его единственнымъ русскимъ сооруженіемъ въ своемъ родѣ.

Какъ храмъ І. Предтечи, такъ почти и всѣ другіе Ярославскіе храмы обильно украшены настѣнною живописью; сюда относятся: Спасопреображенскій соборъ, ц. Ильинская, І. Предтечи, Николонадѣинская, Николомокринская, Ѳедоровская, Іоанна Златоуста въ Ко-

ровникахъ, Христорождественская, Петропавловская, Богоявленская, Спасонагородская, Крестовоздвиженская, Варваринская, Крестовоздвиженскій соборъ въ Романовѣ, Софійскій соборъ и ц. Іоанна Предтечи въ Вологдѣ, ц. Спаса на Сѣняхъ въ Ростовѣ, соборъ Ипатьевскаго монастыря, соборъ Богоявленскаго монастыря и ц. Воскресенія на Дебрѣ въ Костромѣ. Всѣ внутреннія поверхности этихъ храмовъ покрыты сплошнымъ ковромъ живописи. Въ содержаніи ихъ стѣнописей передана цѣлая энциклопедія знаній XVII в. Здѣсь ветхій и новый завѣтъ, общая и русская церковная исторія, лимонари и эсхатологическія сочиненія. Творцы этихъ стѣнописей—русскіе иконописцы; имена ихъ записаны на стѣнахъ храмовъ (ц. Ильинская, Ипат. мон. и др.). Иконописцы эти принадлежали къ числу городовыхъ иконописцевъ царской школы Алексѣя Михаиловича: вотъ почему произведенія ихъ сходны по стилю съ московскими. Ясно, что въ XVII в. въ разсматриваемой мѣстности искусство стояло очень высоко; центръ его—царская школа.

Не смѣю утомлять вашего вниманія подробностями и закончу свою рѣчь ссылкою на то, что Ярославскій Съѣздъ собирается при лучшихъ предзнаменованіяхъ въ одномъ изъ крупныхъ центровъ нашей художественной старины; многое здѣсь уже уяснено, но многое еще покрыто мракомъ неизвѣстности. Много здѣсь старинныхъ иконъ, шитья, металлическихъ произведеній, рѣзьбы по дереву. Изученіе этой старины имѣетъ не только одно историческое значеніе, но и практическое: въ ней заключаются корни возрожденія нашего искусства въ духѣ національности: къ этому подъему направлены теперь наши лучшія художественныя и научныя силы.

Послѣдняя рѣчь была произнесена представителемъ Костромской Ученой Архивной Комиссіи Н. М. Бекаревичемъ.

Ваше Преосвященство!

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Привѣтъ и добрыя пожеланія шлетъ наша Костромская Архивная Комиссія своей Ярославской сосѣдкѣ. Задуманное ею дѣло объединенія работы смежныхъ архивныхъ комиссій на поприщѣ изученія Ростово-Суздальской земли нынѣ осуществляется. Задача трудная. Исполненіе ея, конечно, потребуетъ цѣлаго ряда лѣтъ, но нынѣ, какъ первые кирпичи будущаго зданія, какъ залогъ будущихъ совмѣстныхъ работъ, представляются наши посильные труды и работы.

Принявъ съ особеннымъ вниманіемъ на предстоящихъ собраніяхъ критерій своимъ работамъ отъ гг. спеціалистовъ, пожаловавшихъ для руководства и участія въ Съѣздѣ, услыша запросы, наша Архивная Комиссія поставитъ себѣ непремѣнной задачей въ ближайшемъ же будущемъ восполнить пробѣлы, недомолвки, быть-можетъ и ошибки... дабы при слѣдующемъ «свиданіи» принести свою посильную ленту.

На кликнутый Ярославской Архивной Комиссіей кличъ Костромская ея сестра отозвалась первой, какъ это было упомянуто въ рѣчи нашего почетнаго члена Б. В. Штюрмера въ бытность его 8-го октября прошлаго года въ гор. Костромѣ на засѣданіи Архивной Комиссіи.

Да, Костромская Архивная Комиссія очень близко принимаетъ къ сердцу этотъ Ярославскій вызовъ, ибо, любя изученіе памятниковъ своего края, любитъ вмѣстѣ съ тѣмъ все то, что связуетъ и близитъ къ выясненію историческихъ данныхъ дорогой родины.

Вмѣстѣ съ симъ наша Комиссія проситъ милостиваго снисхожденія гг. ученыхъ, пожаловавшихъ на Съѣздъ, какъ къ представляемымъ трудамъ, такъ равнымъ образомъ и къ привезеннымъ на археологическую выставку коллекціямъ, и всѣ замѣчанія спеціалистовъ приметъ съ глубочайшей благодарностью.

Въ заключеніе наша Архивная Комиссія считаетъ долгомъ принести глубокую сердечную благодарность Непремѣнному Попечителю Ярославской Архивной Комиссіи Его Превосходительству Борису Владиміровичу Штюрмеру и гг. членамъ Комиссіи, принявшимъ на себя трудъ по устройству Областного Съѣзда. Дружная совмѣстная работа да дастъ и силы, и энергію исполнить намѣченную задачу.

Въ заключеніе Съѣздъ выслушалъ привѣтствія, полученныя отъ разныхъ лицъ, сочувствовавшихъ дѣлу Съѣзда, но по различнымъ причинамъ не имѣвшихъ возможности прибыть на Съѣздъ. Привѣтствія прислали: проф. Э. Н. Берендсъ, г. Бранденбургъ, г. Барщевскій, И. А. Вахрамѣевъ, В. Т. Георгіевскій, П. А. Гильтебрандтъ, г. Гавриловъ, И. Е. Забѣлинъ, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Корсаковъ, проф. А. И. Маркевичъ, предсѣдатель Пермской Архивной Комиссіи г. Малченко, г. Мельниковъ, кн. Путятинъ, кн. Прозоровскій - Голицынъ, В. И. Сизовъ, г. Сабанѣевъ, Н. Н. Тучковъ, г. Трутовскій, А. А. Титовъ, предсѣдатель Владимірской Архивной Комиссіи г. Хвостовъ, гр. С. Д. Шереметевъ.

II. Выставка.

По окончаніи торжественнаго засѣданія члены Съѣзда и посторонніе посѣтители приступили къ осмотру выставки Съѣзда, которая была устроена въ томъ же Екатерининскомъ домѣ.

Въ выставкѣ приняли участіе четыре Архивныя Комиссіи: Тверская, Костромская, Нижегородская и Ярославская. Самый богатый по количеству памятниковъ отдѣлъ выставки принадлежалъ Костромской Архивной Комиссіи. Объясненія выставочныхъ предметовъ въ костромскомъ отдѣлѣ давалъ непремѣнный членъ Костромской Архивной Комиссіи Н. М. Бекаревичъ. Въ числѣ выставленныхъ памятниковъ древности здѣсь находились слѣдующіе: рѣзныя изъ дерева изображенія святыхъ, изъ нихъ особенно замѣчательны—Николы Можайскаго и Параскевы Пятницы, также Варвары Великомученицы, изображеніе которой представлено въ русскомъ костюмѣ; затѣмъ—вериги желѣзныя въ видѣ пояса, древнія иконы, въ числѣ которыхъ находилась икона св. Христофора, на которой святой изображенъ съ песьей головой. Затѣмъ — царскія врата, замѣчательныя восковыя свѣчи изящной ажурной работы, вѣнцы, въ числѣ которыхъ имѣлись плетеные, долбленые

изъ дерева, лубочные, желѣзные. Далѣе была выставлена богатая коллекція издѣлій каменнаго вѣка. Наконецъ,—большая коллекція головныхъ уборовъ, разнаго шитья съ изображеніемъ бытовыхъ сценъ, шитыхъ концовъ полотенецъ, душегрѣекъ, повязокъ. Представляла нѣкоторый интересъ и модель кургана съ могильными костяками. Тутъ же находились и фотографическіе снимки, сдѣланные во время раскопокъ.

Въ Ярославскомъ отдѣлѣ выставки обращали на себя вниманіе: богатый подборъ изразцовъ, предметы рѣзьбы по дереву, глиняныя издѣлія (посуда), предметы обстановки и нѣкоторыя церковныя вещи, изъ которыхъ замѣчательны: фонарь со слюдой XVII вѣка (рѣдкій экземпляръ), царскія врата рѣзныя. Изъ гражданскихъ памятниковъ обращали на себя вниманіе: зеркало, обложенное расписанной слюдой, свѣчной ящикъ рѣзной, поставецъ раскрашенный; отъ Ростовскаго музея церковныхъ древностей—памятникъ XV вѣка съ завѣщаніемъ. Кромѣ того, въ Ярославскомъ отдѣлѣ обращали на себя вниманіе желѣзныя издѣлія, особенно петли съ трампованными узорами, огниво, подсвѣчники и пр.

Изъ предметовъ Тверского отдѣла выставки представляли интересъ древнія иконы, изъ нихъ особенно иконы: св. Дмитрія и Романа, Діонисія, 7 отроковъ въ пещи, эмалевый рѣзной образъ архангела Михаила. Комиссія выставила и свою извѣстную коллекцію предметовъ каменнаго вѣка, а также коллекцію древнихъ крестовъ.

Нижегородская Архив. Комиссія выставила главнымъ образомъ фотографіи. Особенно интереснъ альбомъ Семеновскаго уѣзда; здѣсь имѣлись различные виды скитовъ, типы, костюмы.

Особое мѣсто (въ отдѣлѣ Тверской комиссіи) заняла коллекція П. И. Щукина. Изъ выставленныхъ предметовъ обращали вниманіе рисунки города Ярославля и отдѣльныхъ зданій, съ подробностями, уже не существующими; рисунки относятся къ 40-мъ годамъ прошлаго вѣка; они сдѣланы извѣстнымъ ярославскимъ художникомъ Бѣлоноговымъ; также финифтяныя работы (портреты) ростовскихъ мастеровъ, скатерти работы ярославскихъ фабрикъ и нѣкоторыя другія вещи.

III. Бюро Съѣзда.

10-го августа, въ 5 ч. дня, члены Съѣзда собрались въ помѣщеніи Ярославской Ученой Архивной Комиссіи для избранія бюро Съѣзда. Предсѣдатель Комиссіи М. А. Липинскій доложилъ, что, созвавъ Съѣздъ, Ярославская Архивная Комиссія считаетъ свою задачу исполненной и передаетъ дальнѣйшія распорядительныя дѣйствія въ руки членовъ

Съѣзда. Проф. Платоновъ предложилъ избрать почетнымъ предсѣдателемъ Съѣзда, въ виду заслугъ по созыву перваго областного археологическаго Съѣзда, гофмейстера Б. В. Штюрмера, а предсѣдателемъ—директора Лицея С. М. Шпилевскаго. Это предложеніе было встрѣчено шумными рукоплесканіями. С. М. Шпилевскій предложилъ избрать предсѣдателей для каждаго засѣданія Съѣзда. Предсѣдателями были избраны: для засѣданія по первобытнымъ древностямъ—графъ А. А. Бобринскій, по церковнымъ древностямъ—профессоръ Н. В. Покровскій, по живой старинѣ и филологіи—академикъ А. И. Соболевскій, по исторіи (для трехъ засѣданій)—профессораС. Ѳ. Платоновъ, Н. Д. Чечулинъ и И. А. Шляпкинъ. Д. И. Иловайскій, по предложенію Н. В. Покровскаго, былъ избранъ особымъ почетнымъ предсѣдателемъ того засѣданія Съѣзда, которое должно будетъ состояться въ г. Ростовѣ.

Секретаремъ Съѣзда, по предложенію С. М. Шпилевскаго и проф. С. Ѳ. Платонова, былъ избранъ проф. И. Я. Гурляндъ.

IV. Программа занятій Съѣзда.

Вновь избранное бюро въ тотъ же день приступило къ избранію секретарей на отдѣльныя засѣданія и къ установленію программы занятій Съѣзда.

Было рѣшено: 1) имѣть шесть засѣданій Съѣзда, изъ которыхъ послѣднее должно происходить въ г. Ростовѣ; 2) засѣданія назначить въ слѣдующемъ порядкѣ: а) 11 августа—утреннее, по вопросамъ первобытныхъ древностей, подъ предсѣдательствомъ гр. А. А. Бобринскаго, при секретаряхъ гр. А. Д. Гендриковѣ и А. А. Мироновѣ; б) 11 августа—вечернее, по вопросамъ церковныхъ древностей, подъ предсѣдательствомъ проф. Н. В. Покровскаго, при секретаряхъ Н. Н. Дебольскомъ и В. И. Успенскомъ; в) 12 августа—вечернее, по вопросамъ русской исторіи, подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѳ. Платонова, при секретаряхъ проф. С. М. Середонинѣ и А. А. Мироновѣ; г) 13 августа—утреннее, по вопросамъ русской исторіи, подъ предсѣдательствомъ Н. Д. Чечулина, при секретаряхъ гр. А. Д. Гендриковѣ и А. А. Мироновѣ; д) 13 августа—вечернее, по вопросамъ живой старины и филологіи, подъ предсѣдательствомъ академика А. И. Соболевскаго, при секретарѣ А. С. Раевскомъ; е) 14 августа—дневное, въ г. Ростовѣ, въ Бѣлой Палатѣ, при почетномъ предсѣдателѣ Д. И. Иловайскомъ, подъ предсѣдательствомъ проф. И. А. Шляпкина, при секретарѣ В. И. Успенскомъ.

Поступившіе въ бюро Съѣзда доклады были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 11 августа—утреннее засѣданіе. Доклады: 1) П. А. Ильинскаго — „Памяти Н. Н. Селифонтова“. 2) Н. М. Бекаревича — „О каменномъ вѣкѣ въ Костромской губерніи“. 3) Гр. А. А. Бобринскаго — „О нѣкоторыхъ символическихъ знакахъ, общихъ первобытной орнаментикѣ всѣхъ народовъ Европы и Азіи“. 4) Н. М. Бекаревича — „Курганныя раскопки въ Костромской губерніи“.

11 августа—вечернее засѣданіе. Доклады: 1) о. С. Соколова—„О мѣрахъ охраненія церковныхъ памятниковъ“. 2) Проф. И. А. Шляпкина — „О сохраненіи и собираніи изразцовъ“. 3) І. Я. Сырцова — „Усыпальницы бояръ Годуновыхъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ“. 4) И. В. Баженова — „О Воскресенской церкви, что на Дебрѣ, въ г. Костромѣ“. 5) И. А. Иванова—„Голландскія надписи на колоколахъ“.

12 августа—вечернее засѣданіе. Доклады: 1) М. А. Липинскаго — „Несвободное земледѣльческое населеніе въ началѣ XVII вѣка по даннымъ Угличскихъ писцовыхъ книгъ“. 2) Проф. И. Я. Гурлянда — „О ракѣ св. мощей Василія и Константина въ Ярославскомъ Успенскомъ соборѣ (1665 г.)“. 3) Проф. И. Я. Гурлянда—„О можжевеловой повинности въ Ярославскомъ уѣздѣ во второй половинѣ XVII в.“. 4) Н. Д. Чечулина—„Къ вопросу о распространеніи въ Московскомъ государствѣ иноземныхъ вліяній“.

13 августа—утреннее засѣданіе. Доклады: 1) А. А. Садовскаго—„О населенныхъ пунктахъ Нижегородской губерніи XVII вѣка“. 2) С. П. Писарева—„О св. князѣ Андреѣ“. 3) Л. Н. Трефолева—„Изъ семейныхъ бумагъ Алалыкиныхъ“. 4) Проф. С. Ѳ. Платонова—„О топографіи Углицкаго „кремля“ въ XVI—XVII вв.“

13 августа—вечернее засѣданіе. Доклады: 1) В. И. Колосова—„О надписи на Стерженскомъ керстѣ“. 2) Академика А. И. Соболевскаго—„Откуда шло русское колонизаціонное движеніе въ Ростово-Суздальской землѣ по даннымъ діалектологіи“. 3) В. А. Андронникова—„Живая старина въ Костромской губерніи“. 4) Проф. И. А. Шляпкина — „Объ изданіи сборника древнихъ вещевыхъ надписей“.

14 августа, дневное засѣданіе. Докладъ Е. В. Барсова „Изъ исторіи колонизаціи и культуры Ростовскаго края“.

V. Осмотры и поѣздки.

10 августа членами Съѣзда были осмотрѣны: Спасскій соборъ съ ризницей при немъ, храмъ пророка Ильи, на Ильинской площади, и

храмъ пророка Іоанна Предтечи, въ Толчковѣ. Объясненія все время давали проф. Н. В. Покровскій и проф. И. А. Шляпкинъ.

12 августа члены Съѣзда осматривали Толгскій монастырь, послѣ чего были приняты высокопреосвященнымъ Іонаѳаномъ, архіепископомъ ярославскимъ и ростовскимъ, въ покояхъ коего гостямъ былъ предложенъ завтракъ.

Изъ Толгскаго монастыря члены Съѣзда отправились въ село Михайловское на раскопки. Здѣсь, на церковной землѣ, въ полуверстѣ отъ села, курганы занимаютъ весьма значительную площадь. Насчитывается ихъ до 500. Изслѣдованы весьма немногіе.

Къ прибытію членовъ Съѣзда были уже заранѣе разрыты два кургана съ найденными въ нихъ костяками.

Раскопанные курганы были подробно осмотрѣны; затѣмъ члены Съѣзда рѣшили произвести сами нѣсколько раскопокъ. Руководили раскопками: графъ А. А. Бобринскій, Я. А. Ушаковъ, И. А. Тихомировъ, Н. М. Бекаревичъ, В. И. Колосовъ.

Изъ пяти раскопанныхъ кургановъ, помимо зольнаго слоя, глиняныхъ черепковъ, которые попадались во всѣхъ, въ трехъ были обнаружены слѣдующія находки. Въ одномъ И. А. Тихомировъ нашелъ цѣлый глиняный горшокъ, наполненный кусочками пережженныхъ костей и угольями; горшокъ съ наружной стороны имѣлъ признаки орнаментовъ. Въ другомъ курганѣ Н. М. Бекаревичъ нашелъ хорошо сохранившійся костякъ; костякъ лежалъ горизонтально; черепъ повернутъ на правую сторону, нижнія конечности параллельно вытянуты, верхнія лежали одна на другой съ лѣвой стороны. Около костяка съ лѣвой стороны былъ найденъ небольшой загнутый кусокъ желѣза заостренной формы. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ перваго костяка былъ обнаруженъ другой маленькій костякъ. Въ третьемъ курганѣ, у Я. А. Ушакова, также былъ найденъ костякъ, но плохо сохранившійся.

Послѣ раскопокъ члены Съѣзда посѣтили Михайловскую церковь, гдѣ мѣстный священникъ о. Н. Виноградовъ показалъ, между прочимъ, интересное Евангеліе XVII вѣка и эмалевый образъ Божіей Матери.

Часть членовъ Съѣзда отправилась въ сосѣдній лѣсъ, принадлежащій г. Мирковичу. Тамъ были также произведены раскопки. Изъ раскопанныхъ кургановъ въ данномъ мѣстѣ найдены были: бронзовое кольцо, такая же застежка и сохранившійся черепъ.

13 августа, послѣ утренняго засѣданія, члены Съѣзда осматривали фабрику Большой Ярославской Мануфактуры.

14 августа, по пріѣздѣ въ Ростовъ, члены Съѣзда осматривали Успенскій каѳедральный соборъ, домовую церковь Спаса на Сѣняхъ,

княжескіе древніе терема, храмы св. Григорія Богослова, Іоанна Богослова и знаменитый храмъ Словущаго Воскресенія. Передъ обѣдомъ, который былъ предложенъ хранителемъ Бѣлой Палаты И. А. Шляковымъ, члены Съѣзда осматривали Бѣлую Палату. Объясненія давали проф. Н. В. Покровскій, проф. И. А. Шляпкинъ и И. А. Шляковъ.

VI. Закрытіе Съѣзда.

Для закрытія Съѣзда было назначено торжественное засѣданіе, по окончаніи дневного засѣданія въ г. Ростовѣ, 14 августа. Предсѣдательствовалъ почетный предсѣдатель Съѣзда Б. В. Штюрмеръ. Охарактеризовавъ въ немногихъ словахъ дѣятельность Съѣзда, предсѣдатель поставилъ на разрѣшеніе членовъ Съѣзда вопросъ о желательности періодическаго повторенія областныхъ съѣздовъ. Собраніе единогласно признало насущную необходимость періодическаго созыва съѣздовъ.

Послѣ этого предсѣдатель поставилъ другой вопросъ: когда созвать слѣдующій областной Съѣздъ.

Въ виду того, что, по разъясненію предсѣдателя, въ 1902 году соберется всероссійскій археологическій Съѣздъ въ Харьковѣ, слѣдующій областной Съѣздъ единогласно назначенъ на 10 августа 1903 г., т. е. черезъ 2 года.

Третій вопросъ—о мѣстѣ собранія Съѣзда—вызвалъ большія разногласія. Представители Костромской Архивной Комиссіи, отъ имени непремѣннаго попечителя ея, предложили собрать слѣдующій Съѣздъ въ г. Костромѣ, тогда какъ члены Тверской Комиссіи просили избрать мѣстомъ Съѣзда гор. Тверь, а депутатъ Владимірской Комиссіи — Владиміръ.

Въ виду того, что вопросъ вызвалъ разногласія, предсѣдатель поставилъ его на баллотировку. Въ результатѣ голосованія мѣстомъ собранія слѣдующаго Съѣзда была избрана Тверь.

Далѣе предсѣдатель предложилъ вопросъ объ организаціи Съѣзда. Было признано необходимымъ предоставить Тверской Архивной Комиссіи полную свободу дѣйствій въ этомъ отношеніи, но отдѣльными членами собранія были высказаны слѣдующія два пожеланія: 1) желательно, чтобы комитетъ по устройству Съѣзда ввелъ въ организаціонное бюро представителей другихъ Архивныхъ Комиссій; 2) желательна на слѣдующемъ Съѣздѣ особая секція архивовѣденія.

Въ заключеніе торжественнаго засѣданія былъ произнесенъ рядъ рѣчей.

Первымъ говорилъ проф. С. Ѳ. Платоновъ.

Прежде всего онъ указалъ на одну отрадную особенность Ярославскаго Съѣзда, которая выгодно отличала его отъ всѣхъ извѣстныхъ ему археологическихъ съѣздовъ прежняго времени. Особенность эта—въ томъ, что заключительное засѣданіе Съѣзда посвящено свободной и непринужденной оцѣнкѣ сдѣланнаго и пережитаго на Съѣздѣ. Критическій пересмотръ дѣятельности Съѣзда, произведенный на мѣстѣ, всего лучше можетъ обнаружить и достоинства и недостатки ея и послужитъ лучшимъ залогомъ успѣха послѣдующихъ областныхъ Съѣздовъ, которые сумѣютъ избѣжать обнаруженныхъ здѣсь недочетовъ и сознательно воспримутъ всѣ добрыя начинанія перваго Съѣзда. Перейдя затѣмъ къ ближайшему обзору того, чему посвящены были историческія засѣданія Съѣзда, С. Ѳ. Платоновъ указалъ на то, что всѣ рефераты и сообщенія, согласно программѣ Съѣзда, были посвящены исторіи мѣстной и имѣли предметомъ или описаніе историческихъ памятниковъ, или изслѣдованіе отдѣльныхъ фактовъ изъ исторіи края, или, наконецъ, анализъ общерусскихъ общественныхъ отношеній, построенный на историческихъ матеріалахъ мѣстнаго происхожденія. Признавая нѣсколько случайный подборъ темъ прочитанныхъ рефератовъ, говорившій призналъ, съ другой стороны, и то, что самое построеніе рефератовъ могло бы быть иногда измѣнено въ видахъ большаго приспособленія къ обстановкѣ, въ которой они произносились. Обыкновенно читалось цѣликомъ все изслѣдованіе съ мелочами ученой аргументаціи. Было бы желательно въ рефератѣ видѣть прежде всего объясненіе самой темы и ея спеціальнаго значенія, затѣмъ характеристику матеріаловъ, легшихъ въ основу изложенія, и, наконецъ, изложеніе выводовъ, къ которымъ пришелъ референтъ. Мелкія подробности выяснялись бы при такомъ порядкѣ, по мѣрѣ нужды, послѣ чтенія реферата, въ живой бесѣдѣ, для которой оставалось бы больше времени. Пожеланіе это однако слѣдуетъ высказать съ оговоркою, что достиженіе такого однообразія въ построеніи рефератовъ далеко не легко и не должно быть предметомъ принудительной регламентаціи. Закончилъ свою рѣчь С. Ѳ. Платоновъ пожеланіемъ успѣха дѣлу областныхъ Съѣздовъ, въ которыхъ слѣдуетъ видѣть наиболѣе удобную и удачную форму ученаго общенія изслѣдователей и любителей родной старины.

Послѣ рѣчи проф. С. Ѳ. Платонова нѣсколько словъ сказалъ Н. Д. Чечулинъ. Онъ остановился на оцѣнкѣ тѣхъ вполнѣ отрадныхъ впечатлѣній, которыя имъ вынесены изъ всего видѣннаго и выслушаннаго на Съѣздѣ, и выразилъ увѣренность, что дѣло областныхъ Съѣздовъ—живое и плодотворное дѣло.

Затѣмъ слѣдовала рѣчь гр. А. А. Бобринскаго. Сдѣлавъ подробный подсчетъ всему тому, что, по его мнѣнію, до сихъ поръ сдѣлано мѣстными комиссіями въ области археологіи, онъ констатировалъ энергію и добросовѣстность мѣстныхъ изслѣдователей, но рядомъ съ этимъ призывалъ ихъ къ большему спокойствію, къ меньшей торопливости, а, главное, убѣждалъ посвящать силы и средства обработкѣ того, что уже добыто, а не дальнѣйшему добыванію все новаго и новаго матеріяла, столь часто теряющаго научную цѣнность, вслѣдствіе недостаточно внимательнаго его изученія.

Проф. И. А. Шляпкинъ пригласилъ Съѣздъ выразить устроителямъ Съѣзда искреннюю благодарность за радушіе и гостепріимство.

Съѣздъ благодарилъ непремѣннаго попечителя Арх. Комиссіи Б. В. Штюрмера, предсѣдателя Комиссіи М. А. Липинскаго и секретаря областного Съѣзда проф. И. Я. Гурлянда.

Е. В. Барсовъ отмѣтилъ тотъ дружественный характеръ, которымъ отличался первый областной Съѣздъ, при чемъ отмѣтилъ, что пренія, даже въ случаяхъ сильнаго разногласія между оппонентами, не вызывали никакого обостренія.

Предсѣдатель Тверской Архивной Комиссіи И. А. Ивановъ предложилъ выразить глубокую благодарность главному иниціатору всего дѣла, непремѣнному попечителю Ярославской Архивной Комиссіи, Б. В. Штюрмеру. Отвѣчая на это предложеніе, Б. В. Штюрмеръ указалъ на ту дѣятельную помощь, которую внесъ въ дѣло устройства Съѣзда проф. Н. В. Покровскій, содѣйствовавшій устраненію разныхъ препятствій. Н. В. Покровскій въ отвѣтной рѣчи заявилъ, что онъ не видитъ въ своихъ дѣйствіяхъ никакой заслуги, ибо, любя науку, онъ естественно всѣми силами заботится о ея процвѣтаніи.

Академикъ А. И. Соболевскій сказалъ въ своей рѣчи, что за послѣднія 15 лѣтъ, въ теченіе которыхъ ему приходилось присутствовать на археологическихъ съѣздахъ, ни одинъ Съѣздъ не былъ такъ удаченъ, какъ этотъ.

Передъ закрытіемъ Съѣзда предсѣдатель Б. В. Штюрмеръ произнесъ рѣчь, въ которой отмѣтилъ передовое положеніе Ярославской губ. въ отношеніи народнаго образованія по сравненію съ остальными мѣстностями Россіи, и выразилъ увѣренность, что при такихъ условіяхъ посѣянныя сѣмена науки дадутъ обильные плоды.

Вслѣдъ за симъ губернаторъ прочиталъ телеграмму отъ министра Императорскаго Двора, въ которой изложено, что Государь Императоръ въ отвѣтъ на телеграмму членовъ Съѣзда, отправленную въ день открытія Съѣзда, благодаритъ дѣятелей перваго областного Археологи-

ческаго Съѣзда въ Ярославлѣ за выраженныя чувства и желаетъ имъ успѣха въ работахъ по изслѣдованію родной старины.

Чтеніе телеграммы было выслушано стоя и сопровождалось громкимъ „ура“.

Около $6^1/_2$ часовъ вечера почетный предсѣдатель Съѣзда объявилъ первый Областной Съѣздъ изслѣдователей исторіи и древностей Ростово-Суздальской области закрытымъ.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ СЪѢЗДА.

11-го августа. Утреннее засѣданіе.

Отдѣленіе первобытныхъ древностей.

Предсѣдатель Отдѣленія — графъ *А. А. Бобринскій.*
Секретари — графъ *А. Д. Гендриковъ* и *А. А. Мироновъ.*

Засѣданіе открыто было предсѣдателемъ отдѣленія. Секретарь Съѣзда проф. И. Я. Гурляндъ сообщилъ о полученныхъ привѣтственныхъ телеграммахъ по случаю открытія Съѣзда отъ членовъ Нижегородской Архивной Комиссіи — Мельникова и Звѣздина, отъ Н. Н. Тучкова, г. Евреинова, г. Малышева, г. Трутовскаго и Ярославскаго городского головы И. А. Вахрамѣева. Затѣмъ на утвержденіе Съѣзда представлено было избраніе ученымъ бюро Съѣзда секретарей отдѣленій: графа А. Д. Гендрикова, А. А. Миронова, Н. Н. Дебольскаго, проф. С. М. Середонина, В. И. Успенскаго и А. С. Раевскаго. Съѣздъ утвердилъ избраніе.

Членъ Костромской Ученой Архивной Комиссіи П. А. Илинскій посвятилъ нижеслѣдующую рѣчь памяти Предсѣдателя Комиссіи Н. Н. Селифонтова, скончавшагося 29-го декабря 1900 года.

Мм. Гг!

Въ ночь на 29-е декабря прошлаго года, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался въ Петербургѣ, на 64 году жизни, статсъ-секретарь дѣйствительный тайный совѣтникъ Николай Николаевичъ Селифонтовъ, Предсѣдатель Костромской Ученой Архивной Комиссіи. Я не буду утруждать вниманія почтеннѣйшаго Собранія перечисленіемъ заслугъ его, какъ государственнаго мужа, въ званіи члена государственнаго совѣта, сенатора, товарища министра и проч. Послужной его списокъ полонъ высшими отличіями и многими важными трудами; но ограничусь лишь краткимъ очеркомъ его ученой и организаторской дѣятельности, касающейся вопросовъ археологіи и исторіи вообще и родного своего края въ особенности. Самъ онъ, по рожденію, Костромичъ, и его труды относятся болѣе къ Костромской старинѣ.

Со скамейки, какъ говорится, школьной Николай Николаевичъ получилъ любовь и охоту къ занятіямъ по археологіи, по изученію древнихъ письменныхъ памятниковъ, и это рвеніе еще болѣе усилилось во время его служебныхъ занятій въ Министерствѣ Юстиціи, гдѣ приходилось ему имѣть дѣло съ разными документами и актами временъ давно минувшихъ, съ переписными книгами и т. под. Здѣсь онъ не ограничился только шаблоннымъ отношеніемъ къ дѣлу, но и тщательно заботился о наиболѣе научномъ подготовленіи себя къ археологіи и исторіи; такъ что и тогда появились его печатные труды по изслѣдованію домашнихъ древнихъ архивовъ, изобличавшіе въ немъ всѣ достоинства основательно подготовленнаго изслѣдователя: большое знакомство со стариною, достаточную эрудицію и точный критическій анализъ.

Въ своихъ изысканіяхъ онъ не увлекался погонею за вопросами, бьющими на временный эффектъ среди непосвященныхъ въ науку, но вполнѣ сознавалъ важное значеніе археологическихъ изслѣдованій, работалъ усердно и въ порядкѣ надъ тѣми фактами, которые освѣщали и могли освѣтить существенныя условія быта народа, въ обширномъ значеніи этого слова, правовыя отношенія народа, его міровоззрѣнія, вѣрованія, обычаи и проч. Въ такомъ направленіи имъ изслѣдовались и частные архивы: Шевлягинскій, Лосевскій и другіе, и правительственные, какъ-то: архивъ Большесольской и др.

Лѣтъ 12 тому назадъ онъ принялъ на себя обязанности Предсѣдателя Костромской Ученой Архивной Комиссіи, и съ этого времени все свободное отъ служебныхъ занятій время посвящалъ этому учрежденію. Въ званіи Предсѣдателя, онъ не только самолично трудился надъ разборомъ и изысканіями письменныхъ памятниковъ старины глубокой, но и привлекалъ къ сотрудничеству многихъ изъ Костромской интеллигенціи. Организаторскимъ талантомъ онъ обладалъ въ совершенствѣ, и Костромская Архивная Комиссія, подъ предсѣдательствомъ такого дѣятеля, скоро заняла почетное мѣсто среди другихъ Комиссій. Она уже въ прошломъ году насчитывала болѣе 20 почетныхъ и болѣе 200 дѣйствительныхъ членовъ,—печатала свои труды въ видѣ повременного изданія подъ наименованіемъ «Костромской Старины», которой уже вышли 6 томовъ, редактированныхъ самимъ Предсѣдателемъ. Къ трудамъ Комиссіи возбуждено было сочувственное вниманіе со стороны земства, города и частныхъ лицъ, желавшихъ матеріальными пособіями содѣйствовать успѣхамъ и процвѣтанію полезнаго учрежденія. Конечно, не малая доля въ вызовѣ этого дѣятельнаго сочувствія принадлежала Предсѣдателю Комиссіи, сумѣвшаго заинтересовать ея работами все общество.

Каждому, занимавшемуся въ Комиссіи, хорошо извѣстны увлекательныя и прекрасныя особенности характера покойнаго почтеннаго Предсѣдателя; всегда готовый дать добрый совѣтъ и надлежащія указанія, столь необходимыя вообще при ученыхъ работахъ, и всегда радостно и сочувственно встрѣчавшій каждый трудъ того или другого Члена Комиссіи, онъ самъ не щадилъ ни своего спокойствія, ни своихъ силъ и времени; даже во время лѣтнихъ каникулъ, необходимыхъ послѣ важныхъ трудовъ и занятій, отправлялся онъ на изслѣдованія и осмотры мѣстностей въ Костромскомъ краю, которыя замѣчательны и имѣютъ значеніе въ археолого-историческомъ отношеніи; такъ, имъ лично произведены были экскурсіи въ с. Домнино и окрестныя селенія, въ с. Коробово, гдѣ обитаютъ потомки Ивана Сусанина, и въ другія мѣстности; и надо было видѣть радость его при отысканіи какого-либо новаго памятника древности, разъясняющаго тотъ или другой историческій фактъ. Каждому изъ членовъ Комиссіи памятны его обстоятельные годичные отчеты, его солидные и обработанные доклады и его импровизированныя рѣчи по тому или другому поводу, его живое и дѣятельное участіе въ занятіяхъ Комиссіи.

Онъ твердо вѣрилъ, что дѣло Комиссіи, хотя она и занимается уже мертвыми предметами, живо и полно важнаго значенія, какъ дѣло ученаго учрежденія, единственнаго во всемъ Костромскомъ краю. Онъ заботливо полагалъ первые твердые камни въ основу такой дѣятельности.

Спустя недолго времени послѣ того, какъ Николай Николаевичъ занялъ постъ Предсѣдателя Архивной Комиссіи, по его же иниціативѣ положено было начало устроенія при Комиссіи Археологическаго музея, который скоро же, благодаря также его личному содѣйствію, разросся и сдѣлался замѣчательнымъ и обширнымъ хранилищемъ многихъ драгоцѣнныхъ для археологіи края предметовъ, одну часть коихъ Вы имѣете возможность видѣть здѣсь на выставкѣ, и которые дали уже нѣкоторымъ Членамъ Комиссіи возможность представить почтенному Собранію Областного Съѣзда свои рефераты. Въ послѣдніе годы образованъ былъ при музеѣ Романовскій Отдѣлъ, въ которомъ сосредоточены и сосредоточиваются акты, документы и всѣ предметы, относящіеся до предковъ нынѣ Царствующаго Дома. Этотъ отдѣлъ былъ предметомъ особой заботливости Предсѣдателя, и въ послѣдніе годы имъ составлены и изданы I и II томы матеріаловъ о предкахъ Царя Михаила Ѳедоровича.

Видя такое большое собраніе дорогихъ для науки и историческаго изученія края предметовъ и вполнѣ сознавая важное просвѣтительное значеніе этого собранія, Николай Николаевичъ лелѣялъ мысль о построеніи надлежащаго зданія для музея, и планъ зданія уже былъ готовъ и были уже надежды на реализацію этой мысли, но неумолимая смерть пресѣкла дни такого почтеннаго и неутомимаго дѣятеля на пользу историко-археологической науки. И, приближаясь къ своей кончинѣ, Николай Николаевичъ не забылъ о своемъ дорогомъ для сердца его и мысли его дѣтищѣ—Архивной Комиссіи, но своимъ завѣщаніемъ отказалъ ей въ наслѣдство богатую и дорогую библіотеку избранныхъ сочиненій по русской археологіи и исторіи. Библіотека эта, состоящая изъ сотенъ томовъ, дѣйствительно драгоцѣнное пріобрѣтеніе Комиссіи и навсегда увѣковѣчиваетъ память заботника о Комиссіи, своего Предсѣдателя, мечтавшаго о дальнѣйшихъ и большихъ успѣхахъ ученаго учрежденія.

Еще за нѣсколько лѣтъ до его кончины Костромская Архивная Комиссія почтила своего Предсѣдателя званіемъ своего Почетнаго Члена, неожиданная же смерть его повергла Членовъ Комиссіи въ глубокую печаль; въ знакъ признательной памяти къ своему предсѣдателю, столько потрудившемуся въ цѣляхъ ея дѣятельности, она поставила портретъ его въ одной изъ залъ музея. Самый музей посѣщается весьма многими изъ публики и посѣщался высокопоставленными лицами, интересовавшимися археологическими предметами. Въ настоящемъ году посѣтилъ его г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, который съ особеннымъ вниманіемъ отнесся къ этому хранилищу дорогихъ предметовъ старины и, ознакомившись съ планомъ зданія, которое предполагается къ возведенію для этого музея, выразилъ свое сочувствіе къ дѣлу Комиссіи и свое обѣщаніе оказать содѣйствіе по дѣлу устроенія зданія музея.

Въ виду такихъ несомнѣнныхъ и важныхъ заслугъ покойнаго Николая Николаевича, мнѣ думается, что лучшими ему наградою и почетомъ были бы продолженіе его полезныхъ трудовъ и построеніе зданія для музея, о чемъ онъ заботился и что не удалось ему довершить при жизни. Мнѣніе такого компетентнаго Собранія, какъ нашъ Областной Съѣздъ, въ данномъ случаѣ было бы весьма цѣнно и могло бы побудить какъ правительственныя и общественныя учрежденія, такъ и частныхъ лицъ къ участію въ возведеніи зданія для музея, который кромѣ ближайшаго своего назначенія,—храма драгоцѣнныхъ памятниковъ старины глубокой,—служилъ бы вспомогательнымъ средствомъ для народнаго просвѣщенія.

По мысли покойнаго, которую онъ нерѣдко высказывалъ, музей долженъ бы носить наименованіе «Костромско-Романовскаго», по общему же всѣхъ Членовъ Костромской Комиссіи уваженію къ памяти создателя, такъ сказать, этого храма науки, одинъ изъ залъ его, въ которомъ находилась бы и завѣщанная имъ библіотека, назывался бы «Селифонтовскимъ».

Мм. Гг! Работниковъ чистой науки у насъ еще не такъ много, и тѣмъ болѣе почтенна память покойнаго Николая Николаевича Селифонтова, что онъ служилъ наукѣ безкорыстно и неизмѣнно до послѣднихъ дней своей жизни.

Предсѣдатель гр. А. А. Бобринскій выразилъ отъ имени Съѣзда благодарность г. Илинскому и пригласилъ гг. членовъ Съѣзда почтить память покойнаго Н. Н. Селифонтова вставаніемъ.

И. А. Ивановъ произнесъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, посвященныхъ памяти покойнаго основателя и предсѣдателя Тверской Ученой Архивной Комиссіи А. К. Жизневскаго.

Дѣятельность послѣдняго характеризовалась, по словамъ докладчика, неутомимой энергіей собирателя древностей и заботливаго ихъ охранителя, умѣньемъ выбирать людей и вдохновлять ихъ на дружную совмѣстную работу. Характерной чертой А. К. Жизневскаго была упорная настойчивость въ окончаніи предпринятыхъ имъ работъ.

По предложенію Предсѣдателя память А. К. Жизневскаго была почтена вставаніемъ.

Н. М. Бекаревичъ сдѣлалъ докладъ о „Курганныхъ раскопкахъ въ Костромской губерніи“. Въ докладѣ изложены результаты раскопокъ, произведенныхъ преимущественно въ Костромскомъ уѣздѣ. Докладчикомъ, вмѣстѣ съ женою его и нѣкоторыми изъ Членовъ Костромской Архивной Комиссіи, раскопано въ теченіе шести лѣтъ болѣе 1000 погребеній. Число погребеній достигало иногда 25 въ одной насыпи. Каменная обкладка кургановъ была расположена или, какъ обычно, кольцомъ, или покрывала всю поверхность кургана. Глубина погребеній—не болѣе $1^1/_2$ метра. Встрѣчались, хотя очень рѣдко, курганы, раскопанные грабителями. Обнаружены были погребенія въ колодахъ и берестѣ. Ноги во всѣхъ случаяхъ вытянуты. Предметы погребальнаго ритуала были встрѣчены въ 500 случахъ. Женскія — дали большее количество находокъ. Здѣсь попадались ножи, височныя кольца, ремни, серьги, шейные обручи, бусы, ожерелья, монеты, раковины, фибулы, кольца и браслеты. Бронзовыя кольца — часто съ незапаянными концами. Попадались также пояса, подвѣски въ видѣ барашковъ, уточекъ, пѣтушковъ и коньковъ, печать съ изображеніемъ льва, игольники; нѣкоторые предметы найдены въ кожанныхъ футлярахъ. При мужскихъ погребеніяхъ встрѣчались: огнива и кремни, поясовые наборы, топоры—обыкновенные и боевые, ножницы для стрижки овецъ.

Обнаружены при погребеніяхъ горшки съ пищею, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ клейма. Одинъ изъ горшковъ найденъ покрытымъ сверху другимъ; въ первомъ находились остатки пищи: кости щуки и яичная скорлупа. По заключенію референта, изслѣдованные курганы, судя по характеру находокъ, по формѣ череповъ, по монетамъ, принадлежатъ населявшему нѣкогда Ростово-Суздальскую область племени Меря и относятся къ IX — X вѣкамъ нашей эры. Обнаруженные референтомъ при раскопкахъ раздробленные черепа онъ признаетъ доказательствомъ перенесенія сюда новыми насельниками праха предковъ.

Съ послѣднимъ предположеніемъ референта не согласился графъ А. А. Бобринскій, высказавъ мнѣніе, что раздробленность череповъ могла произойти просто вслѣдствіе разграбленія кургановъ искателями кладовъ.

Проф. И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ возраженіе противъ отнесенія всѣхъ погребеній къ IX—X вѣкамъ. Древнѣйшія, быть можетъ, и принадлежатъ къ указанной эпохѣ, но многія, судя по нѣкоторымъ даннымъ, несомнѣнно, относятся къ позднѣйшему времени—вѣкамъ XI и XII-му. На это указываютъ и христіанскія изображенія: креста св. Софіи и т. д., встрѣчавшіяся на многихъ предметахъ. Здѣсь очевидно можно наблюдать, какъ это часто случается, переживаніе старыхъ языческихъ обрядовъ уже въ эпоху христіанскую. Референтъ призналъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ И. А. Шляпкина.

И. А. Ивановъ, въ видѣ дополненія, высказалъ мнѣніе, что такъ называемыя семейныя могилы есть не что иное, какъ ряды разновременныхъ погребеній; надъ каждымъ рядомъ и были сдѣланы отдѣльныя насыпи, образовавшія одинъ большой курганъ. Кромѣ того г. Ивановымъ высказано было сомнѣніе—христіанскіе ли кресты и орнаменты встрѣчены были на предметахъ. Какъ референтъ, такъ и И. А. Шляпкинъ подтвердили ихъ христіанское происхожденіе.

В. И. Колосовъ предположилъ, что курганы, изслѣдованные референтомъ и приписанные имъ Мери, скорѣе можно отнести къ славянскимъ. Данныя краніологіи, на которыхъ основывается референтъ, также едва-ли могутъ быть, по мнѣнію г. Колосова, вполнѣ убѣдительными, такъ какъ въ настоящее время уже утверждается въ наукѣ гипотеза о постепенной эволюціи череповъ у каждаго народа. Такимъ образомъ и черепа, найденные г. Бекаревичемъ, могли быть славянскими, не достигшими еще высшихъ формъ своего развитія.

И. А. Шляпкинъ сдѣлалъ еще рядъ дополненій къ докладу, указавъ, что въ настоящее время въ Финляндіи и Швеціи ему удалось видѣть

современные топоры, подобные найденнымъ при раскопкахъ г. Бекаревича и что поэтому мнѣніе гр. Уварова объ археологическомъ значеніи типа этихъ топоровъ уже не можетъ въ настоящее время вполнѣ удовлетворить археолога.

Графъ А. А. Бобринскій сдѣлалъ докладъ—„О нѣкоторыхъ символическихъ знакахъ, общихъ первобытной орнаментикѣ всѣхъ народовъ Европы и Азіи“. (Отд. II, стр. 66 — 76).

Н. М. Беккаревичъ прочелъ рефератъ „О каменномъ вѣкѣ въ Костромской губерніи“.

11-го августа. Вечернее засѣданіе.

Предсѣдатель Отдѣленія — проф. *Н. В. Покровскій.*
Секретари — *Н. Н. Дебольскій* и *В. И. Успенскій.*

Открывая засѣданіе, Н. В. Покровскій указалъ, что всякій русскій, пріѣзжающій въ Ярославль, любуется его стариной и прекрасно себя чувствуетъ, находясь среди его чудныхъ храмовъ и святынь. Онъ бываетъ окруженъ церковной стариной XVII в. Вотъ объясненіе этой старины и посвящены доклады, назначенные на сегодняшнее вечернее засѣданіе.

Первый докладъ былъ прочитанъ отцемъ Сильвестромъ *Соколовымъ*, „О мѣрахъ сохраненія церковныхъ памятниковъ“. Докладчикъ указалъ, что храмы, монастыри и архивы духовныхъ устоновленій хранятъ большое количество вещественныхъ памятниковъ и документовъ, относящихся къ церковной старинѣ. Эти храмы и монастыри учреждались, по большей части, царями, князьями и именитыми людьми древней Руси, которые усердно снабжали созидаемые ими храмы драгоцѣнною утварью. Кромѣ сохраняющихся въ церквахъ и монастыряхъ вещественныхъ памятниковъ, въ нихъ же и въ Архивахъ духовнаго вѣдомства хранится большое количество письменныхъ документовъ. Всѣ эти вещественные и письменные памятники не весьма зорко оберегались, не разрабатывались соотвѣтственно ихъ историческому значенію. Часто они расхищаются посторонними лицами. Примѣры мы найдемъ въ музеяхъ Архивныхъ Ученыхъ Комиссій, многіе церковные памятники коихъ попали въ Комиссію не путемъ даренія духовнаго вѣдомства, а изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Уже давно являлось сознаніе въ необходимости охранять и сохранять церковную старину. Мы имѣемъ указъ ц. Михаила Ѳеодоровича, указъ Св. Сѵнода XVII и XIX вв., въ настоящее время этимъ интересуется Мини-

стерство Внутреннихъ Дѣлъ. Отраднымъ явленіемъ въ этой области служитъ учрежденіе особыхъ Епархіальныхъ Древлехранилищъ. Первое изъ нихъ, Кіевское, учреждено было въ 1851 г. Въ настоящее время общее число ихъ достигаетъ 18. Было бы желательно, чтобы такія древлехранилища были въ каждой епархіи. Но они должны, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширить свою задачу. Они должны заниматься не только охраненіемъ вещественныхъ памятниковъ, но и письменныхъ, должны разрабатывать эти послѣдніе. Поэтому своевременно озаботиться составленіемъ указателей по епархіямъ церковныхъ историческихъ памятниковъ какъ вещественныхъ, такъ и письменныхъ. Учрежденіемъ, гдѣ происходило бы описаніе, а затѣмъ и охраненіе этихъ памятниковъ, могли бы быть особые Епархіальные Археологическіе Комитеты, состоящіе при Епархіальныхъ Древлехранилищахъ. Въ эти учрежденія должны стекаться матеріалы изъ храмовъ, монастырей и Архивовъ духовныхъ вѣдомствъ и тамъ храниться и разрабатываться. Результатъ такихъ мѣропріятій былъ бы плодотворный и для науки, и для церковнаго строительства какъ мѣстнаго, такъ и вообще во всей Россіи, и, наконецъ, для иконописанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тщательно бы хранились драгоцѣнныя пожертвованія созидателей храмовъ. Указанные Епархіальные Археологическіе Комитеты должны быть составлены изъ вполнѣ компетентныхъ въ этой области лицъ.

Выслушавъ докладъ, Съѣздъ приступилъ къ обсужденію предложенія о. Сильвестра Соколова.

В. М. Михеевъ отмѣтилъ, что Епархіальные Археологическіе Комитеты, состоящіе изъ лицъ духовнаго званія, врядъ ли бы были въ состояніи исполнить предполагаемую докладчикомъ задачу, такъ какъ священнослужители несутъ на себѣ массу обязанностей. Кромѣ того, въ духовныхъ семинаріяхъ не дается достаточной подготовки для дѣла археолога. Мы уже имѣемъ готовыя учрежденія, цѣль коихъ охранять мѣстную старину, это—Губернскія Ученыя Архивныя Комиссіи. Онѣ авторизованы правительствомъ и состоятъ изъ свѣдущихъ людей какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Эти Комиссіи должны бы были вообще быть центрами по охраненію старины всѣхъ учрежденій. Можно бы было предоставить Комиссіи право получать всѣ памятники старины.

Докладчикъ возразилъ на это, что онъ не хотѣлъ предлагать раскола въ мѣрахъ охраненія нашей старины, но думаетъ, что проектируемые имъ Комитеты дѣйствовали бы параллельно съ Архивными Комиссіями.

О. И. Я. Сырцовъ указалъ, что ученые часто обираютъ храмы и монастыри и тѣмъ нарушаютъ религіозное чувство священнослужите-

лей. Вообще слишкомъ поспѣшныя мѣры въ этой области могли бы быть не цѣлесообразны. Что бы было, если бы Архивныя Комиссіи получили право собирать изъ храмовъ все, что считаютъ нужнымъ? Поэтому о. Сырцовъ полагаетъ необходимымъ ходатайствовать, чтобы при собираніи памятниковъ церковной старины не были оскорбляемы и религіозныя чувства причта и прихожанъ.

О. Соколовъ, въ отвѣтъ на это, указалъ, что разъ въ Епархіальныхъ Комитетахъ и Архивныхъ Комиссіяхъ засѣдаютъ компетентныя лица, то нечего опасаться какихъ-либо недоразумѣній, указанныхъ о. Сырцовымъ.

Г. Виноградовъ, полагая, что охраненіе памятниковъ церковной старины должно быть возложено на Архивныя Комиссіи, указалъ, что Тверская Комиссія практикуетъ одинъ весьма цѣлесообразный способъ изслѣдованія и обнаруживанія подобныхъ памятниковъ, и ихъ регистраціи, это — экскурсіи по уѣздамъ для осмотра достопримѣчательностей, во время которыхъ Комиссіи постоянно удается открывать любопытные предметы родной старины.

Г. Колосовъ также заявилъ, что церковная старина должна охраняться въ Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссіяхъ.

Предсѣдатель Отдѣленія Н. В. Покровскій сказалъ, что онъ считаетъ долгомъ разъяснить, что въ послѣднее десятилѣтіе вопросъ объ охраненіи церковныхъ древностей ставится уже второй разъ. Первый разъ онъ былъ поставленъ на очередь въ С.-Петербургской Духовной Академіи, но занятія организованной для сего Комиссіи, въ составъ коей входилъ и Н. В. Покровскій, остались безъ результатовъ, и Комиссія очень скоро сама собою распалась. Многія мысли отца Соколова весьма симпатичны. Но онъ смотритъ на дѣло изъ прекраснаго далека. Дѣйствительность же не отвѣчаетъ его предположеніямъ. Двѣ трети Епархіальныхъ Древлехранилищъ суть учрежденія нежизнеспособныя. Многія изъ чихъ далѣе и не приступали къ дѣлу. Въ нашихъ губернскихъ городахъ еще не такъ много лицъ, занимающихся археологіей и исторіей, чтобы ихъ дробить между нѣсколькими учрежденіями. Параллельное существованіе Епархіальныхъ Археологическихъ Комитетовъ и Ученыхъ Архивныхъ Комиссій обезсилитъ эти послѣднія и въ то же время не найдетъ для себя достаточнаго числа членовъ. Въ результатѣ пострадаетъ дѣло. Поэтому Н. В. Покровскій полагаетъ, что, если должны возникнуть Епархіальные Археологическіе Комитеты, проектируемые докладчикомъ, то только тамъ, гдѣ нѣтъ Архивныхъ Комиссій.

Второй докладъ былъ сдѣланъ профессоромъ *И. Я. Шляпкинымъ*,

который обратилъ вниманіе, что въ старинныхъ нашихъ храмахъ и вообще въ старыхъ постройкахъ, встрѣчается масса драгоцѣнныхъ изразцовъ, въ разныхъ видахъ, сохраненіе коихъ является насущнѣйшею потребностью. Изразцы мы встрѣчаемъ въ Кіевскомъ и Новгородскомъ Софійскихъ соборахъ, въ видѣ плитокъ въ иглахъ, при чемъ еще не установлено ихъ происхожденіе, мѣстное или византійское. Затѣмъ, въ XIII и XIV вв. мы встрѣчаемъ рядъ восточныхъ изразцовъ, наконецъ, въ Псковѣ въ XVI в. и повсемѣстно въ XVII в. идетъ усиленное изготовленіе этихъ изразцовъ. Въ литературѣ этотъ вопросъ почти не затронутъ, если не считать сочиненія *И. Е. Забѣлина* „Исторія финифтяного дѣла въ Россіи“. Равнымъ образомъ очень немного существуетъ и альбомовъ, съ издѣліемъ образцовъ этихъ памятниковъ искусствъ. Между тѣмъ изученіе ихъ очень важно какъ для исторіи искусствъ, такъ и отчасти для исторіи русской промышленности. Кромѣ того изученіе ихъ дало бы богатый матеріалъ для современнаго зодчества. Поэтому докладчикъ предлагаетъ мѣстнымъ археологамъ заняться изученіемъ изразцовъ, снятіемъ съ нихъ снимковъ на камнѣ и эстампажемъ, и полагаетъ, что собранный такимъ образомъ матеріалъ долженъ бы былъ послужить основаніемъ для составленія особаго альбома, который могъ бы быть изданъ или Императорскимъ С.-Петербургскимъ Археологическимъ Обществомъ или С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ. Въ заключеніе докладчикъ объяснилъ способъ производства эстампажа съ изразцовъ, путемъ фильтровальной бумаги.

Послѣ $2^1/_2$ часовъ перерыва, засѣданіе Съѣзда вновь продолжалось съ $9^1/_2$ ч. вечера.

Третій докладъ, составленный Ректоромъ Костромской Духовной Семинаріи отцомъ И. Е. Сырцовымъ, былъ прочитанъ Анатоліемъ Ивановичемъ Сырцовымъ. Докладъ посвященъ усыпальницамъ семьи Годуновыхъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ. (Отд. II, стр. 76—84).

Выслушавъ докладъ, Съѣздъ постановилъ просить присутствовавшаго на засѣданіи Секретаря Костромской Духовной Консисторіи г. Пятницкаго ходатайствовать передъ преосвященнымъ Виссаріономъ о томъ, чтобы существующая въ Ипатьевскомъ монастырѣ усыпальница Годуновыхъ и на будущее время была сохраняема въ соотвѣтствующемъ видѣ. При этомъ проф. С. Ф. Платоновъ выразилъ пожеланіе, чтобы отецъ Сырцовъ опубликовалъ списки лицъ изъ фамиліи Годуновыхъ, погребенныхъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, такъ какъ это можетъ послужить къ возстановленію нѣкоторыхъ пробѣловъ въ генеалогіи какъ Годуновыхъ, такъ и Сабуровыхъ и Вельяминовыхъ.

Четвертый докладъ былъ предложенъ Дѣйствительнымъ Членомъ Костромской Архивной Комиссіи г. Баженовымъ и посвященъ былъ описанію церкви Воскресенія, что на Дебрѣ въ Костромѣ. (Отд. II, стр. 87—99).

Пятымъ докладчикомъ выступилъ Предсѣдатель Тверской Губернской Архивной Комиссіи *И. А. Ивановъ*, обратившій вниманіе Съѣзда на слѣдующій фактъ: Тверской Архивной Комиссіи, при ея экскурсіяхъ въ г. Старицу, удалось ознакомиться съ интереснымъ колоколомъ, съ Голландскою, какъ оказалось, надписью 1533 г., отлитымъ Петеромъ фонъ-денъ-Шеиномъ. Затѣмъ двойникъ этого колокола былъ найденъ въ г. Кашинѣ, того же мастера, датированъ 1593 г. Надпись на колоколахъ гласитъ, что колокола были пріобрѣтены по завѣщанію одного лица. Указать, какимъ образомъ Голландскій колоколъ попалъ въ Тверскую губ., докладчикъ отказывался.

Въ шестомъ докладѣ, *И. А. Ивановъ* сообщилъ Съѣзду, что при подобной же экскурсіи, при помѣщичьей усадьбѣ покойнаго романиста Лажечникова, Тверская Архивная Комиссія нашла 16 старинныхъ цвѣтныхъ стеколъ. 4 изъ нихъ докладчикъ демонстрировалъ. Стекла признаны весьма цѣнными, вѣроятно—швейцарскаго происхожденія и относятся къ 1629 г.

12-го августа. Вечернее засѣданіе.

Отдѣленіе историческое.

Предсѣдатель Отдѣленія—проф. *С. Ѳ. Платоновъ*.
Секретари:—проф. *С. М. Середонинъ*, *А. А. Мироновъ*.

Предсѣдатель проф. С. Ѳ. Платоновъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой, напомнивъ присутствующимъ о прекрасномъ словѣ С. М. Шпилевскаго, сказанномъ при открытіи Съѣзда и имѣвшемъ цѣлью изобразить постепенный ростъ мысли о необходимости изученія областной исторіи и главнѣйшіе успѣхи этого изученія, обратилъ вниманіе сочленовъ на другую сторону даннаго дѣла. Чѣмъ шире и дѣятельнѣе изучается мѣстная старина, тѣмъ болѣе выигрываетъ отъ этого общая исторія страны. Но мѣстныя работы лишь тогда принесутъ всю ожидаемую отъ нихъ пользу, когда онѣ будутъ ведены въ полномъ соотвѣтствіи съ движеніемъ общей науки и будутъ сознательно пользоваться ея методами и выводами. Двумя примѣрами говорившій пояснилъ свою мысль. Извѣстно, что мѣстныя изданія историческихъ до-

кументовъ иногда не имѣютъ археографической цѣнности лишь потому, что сдѣланы ненаучно. Изслѣдователь, знакомый съ пріемами правильной передачи въ печати рукописнаго текста, затруднится пользоваться такимъ изданіемъ, особенно если въ немъ онъ имѣетъ дѣло съ именами, названіями мѣстъ и цифровыми данными. Между тѣмъ, такъ легко было бы въ подобномъ случаѣ придти на помощь къ мѣстнымъ силамъ дѣятелю изъ научнаго центра, гдѣ пріемы ученаго изданія давно опредѣлились и стали, можно сказать, общеизвѣстны. Иногда же не только пріемъ изученія и изданія, но и выводъ, добытый изученіемъ общей исторіи страны, можетъ быть полезенъ, даже необходимъ для успѣшной разработки мѣстныхъ темъ. Врядъ ли, напримѣръ, на основаніи только мѣстныхъ данныхъ можно разрѣшить вопросъ: отчего въ Ярославлѣ и кругомъ него памятники стараго зодчества достигли такой красоты и стали такъ многочисленны въ XVI—XVII вѣкахъ и отчего, напротивъ, стариною болѣе давнею Ярославль такъ бѣденъ? Отвѣтъ на это въ исторіи вообще Московской Руси, а не въ исторіи одного Ярославскаго строительства. Съ открытіемъ океанскаго пути и торга на Двинскомъ устьѣ съ англичанами и голландцами, въ XVI вѣкѣ, торговое оживленіе Московскаго сѣвера стало весьма замѣтно. Въ сѣверной половинѣ Московскаго государства обозначились руководящіе торговымъ движеніемъ центры, и между ними главное значеніе получилъ Ярославль. Черезъ него съ Архангельскимъ торгомъ и вообще съ Поморьемъ сносилась не одна остальная Москва, но и все тогдашнее Поволжье. Ярославль, ставъ узломъ многочисленныхъ сухопутныхъ и рѣчныхъ дорогъ, вступилъ въ свой „Золотой вѣкъ“: въ немъ сосредоточилось столько народа и столько добра, что въ XVI—XVII вѣкахъ онъ сталъ первымъ городомъ Поволжья по значенію и населенности. Только Москва и Псковъ его превосходили числомъ дворовъ. Не мудрено, что среди Ярославскаго населенія той эпохи нашлись средства для исключительныхъ по богатству и архитектурной роскоши построекъ. Даже сами люди XVII вѣка удивлялись этимъ постройкамъ: „строеніемъ церковнымъ вельми украшенъ и посадами великъ“, говорили они о Ярославлѣ. Реформа Петра, открывшая Руси выходъ на Балтійскіе берега, умалила торговое значеніе сѣверныхъ дорогъ и вмѣстѣ Ярославля, и лишь въ наше время, съ новымъ оживленіемъ сѣвера и съ проведеніемъ на сѣверѣ желѣзныхъ путей, для Ярославля становится близкимъ возвращеніе къ старому блеску. Это наблюденіе надъ прошлымъ Ярославля сдѣлано въ общей исторіи лишь недавно, съ возникновеніемъ интереса къ темамъ историко-экономическимъ. Перенесенное въ сферу мѣстныхъ занятій, оно послужитъ

къ ихъ пользѣ, освѣтивъ новымъ смысломъ изученное во внѣшнихъ формахъ явленіе. Призывомъ къ дѣятельному и непрерывному единенію мѣстныхъ ученыхъ силъ съ дѣятельностью научныхъ центровъ проф. С. Ѳ. Платоновъ окончилъ свою рѣчь, высказавъ твердое убѣжденіе, что только въ этомъ единеніи залогъ успѣха въ трудѣ обѣихъ сторонъ.

Секретаремъ Съѣзда, проф. И. Я. Гурляндомъ, прочитаны были поздравленія по случаю открытія Съѣзда, а именно: письмо проф. СПБ. Университета Э. Н. Берендса, иниціатора Съѣзда и автора его программы, а также телеграмма предсѣдателя Владимірской Губернской Ученой Архивной Комиссіи г. Хвостова.

Проф. М. А. Липинскій прочелъ рефератъ „Несвободное земледѣльческое населеніе въ началѣ XVII вѣка по даннымъ угличскихъ писцовыхъ книгъ“. (См. Отд. II, стр. 130—142).

Рефератъ вызвалъ продолжительныя пренія, въ которыхъ приняли участіе: Н. Н. Дебольскій и Д. И. Иловайскій.

Сущность возраженій Н. Н. Дебольскаго заключалась въ слѣдующемъ: конецъ XVI и начало XVII вѣка интересны тѣмъ, что въ это время нарождается цѣлый рядъ переходныхъ ступеней между холопствомъ и крестьянствомъ. Появляется вообще видъ зависимости отъ частныхъ лицъ, не подлежащій опредѣленной юридической квалификаціи, которая извѣстна подъ названіемъ закладничества. Московское правительство боролось съ этимъ явленіемъ, но, несмотря на это, закладничество существовало въ теченіе всего XVII вѣка. Дѣловые люди — несомнѣнно холопы; задворные же люди почти никогда холопами не были. По изслѣдованію Дьяконова они состояли: изъ наймитовъ, кабальныхъ и крестьянъ. Вѣроятно, значительный ихъ контингентъ составляли закладники.

Проф. Липинскій указалъ, что въ изслѣдованныхъ имъ писцовыхъ книгахъ не встрѣчалось указанія на закладниковъ и на крѣпости, по которымъ служили разбираемые ими классы населенія.

В. И. Колосовъ изложилъ результаты своего изслѣдованія о времени основанія Твери. (Отд. II, стр. 151—158).

Проф. И. Я. Гурляндъ прочелъ рефераты: — „О ракѣ св. мощей Василія и Константина въ Ярославскомъ Успенскомъ Соборѣ“ и — „О можжевеловой повинности въ Ярославскомъ уѣздѣ во второй половинѣ XVII вѣка“.

Въ первомъ сообщеніи референтъ изложилъ найденные имъ въ Архивѣ Оружейной Палаты документы о ракѣ, сооруженной царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; во второмъ на основаніи документовъ

того же Архива референтъ указалъ на существовавшую во второй половинѣ XVII вѣка въ Ярославскомъ уѣздѣ особую повинность доставлять въ Москву въ Аптекарскій приказъ можжевеловую ягоду.

Второй рефератъ г. Гурлянда вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей.

Н. М. Бекаревичъ указалъ, въ видѣ дополненія къ докладу, о значительномъ употребленіи можжевельника и въ наше время. Е. В. Барсовъ высказалъ предположеніе, что изъ можжевельника варили „сусло“, которое подавалось государю, боярамъ и пр. въ постные дни.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ сообщилъ, что есть грамота времени царя Михаила Ѳеодоровича, а именно челобитье „о выдачѣ изъ Аптекарскаго приказа“, а не аптекарскаго двора, откуда, по мнѣнію референта, выдавались можжевеловыя ягоды и проч.

Референтъ объяснилъ, что, быть можетъ, въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича и не существовало еще двора, который былъ, по мнѣнію докладчика, хозяйственной лабораторіей царя; здѣсь изготовляли лѣкарства, варился квасъ, совершалась перегонка спирта и проч.

Г. Илинскій высказалъ мнѣніе, что Аптекарскій приказъ вѣдалъ не только изготовленіе лѣкарства, но что при немъ состояли также и врачи, которыхъ приказъ приглашалъ на службу. По поводу различія въ компетенціяхъ аптекарскаго двора и приказа въ преніяхъ приняли участіе: Д. И. Иловайскій, И. А. Шляпкинъ и г. Михѣевъ.

Проф. Н. Д. Чечулинъ сдѣлалъ докладъ „Къ вопросу о распространеніи въ Московскомъ государствѣ иноземныхъ вліяній“. (См. Отд. II, стр. 1—7).

И. А. Шляпкинъ подтвердилъ выводъ референта частными случаями: отрядъ казаковъ, дѣйствовавшій во Франціи, напримѣръ, могъ принести нѣкоторое знакомство съ Западомъ; несомнѣнное вліяніе могли оказать и стеклянные заводы, на которыхъ работали люди, знакомые съ иноземными обычаями, а также и шуты иноземные, ходившіе по всей русской землѣ.

Д. И. Иловайскій указалъ на враждебныя отношенія, существовавшіе у русскихъ къ иностранцамъ вообще; отношенія эти иллюстрируются, напримѣръ, тѣмъ, что на древнихъ иконахъ „Страшнаго Суда“ русскіе иконописцы изображали грѣшниковъ, идущихъ въ адъ, не иначе, какъ въ нѣмецкомъ платьѣ. И. А. Шляпкинъ возразилъ, что и обратно въ Ригѣ, въ изображеніяхъ мученій Св. Георгія, мучителями являются русскіе. Но это могло быть только давнею традиціею. Простой народъ XVII вѣка едва ли питалъ какую-нибудь озлобленность къ иностранцамъ.

Проф. И. Я. Гурляндъ сообщилъ, въ видѣ дополненія, еще объ одномъ пути распространенія иноземныхъ вліяній—это о расширявшейся,

вмѣстѣ съ развитіемъ торговли съ Западомъ, сѣти царскихъ комиссіонеровъ. Русскіе близко знакомились съ западными странами, отправляясь туда въ качествѣ комиссіонеровъ.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ и г. Михѣевъ такъ же приняли участіе въ преніяхъ.

13-го августа. Утреннее засѣданіе.

Отдѣленіе первобытныхъ древностей.

Предсѣдатель Отдѣленія—*графъ А. А. Бобринскій.*
Секретари: *А. А. Мироновъ и графъ А. Д. Гендриковъ.*

Н. М. Бекаревичъ сдѣлалъ докладъ „О нѣкоторыхъ городищахъ въ Костромской губерніи“. (Отд. II, стр. 125—130).

13-го августа. Утреннее засѣданіе.

Отдѣленіе историческое.

Предсѣдатель Отдѣленія—*Н. Д. Чечулинъ.*
Секретари: *графъ А. Д. Гендриковъ, А. А. Мироновъ.*

С. П. Писаревъ прочелъ рефератъ „О св. князѣ Андреѣ“. (Отд. II, стр. 143—150).

Въ преніяхъ по этому поводу приняли участіе: преосвященный Сергій, академ. А. И. Соболевскій и И. А. Ивановъ. А. И. Соболевскій высказалъ предположеніе, не монашеское ли имя носилъ св. Андрей. Референтъ возразилъ, что нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы св. Андрей принималъ монашество. Преосвященный Сергій указалъ, что были примѣры, когда при поступленіи въ монашество сохранялось мірское имя.

Предсѣдатель Отдѣленія изложилъ вкратцѣ содержаніе доклада А. А. Садовскаго „О населенныхъ пунктахъ Нижегородской губерніи XVII вѣка“. (Отд. II, стр. 27—66).

Въ обсужденіи доклада приняли участіе: проф. С. Ѳ. Платоновъ и Н. Д. Чечулинъ. Интересъ, возбужденный историческимъ матеріаломъ переписныхъ книгъ, изъ которыхъ почерпалъ г. Садовскій данныя для своего реферата, побудилъ Съѣздъ сдѣлать постановленіе: ходатай-

ствовать передъ Нижегородской Ученой Архивной Комиссіей о дальнѣйшей разработкѣ этихъ любопытныхъ памятниковъ исторической жизни русскаго народа.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ докладъ „О топографіи Углицкаго „Кремля“ въ XVI—XVII вв. (Отд. II, стр. 84 – 87).

Д. И. Иловайскій принялъ участіе въ выясненіи нѣкоторыхъ деталей доклада.

Г. Снѣжневскій прочиталъ обширное сообщеніе, въ которомъ изложилъ результаты дѣятельности Губернскихъ Ученыхъ Архивныхъ Комиссій и указалъ на ихъ печальное въ матеріальномъ отношеніи положеніе, а также на нѣкоторые недочеты ихъ организаціи. (Отд. II, стр. 7—27). Пренія по этому докладу, за недостаткомъ времени, были отложены.

13-го августа. Вечернее засѣданіе.

Предсѣдатель Отдѣленія — *акад. А. И. Соболевскій.*
Секретарь — *А. С. Раевскій.*

По открытіи засѣданія проф. Н. В. Покровскій въ краткихъ прочувствованныхъ словахъ очертилъ дѣятельность скончавшагося 11 августа начальника архива и библіотеки Св. Синода А. Н. Львова, одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ архивистовъ, ученика основателя Спб. Археологическаго института и губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій Н. В. Калачева. Память почившаго была почтена присутствующими вставаніемъ.

А. И. Соболевскій сдѣлалъ сообщеніе подъ названіемъ: „Откуда шло русское колонизаціонное движеніе въ Ростово-Суздальской землѣ, по даннымъ діалектологіи“. (Отд. II, стр. 99 —103).

Проф. С. М. Середонинъ, возражая докладчику, указалъ на несоотвѣтствіе его теоріи съ историческими данными и на неразрѣшеніе имъ вопроса о времени заселенія Ростово - Суздальской земли. Лѣтописный разсказъ объ отношеніяхъ Ростова къ Новгороду въ IX в. и о дани Ростова Новгороду въ XI в. связываетъ Ростовъ съ Новгородомъ. Далѣе есть указаніе, что Суздаль въ XI в. тянулъ къ Смоленску; многіе изъ городовъ и даже рѣкъ Ростово - Суздальской земли носятъ южно-русскія названія. Вятичи одни не могли занять такую обширную область, какъ центръ Ростово - Суздальской земли, такъ какъ были небольшимъ племенемъ, не сумѣвшимъ сыграть въ исторіи сколько-нибудь значительной роли.

А. И. Соболевскій, отвѣчая оппоненту, отмѣтилъ и излишнее его довѣріе къ разсказу лѣтописи о IX вѣкѣ, и произвольный изъ извѣстія о дани выводъ насчетъ этнографическаго родства ростовцевъ съ новгородцами. Относительно вятичей нѣтъ никакихъ указаній, чтобы они были настолько малочисленны, что не могли составить ядра населенія большой области. Никакія историческія данныя не препятствуютъ предположенію, что именно вятичи во второй половинѣ XI в. и первой XII в. по немногу заняли земли близъ Ростовскаго озера и Мурома, оттѣснивъ Мерю и Мурому.

А. В. Селивановъ предложилъ докладчику присоединить къ даннымъ языка въ старыхъ памятникахъ, нерѣдко представляющимъ просто ошибки писцовъ, данныя вещественныя, очень важныя для рѣшенія именно этнографическихъ вопросовъ. Матеріалы изъ извѣстныхъ ему могильниковъ Рязанской губерніи, съ одной стороны, и изъ могильниковъ ростово-суздальскихъ столь различны, что не говорятъ въ пользу тѣсныхъ связей въ древности вятичей съ населеніемъ Ростово-Суздальской области.

Референтъ остался при своемъ мнѣніи относительно особенной важности данныхъ языка для этнографіи и выразилъ сомнѣніе относительно значенія памятниковъ вещественныхъ въ этнографическомъ отношеніи, находя, что послѣдніе почти совсѣмъ не имѣютъ хронологіи и тѣсно связаны съ торговлею.

Д. И. Иловайскій присоединился къ мнѣнію референта о заселеніи Ростовской земли вятичами, а не новгородцами, но предложилъ отодвинуть моментъ заселенія нѣсколько далѣе въ древность; вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ признать, что къ XI в. Мери уже не было, если только этотъ народъ вообще существовалъ.

Докладчикъ не находилъ возможнымъ присоединиться къ мнѣнію Д. И. Иловайскаго о заселеніи русскими мѣстностей около Ростова и Мурома, но согласился, что западъ Тверской губ. долженъ былъ быть славянскимъ много раньше XI в.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ, упомянувъ, что докладчикъ не сходится въ выводахъ ни съ А. А. Шахматовымъ, ни съ А. А. Спицынымъ, рѣшавшими тотъ же вопросъ (послѣдній—по даннымъ археологіи, въ области которой пользуется заслуженнымъ авторитетомъ), указалъ на два примѣра, показывающіе, насколько сложенъ вопросъ о колонизаціи Ростово-Суздальской земли: 1) до взятія Казани русскіе не двигались на востокъ далѣе р. Костромы, въ виду Черемисы; послѣ же взятія Казани двинулись за р. Унжу костромичи, а не новгородцы; но за Унжей теперь новгородскій говоръ; 2) Арзамасская мордва долго за-

держивала движеніе русскихъ; послѣ взятія Казани ее сразу оттѣснили нижегородцы, а не исчезнувшіе уже вятичи.

А. И. Соболевскій, не отрицая наличности позднихъ передвиженій, указалъ, что общей этнографической картины они обыкновенно не мѣняютъ.

Проф. И. А. Шляпкинъ предостерегалъ докладчика отъ излишняго довѣрія къ ростовскимъ памятникамъ XIII в., какъ писаннымъ, можетъ-быть, не ростовцами, и притомъ переведеннымъ ранѣе и не въ Ростовѣ, и находилъ возможнымъ до XIV в. характеризовать съ полной увѣренностью лишь новгородскій говоръ. Сверхъ того, по мнѣнію И. А. Шляпкина, цоканье, подъ вліяніемъ физіологическихъ условій, могло возникнуть само собою въ разныхъ мѣстахъ Россіи, внѣ вліянія новгородскаго говора.

Докладчикъ сослался на тождество данныхъ ростовскихъ памятниковъ XIII в. съ данными памятниковъ (Лаврентьевскаго списка лѣтописи и др.) XIV в. и съ современными мѣстными говорами.

Графъ А. А. Бобринскій выразилъ мнѣніе, что относительно населенія Ростово-Суздальской земли едва ли возможно руководствоваться вещественными данными, такъ какъ, кромѣ труда гр. Уварова о Мерянахъ, основаннаго на систематическомъ изученіи курганнаго матеріала, благодаря чему можно съ нѣкоторой осторожностью принять его выводы,—нѣтъ другихъ попытокъ систематизаціи. По этой причинѣ для него недостаточно убѣдительны гипотезы А. А. Спицына.

Правитель дѣлъ Тверской губернской ученой архивной коммиссіи *И. А. Виноградовъ*, по постановленію Коммиссіи, предложилъ Съѣзду обсудить вопросъ о надписи на находящемся въ Тверскомъ музеѣ такъ называемомъ Стерженскомъ крестѣ и прочелъ относящуюся сюда выдержку изъ журнала 72-го засѣданія Тверской архивной коммиссіи (10 декабря 1899 г.; стр. 12—15 печатнаго журнала). (Отд. II. стр. 162—163).

Проф. А. И. Соболевскій, склоняясь на сторону прежняго чтенія, сообщилъ, что неумѣніе крестьянъ понять „язъ“ вполнѣ допустимо, такъ какъ личное мѣстоименіе въ такой формѣ сохранилось только кое-гдѣ въ Олонецкой губерніи.

Проф. И. А. Шляпкинъ довелъ до свѣдѣнія, что въ его новомъ сборникѣ вещевыхъ надписей принято прежнее чтеніе.

Съѣздъ постановилъ держаться прежняго чтенія и примкнулъ къ мнѣнію Н. Д. Квашнина-Самарина.

Членъ Костромской Архивной Коммиссіи *В. А. Андрониковъ* прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ „Живая старина въ Костромской губерніи“

(О матеріалахъ по этнографіи Костромского края, собранныхъ мѣстной архивной коммиссіей). (Отд. II, стр. 103—125).

Ограничившись передачей содержанія лишь незначительной части собраннаго матеріала, главнымъ образомъ относящейся до свадебнаго ритуала, составитель доклада поставилъ Съѣздъ въ извѣстность, что Костромская архивная коммиссія въ недалекомъ будущемъ надѣется издать весь собранный матеріалъ по этнографіи и народному творчеству и представляетъ желающимъ ознакомиться съ нимъ въ сыромъ видѣ.

Г. Снѣжневскій обратилъ вниманіе на значительную распространенность въ Костромской губ. симуляціи умыканія невѣсты при бѣдности родителей, когда не хватаетъ денегъ на свадьбу.

Н. В. Рождественскій выразилъ желаніе, чтобы при сводкѣ матеріала были подробно описаны типы ряженыхъ, съ цѣлью опредѣлить, не сохранилось ли обычнаго для XVII в., встрѣчающагося, напр., въ Симбирскихъ актахъ, типа „Тура“.

А. И. Соболевскій высказалъ пожеланіе, чтобы при сводкѣ матеріала не руководствовались административными границами, — чтобы, напримѣръ, сѣверо-восточные лѣсные уѣзды Костромской губерніи были разсмотрѣны отдѣльно.

Н. М. Бекаревичъ предложилъ, кромѣ того, выдѣлить совершенно черемисскія волости Варнавинскаго уѣзда.

А. В. Селивановъ просилъ, чтобы Костромская коммиссія разослала свою программу ближайшимъ архивнымъ коммиссіямъ; онъ просилъ также сообщить, на основаніи чего программа составлена и насколько она оказалась пригодною.

В. А. Андрониковъ и Н. М. Бекаревичъ объяснили, что изъ двухъ программъ: Московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи и Харьковскаго историко-филологическаго общества — Костромская архивная коммиссія воспользовалась второю, съ необходимыми по мѣстнымъ условіямъ перемѣнами. Программа для заинтересовавшихся дѣломъ оказалась вполнѣ подходящей, но большинство корреспондентовъ устрашились ея детальности, такъ что въ интересахъ дѣла было бы лучше ее нѣсколько сократить.

Проф. *И. А. Шляпкинъ* сдѣлалъ сообщеніе „Объ изданіи сборника древнихъ вещевыхъ надписей“.

Референтъ, указавъ на важное значеніе вещевыхъ надписей для исторіи, филологіи и археологіи, вызвавшее уже рядъ изданій надписей греческихъ и римскихъ и для древне-русскихъ надписей впервые отмѣченное въ 1851 г. Сахаровымъ въ его „Запискѣ для изученія

русскихъ древностей",—перешелъ къ описанію работъ по предпринятому имъ изданію сборника древнѣйшихъ русскихъ надписей. Императорская Археологическая коммиссія, разсмотрѣвъ предложеніе докладчика вмѣстѣ съ представителями Академіи Наукъ и Спб. университета, вполнѣ одобрила его планъ: работы идутъ уже 6-ой годъ и вскорѣ будетъ совершенно готовъ текстъ (со снимками) вещевыхъ надписей новгородскаго происхожденія по XIV в., размѣщенныхъ въ порядкѣ на основаніи матеріала и степени сохранности. Такой порядокъ необходимъ, чтобы успѣть воспользоваться надписями, легко могущими исчезнуть. Докладчикъ далъ при этомъ слѣдующую скалу: 1) восковыя печати, легко крошащіяся; 2) фресковыя надписи, напр., на поясѣ церкви о времени ея сооруженія, часто поновляемыя; 3) вышитыя, портящіяся при перенизываніи, распариваніи нитокъ, переводѣ на новую матерію; 4) такъ назыв. grafitti, т. е. нарѣзы ножемъ на штукатуркѣ: этимъ родомъ надписей почему то у насъ наиболѣе пренебрегаютъ; напр., еще недавно заштукатурено много надписей въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, тогда какъ, кромѣ данныхъ для языка и письма, въ нихъ заключаются нерѣдко даже лѣтописныя извѣстія; 5) надписи на кости; 6) на камнѣ: здѣсь играетъ роль порода камня, часто бываетъ камень рухлякъ, напр., таковъ Барашевскій камень (на Ладожскомъ озерѣ); 7) на металлѣ: даже и эти надписи не вполнѣ гарантированы отъ исчезновенія. Затѣмъ референтъ перечислилъ примѣняющіеся имъ способы воспроизведенія надписей, а именно: фотографію, эстампированіе, гальванопластику (для небольшихъ предметовъ) и отливку, особенно рекомендуя способъ отливки, выработанный служителями Эрмитажа. Въ заключеніе докладчикъ обратился къ участникамъ Съѣзда съ приглашеніемъ содѣйствовать полнотѣ предпринятаго имъ изданія присылкой вновь открываемыхъ надписей, въ оригиналѣ, снимкахъ, слѣпкахъ, въ Императорскую Археологическую коммиссію.

И. А. Ивановъ указалъ на трудности, съ которыми сопряжено изготовленіе оттисковъ и слѣпковъ съ надписей для дѣятелей губернскихъ архивныхъ коммиссій, которыя благодаря своимъ разъѣздамъ по дѣламъ службы, могутъ многое увидѣть и списать, но не болѣе. Знакомство съ печатными изданіями архивныхъ коммиссій должно лежать на обязанности самихъ заинтересованныхъ лицъ и учрежденій.

А. И. Соболевскій тоже находилъ, что для провинціальныхъ дѣятелей дѣланіе эстампажей и т. п. представляется затруднительнымъ и что достаточно будетъ, если они станутъ сообщать Археологической коммиссіи свѣдѣнія о надписяхъ или самыя вещи съ надписями.

И. А. Шляпкинъ обратилъ вниманіе оппонентовъ, что снимки разныхъ типовъ были имъ уже получены изъ разнообразныхъ мѣстъ Россіи, такъ что трудности дѣланія снимковъ оказываются преодолимыми, и пожелалъ, чтобы ему были доставлены возможно скорѣе снимки съ наиболѣе подверженныхъ исчезновенію восковыхъ печатей.

Проф. И. Я. Гурляндъ высказалъ пожеланіе, чтобы были изданы въ возможно большемъ количествѣ снимки съ печатей должностныхъ лицъ, отсутствіе свода коихъ крайне затрудняетъ изслѣдователей документовъ: такъ, лично его крайне затрудняла невозможность точно опредѣлить, кому принадлежатъ печати на новгородскихъ и московскихъ полныхъ докладныхъ конца XV вѣка (печати „Спи“).

А. В. Селивановъ, защищая приверженность докладчика къ слѣпкамъ, привелъ случай, что акад. Коршъ ни по фотографіи, ни по ручному снимку не могъ прочесть надписей на гробницѣ, вырытой въ Касимовскомъ у., а В. К. Трутовскій впослѣдствіи точно прочелъ бумажные слѣпки ихъ.

И. А. Шляпкинъ, въ дополненіе къ сообщенію г. Селиванова, указалъ на то, что надпись на крестѣ Аркажа монастыря, полученная Срезневскимъ изъ вторыхъ рукъ, теперь, будучи снята, оказывается по содержанію совсѣмъ иною; совершенно иными оказываются надписи будто бы сербскаго происхожденія на дверяхъ въ г. Александровѣ по снимкамъ Мурзакевича и арх. Леонида, и т. д.

Н. В. Рождественскій выразилъ желаніе, чтобы въ издаваемомъ референтомъ сборникѣ были помѣщены также надписи уже давно несуществующія, напр., передаваемая въ раскольничьей литературѣ надпись на до-Никоновскомъ амвонѣ.

14-го августа. Дневное засѣданіе.

Отдѣленіе историческое.

Почетный Предсѣдатель Отдѣленія — *Д. И. Иловайскій.*
Предсѣдатель Отдѣленія — проф. *И. А. Шляпкинъ.*
Секретарь — *В. И. Успенскій.*

Засѣданіе открыто было рѣчью Предсѣдателя Отдѣленія проф. И. А. Шляпкина, въ которой онъ, напомнивъ въ немногихъ чертахъ исторію Ростова, помянулъ добрымъ словомъ главнѣйшихъ подвижниковъ Ростовской земли. Въ заключеніе ораторъ сказалъ нѣсколько словъ о Ростовскомъ древлехранилищѣ и его устроителяхъ.

Послѣ этой рѣчи каѳедру занялъ Е. В. Барсовъ, который сдѣлалъ сообщеніе: „Изъ исторіи колонизаціи и культуры Ростовскаго края“. (Отд. II, стр. 164 — 169).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

М.

52. З. Москово (Симонково). I— 4—
53. Б. Мотовилово . . . . II—23— II.
54. Б. Медяково. . . . . I— 1—
55. Б. Михалево. . . . . I— 5— III.
56. Б. Моклоковка. . . . I— 1—
57. Б. Мусино . . . . I— 4—

Н.

58. Б. Наперстково . . . . I—
59. Б. Нехорошево . . . . I— 1—
60. Б. Никольская. . . . II— 5— II.
61. Б. Нефедово. . . . I—

О.

62. Б. Овсяниково . . . . II— 3— II.
63. Б. Ондрѣевская (Черно-пазово) . . . . — 3—
64. Б. Огафоново . . . . I — I.
65. Б. Ольгино. . . . . I— 1— I.
66. Б. Ондросово . . . . — II.
67. Б. Окулово (Кетрома). V — V.
68. Б. Онтоново. . . . . II— 1— II.
69. Б. Осташково . . . . — I.
70. Б. Остафьево . . . . I— 3— I.
71. Б. Обухово(Малое Игумново) . . . . . I— 1— I.
72. Б. Охотино Большое . — I.

П.

73. Б. Паозерье . . . . . II — II.
74. Б. Прилуково . . . . II— 6— II.
75. З. Привалково. . . . — I.
76. З. Прилуки . . . . . — I.
77. З. Полежайка . . . . I— 4— I.
78. З. Пустодѣево . . . . I— 6— I.
79. Б. Плоская . . . . . I — I.

Р.

80. З. Разилово . . . . . — I.
81. Б. Рахонское сельцо. . — I.
82. Б. Резанецъ. . . . . I— 3— II.
83. Б. Резанцы Малые . . II —
84. З. Рѣзвѣево. . . . . II— 5— II.
85. Б. Рукавкино . . . . II— 1— II.

С.

86. Б. Сидорково (Щерково) I— 6— I.
87. Б. Селенкино . . . . II— 2— IV.
88. Б. Ситково. . . . . I— 5— I.
89. Б. Сорочкино . . . . I— 4— II.
90. Б. Стройково . . . . — I.
91. Б. Сѣниово . . . . . — I.
92. Б. Сурино. . . . . I— 2— I.

Т.

93. Б. Токарево . . . . . II— 5— II.
94. Б. Толчково . . . . . I— 2— II.
95. Б. Томарово (Фаустово). I— 3— I.
96. З. Туралево (Турабьево . . . . . II— 6— II.

У.

97. Б. Урулово . . . . . —
98. Б. Устиньино . . . . I — I.

Ѳ.

99. Б. Ѳомино (Сколково). I— 9 II.
100. Б. Ѳомина Поляна . . I— 8— I.

Ф.

101. Б. Филимоново . . . . I— 3— I.
102. Б. Филипково . . . . I— 3— II.

Х.

103. Б. Хотенково . . . . II — II.

Ч.

104. З. Чапаново . . . . . I—
105. З. Чеганово . . . . . III— 7— II.
106. Б. Черницино . . . . I— 2— II.
107. Б. Чернятино . . . . I — 4— III.
108. Б. Черкасово. . . . . I— 1—

Ш.

109. Б. Шаткино . . . . . I— 3—
110. Б. Шапино . . . . . — I.
111. Б. Шетяево . . . . — I.
112. З. Шульгино . . . . III— 7—

Щ.

113. Б. Щепкино . . . . . III— 4— II.
114. Б. Щипачево . . . . . III — V.

Я.

115. Б. Ячниково . . . . . V— 5— V.
116. Б. Ячная . . . . . II— 2— II.
117. Б. Яковлевская . . . III— 3— IV.
118. Б. Яковлево (Иванищево). . . . . III— 3— I.

Гр. А. А. Бобринской.

О нѣкоторыхъ символическихъ знакахъ, общихъ первобытной орнаментикѣ всѣхъ народовъ Европы и Азіи.

Цѣль настоящаго сообщенія—подѣлиться съ собратіями по археологіи нѣкоторыми наблюденіями въ области исторіи первобытнаго искусства. Я желалъ бы представить соображенія касательно орнамента первобытныхъ народовъ и его происхожденія. Весь мой докладъ есть только опытъ изслѣдованія въ новомъ направленіи. Вопросъ, котораго я касаюсь—непочатой и необработанный. Первые шаги по этому незнакомому пути поневолѣ будутъ робкими; приходится ориентироваться ощупью; а все-же чуется мнѣ, что какъ бы не былъ труденъ путь—онъ ведетъ къ раскрытію основного закона возникновенія орнамента и тѣмъ самымъ къ выясненію первой главы исторіи искусства человѣка. Такая задача достойна усилій. Даже если мое сообщеніе и можетъ показаться плодомъ фантазіи или увлеченія—я все-таки рѣшаюсь высказать свои взгляды. По мѣрѣ изученія вопроса, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ правильности моихъ заключеній,—а убѣжденіе, даже ошибочное, заслуживаетъ вниманія, хотя бы для его опроверженія.

Всякій изъ васъ, М. Г., конечно, читалъ и слышалъ разсужденія объ орнаментѣ русскомъ, германскомъ, греческомъ, римскомъ, арабскомъ и т. п. Эти общіе заголовки дробятся на многочисленныя категоріи. Говорятъ объ орнаментѣ малорусскомъ, великороссійскомъ, чешскомъ, моравскомъ и т. п. Много написано изслѣдованій, спеціально посвященныхъ тому или другому орнаменту, и авторы ихъ убѣждены, что изучили и систематизировали художественныя начертанія народнаго творчества, отличающія искусство того или другого племени.

Орнаменты появляются съ древнѣйшихъ временъ на всѣхъ издѣліяхъ человѣка: на каменныхъ постройкахъ, на могильныхъ столбахъ, на деревяныхъ стропилахъ, на дугахъ, ярмахъ, на металлическомъ оружіи, на посудѣ, глиняныхъ пряслицахъ, на коврахъ и тканяхъ, на отворотахъ рубахъ, на пасхальныхъ писанкахъ... словомъ, не перечислить того множества разрядовъ вещей, которыя человѣкъ искони украшалъ и продолжаетъ украшать начертаніями, нарѣзами, красками. Изъ сплетенія и сочетанія этихъ чертъ и нарѣзовъ образуется орнаментъ, сперва крайне несложный, основанный на однообразныхъ повтореніяхъ самаго простого мотива, расположенныхъ на опредѣленномъ разстояніи одно отъ другого. Съ теченіемъ вѣ-

ковъ орнаментъ усложняется и принимаетъ болѣе правильныя формы, такъ что въ настоящее время требуется много наблюдательности и навыка, чтобы въ сложной декорировкѣ XX-го вѣка отыскать основные принципы и воскресить въ хитросплетеніяхъ современнаго искусства—первоначальный базисъ узора, то есть тѣ несложныя начертанія первобытныхъ племенъ, о которыхъ будетъ идти рѣчь.

Изучая орнаментику въ этомъ направленіи, то есть разбирая каждый орнаментъ по пріему лингвистики, доискиваясь его этимологіи, если можно такъ выразиться, возсоздавая примитивныя начертанія и іероглифы,—я пришелъ къ выводу, который и составляетъ тему настоящаго сообщенія, а именно, что орнаментика всѣхъ племенъ и народовъ, какъ нынѣшняя, такъ и орнаментика прежнихъ временъ, въ Европѣ и во многихъ мѣстахъ Азіи (остальныя страны свѣта въ отношеніи орнаментики мало изслѣдованы) содержитъ нѣкоторыя тождественныя у всѣхъ народностей начертанія, составляющія основу всемірной орнаментаціи. Формы эти, развиваясь, утрачиваютъ свой первоначальный смыслъ и порождаютъ безчисленное количество производныхъ формъ. Но чѣмъ болѣе углубляешься въ старину — тѣмъ основныя формы орнамента появляются чаще и чаще. Точно такъ-же, какъ въ разнозвучныхъ словахъ разныхъ языковъ лингвистика усматриваетъ однородные корни, тождественныя основы—точно такъ-же и въ чуждыхъ другъ другу на первый взглядъ орнаментахъ скрываются тождественныя основныя формы, тѣже простые принципіальные іероглифы. Какъ въ наукѣ о языкахъ, по простымъ корнямъ и основамъ словъ можно дѣлать смѣлые выводы о происхожденіи языка и этимъ бросать свѣтъ на исторію народовъ, открывать неизвѣстныя страницы условій, при которыхъ совершились передвиженія племенъ въ отдаленнѣйшія времена человѣческаго существованія, такъ изслѣдованіе объ основахъ орнамента должно служить къ освѣщенію исторіи человѣка въ давно минувшее время и способствовать возсозданію лѣтописи его первоначальныхъ странствованій.

Я не могу утверждать, что *весь* европейскій орнаментъ можетъ быть приведенъ къ одному, такъ сказать, знаменателю, чтобы изъ каждаго орнамента могли быть извлечены тѣ первоначальные корни, на которыхъ развился орнаментъ. Однако, если существуютъ исключенія, то для весьма многихъ орнаментовъ высказанное мною положеніе вѣрно. Оно сводится къ тому, что, строго говоря, не существуетъ орнамента такого-то народа или племени, нѣтъ орнамента такого то столѣтія до и послѣ Р. Х. Всѣ существующія въ народной орнаментаціи формы представляютъ изъ себя лишь развитіе нѣсколькихъ очень типичныхъ, категоричныхъ формъ, составляющихъ въ совокупности опредѣленный циклъ фигуръ, имѣющихъ каждая свой смыслъ. Существуютъ, конечно, отдѣльно взятые узоры, принадлежащіе опредѣленному времени и даже племени, но это—исключенія, случайности, позднѣйшіе узоры, не принадлежащіе къ основной системѣ всемірнаго орнамента.

Нѣкоторыя начертанія, встрѣчающіяся одинаково въ древности и въ настоящее время у разныхъ народовъ уже давно обратили на себя вниманіе ученыхъ; инымъ такимъ знакамъ присвоены и особыя наименованія. Такова: Соломонова печать, свастика, трициклъ, меандръ, греки, спирали, волчьи зубы и т. п. Названія эти носятъ совершенно произвольный характеръ и значенія въ дѣлѣ изученія происхожденія орнамента не имѣютъ.

Давно уже также обращено вниманіе на нѣкоторые изъ такихъ общеупотребительныхъ знаковъ въ смыслѣ отысканія въ нихъ извѣстнаго символическаго значе-

нія. Слишкомъ очевидно было, что иныя изъ упомянутыхъ фигуръ не могли зародиться случайно, путемъ случайнаго сплетенія линій. Въ нѣкоторыхъ знакахъ согласились признавать символы, но значеніе такихъ символовъ оставалось крайне неяснымъ. Каждый изслѣдователь предлагалъ свое толкованіе. Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстная свастика получала значеніе бога боговъ, возрожденія, дождя и плодородія, грома и молнія, лотуса, фаллуса, женщины. Свастика, окруженная кругомъ—это палки, посредствомъ тренія коихъ добывается огонь и т. п. Объ одномъ только знакѣ свастика и его значеніи существуетъ цѣлая литература. Точно также различно объяснялись и нѣкоторыя другія начертанія.

Нынѣ я предлагаю новое истолкованіе нѣкоторыхъ изъ такихъ знаковъ. Какъ вы увидите, въ моей схемѣ систематизаціи нѣкоторыхъ основныхъ знаковъ орнамента—многія изъ первоначальныхъ начертаній приведены къ одной общей системѣ и указано ихъ послѣдовательное развитіе и ихъ взаимная связь между собою.

Для наглядности, перехожу теперь къ первобытному человѣку и къ его первымъ попыткамъ орнаментаціи. Здѣсь мнѣ придется отчасти погрузиться въ область фантазіи. Однако всѣ тѣ фантастическія на первый взглядъ предположенія, которыя будутъ мною высказаны, не останутся совершенно голословными. Мои положенія я попытаюсь оправдать фактами.

Представляю себѣ первобытнаго гончара, гдѣ-либо въ центрѣ Азіи, намѣревающагося украсить свою незатѣйливую посуду. Мотивами орнаментаціи могли служить всевозможныя случайныя сочетанія прямыхъ линій и точекъ, вдавленныхъ на глинѣ пальцемъ, ногтемъ, древкомъ; но рядомъ съ этими случайными украшеніями появляются съ самыхъ древнихъ временъ орнаменты, которые видимо нанесены съ желаніемъ изобразить нѣчто конкретное. Это нѣчто, которое составляетъ предметъ первыхъ художественныхъ опытовъ человѣка (на глинѣ, кости, металлѣ) представляетъ во всѣхъ странахъ и во всѣ эпохи—тоже самое.

Говоря a priori, можно предположить, что человѣкъ прежде всего долженъ былъ стремиться изобразить окружающіе его предметы: животныхъ и самого человѣка. Неумѣлыя и неразборчивыя его начертанія со временемъ стилизируются и становятся еще непонятнѣе. Трудно дается рѣзьба на деревѣ или камнѣ, и потому понятно, что стилизировка рисунка, состоящая изъ прямыхъ линій, удобныхъ для гравировки, быстро входитъ въ обычай. Стилизированныя изображенія сохраняютъ сперва свой смыслъ и понимаются людьми. Со временемъ племена смѣняются, смыслъ рисунка забывается, но рисунокъ остается въ употребленіи, передаваясь съ точностью изъ рода въ родъ и обращаясь мало по малу въ декоративный мотивъ. Современный памъ горецъ Дагестана, воспроизводя почти во всей своей чистотѣ декоративные мотивы старины на богатыхъ узорами коврахъ-палласахъ и сумахахъ, не имѣетъ, конечно, понятія о первоначальномъ смыслѣ того или другого узора. Опыты, сдѣланные мною въ этомъ направленіи, убѣдительно доказываютъ это. Такъ, почти каждый узоръ, которыми дагестанецъ украшаетъ свои ковры или малороссійская баба пасхальныя писанки, носитъ особое названіе, но клички эти новодѣланныя. Тотъ же узоръ носитъ абсолютно различныя названія въ разныхъ мѣстностяхъ, и клички эти даны по приблизительному сходству узора съ предметами современнаго быта. Такой-то орнаментъ носитъ названіе розы или гвоздики, этимологическій смыслъ котораго ничего общаго съ этими цвѣтами не имѣетъ. Здѣсь, кстати, замѣтить, что я не касаюсь вовсе области цвѣточнаго узора, то есть изображенія цвѣтовъ и ихъ

стилизаціи. Воспроизведеніе цвѣтовъ, плодовъ и листьевъ играетъ, разумѣется, очень видную роль въ орнаментѣ всѣхъ народовъ и временъ. Однако, въ первобытныхъ твореніяхъ человѣка—цвѣточный узоръ отсутствуетъ вовсе; точно также отсутствуютъ изображенія плодовъ и листьевъ. Извѣстенъ мотивъ узора, представляющій дерево, но это дерево оказывается не простымъ изображеніемъ любого дерева, а символическимъ изображеніемъ опредѣленнаго дерева, значеніе коего я въ настоящее время объяснить не умѣю. Замѣчу при этомъ, что я вполнѣ сознаю, что представляемый мною вамъ сегодня первый опытъ въ области изслѣдованія зачатковъ орнаментики человѣческаго рода, какъ всякій первый опытъ экскурса въ невыясненную область, страдаетъ большой неполнотой. Возникаетъ множество вопросовъ, на которые я не могу дать отвѣта. Не могу бороться и со многими дѣлаемыми мнѣ возраженіями. И все же не сомнѣваюсь въ правильности основного моего положенія, а именно, что большинство нашихъ узоровъ постепенно возникло на почвѣ очень простого примитивнаго узора и что въ этой первоначальной декорировкѣ заключаются нѣкоторые основные знаки, имѣющіе символическое значеніе. Смыслъ же этотъ выясняется условіями быта первобытнаго человѣка, къ которому еще разъ возвращаюсь.

Когда человѣкъ впервые появился на азіатскомъ плоскогоріи, откуда племена его распространились во всѣ направленія, онъ долженъ былъ, между прочимъ, бороться съ однимъ условіемъ, которое дѣлало его обитаніе невыносимымъ. А именно: вся площадь земли, на которой человѣку приходилось селиться и сѣять хлѣбъ—кишѣла невѣроятнымъ множествомъ пресмыкающихся и, главнымъ образомъ, змѣй. О томъ, что происходило въ этомъ отношеніи за многія тысячелѣтія тому назадъ можно судить по тому, что есть теперь. Такъ, напримѣръ, о малой Азіи извѣстный археологъ Шлиманъ пишетъ изъ Гиссарлыка (5 апрѣля 1872 г.), что въ первые дни его раскопокъ, на склонѣ горы появилось невѣроятное множество ядовитыхъ змѣй, едва толще дождевыхъ червей. Г. Ресслеръ подтверждаетъ эти свѣдѣнія въ письмѣ ко мнѣ изъ Шуши. (31 декабря 1898 г.). „Змѣи въ Закавказьѣ водятся въ громадномъ количествѣ. Одна изъ ядовитыхъ породъ елмаръ, раздражается очень легко. Разъяренный змѣй преслѣдуетъ людей и животныхъ на большія разстоянія, страшно шипя и дѣлая громадные прыжки“.

Слѣдовательно, прежде всего человѣку приходится бороться со змѣемъ и этотъ змѣй обращается, конечно, въ божество. Въ древнемъ мірѣ почитаніе змѣя было общераспространено. Объ офизмѣ (офисъ — змѣй), культѣ змѣй въ Греціи писано много. Также объ ovis anguinum и его значеніи. Всѣмъ памятно изображеніе божества въ видѣ змѣя въ Египтѣ. Вспомнимъ мимоходомъ и змѣя, воздвигнутаго Моисеемъ. Въ Индіи и по сей день почитаніе змѣи продолжаетъ существовать, съ особыми храмами для священныхъ змѣй и ихъ жрецовъ. Къ этому же разряду божествъ древняго міра слѣдуетъ, можетъ быть, отнести и баснословнаго дракона, такъ часто встрѣчающагося въ миѳологіяхъ всѣхъ народовъ (см. таб. VI, 32). И у насъ есть свой Змѣй-Горынычъ.

Изображеніе змѣя дается легко. Извилистая форма змѣя стилизируется въ зигзаги (см. таб. I, 1), и этотъ простой узоръ вы встрѣтите абсолютно вездѣ. Впослѣдствіи, когда позабыто было первоначальное значеніе мотива—змѣиному узору стали придавать различныя иныя наименованія; такова, напримѣръ, общеупотребительная кличка: волчьи зубы. Но въ сущности, все это сводится къ той же первоначальной формѣ змѣя. Конечно, чѣмъ древнѣе рисунокъ, тѣмъ онъ болѣе прибли-

жается къ первоначальной формѣ змѣя. Но и нынѣ, если всмотрѣться въ кайму стараго дагестанскаго палласа, представляющую стилизированнаго змѣя въ видѣ правильной зигзагообразной линіи, вы усмотрите, что линія весьма часто не совсѣмъ сходится, то есть, что мѣсто головы змѣя и конецъ хвоста не соприкасаются. Почти вездѣ можно указать начало зигзагообразной каймы и конецъ ея. (Таб. I, 2). Древніе же рисунки представляютъ змѣй, легко распознаваемыхъ, даже съ приподнятой головой и открытой пастью. (Таб. I, 3).

Для распознаванія смысла начертаній первобытнаго человѣка большую услугу оказываютъ намъ рисунки современныхъ дикарей. Пріемы изображеній дѣтства человѣческаго рода тѣже, что и у дикарей. Такъ, напримѣръ, поучителенъ пріемъ дикарей для изображенія пятенъ на кожѣ. Напримѣръ олень или лань у американскихъ индѣйцевъ изображается точно также, какъ у древнихъ народовъ. Въ стилизированномъ видѣ олень рисуется какъ указано на таб. II, 4, 5. За невозможностью умѣстить накожныя пятна или глаза на чертѣ, изображающей туловище — эти пятна ставятся сверху и снизу подлѣ черты. Для изображенія пятенъ змѣя первобытный художникъ прибѣгаетъ къ тому же пріему: пятна изображаются по сторонамъ тѣла (таб. II, 6). Такимъ образомъ, когда вамъ встрѣтится подобный узоръ, (а онъ на различныхъ предметахъ старины и въ простонародномъ орнаментѣ всѣхъ странъ и всѣхъ эпохъ — очень употребителенъ), вы будете знать, что если только мое предположеніе вѣрно, то вы имѣете передъ глазами не игру случайности, а осмысленный орнаментъ, изображающій змѣя и его пятна. Змѣю мы, повидимому, обязаны и другимъ орнаментомъ, а именно: спиралью. Сходство свернувшагося змѣя со спиралью очевидно, но вотъ, напримѣръ, рисунокъ съ ирландскаго дольмена (таб. II, 7), въ которомъ явственно соединены оба изображенія змѣя—растянутое и спираль. Вопросъ о происхожденіи спирали отъ изображенія свернувшагося змѣя мною еще недостаточно изученъ. Переходныя формы еще недостаютъ, но, понятно, какъ интересно было бы, слѣдуя по указываемому пути, отыскать эти переходныя формы, напримѣръ, спираль съ обозначеніемъ головы, открытой пасти змѣя и т. п.

И такъ, врагомъ человѣка былъ змѣй (какъ и въ повѣствованіи Библіи, къ слову сказать). Эмблема змѣя, очевидно, скоро должна была обратиться въ изображеніе божества, которое „шипѣло по змѣиному“, представляя изъ себя врага человѣка, олицетворяя принципы зла и смерти. Съ нимъ человѣку приходилось съ первыхъ дней вести борьбу за существованіе.

Однако, въ этой борьбѣ, человѣкъ не оставался безъ союзниковъ. Если по теперешнимъ временамъ судить о томъ, что было въ древнѣйшія эпохи, то вотъ свидѣтельства, уже цитированныхъ мною ученыхъ, Шлимана и Весслера по вопросу о природныхъ союзникахъ человѣка. Шлиманъ пишетъ: (то-же письмо изъ Гиссарлыка, 1872 г.) „мнѣ кажется, что если-бы не аисты, появившіеся въ количествѣ многихъ тысячъ и въ теченіе весны и лѣта уничтожающіе здѣсь змѣй, человѣку рѣшительно невозможно было бы обитать въ равнинѣ Трои, благодаря чрезмѣрному количеству этихъ гадинъ“. Г. Весслеръ же пишетъ мнѣ (изъ Шуши 1898 г.): „главными уничтожителями змѣй являются аисты, ciconia alba и рѣже встрѣчающаяся ciconia nigra. Эти птицы прилетаютъ сюда обыкновенно въ концѣ апрѣля, безчисленными стаями. Ихъ можно, напримѣръ, видѣть сотнями по обѣимъ сторонамъ почтовой дороги, ведущей изъ Шуши въ Евлахъ (станція желѣзной дороги) черезъ степь. Здѣсь, въ продолженіе всего лѣта, аисты заняты своей полезной дѣятельностью

истребленіемъ змѣй. Населеніе считаетъ ихъ „святой“ птицей. Аисты гнѣздятся на деревьяхъ степи; часто на одномъ деревѣ находится по 5 и болѣе гнѣздъ“. Профессоръ Карлъ фонъ-денъ Штейненъ въ своей замѣчательной брошюрѣ „Prähistorische Zeichen und Ornamente“ (Berlin 1896), обращая впервые вниманіе на значеніе аиста въ стилизированномъ орнаментѣ древняго человѣка, напоминаетъ о древнемъ миѳѣ про прекрасную дочь Лаомедона, сестру Пріама — Антигону. Она возгордилась своими длинными волосами и считала себя равною Герѣ. Послѣдняя разсердилась и обратила эти волосы въ змѣй. Измученная укусами, несчастная Антигона вызвала состраданіе прочихъ боговъ, которые обратили ее въ аиста, пожирателя змѣй. Съ тѣхъ поръ аисты и по сей день проявляютъ ликованіе о своей красотѣ особымъ курлыканіемъ. Аисты усвоили достоинства и прекрасныя качества Антигоны: они служатъ олицетвореніемъ любви, умѣренности и благодарности.—Таковъ символическій смыслъ разсказа древнихъ. Въ Индійской миѳологіи встрѣчаются демоническія божества древнихъ арійскихъ индѣйцевъ, которыя занимались исключительно уничтоженіемъ змѣй и рептилій (Berthold Laufer, Preliminary notes on explorations among the Amoor tribes. American Anthropologist (N. S.) Vol. 2, April 1900). Таковъ въ особенности богъ Гаруда, волшебная птица, на подобіе орла, вѣстникъ Индры. Его постоянный символъ—свастика.

Современные путешественники (Зоологія Троады, Чихачева) насчитываютъ на домахъ въ малой Азіи до 4, 6 и даже до 12 гнѣздъ аистовъ на одной и той-же крышѣ. То-же видимъ и въ Греціи. Такъ, уже Аристотель, говоря объ Иліадѣ, замѣчаетъ, что „во всей окрестной Ѳессаліи еще вспоминаютъ объ эпохѣ, когда тамъ расплодилось столько змѣй, что если-бы не аисты, истреблявшіе ихъ, людямъ пришлось бы уступить мѣсто змѣямъ. По этой же причинѣ аистовъ чтутъ, и законъ запрещаетъ убивать ихъ. Виновный же въ убійствѣ аиста наказывается также, какъ и убійца человѣка“ (von den Steinen).

И такъ, едва появляется весна и природа воскресаетъ послѣ зимняго сна—появляются и вѣстники возрожденія, яра,—птицы перелетныя: гуси, аисты и друг., главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, аисты. Въ нихъ человѣкъ видитъ начало добра. Начинается ожесточенная борьба. Рептиліи уничтожаются массами, и вскорѣ человѣку дается возможность обрабатывать землю и сѣять. Своимъ покровителямъ, аистамъ, человѣкъ воздаетъ божескія почести, птица эта изъ рода въ родъ остается священною эмблемою боговъ, эмблемою яра, возрожденія, весны. Борьба стихій и смѣна временъ года обращаются въ гигантскую борьбу птицы со змѣемъ. Согласно сему, на первѣйшихъ начертаніяхъ человѣка рядомъ съ изображеніемъ змѣя появляется и рисунокъ птицы. Древнѣйшія начертанія Египта и премикенской Греціи изобилуютъ изображеніемъ птицъ. Божественные аттрибуты нѣкоторыхъ весеннихъ птицъ всѣмъ вамъ хорошо извѣстны. Неприкосновенность аистовъ по всему міру, ласточки, священные гуси Рима и т. п., достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ культѣ птицъ. Къ сему же культу слѣдуетъ, можетъ быть, отнести и значеніе птицъ, въ качествѣ предвѣщателей будущаго, изученіе ихъ полета, ауспиціи и т. п.

Птицу не легко награвировать и вырѣзать на камнѣ или деревѣ. Стилизація, изображающая птицъ посредствомъ простыхъ начертаній, напрашивается сама собою. Стилизація эта достигаетъ очень простыхъ формъ, не имѣющихъ видимаго сходства съ прообразами. Такъ—птица стоящая или сидящая изображается сперва, по возможности, въ натуральномъ видѣ. Іероглифы Египта и керамика древнѣйшей Греціи

и Кипра изобилуютъ изображеніями птицъ (см. таб. II, 8) *). Птицы изображаются или стоя и сидя, или на лету. Оба типа изображеній стилизируются. Такъ, птица стоящая или сидящая стилизируется, какъ указано на таб. II, 9. Существуетъ много переходныхъ формъ, гдѣ ясно видны открытые клювы птицъ и ихъ ноги. См. таб. II, 10.

Птица на лету стилизируется въ знакъ креста или свастики. И здѣсь также изобиліе переходныхъ формъ. Свастика не тотчасъ же пріобрѣтаетъ права гражданства, въ томъ видѣ, какъ ее изображаютъ нынѣ. Сперва направленіе клюва и крыльевъ безразличное. Такъ, встрѣчаются различныя разновидности этого знака, какъ указано на таб. III, 11. Но со временемъ, когда въ памяти народовъ совершенно утратилось первоначальное значеніе свастики, какъ летящей птицы, и когда свастика обратилась въ символъ уже не вѣстника весны птицы, а божества солнца, огня, производительности, возрожденія, бога—создателя и т. п. — тогда свастика принимаетъ всюду однообразный видъ. Одно лишь направленіе клюва и, въ связи съ нимъ направленіе крыльевъ птицы обращаются то вправо, то влѣво. Отсюда два вида и два названія для этого знака, называемаго на индійскомъ нарѣчіи: свастика и саувастика.

О свастикѣ и ея значеніи, какъ было сказано, писано много; по этому вопросу существуетъ особая литература. О свастикѣ, между прочимъ, подробно писалъ и Шлиманъ. Въ послѣднее время все, что извѣстно о свастикѣ, сгрупировано въ подробномъ томѣ американскаго археолога, г. Вильсона. Къ сожалѣнію и Шлиманъ и Вильсонъ впадаютъ въ ошибку всѣхъ тѣхъ, которые разсматриваютъ свастику какъ особый знакъ и не знаютъ о ея положеніи въ ряду другихъ символическихъ знаковъ. Всѣ выводы Вильсона и другихъ, основанные на догадкахъ и предположеніяхъ, лишены серьезнаго значенія. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что свастика могла служить для изображенія и солнца и огня и различныхъ божествъ древняго міра, но какъ при археологическихъ раскопкахъ слѣдуетъ добираться до скалы или материка, такъ и въ розыскахъ о значеніи свастики надо искать ея первоначальнаго значенія и, по моему мнѣнію, чѣмъ болѣе изучаешь вопросъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ правильности предположенія, впервые высказаннаго нѣмецкимъ этнографомъ профессоромъ фонъ-денъ Штейненъ, а именно, что какъ свастика такъ и паралельная ей саувастика суть эмблемы птицъ на лету, преимущественно крупной весенней птицы, аистовъ и ихъ товарищей. Замѣчательно, что посуда индѣйцевъ обитателей Пуэбло въ Америкѣ (фонъ-денъ Штейненъ) украшена изображеніемъ птицъ и свастики такого же типа, какъ на таб. III, 11, начертанныхъ двумя мазками кисти и несомнѣнно изображающихъ именно летящихъ птицъ. Моментальные снимки птицъ, схваченныхъ на лету, очень близко подходятъ къ этимъ примитивнымъ начертаніямъ.

Знакъ свастики, какъ было сказано, появляется на различныхъ предметахъ съ незапамятныхъ временъ. Древнѣйшій извѣстный мнѣ примѣръ изображенія свастики на предметѣ, эпоха котораго можетъ быть болѣе или менѣе точно опредѣлена, встрѣчается на одной изъ золотыхъ коронъ, найденныхъ въ саркофагѣ египетской царевны Кхнумиты, при раскопкахъ г. Моргана, въ Дахшурѣ (Египетъ

*) Очень поучительна въ этомъ отношеніи найденная за послѣднее время г. Рессле-ромъ въ Закавказьѣ посуда временъ ассирійской или древней персидской культуры.

своихъ бюджетовъ, Калужская 56,3%, Рязанская, Таврическая и Костромская отъ 34 до 44%, Владимірская, Оренбургская и Орловская отъ 10,2 до 15% и только Тамбовская 1,7%. Значительную долю бюджета Владимірской архивной комиссіи составляютъ частныя пожертвованія — 82,2%, затѣмъ Тамбовская, Рязанская и Костромская отъ частныхъ лицъ получаютъ отъ 54 до 35,6% своихъ бюджетовъ, Оренбургская — 28,2%, Нижегородская — 26,5% и Тверская, Таврическая, Ярославская и Калужская отъ 7 до 1,7%. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что въ Рязанской комиссіи всѣ пожертвованія дѣлаются двумя лицами; изъ нихъ предсѣдатель комиссіи А. Д. Повалишинъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отдавалъ въ пользу коммиссіи все свое годовое жалованье (2000 р.) по должности члена губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія.

Членскіе взносы существуютъ во многихъ коммиссіяхъ, но даютъ незначительныя средства; только въ Таврической и Калужской они составляютъ замѣтную статью дохода, достигая въ первой 42,2% бюджета и во второй 34%, въ Тамбовской, Симбирской, Рязанской, Орловской и Ярославской эта статья даетъ отъ 17 до 10% и въ трехъ остальныхъ — Саратовской, Владимірской и Оренбургской — около 7%. Орловская комиссія существуетъ преимущественно на доходы отъ продажи своихъ изданій, пріобрѣвшихъ широкое распространеніе среди мѣстнаго духовенства; она получаетъ отъ этой продажи до 72% своего бюджета, затѣмъ Тверская комиссія получаетъ отъ продажи своихъ изданій до 27% бюджета и Таврическая, Костромская, Нижегородская, Тамбовская и Рязанская—лишь отъ 3 до 1%. Наконецъ, архивныя комиссіи получали нѣкоторое пособіе (отъ 100 до 200 р. въ годъ) изъ министерства юстиціи за разборъ дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ, но это пособіе выдавалось имъ недолго и съ 1892 г. прекратилось; только Костромская коммиссія оказаласъ болѣе счастливою въ этомъ отношеніи, получая свое пособіе и при томъ не въ примѣръ прочимъ въ увеличенномъ размѣрѣ (по 300 р.) до послѣдняго времени *).

Расходы архивныхъ комиссій распадаются на слѣдующія статьи:

1. Жалованье завѣдывающимъ дѣлопроизводствомъ, писцамъ и прислугѣ.
2. Разборъ и описаніе архивныхъ дѣлъ.
3. Гонораръ за статьи, помѣщаемыя въ трудахъ коммиссій.
4. Типографскіе расходы.
5. Раскопки и изслѣдованіе кургановъ, могильниковъ и городищъ.
6. Пріобрѣтеніе предметовъ древностей.
7. Составленіе библіотекъ.
8. Сооруженіе зданій.
9. Первоначальное обзаведеніе, мебель, отопленіе и освѣщеніе.
10. Ремонтъ и страхованіе зданій.
11. Командировки на археологическіе съѣзды.
12. Случайные расходы.

Уже одно перечисленіе расходныхъ статей архивныхъ комиссіи даетъ нѣкоторое понятіе о характерѣ ихъ дѣятельности; еще болѣе выясняется дѣятельность комиссій при детальномъ разсмотрѣніи этихъ статей въ отдѣльности по каждой комиссіи, при чемъ намѣчаются и преобладающія отрасли дѣятельности каждой.

*) Упоминается объ этомъ пособіи въ послѣднемъ отчетѣ комиссіи за 1899 годъ.

Жалованье служащимъ составляетъ замѣтную статью расхода: Ярославской, Саратовской, Симбирской, Тверской, Костромской и Калужской комиссій, гдѣ оно составляетъ отъ 54 до 36% расходной смѣты, въ Нижегородской, Рязанской и Оренбургской—отъ 28,5 до 23%, Тамбовской—до 10% и Таврической и Владимірской—до 3%.

Оплата труда по разбору и описанію дѣлъ, какъ опредѣленная постоянная статья расхода, существуетъ только въ двухъ комиссіяхъ—Тамбовской и Орловской, въ первой она составляетъ 47,5% всѣхъ расходовъ комиссіи, во второй-же лишь 5%; въ трехъ комиссіяхъ—Костромской, Симбирской и Оренбургской статья эта является временною и опредѣляется въ среднемъ размѣрѣ отъ 2 до 7% расходной смѣты. Впрочемъ, нѣкоторыя комиссіи оплачиваютъ этотъ трудъ постояннымъ жалованьемъ, а въ другихъ онъ относится на статью канцелярскихъ расходовъ.

Издательская дѣятельность комиссій является наиболѣе точнымъ внѣшнимъ показателемъ научной ихъ дѣятельности. По абсолютной величинѣ расходовъ на изданіе своихъ трудовъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Владимірская комиссія, ежегодный расходъ которой на это дѣло достигаетъ 558 р.; за нею слѣдуетъ старѣйшая и дѣятельнѣйшая изъ комиссій Рязанская съ годовымъ расходомъ въ 483 руб., далѣе—Саратовская и Таврическая, расходующіе до 300 р., Нижегородская—до 250 р., Костромская—до 210 р., затѣмъ Симбирская, Калужская и Орловская—отъ 170 до 140 р., Тверская—до 80 р., Ярославская—до 40 р., Оренбургская—до 25 р. и Тамбовская—до 1 р. 50 коп.

Въ процентномъ отношеніи къ общей годовой суммѣ расходовъ типографскіе расходы комиссій представляются нѣсколько въ иномъ видѣ и представляютъ иныя отношенія между коммиссіями. Они выражаются въ слѣдующихъ величинахъ:

Таврическая	коммиссія	расходуетъ	69%
Орловская	„	„	47%
Тверская	„	„	40,2%
Саратовская	„	„	38,%
Калужская	„	„	29,4%
Рязанская	„	„	23,1%
Костромская	„	„	17,5%
Нижегородская	„	„	17%
Владимірская	„	„	14,6%
Симбирская	„	„	12,9%
Ярославская	„	„	8%
Оренбургская	„	„	2,8%
Тамбовская	„	„	0,4%

Хотя расходы по изданію трудовъ въ Тамбовской комиссіи и выражаются въ ничтожной суммѣ, но по количеству изданныхъ историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій она стоитъ въ ряду первыхъ. Объясняется это тѣмъ, что труды комиссіи печатаются безплатно губернскою типографіею.

Оплата литературнаго труда членовъ коммиссіи, какъ спеціальная статья въ расходной смѣтѣ, существуетъ только въ одной коммиссіи—Орловской и относительно въ довольно крупномъ размѣрѣ—31% всѣхъ годовыхъ расходовъ, что объясняется,

повидимому, крупнымъ, опять-таки говоря относительно, доходомъ, какой комиссія получаетъ отъ продажи своихъ трудовъ.

Изслѣдованія въ области археологіи занимаютъ довольно видное мѣсто въ ряду другихъ трудовъ въ комиссіяхъ Рязанской и Костромской, первая ежегодно затрачиваетъ на нихъ въ среднемъ до 16% своего бюджета и вторая 12%; кромѣ того на пріобрѣтеніе предметовъ древностей для своихъ музеевъ первая затрачиваетъ до 7 и вторая до 4%.

Археологія – наука для людей богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, достаточныхъ— сказалъ какъ-то профессоръ Казанскій на I археологическимъ съѣздѣ *). Замѣчаніе очень вѣрное, и какъ ни важны археологическія изслѣдованія для изученія прошлаго родной земли, надъ которымъ трудятся архивныя комиссіи, только немногія изъ нихъ могутъ поставить въ кругъ своихъ задачъ изслѣдованіе своихъ областей въ археологическомъ отношеніи. Расходы на производство археологическихъ раскопокъ и пріобрѣтеніе предметовъ старины мы находимъ далѣе въ 9 комиссіяхъ и то у большинства ихъ въ незначительныхъ размѣрахъ **): въ Нижегородской до 15%, годовыхъ расходовъ, Таврической—до 9,4%, Ярославской, Симбирской, Казанской и Тамбовской—отъ 4 до 6% и во Владимірской, Оренбургской и Орловской—отъ 0,9 до 1,4%.

По примѣру Нижегородской архивной комиссіи, испросившей въ законодательномъ порядкѣ разрѣшеніе на пріобрѣтеніе недвижимаго имущества, нѣкоторыя комиссіи также пріобрѣли или сами соорудили зданія для своихъ музеевъ, библіотекъ и архивовъ, израсходовавъ на это довольно значительныя суммы. Такъ, расходы по сооруженію зданія Владимірской комиссіи выразились въ сложности – до 76% всѣхъ ея расходовъ, Оренбургской – до 60% ***), Нижегородской—15%, Орловской – 13%, Рязанской—до 6%. Собственныя зданія имѣютъ Калужская и Тамбовская архивныя комиссіи. Остальныя пріютились и часто съ большими неудобствами въ общественныхъ и частію казенныхъ зданіяхъ.

Вопросъ о пріобрѣтеніи собственныхъ помѣщеній, замѣтимъ кстати, въ высшей степени важенъ для архивныхъ комиссій: отсутствіе ихъ часто ставитъ комиссіи въ серьезныя затрудненія даже въ выполненіи прямыхъ ихъ задачъ по устройству историческихъ архивовъ, не говоря уже о ихъ музеяхъ и библіотекахъ.

Расходы по первоначальному обзаведенію, пріобрѣтенію мебели, на отопленіе и освѣщеніе по отношенію къ прочимъ расходамъ комиссій, въ среднемъ въ годъ составляютъ слѣдующій % всѣхъ ихъ расходовъ: у Симбирской и Тамбовской—отъ 20 до 17%, Ярославской—16%, Калужской, Костромской и Саратовской—отъ 10,5 до 9,5%, Оренбургской, Таврической, Рязанской, Нижегородской и Тверской—отъ 7 до 4% и Орловской—до 1,5%.

Чтобы покончить съ вопросомъ о расходахъ архивныхъ комиссій, отмѣтимъ, что канцелярскіе и мелочные ихъ расходы составляютъ въ Ярославской, Костромской, Калужской, Рязанской, Таврической и Тамбовской комиссіяхъ отъ 7 до 6% всѣхъ

*) Труды I археологическаго съѣзда, стр. 85.

**) Что касается раскопокъ, то надо замѣтить, что онѣ производятся иногда архивными комиссіями по порученіямъ и на средства Императорской Археологической Комиссіи, поэтому расходы на это дѣло и не встрѣчаются въ отчетахъ комиссій.

***) Къ послѣдней въ этомъ дѣлѣ пришло на помощь министерство внутреннихъ дѣлъ, отпустившее въ распоряженіе комиссіи необходимую сумму на покупку и содержаніе зданія.

ихъ расходовъ и Владимірской, Оренбургской, Симбирской и Саратовской около 3%. Тамбовская и Таврическая комиссіи расходуютъ еще: первая—до 10 и вторая—до 4% всѣхъ своихъ расходовъ на командировки членовъ на археологическіе съѣзды.

Обратимся теперь къ дѣятельности архивныхъ комиссій.

Уже при первомъ взглядѣ на ту массу „трудовъ", какіе создали эти, по выраженію профессора Андріевскаго, „самыя дешевыя въ Россіи учрежденія" въ самый незначительный періодъ времени съ ничтожнѣйшими средствами, поражаешься ихъ трудолюбіемъ и плодотворной дѣятельностью. Масса изданныхъ комиссіями историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій составляютъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу русской исторіи, и развѣ какая нибудь ничтожная доля ихъ появилась-бы на свѣтъ, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ, если-бы творецъ архивныхъ комиссій, покойный Н. В. Калачевъ, не вызвалъ къ жизни дремавшія въ провинціи интеллигентныя силы. Теперь уже ни одинъ изслѣдователь прошлаго русской жизни не рѣшится игнорировать труды архивныхъ комиссій при своихъ работахъ. Въ общей ученой русской литературѣ появляются уже очень цѣнныя и интересныя изслѣдованія, напримѣръ въ области прошлаго народнаго хозяйства, преимущественно основанныя на трудахъ архивныхъ комиссій.

И по качеству, и по количеству своихъ трудовъ въ ряду архивныхъ комиссій особенно выдѣляется старѣйшая изъ нихъ — Рязанская. Изъ многочисленныхъ статей, изслѣдованій и историческихъ матеріаловъ изданныхъ ею, укажемъ, напримѣръ, на обширный трудъ А. Д. Повалишина „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные", составленный на основаніи дѣлъ историческаго архива комиссіи. Въ числѣ своихъ многочисленныхъ дѣятельныхъ членовъ Рязанская комиссія имѣетъ даже выдающихся ученыхъ историковъ, какъ П. И. Милюковъ, и ученыхъ архивистовъ, какъ В. Н. Сторожевъ, имена которыхъ также украшаютъ собою страницы „Трудовъ" комиссіи. Подъ ихъ редакціею комиссія издала въ 1896 г. писцовыя, помѣстныя и вотчинныя книги и древніе акты рязанскаго края, въ томъ-же году—трудъ П. И. Милюкова „Владѣльцы населенныхъ имѣній въ нѣсколькихъ уѣздахъ Рязанской губерніи и о первой ревизіи 1722 года", и еще ранѣе—трудъ В. Н. Сторожева „Составъ Рязанскаго дворянства". Комиссіею издано также нѣсколько обширныхъ статей по исторіи церквей и монастырей и другихъ святынь рязанскаго края и по его археологіи. Изслѣдованіе древнихъ могильниковъ и кургановъ, которымъ комиссія удѣляетъ не мало вниманія, обогатили созданный ею музей массою древностей, которыхъ еще въ 1892 г. насчитывалось въ музеѣ до 10727 нумеровъ, а научная обработка археологическихъ раскопокъ заняла не мало страницъ въ ея „Трудахъ". Богатый рязанскій музей привлекаетъ ежегодно до 1000 посѣтителей.

Какъ на отличительную черту трудовъ Тамбовской архивной комиссіи слѣдуетъ указать на изслѣдованія по колонизаціи тамбовскаго края и первоначальнаго заселенія „дикихъ степей", которымъ комиссія въ особенности въ лицѣ своего предсѣдателя удѣляетъ очень много вниманія, а также на многочисленныя статьи по изслѣдованію народнаго быта, землевладѣнія и народнаго хозяйства, матеріаломъ для которыхъ послужили какъ богатый историческій архивъ комиссіи, такъ и центральные столичные архивы. Много статей въ „Извѣстіяхъ" комиссіи мы находимъ также по исторіи мѣстныхъ монастырей.

Оренбургская архивная комиссія, открытая первою изъ всѣхъ комиссій (13 апрѣля 1884 г.) почти 10 лѣтъ находилась въ бездѣйствіи по независѣвшимъ отъ нея

причинамъ, такъ что даже мѣстное общество не знало о ея существованіи, и когда въ 1895 году дѣятельность ея возродилась, наконецъ, для комиссіи это было вторымъ ея открытіемъ. Въ короткій періодъ своей дѣятельности комиссія издала 4 выпуска своихъ „трудовъ“, въ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе статья Гутьяра „Матеріалы къ исторіи Оренбургскаго края. Исторія Оренбургскаго казачьяго войска, по матеріаламъ войскового архива“. Оренбургскій край, лежащій по пути движенія народовъ изъ Азіи, въ высшей степени богатъ доисторическими памятниками, и мѣстной архивной комиссіи представляется широкое поле для изслѣдованія его въ археологическомъ отношеніи, къ чему комиссія и приступила уже.

По массѣ сообщеній, по разнообразію и значенію затронутыхъ въ нихъ вопросовъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Тверской архивной комиссіи. Болѣе 30 членовъ комиссіи принимаютъ въ ней самое дѣятельное участіе по разработкѣ вопросовъ мѣстной исторіи, археологіи, этнографіи, библіографіи, палеографіи, богословію, исторіи раскола и т. д. Труды членовъ комиссіи печатаются отдѣльными брошюрами, но главнымъ образомъ въ мѣстныхъ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Въ ряду статей и мелкихъ сообщеній, изданныхъ комиссіею, можно указать и нѣсколько крупныхъ работъ, напримѣръ, на обширное изслѣдованіе Н. В. Лилеева „Дворцовыя вотчины Тверского великаго князя Симеона Бекбулатовича“, заключающее въ себѣ массу данныхъ по исторіи внутренней жизни тверской области и вообще по землевладѣнію на сѣверѣ Россіи, и на трудъ С. Шумакова „Тверскіе акты“ вып. I и II, 1506—1761 г.г.

Археологическій музей комиссіи по разнообразію, обилію и рѣдкости памятниковъ старины пріобрѣлъ себѣ всеобщую извѣстность не только въ мѣстномъ краѣ, но и вообще въ Россіи и даже за границею. Быстрымъ развитіемъ и процвѣтаніемъ своимъ онъ обязанъ, главнымъ образомъ, покойному предсѣдателю комиссіи А. К. Жизневскому. Въ музеѣ ежегодно бываетъ болѣе 6000 посѣтителей.

Костромская комиссія, подобно Оренбургской, также пережила періодъ бездѣйствія и полнаго застоя, хотя и не такой продолжительный, какъ послѣдняя. Открытая въ іюлѣ 1885 г. лично Н. В. Калачевымъ, она вскорѣ лишилась своего непремѣннаго попечителя, брата основателя комиссіи, а первый предсѣдатель ея, Трандофиловъ, былъ переведенъ на службу въ Одессу, и комиссія до 1891 года оставалась безъ средствъ, безъ помѣщенія и безъ руководителя, въ полномъ бездѣйствіи. Но съ выборомъ въ этомъ году новаго предсѣдателя, статсъ-секретаря, члена Государственнаго Совѣта Н. Н. Селифонтова, она быстро наверстала потерянное время. Комиссія получила ежегодную субсидію отъ губернскаго земства, пожертвованія изъ уѣздныхъ земствъ и отъ города; много пожертвованій стала она получать и отъ частныхъ лицъ, преимущественно костромскихъ дворянъ и, что особенно важно, отъ нихъ-же, главнымъ образомъ, стали поступать массами разнаго рода древнія грамоты и юридическіе акты, поступило даже нѣсколько цѣлыхъ фамильныхъ архивовъ. Ни одна комиссія не обладаетъ, кажется, такимъ богатымъ собраніемъ частныхъ архивовъ *). Дѣятельность комиссіи и направлена была пре-

*) Поступили въ распоряженіе комиссіи архивы: 1) Линевскій—712 рукописей (XVI—XIX в.); 2) Шевелягинскій—575; 3) Ерыкаловскій—1183; 4) Долматовскій—963; 5) Колычевскій—болѣе 700; 6) Корниловскій—910; 7) Львовскій—600; 8) отъ Есиплева—282; 9) Дементьева—283 10) Преображенскаго—535; 11) Пазухина—500; всего же поступило до 8000 документовъ.

имущественно на описаніе, обработку и изданіе этихъ документовъ *). Комиссіею изданы также лѣтописи Макаріева Унженскаго монастыря, рукописи нѣкоторыхъ церквей, монастырскіе синодики и описаніе до 1000 актовъ и разныхъ рукописей Большесольской посадской избы. Обиліе скопившихся въ комиссіи древнихъ документовъ, а также и книгъ дали комиссіи возможность открыть въ 1897 г. особый отдѣлъ архива и библіотеки подъ именемъ Романовскаго.

Орловская комиссія много потрудилась надъ разработкою писцовыхъ, переписныхъ и платежныхъ книгъ, издавъ на основаніи ихъ нѣсколько очерковъ и статей, и въ особенности надъ описаніемъ мѣстныхъ святынь и біографій іерарховъ, составленныхъ на основаніи копій съ церковныхъ и монастырскихъ актовъ, высылавшихся изъ монастырей и церквей орловской эпархіи по циркулярнымъ письмамъ комиссіи. Съ такими же письмами комиссія обращалась и къ частнымъ лицамъ, такъ какъ, ознакомившись съ мѣстными правительственными архивами въ теченіе первыхъ 4 лѣтъ своего существованія, нашла въ нихъ мало матеріаловъ, заслуживающихъ вниманія **). Подобно многимъ другимъ комиссіямъ Орловская комиссія не оставляла безъ вниманія и столичныхъ архивовъ и до 1892 г. извлекла изъ нихъ не мало историческаго матеріала по исторіи края.

Саратовская архивная комиссія, имѣя въ своемъ вѣдѣніи край сравнительно молодой, главное вниманіе обратила на изученіе его колонизаціи и очень плодотворно работала въ этомъ направленіи, использовавъ историческіе матеріалы, какіе давалъ ея историческій архивъ. Кромѣ того, комиссія собрала и перепечатала почти все, что было писано о саратовскомъ краѣ греческими и арабскими писателями съ V вѣка до Р. Х. по XI вѣкъ нашей эры. Благодаря особенному содѣйствію цѣлямъ комиссіи со стороны мѣстнаго архіерея, архивная комиссія получила обильный матеріалъ о церковныхъ древностяхъ—описанія древнихъ церквей, монастырей, церковной утвари, хронографы и т. д., давшій комиссіи новый источникъ историческихъ свѣдѣній. Комиссіею напечатано въ частности въ ея „Трудахъ“ нѣсколько интересныхъ сообщеній по исторіи раскола; надъ этимъ вопросомъ, главнымъ образомъ, работалъ г. Минхъ. Особенно много было сдѣлано комиссіею по исторіи саратовскаго края въ виду 300 лѣтняго юбилея г. Саратова, празднованіе котораго было ею устроено; достаточно указать при этомъ на многолѣтній трудъ А. И. Шахматова „Историческіе очерки Саратова“. Наконецъ, комиссіею довольно полно составлена историческая библіографія Саратовскаго края и сдѣлано описаніе (въ нѣсколькихъ томахъ) архива князя Куракина, изданное подъ редакціею М. И. Семевскаго. За свои труды, музей и составленіе историческаго архива комиссія получила на Казанской научно-промышленной выставкѣ высшую награду—почетный отзывъ. Благодаря своей плодотворной научной дѣятельности, комиссія пользовалась особеннымъ вниманіемъ со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ, которые, не состоя членами ея, присылали ей свои ученые труды.

Таврическая архивная комиссія, ознакомившись съ мѣстными молодыми архивами (не старѣе 100 л.), археографическій матеріалъ, заключавшійся въ нихъ, нашла не особенно богатымъ. Въ 1889 году она постановила давать сообщенія по извѣстному

---

*) Изъ вырученныхъ отъ продажи изданныхъ описей перваго—Линевскаго—архива суммъ, комиссіею основанъ былъ особый фондъ, назначенный на удовлетвореніе расходовъ по разбору и описанію частныхъ архивовъ.

**) Отчеты комиссіи за 1888 и 1889 г.г.

роду дѣлъ, „не составляя покуда систематическихъ описей дѣлъ“. До 1898 г. около 20 членовъ комиссіи, принимавшихъ въ ней особенно дѣятельное участіе, напечатали въ „Извѣстіяхъ“ около 125 сообщеній преимущественно на основаніи архивныхъ матеріаловъ. Укажемъ болѣе крупныя изъ работъ комиссіи: „Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII в.в.“, „Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія“, „Камеральное описаніе Крыма“, „Ордера князя Потемкина и Зубова“, „Матеріалы для исторіи второй турецкой войны“, „Керченскія древности“, „Реестръ дѣлъ крымскаго двора“, „Краткій очеркъ исторіи Воспорскаго царства“, „Къ нумизматикѣ Гиреевъ“.

Въ виду молодости правительственныхъ архивовъ, комиссія обратилась къ мѣстному населенію, преимущественно магометанскому духовенству, съ просьбою доставлять ей свои фамильныя бумаги, но ихъ поступило не болѣе 50 документовъ (султанскіе ярлыки и фирманы XVI—XVIII в.в.), частныхъ-же архивовъ почти совсѣмъ не оказалось въ губерніи. Тогда комиссія обратила особенное вниманіе на изученіе вещественныхъ памятниковъ древности, которыми такъ богатъ этотъ край. Комиссіею ежегодно производятся археологическія раскопки, издаются древніе памятники и принимаются мѣры къ охранѣ ихъ отъ хищническихъ раскопокъ. Основанный комиссіею музей древностей быстро накопляется предметами, добываемыми при археологическихъ изысканіяхъ и многими пожертвованіями частныхъ лицъ.

Въ трудахъ Нижегородской архивной комиссіи, издаваемыхъ подъ именемъ „Дѣйствій“, мы не найдемъ крупныхъ историческихъ или археологическихъ работъ, но въ нихъ масса историческихъ матеріаловъ, мелкихъ сообщеній и болѣе или менѣе крупныхъ статей историческаго, археографическаго, этнографическаго и біографическаго содержанія. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ: А. М. Меморскій—„Основатель Нижняго-Новгорода великій князь Георгій II Всеволодовичъ“, В. И. Сторожевъ—„Составъ нижегородского дворянства по десятнямъ XVII в.“, В. И. Холмогоровъ—„О постройкѣ церквей въ дворцовой Починковской волости“, В. Г. Короленко—„Матеріалы къ біографіи Ивана Петровича Кулибина“ и „Изъ исторіи областной печати“, А. Ѳ. Можаровскій—„Къ исторіи Нижегородской духовной семинаріи“, В. И. Снѣжневскій—„Крѣпостные крестьяне и помѣщики Нижегородской губерніи наканунѣ реформы 19 февраля“, А. И. Звѣздинъ—„Нижегородскій секретный совѣщательный комитетъ“, А. А. Савельевъ—„Земская дѣятельность А. С. Гацискаго“ и „Три проекта объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ Нижегородскаго уѣзда“, Н. Я. Агафоновъ—„Воспоминанія объ А. С. Гацискомъ“. Расходы Нижегородской комиссіи по изданію ея трудовъ выражаются въ довольно крупной суммѣ, но и при этомъ она не могла использовать всѣхъ работъ своихъ членовъ и часть ихъ печаталась въ „Нижегородскомъ Сборникѣ“, издававшемся А. С. Гацискимъ, напримѣръ: большая статья его „На Сундовикѣ. Въ Жарахъ. На Сити на рѣцѣ“ и статья В. И. Снѣжневскаго „Къ исторіи побѣговъ крѣпостныхъ въ послѣдней четверти XVIII и XIX столѣтіяхъ“. Статьи членовъ комиссіи, составленныя на основаніи матеріаловъ историческаго архива комиссіи, печатались также въ историческихъ журналахъ и мѣстной періодической печати.

Музеи древностей, составляющіе принадлежность очень многихъ комиссій, а библіотеки—почти всѣхъ, также основаны и Нижегородскою комиссіею. Библіотека ея отличается полнымъ собраніемъ мѣстныхъ изданій и богатымъ отдѣломъ по смутному времени. Какъ на особенность Нижегородской комиссіи, по крайней мѣрѣ въ первую

половину ея существованія, слѣдуетъ указать на популяризацію мѣстной областной исторіи. Съ этою цѣлію засѣданія ея пріурочивались къ мѣстнымъ историческимъ днямъ, которымъ каждый разъ посвящались небольшіе рефераты покойнымъ ея предсѣдателемъ А. С. Гацискимъ — прекраснымъ знатокомъ мѣстнаго края. Въ тѣхъ-же видахъ и въ видахъ развитія въ обществѣ историческаго самосознанія и интереса къ своему прошлому комиссіею было организовано по широкой программѣ чествованіе 700 лѣтія годовщины дня рожденія основателя Н.-Новгорода великаго князя Георгія Всеволодовича, которое привлекло массы народа какъ въ Н.-Новгородѣ, такъ и во Владимірѣ, гдѣ происходило празднованіе. И теперь Нижегородская комиссія озабочена вопросомъ объ организаціи еще болѣе крупнаго празднованія въ 1912 г. трехсотлѣтія эпохи 1612 года.

Ярославская архивная комиссія—единственная, основанная въ университетскомъ городѣ, въ отношеніи наличности научныхъ силъ находится въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, но матеріальныя средства ея далеко не соотвѣтствуютъ ея интеллектуальнымъ средствамъ и только въ послѣдніе годы они значительно улучшились. Не смотря на значительное скопленіе цѣнныхъ матеріаловъ, комиссія въ продолженіе первыхъ 6 лѣтъ своего существованія не могла издавать своихъ трудовъ и только, благодаря одному изъ своихъ почетныхъ членовъ, извѣстному любителю старины, И. А. Вахромѣеву, она еще въ началѣ своей дѣятельности на его средства издала 2 выпуска важныхъ историческихъ матеріаловъ—„Угличъ, Угличскій лѣтописецъ и Замѣтка о хронографѣ Бычкова“ и „Писцовыя книги города Углича 1674, 1675 и 1676 г.г.“. Очень большое матеріальное участіе принималъ И. А. Вахромѣевъ и въ основаніи музея древностей, пожертвовавъ для него значительную коллекцію монетъ и витрины. Музей Ярославской комиссіи составился какъ пожертвованіями частныхъ лицъ, такъ и археологическими раскопками, на продолженіе которыхъ въ 1899 г. ей отпущена даже была нѣкоторая сумма С.-Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ. Кромѣ помянутыхъ изданій комиссіею напечатаны еще слѣдующіе труды ея членовъ: „Великій князь Смоленскій и Ярославскій Ѳедоръ Ростиславовичъ Черный“, С. М. Шпилевскаго, „Мелочи Ярославской жизни“, П. И. Мизинова, „Описаніе монетъ коллекціи И. А. Вахромѣева“, профессора Берендтса, „Дѣятели Ярославскаго края“ К. Д. Головщикова, и др. Отмѣтимъ, наконецъ, внѣшнюю, такъ сказать, сторону дѣятельности комиссіи—заботы по организаціи празднованій юбилеевъ; въ 1889 г. комиссія праздновала три такихъ юбилея: 250 лѣтіе со дня изданія „Соборнаго Уложенія“, 100 лѣтіе рожденія Пушкина и 600 лѣтіе со дня кончины Св. благовѣрнаго князя Ѳедора Ростиславовича Чернаго.

Калужская архивная комиссія располагаетъ весьма ничтожными средствами, которыя не позволяютъ ей въ достаточной мѣрѣ использовать свои наличныя силы, но она все-же довольно дѣятельно изучаетъ свою старину, пользуясь для этого не только матеріалами своего историческаго архива, но и архива министерства юстиціи и даже вещественными памятниками старины. П. Ѳ. Самсонъ, на основаніи дозорныхъ книгъ, составлена очень интересная статья „Калужскій уѣздъ во времена Михаила Ѳеодоровича“. Комиссіею произведены были археологическія раскопки въ разныхъ уѣздахъ губерніи и изслѣдовано нѣсколько десятковъ городищъ. Въ первый-же годъ своего существованія она положила начало археологическому музею и въ 6—7 лѣтъ собрала въ него болѣе 2000 предметовъ древностей.

Самую блестящую страницу въ исторіи новыхъ ученыхъ провинціальныхъ

Библиотека ООН
Академия наук СССР

учрежденій вписала, безъ сомнѣнія, младшая изъ всѣхъ—Владимірская архивная комиссія. Основанная только въ 1898 году, она открыла свои дѣйствія при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Край, находящійся въ центрѣ Россіи и болѣе чѣмъ какой либо другой богатый памятниками старины, съ его древними зданіями, многочисленными курганами и городищами, издавна привлекающій къ себѣ вниманіе любителей древности и ученыхъ, представляетъ широкое поле для дѣятельности мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ, которыя и не замедлили примкнуть къ молодому учрежденію. Основаніе его вызвало не только подъемъ мѣстныхъ силъ, но и вообще сочувствіе къ нему лицъ, стоящихъ въ сторонѣ отъ научныхъ сферъ. Комиссія получила субсидіи не только отъ мѣстныхъ земскихъ и сословныхъ общественныхъ учрежденій, но и богатыя пожертвованія со стороны частныхъ лицъ, которыя вполнѣ обезпечили первые шаги ея дѣятельности. Комиссія издала въ свѣтъ два роскошныхъ тома своихъ трудовъ съ богатымъ историко-археологическимъ содержаніемъ, вызывавшихъ всеобщее одобреніе въ печати и самые лестные отзывы ученыхъ обществъ. Силъ въ комиссіи также оказалось достаточно, чтобы сразу охватить кругъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, надъ которыми, хотя не съ такимъ блескомъ, но съ неменьшей энергіей и большимъ упорствомъ трудятся старшія, но менѣе обезпеченныя и въ большинствѣ случаевъ довольно-таки бѣдныя ея сестры *).

Такова въ общихъ сжатыхъ чертахъ дѣятельность губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Мы не имѣли въ виду подробно описывать дѣятельность комиссій во всемъ объемѣ и во всѣхъ отдѣльныхъ проявленіяхъ и лишь старались очертить крупныя отличительныя стороны этой дѣйствительности. Но мы очень мало сказали собственно объ архивной дѣятельности комиссіи и сдѣлали такъ потому, во первыхъ, что намѣрены болѣе подробно ее разсмотрѣть, а, во вторыхъ, и потому, что ограничиваясь обзоромъ важнѣйшихъ сторонъ трудовъ архивныхъ комиссій, намъ пришлось-бы очень немного прибавить къ тому, что уже было нами сказано, по крайней мѣрѣ относительно значительнаго большинства комиссій, такъ какъ, хотя архивовѣдѣніе и признается всѣми комиссіями важнѣйшею ихъ задачею, но далеко не всѣми отводится ему первое мѣсто. Между тѣмъ это и есть главная, основная задача комиссій.

Въ положеніи объ архивныхъ комиссіяхъ обязанности ихъ изложены въ слѣдующихъ двухъ §§.

§ 5. На обязанности ученой комиссіи лежитъ:

а) Разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которыя, по представляемому ими интересу въ научномъ отношеніи подлежатъ передачѣ на храненіе въ историческій архивъ.

б) Составленіе таковымъ документамъ и дѣламъ надлежащихъ описей и указателей.

в) Расположеніе ихъ въ такомъ порядкѣ, что-бы они были доступны для ученыхъ занятій.

§ 7. Ученыя комиссіи, независимо отъ прямой своей обязанности, могутъ, по

*) О дѣятельности Пермской архивной комиссіи, открытой въ 1888 г. и издавшей уже три выпуска своихъ трудовъ, мы, къ сожалѣнію не можемъ дать свѣдѣній, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи имѣется только одинъ, послѣдній выпускъ и совсѣмъ нѣтъ отчетовъ о ея дѣятельности.

Государственная публичная историческая библиотека
496808

мѣстнымъ обстоятельствамъ, включать въ кругъ своихъ занятій розысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ старины.

Между тѣмъ жизнь новыхъ учрежденій сложилась нѣсколько иначе, не по положенію о нихъ, и отвела на практикѣ архивному дѣлу второстепенную роль.

Мы не хотимъ, однако, сказать этимъ, что архивныя комиссіи мало сдѣлали для разработки архивовъ. Нѣтъ, и въ этой области ими сдѣлано очень многое, въ нѣкоторыхъ же комиссіяхъ архивовѣдѣніе стоитъ на такой безусловной высотѣ, какая ему принадлежитъ и по положенію и которая не затмѣвается даже широко развившимися другими сторонами ихъ дѣятельности. Мы хотимъ только сказать, что большинство комиссій такъ широко и съ такимъ успѣхомъ раздвинули рамки своей научной дѣятельности, что скромное архивное дѣло очутилось въ тѣни.

Причину этого мы постараемся выяснить ниже, а теперь присмотримся поближе къ положенію архивовѣдѣнія въ архивныхъ комиссіяхъ.

Вопросамъ о разборѣ отдѣльныхъ документовъ, дѣлъ и цѣлыхъ архивовъ, вопросамъ о ихъ систематизаціи, описаніи и составленіи губернскаго историческаго архива всего болѣе вниманія оказала Саратовская архивная комиссія. Вопросы эти ею разрабатывались и рѣшались въ продолженіе 4 лѣтъ *). Въ началѣ своей дѣятельности **) комиссія обратилась къ директору археологическаго института съ просьбою сообщить комиссіи общую инструкцію или указанія по вопросамъ архивовѣдѣнія, затѣмъ она обратилась къ спеціальной литературѣ, но, не найдя и тамъ подробныхъ указаній на порядокъ разбора и описанія архивовъ, приступила къ выработкѣ собственной программы. Положительныхъ указаній на порядокъ разбора, выдѣленія и описанія многочисленныхъ категорій дѣлъ, какія встрѣчаются въ правительственныхъ архивахъ и какихъ комиссія искала ранѣе, она не могла, конечно, выработать и сама и ограничилась въ этомъ отношеніи слѣдующими общими правилами.

Комиссія, во избѣжаніе субъективизма въ оцѣнкѣ достоинства и научнаго значенія сырыхъ матеріаловъ при выдѣленіи въ историческій архивъ дѣлъ изъ правительственныхъ архивовъ, читаетъ описи имъ въ составѣ особой комиссіи изъ 5—6 членовъ. Послѣ разбора описей комиссія требуетъ въ свой архивъ отмѣченныя дѣла. Каждый архивъ разбирается затѣмъ наличными силами всей комиссіи одновременно; при этомъ раздѣленіе труда строго согласуется съ симпатіями и спеціальною научною подготовкою каждаго изъ трудящихся. Окончательная редакція описанія архива, составленнаго нѣсколькими лицами, до поступленія его на разсмотрѣніе общаго собранія, устанавливается путемъ живыхъ личныхъ сношеній авторовъ описи въ тѣхъ-же комиссіяхъ. Послѣднюю санкцію описи даетъ собраніе комиссіи ***).

Позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по поводу этихъ правилъ. Существенный недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что по нимъ дѣла разбираются по описямъ, а всякій, знакомый съ нашими архивами и описями ихъ, составленными въ канцеляріяхъ, хорошо знаетъ, что онѣ въ большинствѣ случаевъ даютъ очень неточное представленіе о дѣлахъ и часто сложныя, особенно судебныя дѣла характеризуются по описи однимъ, двумя признаками и при томъ не существенными;

*) Отчетъ за 1889—90 г.

**) Протоколъ комиссіи 6 марта 1887 г.

***) „Архивы и порядокъ ихъ разбора“. Рѣчь кн. Голицына. „Труды комиссіи“, т. III, вып. I, стр. 1—11; см. также Отчетъ ком. за 1889—90 г.г.

нерѣдко случается также, что опись даетъ совершенно невѣрное представленіе о существѣ дѣла и не соотвѣтствуетъ его содержанію. По нашему мнѣнію, описи дѣлъ правительственныхъ учрежденій могутъ только служить нѣкоторымъ пособіемъ при чтеніи подлинныхъ дѣлъ, дѣла-же непремѣнно должны читаться въ подлинникѣ и не только по несовершенству описей ихъ, а и потому еще, что часто дѣло, само по себѣ не представляющее интереса, заключаетъ какую нибудь немаловажную подробность въ юридическомъ или бытовомъ отношеніяхъ, проливая часто совершенно новый свѣтъ на современныя условія жизни и отношенія людей, а также и на отдѣльныя событія. Практика чтенія дѣлъ скоро вырабатываетъ очень полезный для архивиста навыкъ быстро ориентироваться, такъ сказать, въ конструкціи дѣла по двумъ-тремъ бумагамъ, способность въ сложной перепискѣ формальнаго свойства сразу находить суть дѣла, по двумъ-тремъ фразамъ составлявшихся болѣе или менѣе по одному шаблону канцелярскихъ бумагъ угадывать ихъ содержаніе, а затѣмъ уже, усвоивъ содержаніе дѣла, архивистъ знаетъ, гдѣ слѣдуетъ искать характерные побочные эпизоды его, какіе могутъ оказаться въ дѣлѣ. Быстрота въ чтеніи дѣлъ—свойство весьма полезное при разборѣ тѣхъ громадныхъ массъ архивнаго матеріала, девять десятыхъ котораго составляетъ совершенно и ни для кого не нужный хламъ.

Весьма полезенъ установленный комиссіею коллективный трудъ по разбору дѣлъ. Дѣйствительно, отдѣльнымъ лицамъ не подъ силу справиться съ сотнями тысячъ дѣлъ, которыя предстоитъ разобрать каждой комиссіи, но намъ кажется, что эта система трудно осуществима, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ формахъ, какія устанавливаетъ Саратовская комиссія. Члены архивныхъ комиссій — люди различныхъ профессій, всѣ занятые своими спеціальными дѣлами и только часы досуга они могутъ удѣлить дѣлу комиссій. Всегда-ли могутъ быть пріурочены часы эти къ опредѣленному времени даже при полной готовности посвятить ихъ извѣстному дѣлу? Намъ кажется, достаточно было-бы посвятить дѣлу разбора архивовъ нѣсколько общихъ засѣданій, чтобы выяснить взаимное отношеніе къ дѣлу каждаго изъ членовъ, установить тотъ или иной взглядъ на дѣло и выяснить общіе признаки дѣлъ, заслуживающихъ выдѣленія въ историческій архивъ, а затѣмъ уже подвергать общему обсужденію лишь вопросы, какіе могутъ вновь возникнуть при дальнѣйшихъ работахъ. Преувеличенною кажется намъ и боязнь Саратовской комиссіи субъективизма своихъ членовъ въ дѣлѣ разбора дѣлъ. Общія программы для описанія архивовъ у насъ существуютъ уже; укажемъ для примѣра на программу Московскаго архива Министерства Юстиціи, выработанную Н. В. Калачевымъ *), но такихъ программъ, которыя давали-бы указанія по каждому архивному дѣлу, нѣтъ и быть, конечно, не можетъ, да и надобности въ нихъ нѣтъ никакой. Всякій человѣкъ, знакомый съ исторіею вообще, знающій исторію своего народа и исторію своей области въ частности, легко можетъ ориентироваться въ массѣ архивнаго матеріала и выдѣлить изъ него все, что въ той или иной степени освѣщаетъ или дополняетъ какую либо сторону мѣстной народной жизни. Дѣла нашихъ дореформенныхъ учрежденій заключаютъ въ себѣ массу фактовъ изъ области бытовыхъ, хозяйственныхъ, правовыхъ, религіозныхъ, нравственныхъ и многихъ другихъ отношеній народа. Повто-

*) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи т. I.

ряясь болѣе или менѣе часто, факты эти сами указываютъ на свое значеніе въ народной жизни и, будучи сами по себѣ мелкими, въ общей массѣ рисуютъ иногда полную картину извѣстной стороны народной жизни въ мѣстности, и архивистъ, занимающійся изученіемъ дѣлъ, ужъ конечно не пройдетъ мимо ихъ. Лицамъ, съ любовію занимающимся архивнымъ дѣломъ, скорѣе можно сдѣлать упрекъ въ противоположномъ смыслѣ—въ пристрастіи ихъ ко всѣмъ мелочамъ общественной и народной жизни. А при иномъ—индиферентномъ отношеніи къ этому дѣлу и заниматься имъ никто не станетъ. Трудъ этотъ слишкомъ скученъ и утомителенъ для такихъ лицъ и не дастъ имъ никакого удовлетворенія при всемъ желаніи и стремленіи къ разработкѣ мѣстной исторіи; они скорѣе будутъ искать въ архивахъ такъ называемыхъ интересныхъ дѣлъ и обрабатывать ихъ. Наконецъ, излишняя регламентація и нѣкоторое стѣсненіе свободы въ дѣлѣ разработки архивовъ отдѣльныхъ лицъ, какими, по нашему мнѣнію, страдаютъ правила Саратовской комиссіи, легко могутъ охладить къ дѣлу занимающихся имъ лицъ, и едва-ли это не доказала сама Саратовская комиссія.

Наиболѣе живымъ въ отношеніи разбора и описанія архивныхъ дѣлъ періодомъ дѣятельности комиссіи былъ какъ разъ тотъ періодъ, когда Саратовскою комиссіею вырабатывались только приведенныя выше правила. За это время ею были разобраны и подробно описаны архивы четырехъ правительственныхъ учрежденій и два архива духовнаго вѣдомства: актарской городской думы, вольскаго духовнаго правленія, царицынской комендантской канцеляріи, вольскаго и царицынскаго нижнихъ земскихъ судовъ и саратовской Троицкой церкви. Разбирали ихъ человѣкъ 10—12, а описывали четверо. Послѣ же 1890 года архивная дѣятельность комиссіи проявляется уже значительно слабѣе, а въ одномъ изъ засѣданій въ 1894 г. (протоколъ 1 ноября) мы находимъ даже заявленіе члена комиссіи М. А. Попова о томъ, что „присылаемыя разными учрежденіями описи для выборки изъ дѣлъ, подлежащихъ уничтоженію, наиболѣе цѣнныхъ въ историческій архивъ комиссіи, по цѣлымъ годамъ остаются безъ всякаго разсмотрѣнія и продолжаютъ гнить попрежнему“. Наконецъ, въ 1895 году (протоколъ 14 марта) предсѣдатель редакціонной комиссіи А. П. Шахматовъ заявилъ, что матеріалы для „Трудовъ“ комиссіи изсякаютъ и что для восполненія ихъ необходимо теперь же приступить къ перепискѣ наиболѣе интересныхъ бумагъ, хранящихся въ историческомъ архивѣ. Комиссія постановила предложить этотъ трудъ одному изъ членовъ ея Лебедеву съ платою отъ 30 к. до 1 руб. съ листа.

Тверская архивная комиссія въ свой историческій архивъ собрала до 1897 г. болѣе 15,000 дѣлъ, разсмотрѣвъ за это время по описямъ болѣе 400,000 ихъ. Значительное количество скопившихся дѣлъ побудило комиссію приступить въ 1892 году къ ихъ описанію. Первый починъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ предсѣдатель комиссіи, описавшій 51 дѣло кашинскаго уѣзднаго суда; но при дальнѣйшемъ разборѣ дѣлъ, произведенномъ нѣкоторыми членами, возникли разногласія по вопросу порядка ихъ описанія *) и дѣло это пріостановилось. Между тѣмъ помѣщеніе историческаго архива комиссіи уже переполнилось дѣлами, и комиссія въ 1894 году постановила войти съ представленіемъ къ директору археологическаго института объ освобожденіи ея отъ разсмотрѣнія описей дѣлъ, присылаемыхъ учрежденіями

*) Отчетъ комиссіи за 1892 г., стр. 16.

другихъ губерній, или, по крайней мѣрѣ, о храненіи этихъ дѣлъ въ архивахъ тѣхъ учрежденій.

Въ Рязанской архивной комиссіи историческій архивъ также переполненъ дѣлами, но для систематической описи ихъ комиссія не располагаетъ достаточными средствами и довольствуется пока храненіемъ передаваемыхъ ей дѣлъ. Комиссія сознаетъ, однако, всю необходимость приступить къ систематизаціи и описанію своего архива, иначе,—говорится въ ея отчетѣ за 1894 г.,—„мы создадимъ такое же положеніе относительно историческаго архива, въ какомъ въ данный моментъ стоимъ къ разбираемымъ нами архивамъ присутственныхъ мѣстъ, т. е. придется разбирать и нашъ архивъ“. Для разбора дѣлъ комиссія установила частныя засѣданія по субботамъ. Дѣла учрежденій, сосредоточенныхъ въ архивѣ окружного суда, разбирались и описывались по карточной системѣ чиновниками суда подъ наблюденіемъ правителя дѣлъ комиссіи, но съ прекращеніемъ субсидіи отъ министерства юстиціи дальнѣйшее описаніе ихъ прекратилось. Изъ отчета комиссіи за 1897 годъ видно, что поступающимъ въ историческій архивъ дѣламъ ведется правителемъ дѣлъ инвентарная опись. Въ слѣдующемъ 1898 году комиссія признала, что слѣдуетъ для выясненія значенія отобранныхъ въ историческій архивъ дѣлъ разсматривать ихъ въ подлинникѣ, такъ какъ по описямъ, какъ въ этомъ убѣдился при разборѣ дѣлъ, описанныхъ чиновниками окружного суда, членъ комиссіи Шефферлингъ, нельзя судить о характерѣ и важности ихъ.

Изъ всѣхъ провинціальныхъ архивовъ болѣе другихъ привлекали къ себѣ вниманіе архивовѣдовъ и правительства богатѣйшій по содержанію архивъ оренбургскаго генералъ-губернаторства, заключающій въ себѣ болѣе 100,000 дѣлъ. Въ дѣлахъ архива много ученыхъ изслѣдованій по исторіи и этнографіи края, проектовъ по устройству быта инородцевъ, очерковъ обычнаго права киргизъ и башкиръ, документовъ и дѣлъ по колонизаціи края, памятниковъ политическихъ сношеній съ средне-азіатскими ханствами; въ архивѣ много дѣлъ о развитіи въ краѣ промысловъ и торговли, богатый въ количественномъ и качественномъ отношеніи матеріалъ по расколу, исторіи казачества, о торговыхъ и поземельныхъ правахъ ихъ и т. д. Еще въ 1881 г., по упраздненіи генералъ-губернаторства въ Оренбургѣ, археологическій институтъ командировалъ въ Оренбургъ для разбора и обозрѣнія этого архива своего члена А. В. Гаврилова и вольнослушателя А. И. Львова; затѣмъ въ 1882 г. въ Оренбургъ пріѣхалъ Н. В. Калачевъ и основалъ здѣсь особую комиссію изъ мѣстныхъ чиновниковъ, представителей мѣстной печати, учителей и двухъ археологовъ. Комиссія въ числѣ 6 человѣкъ занялась разборомъ и описаніемъ архива. Въ теченіе 4 лѣтъ на разборъ и систематизацію архивныхъ дѣлъ ею было израсходовано свыше 10,000 руб., отпущенныхъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, однако, результаты ея работъ были весьма скудны, да и тѣ впослѣдствіи, когда дѣло передано было въ основанную въ Оренбургѣ архивную комиссію, оказались совершенно безплодными, такъ какъ алфавитные указатели дѣлъ найдены перепутанными, годовъ же на нихъ совсѣмъ не было отмѣчено *).

Получивъ въ свое распоряженіе богатое наслѣдство отъ прежней полуофиціальной комиссіи, Оренбургская архивная комиссія первый годъ своего существо-

*) Н. Г. Ивановъ „О задачахъ, дѣятельности и общественномъ значеніи архивныхъ комиссій вообще и Оренбургской въ частности“. Вып. II, 1897 г.

ванія посвятила продолженію работъ своей предшественницы. Но вскорѣ наступили для комиссіи черные дни. „Дѣла нашей комиссіи, — говоритъ Ивановъ *), переходили съ чердака на чердакъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и, въ концѣ концовъ, по случаю спѣшнаго ремонта антресолей зданія казенной палаты, были свалены безъ всякаго порядка на дворъ. Въ то время, когда иныя комиссіи получали пожертвованія тысячами рублей, у насъ не имѣлось средствъ нанять ломовиковъ, чтобы перевезти свой архивъ со двора казенной палаты". Дѣла были потомъ сложены въ уступленные городомъ темные и сырые лабазы, гдѣ и покоились нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, въ 1895 г., на средства министерства внутреннихъ дѣлъ, комиссія пріобрѣла собственное каменное двухъ-этажное зданіе и получила возможность продолжать начатыя работы По 1900 годъ комиссіей было разобрано до 23,000 дѣлъ и до 5,600 дѣлъ отобрано къ храненію. Въ первый годъ въ разборѣ дѣлъ принимало участіе до 10 членовъ, въ послѣдующіе годы работало уже только четверо изъ нихъ.

Такіе же богатые по количеству и содержанію архивы перешли въ вѣдѣніе Тамбовской ученой архивной комиссіи. Особенно богатымъ оказался архивъ шацкой провинціальной канцеляріи, только что передъ открытіемъ комиссіи перевезенный изъ Шацка въ Тамбовъ. Онъ заключаетъ въ себѣ дѣла и документы XVIII вѣка. Комиссія въ первый же годъ приступила къ разбору и подробному описанію его. Нашлись въ комиссіи такіе преданные архивному дѣлу люди, какъ г.г. И. И. Дубасовъ, Пискаревъ, Дьяконовъ, Розановъ, Старогородскій и Курбатовъ. Основатель архивныхъ комиссій Н. В. Калачевъ ознакомился съ первыми трудами ихъ, сдѣлалъ нѣкоторыя указанія по разбору дѣлъ, и съ тѣхъ поръ и донынѣ архивное дѣло въ комиссіи стоитъ на первомъ планѣ и на такой высотѣ, какъ ни въ одной изъ комиссій. Названными членами комиссіи, преимущественно же самымъ опытнымъ и неутомимымъ изъ нихъ архивистомъ г. Пискаревымъ, работающимъ и до сихъ поръ надъ архивными дѣлами, ежегодно разбиралось отъ 2 до 3 тысячъ дѣлъ и документовъ и описывалось до 400. Въ 43 выпускахъ „Извѣстій" комиссіи напечатано уже болѣе 6,000 описаній дѣлъ и отдѣльныхъ документовъ. И все это сдѣлано, благодаря усердію и трудолюбію нѣсколькихъ лицъ при самыхъ незавидныхъ матеріальныхъ условіяхъ комиссіи. „Путь нашихъ любителей учено-архивнаго дѣла былъ усѣянъ терніями,—говоритъ отчетъ комиссіи за 1899 годъ,—иногда не на что даже было купить папокъ для храненія дѣлъ".

Также неутомимо трудится надъ составленіемъ, разборомъ и описаніемъ своего историческаго архива Нижегородская архивная комиссія, хотя и съ меньшимъ количествомъ лицъ. Изъ года въ годъ она разбираетъ и подробно описываетъ дѣла и документы дореформенныхъ учрежденій губерніи и печатаетъ эти описи и указатели имъ въ своихъ „Дѣйствіяхъ". До настоящаго времени комиссіею описаны дѣла пяти уѣздныхъ судовъ, двухъ городовыхъ магистратовъ, двухъ полицейскихъ управленій, нижегородскаго намѣстническаго правленія и болѣе половины его журналовъ, наконецъ, журналы нижегородскаго секретнаго совѣщательнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ, всего же описано до 4,000 нумеровъ.

Особенное оживленіе въ архивной дѣятельности Нижегородской комиссіи наступило въ 1895 г., благодаря одному изъ членовъ комиссіи, извѣстному нашему писателю В. Г. Короленко. Чуткій ко всякому проявленію народной жизни, пре-

*) Тамъ же.

красный наблюдатель жизни дѣйствительной, В. Г. Короленко съ такимъ-же вниманіемъ отнесся и къ архивнымъ матеріаламъ. Разбирая дѣла одного изъ болѣе сохранившихся мѣстныхъ архивовъ (балахнинскаго городового магистрата), онъ живо заинтересовался имъ и сплошь прочитывая одно за другимъ каждое дѣло, отмѣчалъ въ своей описи каждую черту въ жизни балахнинскаго обывателя XVIII вѣка. Изъ этихъ мелкихъ чертъ, собранныхъ изъ двухъ-трехъ сотъ дѣлъ конца вѣка, въ воображеніи писателя живо рисовался образъ горожанина, его обстановка, занятія, промыслы, торговля, обычаи и т. д. Въ своей запискѣ „Дѣло о описаніи прежнихъ лѣтъ архивовъ сто лѣтъ назадъ и въ наше время", прочитанной въ одномъ изъ засѣданій комиссіи, В. Г. Короленко съ такимъ увлеченіемъ говорилъ о кропотливой работѣ тщательнаго собиранія мелкихъ фактовъ бытовой и общественной жизни прошлаго, изъ которыхъ создавалась вся жизнь народа, что сразу привлекъ къ разбору архивныхъ дѣлъ значительную группу членовъ, образовавшихъ особую подкомиссію, которая и принялась сообща работать надъ изученіемъ и описаніемъ историческаго архива. Къ сожалѣнію, это увлеченіе, быть можетъ, въ силу своей первоначальной напряженности, не удержалось долго, и черная кропотливая работа охладила большинство членовъ подкомиссіи прежде, чѣмъ они успѣли самостоятельно заинтересоваться архивнымъ дѣломъ. Возбужденіе все-таки не прошло безслѣдно и въ настоящее время надъ разборкою и описаніемъ архива трудится гораздо болѣе членовъ, чѣмъ ихъ было ранѣе. Ихъ работа не остается незамѣченною, и описи Тамбовской и Нижегородской архивныхъ комиссій заслужили одобрительные отзывы какъ археологическаго института, такъ и спеціальной и даже общей литературы.

Костромская комиссія, владѣя богатымъ собраніемъ частныхъ архивовъ и фамильныхъ бумагъ, о чемъ у насъ уже было сказано, все свое вниманіе обратила на ихъ описаніе и удѣляетъ меньше сравнительно вниманія бѣднымъ по содержанію правительственнымъ архивамъ, исключая старый архивъ большесольской земской приказной избы и ратуши. Изъ правительственныхъ архивовъ она отбираетъ только выдающіяся по своему значенію дѣла и документы.

Орловская архивная комиссія въ числѣ 3 4 членовъ въ первые пять лѣтъ своего существованія дѣятельно трудилась надъ составленіемъ и описаніемъ своего историческаго архива, отобравъ и подробно описавъ до 300 дѣлъ уѣздныхъ и совѣстныхъ судовъ, городовыхъ магистратовъ, уголовной палаты, верхней расправы, провинціальной канцеляріи (сѣвской) и консисторскаго архива. За недостаткомъ матеріаловъ въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ, заслуживающихъ вниманія и сбереженія, въ 1889 г. комиссія обратилась къ частнымъ лицамъ съ просьбою о присылкѣ принадлежащихъ имъ старинныхъ рукописей, но, повидимому, получила ихъ не много *). Въ послѣдніе годы комиссія ограничивается въ архивномъ дѣлѣ просмотромъ присылаемыхъ ей правительственными учрежденіями описей дѣлъ и выборкою по нимъ дѣлъ для своего архива.

Первые годы существованія (1887—1893) Таврической архивной комиссіи также были болѣе производительными въ дѣлѣ устройства и описанія его историческаго архива; въ разборѣ дѣлъ принимали участіе 6—10 человѣкъ. Разобрано было до 42000 дѣлъ въ подлинникѣ и описано, хотя и кратко, болѣе 400 дѣлъ. Въ слѣдующіе годы дѣятельность комиссіи въ этомъ направленіи нѣсколько ослабѣла и хотя учреж-

*) Отчеты комиссіи за 1888 и 1889 г.г.

дены были для разсмотрѣнія дѣлъ особыя собранія, но ихъ посѣщало не болѣе 3 человѣкъ. Послѣдніе отчеты комиссіи также отмѣчаютъ ослабленіе энергіи въ архивной дѣятельности ея и указываютъ на необходимость привести въ порядокъ и описать свой архивъ.

Ярославская комиссія въ своихъ трудахъ даетъ очень скудныя свѣдѣнія о своей архивной дѣятельности. По отчетамъ за 1896—1898 г.г. видно, что по описямъ комиссіею разсмотрѣно до 40,000 дѣлъ и отобрано изъ нихъ для храненія 2,184 дѣла и въ 1899 г. отобрано 598 дѣлъ. Описанія дѣлъ не производится и лишь ведется поступающимъ въ архивъ дѣламъ перечневая запись. Въ отчетѣ комиссіи за 1896 г. сказано: „наша дѣятельность преимущественно спасательная; не научное творчество, не изданіе историческихъ матеріаловъ стоитъ на первомъ планѣ—для этого еще не наступила пора—мы работали, чтобы подготовить и обезпечить систематизированный и по возможности обнимающій всѣ стороны и эпохи исторической жизни Ярославской губерніи матеріалъ для пользованія будущимъ поколѣніямъ".

Одно время въ комиссіи возникъ даже вопросъ объ упраздненіи должности архиваріуса въ виду недостатка средствъ комиссіи *).

Калужская архивная комиссія въ теченіе 1891—1898 г.г. разсмотрѣла описи 100,000 дѣлъ и отобрала по нимъ для храненія до 3,000 дѣлъ и только въ послѣднемъ году П. А. Трейтеромъ, описавшимъ до 300 дѣлъ, положено основаніе научно-систематическому описанію архива. Комиссія желала-бы пригласить для этого дѣла особаго архиваріуса, но по крайней скудости своихъ средствъ не можетъ этого сдѣлать.

Симбирская архивная комиссія въ теченіе 5 лѣтъ своего существованія собрала въ свой архивъ до 3,000 дѣлъ и документовъ изъ правительственныхъ архивовъ. Ею образована для архивнаго дѣла особая субъ-комиссія изъ 8 членовъ Для приведенія въ порядокъ дѣлъ и документовъ своего архива архивною комиссіею приглашенъ былъ временно архиваріусъ управленія симбирскаго удѣльнаго округа. Дѣла занесены имъ въ опись и алфавитъ съ указаніемъ №№ дѣлъ, времени начала, мѣста, откуда дѣло поступило, числа листовъ и ихъ содержанія; такимъ образомъ, теперь для комиссіи является возможность приступить къ научному обзору своего архива. Въ 1899 году уже сдѣлано было подробное описаніе 100 дѣламъ. Описи болѣе интересныхъ дѣлъ комиссія предполагаетъ печатать. При описаніи дѣлъ субъ-комиссія придерживается правилъ, утвержденныхъ министерствомъ юстиціи для описанія его московскаго архива.

Послѣдняя (въ принятомъ порядкѣ) архивная комиссія, Владимірская, также признаетъ наиболѣе важною въ научномъ отношеніи отраслью своей дѣятельности разборъ и описаніе дѣлъ правительственныхъ и частныхъ общественныхъ учрежденій. Къ этому дѣлу она привлекла около 10 человѣкъ изъ числа своихъ членовъ и сдѣлала не мало въ первые два года своего существованія. Въ 1898 г. ею разобрано было болѣе 5,000 дѣлъ владимірскаго губернскаго правленія, канцеляріи губернатора и намѣстническаго правленія и изъ нихъ 1,251 дѣло отобрано для храненія, въ слѣдующемъ году просмотрѣно 18,000 дѣлъ намѣстническаго правленія, также значительное количество дѣлъ губернскаго правленія, канцеляріи губернатора, комиссіи народнаго продовольствія, совѣстнаго суда, ковровскаго земскаго суда, владимірскаго

*) Протоколъ 10 октября 1894 г.

гордоваго магистрата и врачебной управы. Въ описаніи дѣлъ принимаютъ участіе до 6 человѣкъ; описываются дѣла губернскаго и намѣстническаго правленій, врачебной управы и сенатскаго архива. Въ послѣдней книгѣ трудовъ комиссіи помѣщена подробная опись 120 дѣлъ владимірскаго губернскаго правленія В. Г. Добронравова. М. В. Загорскимъ составленъ цѣнный въ научномъ отношеніи алфавитный и предметный указатель дѣламъ архива переславскаго духовнаго правленія. Къ разбору архивовъ уѣздныхъ городовъ комиссія привлекла уѣздныхъ своихъ членовъ.

Изъ всего, что нами сказано о положеніи архивнаго дѣла въ архивныхъ комиссіяхъ, видно, что и въ этой области дѣятельность ихъ не менѣе разнообразна, чѣмъ и во всѣхъ остальныхъ. Однѣ комиссіи пока только наполняютъ свои архивы, иныя дѣлаютъ лишь перечневыя описи своимъ архивнымъ матеріаламъ, нѣкоторыя ограничиваются извлеченіемъ изъ нихъ и обработкою извѣстныхъ категорій дѣлъ; въ однѣхъ комиссіяхъ приступлено было къ научному описанію архивовъ, но за недостаткомъ средствъ описанія эти прекратились; лишь незначительная часть комиссій систематически описываетъ свои архивы и описи свои печатаетъ. Нѣкоторыя комиссіи въ свои историческіе архивы отбираютъ только такія дѣла, которыя представляютъ научный интересъ каждое въ отдѣльности. Однѣ разбираютъ архивы правительственныхъ учрежденій и извлекаютъ изъ нихъ дѣла и документы только по описямъ этихъ учрежденій, другія берутъ ихъ цѣликомъ и разбираютъ въ подлинникѣ. И все это разнообразіе въ положеніи архивнаго дѣла создается не столько разнообразіемъ взглядовъ на него комиссій, сколько недостаткомъ средствъ, неприспособленностью или даже отсутствіемъ помѣщеній у нихъ. Нѣкоторыя комиссіи при составленіи своихъ историческихъ архивовъ прямо принуждены ограничиваться только отбираніемъ для нихъ дѣлъ исключительной важности и интереса. Лишь самая незначительная часть комиссій, какъ напримѣръ Нижегородская, находящаяся въ исключительно благопріятныхъ въ этомъ отношеніи условіяхъ и располагающая обширными помѣщеніями для архива, можетъ вмѣстить весь архивный матеріалъ, подлежащій ея вѣдѣнію, да и та въ послѣднее время почти переполнила дѣлами свой архивъ. При такихъ условіяхъ трудно говорить объ объединеніи архивной дѣятельности комиссій. Онѣ прежде всего всѣ нуждаются въ средствахъ. Безъ средствъ еще кое какъ можно устроить складъ архивныхъ дѣлъ, но совершенно невозможно создать архивъ, удовлетворяющій самымъ скромнымъ требованіямъ науки. Разборъ и описаніе дѣлъ также требуютъ средствъ. Въ комиссіяхъ много безкорыстныхъ работниковъ, посвящающихъ свое время и трудъ архивному дѣлу, но и изъ нихъ большинство стѣснено въ этомъ стремленіи отсутствіемъ средствъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ высказать нѣсколько соображеній по составленію и описанію историческихъ архивовъ.

Что касается главнѣйшаго въ этомъ отношеніи вопроса, вопроса о томъ, какія дѣла считать интересными и подлежащими храненію въ нихъ, то, намъ кажется, нельзя съ точностью и полнотою перечислить ихъ даже по категоріямъ. Общія правила въ этомъ отношеніи уже выработаны, какъ мы отмѣтили выше, Н. В. Калачевымъ для московскаго архива министерства юстиціи; но эти правила имѣли въ виду дѣла не позднѣе конца XVIII вѣка и при томъ не провинціальныхъ только, а и общихъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій и послѣднихъ по преимуществу, что не могло не отразиться и на выработкѣ правилъ; въ распоряженіе же архивныхъ комиссій поступаютъ только дѣла мѣстныхъ судебныхъ, администра-

тивныхъ, финансовыхъ и общественныхъ учрежденій и почти вездѣ не ранѣе конца XVIII вѣка. Мы не найдемъ въ нихъ ни древнихъ актовъ, ни бумагъ, имѣющихъ историческое, въ тѣсномъ смыслѣ слова, значеніе. Если бы архивныя комиссіи ограничились выдѣленіемъ изъ поступающихъ въ ихъ распоряженіе архивныхъ дѣлъ, назначаемыхъ правительственными учрежденіями къ уничтоженію, только „тѣхъ столбцовъ и бумагъ, которые заключаютъ въ себѣ научный интересъ", какъ этого требуетъ отъ нихъ положеніе 13 апрѣля 1884 года, то онѣ очень немногое нашли бы въ этихъ дѣлахъ; но зато въ нихъ заключается громадный и обильный матеріалъ, имѣющій интересъ въ этнографическомъ, топографическомъ, статистическомъ, юридическомъ отношеніяхъ, множество дѣлъ, рисующихъ нравственное состояніе жителей, ихъ вѣрованія, обычаи, правовыя отношенія, промыслы, торговлю, вообще всю хозяйственную и въ особенности бытовую сторону жизни.

Всѣ такія дѣла должны быть выдѣлены въ историческіе архивы, и большинство комиссій такъ именно и понимаетъ свою задачу въ архивномъ дѣлѣ; но въ архивахъ должны имѣть мѣсто и такія дѣла, которыя, не заключая въ себѣ особеннаго интереса, отмѣчаютъ ту или иную сторону народной жизни и его быта. Сами дѣла въ большинствѣ случаевъ указываютъ на то значеніе, какое имѣютъ заключающіяся въ нихъ данныя. Часто мелкія черты жизни, совершенно не привлекающія нашего вниманія, повторяясь и постепенно складываясь, создаютъ опредѣленную интересную сторону прошлой жизни народа, рисуютъ какую-нибудь мѣстную особенность ея, которую мы и не подмѣтили бы только по дѣламъ, интереснымъ самимъ по себѣ, взятымъ въ отдѣльности. Такимъ образомъ, только при чтеніи самыхъ дѣлъ, при взаимномъ обсужденіи членами комиссіи ихъ содержанія можно намѣчать дѣла, заслуживающія храненія, безъ риска пропустить нѣкоторую часть ихъ.

Самымъ вѣрнымъ средствомъ наиболѣе полно использовать при разборѣ дѣлъ все интересное въ нихъ — это дѣлать имъ сплошное описаніе, какъ принято было Нижегородскою архивною комиссіею; но намъ кажется, что такая работа не по силамъ архивнымъ комиссіямъ. При самомъ успѣшномъ ходѣ дѣлъ нельзя ожидать, чтобы каждая комиссія могла описать, напримѣръ, въ годъ до 1,000 дѣлъ; а между тѣмъ, кромѣ тѣхъ сотенъ тысячъ ихъ, которыя ждутъ своей очереди, каждый текущій годъ даетъ новый матеріалъ по каждой губерніи въ нѣсколько тысячъ дѣлъ. Горы архивныхъ дѣлъ, громадная масса которыхъ состоитъ изъ бумагъ, совершенно не представляющихъ интереса въ какомъ бы то ни было отношеніи, такимъ образомъ будутъ все расти, а не уменьшаться. Намъ кажется, и не дѣлая сплошного описанія архивамъ, дѣятели комиссій мало рискуютъ пропустить незамѣченнымъ все то, что болѣе или менѣе важно для исторіи мѣстной жизни, если только будутъ сплошь просматривать эти дѣла и взаимно обсуждать ихъ относительную цѣнность и важность.

Вопросъ объ описяхъ дѣлъ, которыя удовлетворяли бы научнымъ требованіямъ, уже достаточно выясненъ, намъ кажется, и практикою архивовъ, издающихъ свои описи, и спеціальною литературою. Комиссіи въ большинствѣ случаевъ приняли за образецъ описи архивовъ Св. Синода и Московскаго архива министерства юстиціи. Было бы желательно, конечно, чтобы описи дѣлъ историческихъ архивовъ комиссій были составляемы болѣе полно, давая изслѣдователямъ возможность пользоваться ими въ научныхъ цѣляхъ и не прибѣгая къ самымъ дѣламъ.

А. Я. Садовскій.

Къ матеріаламъ по изслѣдованію Нижегородскаго Уѣзда въ Смутное время и вскорѣ послѣ него (1613—1629 г.г.)

Въ библіотекѣ Нижегородской архивной комиссіи имѣются списки: съ „книги Нижегородскаго уѣзда боярскихъ, дворянскихъ и дѣтей боярскихъ дозору Силы Микитича Грекова да подьячаго Клементія Козодавлева лѣта 121 году“ (т. е. 1613) и съ платежныхъ книгъ „Нижняго Новгорода всякимъ денежнымъ пошлинамъ и оброчнымъ сборамъ и доимкамъ“ съ 1619 по 1648 гг. Книга Грекова представляетъ подробнѣйшее описаніе всѣхъ селеній уѣзда съ поименнымъ перечисленіемъ владѣльцевъ, крестьянъ, бобылей и т. д. (собственно только главъ семейства мужескаго пола), принадлежащей пахатной и прочей земли въ четвертяхъ, сѣнныхъ покосовъ въ копнахъ, лѣса въ десятинахъ или верстахъ (поперекъ и вдоль) и иногда озеръ и другихъ угодій. Къ сожалѣнію, она описываетъ только одно дворянское землевладѣніе и совершенно не касается напр. монастырскихъ владѣній, свободныхъ селеній, инородческихъ и т. п. Платежныя книги перечисляютъ всѣхъ владѣльцевъ и вообще всѣхъ плательщиковъ Уѣзда съ показаніемъ причитающихся съ каждаго податей. Владѣльцевъ они перечисляютъ въ первые годы по дозору Грекова, а затѣмъ по писцовой книгѣ Дмитрія Лодыгина съ товарищами (въ нашей библіотекѣ ея нѣтъ), прочія свѣдѣнія о другихъ плательщикахъ очевидно взяты изъ другихъ источниковъ, мнѣ неизвѣстныхъ. По платежнымъ книгамъ можно возстановить подробно инородческія селенія, хотя, повидимому, не всѣ, и менѣе подробно селенія вольныя и особенно монастырскія; въ вольныхъ селеніяхъ обыкновенно называется одно или нѣсколько главныхъ селъ, а затѣмъ указывается на число приписанныхъ къ нему деревень, напр.: „село Павлово съ 17 деревнями“, „Лукинскія деревни“ и т. п.; при описаніи монастырскихъ селеній встрѣчаются и такія фразы: „За Печерскимъ монастыремъ въ селахъ и деревняхъ по новому дозору столько-то четвертей“. Поэтому въ моемъ опытѣ изслѣдованія Уѣзда монастырскія владѣнія будутъ составлять большой пробѣлъ, который предполагается пополнить впослѣдствіи изъ другихъ источниковъ.

Дозоръ Грекова вѣроятно составляетъ повѣрочное описаніе прежней писцовой книги, написанной можетъ быть еще до Смутнаго времени, такъ какъ при описаніи храмовъ въ селахъ онъ отмѣчаетъ сожженные въ Смутное время, и слѣдовательно уже не существовавшіе; при описаніи крестьянъ отмѣчаетъ дворы крестьянскіе и

бобыльскіе пустые, объясняя, что „тѣ крестьяне въ смутное время разбѣжались“, упоминаетъ и объ исчезнувшихъ тогда селеніяхъ, напр. при описаніи Кадницкой вотчины боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, говоритъ между прочимъ слѣдующее: „За бояриномъ за Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ въ вотчинѣ пустошь, что было село Меленки на рѣкѣ на Кудьмѣ, а въ немъ храмъ Сергій преподобный, у церкви попъ Сергѣй, да вотчинниково боярина Ѳедора Ивановича мѣсто, да въ селѣ-жъ крестьянскихъ пустыхъ мѣстъ 60 и бобыльскихъ пустыхъ мѣстъ 8, а тѣ крестьяне разбѣжались въ смутное время“. Въ дозорѣ указаны помѣстья и вотчины съ показаніемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, за что послѣднія пожалованы, а равно и званія владѣльцевъ помѣстій и вотчинъ (хотя не всегда), напр. нижегородецъ, казанскій жилецъ, яранскій жилецъ, нижегородскій служилый нѣмчинъ, нижегородской служилый литвинъ и т. п. Дозоръ важенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ описываетъ исключительно русскія селенія (судя по именамъ крестьянъ) и все дворянское, преимущественно мелкое, землевладѣніе, которое, конечно, и было главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ освобожденіи Руси отъ поляковъ.

Изъ переписныхъ книгъ самая ранняя 1619 г., только на 6 лѣтъ позднѣе дозора, а въ такое короткое время едва-ли могли произойти особыя перемѣны, такъ что если ся показанія объ инородческихъ и вольныхъ селеніяхъ присоединить къ дозору Грекова, то у насъ получится довольно подробная картина населенности уѣзда въ Смутное время. Показанія объ этихъ селеніяхъ приходилось выбирать изъ перечисленій: а) мордовскихъ селъ и деревень, платившихъ хлѣбныя подати и б) бортниковъ и бортныхъ лѣсовъ, при описаніи которыхъ указывались тѣ селенія, которыя занимались бортнымъ промысломъ въ бортныхъ лѣсахъ; дворцовыя и вольныя селенія перечислялись особо; но, какъ выше сказано, слишкомъ обще.

Изъ послѣдующихъ платежныхъ книгъ наиболѣе интересною является книга 1629 г., составленная по писцовой книгѣ Дмитрія Лодыгина съ товарищами. Помимо прочаго, она важна и тѣмъ, что въ ней (одной). при перечисленіи вотчинъ, въ большинствѣ случаевъ указывается за что вотчина пожалована. Очевидно, что вскорѣ послѣ прекращенія смутъ была произведена расплата за участіе въ нихъ.

Многіе прежніе владѣльцы (по Грекову) теперь (въ 1629 году) уже не встрѣчаются вовсе, владѣнія нѣкоторыхъ уменьшены, появились новые владѣльцы, изъ прежнихъ помѣстій образовались вотчины, много свободныхъ русскихъ и мордовскихъ селеній розданы въ вотчины и помѣстья, на прежнихъ пустошахъ появились деревни. Въ послѣдующіе годы, до 1648 г., такихъ перемѣнъ въ уѣздѣ въ этомъ отношеніи не замѣчается и, за немногими исключеніями, остаются прежніе владѣльцы или ихъ прямые наслѣдники, только по немногу прибавляются новыя починки и деревни.

На основаніи этого свое изслѣдованіе я разбилъ на двѣ части: на описаніе уѣзда по упомянутымъ даннымъ въ Смутное время и на описаніе въ 1629 году, т. е. черезъ 16 лѣтъ послѣ.

Въ описываемое время Нижегородскій уѣздъ дѣлился на три стана: Березопольскій, въ который входила часть нынѣшняго Нижегородскаго уѣзда по эту сторону рѣки Кудьмы и весь Горбатовскій уѣздъ, Закудемскій, въ составъ котораго ходила остальная часть Нижегородскаго уѣзда и части уѣздовъ Макарьевскаго, Княгининскаго, Арзамасскаго и Сергачскаго, и Стрѣлицкій станъ, расположенный по лѣвымъ берегамъ рр. Оки и Волги въ предѣлахъ (неполныхъ) Семеновскаго и Балакнинскаго уѣздовъ.

Самый населенный и самый русскій станъ былъ Березопольскій. Въ немъ поражаетъ чрезвычайная мелкопомѣстность и разнопомѣстность владѣній. По книгѣ Грекова въ Березопольскомъ стану не было даже ни одного помѣщика или вотчинника, писавшагося съ „вичемъ“. Всѣхъ селеній въ стану было по Грекову 228, въ которыхъ, вмѣстѣ съ владѣльческими домами, насчитывалось 1601 „дворъ“, принадлежали они 358 владѣльцамъ, изъ которыхъ было только 8 вотчинниковъ, а остальные помѣщики. Наиболѣе крупными владѣльцами были Руженинновы, имѣвшіе въ 4-хъ деревняхъ 34 двора, затѣмъ князья Болховскіе, Доможировы, большинство же владѣло 3—4—5 дворами, очень рѣдкіе имѣли по 10 дворовъ и болѣе, многіе владѣли однимъ крестьянскимъ или бобыльскимъ дворомъ, встрѣчаются и такіе, которые имѣли только свой домъ или даже одну землю безъ усадьбы и людей, напр. Бологовской, Пархинъ, Разщепихинъ и пр.

Часть Березопольскаго стана по рр. Окѣ и Волгѣ, какъ и часть Закудемскаго по Волгѣ, сильно пострадали въ смутное время. Грековъ насчитывалъ въ дд. Вишенкахъ, Давыдковѣ, Елизаровѣ, малой Ельнѣ, Кстовѣ, Крутцахъ, Новинкахъ, Обабковѣ, Сартаковѣ, Столбищахъ и др. до 225 пустыхъ дворовъ, т. е. почти 15%, хозяева которыхъ разбѣжались въ смутное время.

Вотчинники были: Арбузовъ въ Лакшѣ, князь Романъ Болховской въ Обашевѣ, Подбѣльскій въ Гривахъ и Саламыковъ въ Плосскомъ, получившіе вотчины за службу царю Василію Ивановичу, Иванъ Доможировъ въ Обабковѣ, получившій за раны и за службу уже при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Григорій Доможировъ въ Шишкинѣ, Челищевъ въ Мункинѣ и Руженинновъ въ Комаровѣ, получившіе вотчины по „боярской дачѣ“ и Иванъ Сколковъ въ Тимонинѣ, получившій по „грамотѣ бояръ князя Дмитрей Тимофѣевича Трубецкова да князь Дмитрей Михайловича Пожарскова“.

Въ числѣ помѣщиковъ было 24 нижегородскихъ служилыхъ нѣмчина и литвина, изъ которыхъ нѣкоторые носили чисто русскія фамиліи, напр.: Ѳедоровъ, Рощинъ, Новиковъ, Толстовъ (иногда называемый Толстовъ Думерстовъ) и др.,

Судя по платежной книгѣ 1619 г., въ описываемое время въ Березопольскомъ станѣ были еще неразданныя въ помѣстья и вотчины селенія: 1) Павловъ Острогъ, нынѣ с. Павлово, уже и тогда торговое, такъ какъ въ немъ, кромѣ 108 дворовъ, насчитывалось до 96 разныхъ лавокъ и 4 кузницы, съ приписанными къ нему 17 деревнями, село Давыдково съ деревнями, Матюшевская волость съ дд. Золинымъ, Пашнымъ и др., село Офанасьевское съ деревнями, село Сосновка съ деревнею Созоновымъ и др., дд. Грудцыно, Шарголси съ деревнями, село Лекѣево съ деревнями, Лукинскія и Кожюховскія деревни, село Богородское и Ворсма съ деревнями.

Монастырскія вотчины были: 1) Дудина монастыря—село, два сельца, да слободка, да 16 деревень; 2) Спасскаго Еуфимьева сельцо да 4 деревни и 3) Печерскаго 3 села и 16 деревень; гдѣ были эти деревни, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Въ 1629 г., т. е. черезъ 16 лѣтъ, картина землевладѣнія быстро измѣняется: вмѣсто 358 владѣльцевъ оказывается только 352, причемъ къ 9 вотчинникамъ прибавилось еще 45, получившихъ вотчины главнымъ образомъ „за московское осадное сидѣніе въ королевичевъ приходъ подъ Москву“; помѣщики литвины и нѣмчины тоже увеличились, ихъ стало уже 37 вмѣсто 24. При этомъ интересно измѣненіе состава владѣльцевъ: 122 прежнихъ владѣльца уже болѣе не встрѣчаются (въ платежныхъ книгахъ) въ числѣ нижегородскихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ,

вмѣсто нихъ появилось 120 новыхъ, но болѣе крупныхъ. Подробное перечисленіе владѣльцевъ, вотчинниковъ и помѣщиковъ, а равно и владѣльцевъ иноземнаго происхожденія можно видѣть въ приложенномъ спискѣ. Была нарушена и главнѣйшая особенность этого стана—мелкопомѣстность: съ раздачею вольныхъ селеній въ награду появилось много крупныхъ вотчинниковъ бояръ и князей: село Лекѣево съ дд. Безводной, Зименками. Лобковымъ и Михальчиковымъ стало помѣстьемъ думнаго дьяка Ѳедора Ѳедорова Лихачева, село Офанасьевское съ дд. Килелеями, Спиринымъ, Мухановымъ и др. отдано въ помѣстье боярину Михаилу Борисовичу Шеину, д. Алистѣева дана въ вотчину князю Троекурову за Бѣлскую и Смоленскую службу, дд. Грудцыно и Шаргалеи отданы въ вотчину стольнику Льву Афанасьевичу Плещееву за Московское осадное сидѣніе и въ помѣстье боярину князю Володимеру Тимофѣевичу Долгорукову, стольникъ князь Борисъ Пашаевъ Куликовъ получилъ помѣстье въ с. Сосновскомъ, бояринъ князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій получилъ за Вяземскую и Дорогобужскую службу Матюшевскую волость, стольникъ князь Василій Григорьевичъ Ромодановскій с. Давыдово и д. Шаргалеи, тутъ же получили вотчины и помѣстья Олябьевы и Лодыгины, боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву дана въ вотчину Кожюховская волость и наконецъ Кузьмѣ Минину с. Ворсма съ деревнями и Богородское съ деревнями, изъ которыхъ къ 1629 году осталось за его сыномъ Нефедомъ только с. Богородское съ деревнями. Павловъ острогъ съ деревнями тоже отданъ въ вотчину боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому. Словомъ, свободныхъ селеній повидимому не оставалось.

Между прочимъ, въ Березопольскомъ станѣ замѣчается и наибольшее исчезновеніе селеній въ послѣдующее время (впрочемъ, можетъ быть нѣкоторыя изъ нихъ слились съ другими или получили другое названіе); интересно совершенное исчезновеніе селеній вблизи Нижняго; напр. дд. Будилово, Боталково, Наперстково, Черницыно, село Мотовилово, которыя Грековъ описываетъ стоящими на рѣкѣ Рахмѣ въ 7 — 10 верстахъ отъ Нижняго, близъ нынѣшнихъ Бѣшенцова, Конçтантинова, Мордвинцева и Анкудиновки, исчезли совершенно; только одно Черницыно дало свое названіе теперешней Черниченской пустоши, послѣднія же селенія были въ то время крайне незначительны: въ Бѣшенцовѣ, принадлежащемъ нижегородскому служилому нѣмчину Соломонову, было только два крестьянскихъ двора и усадьба Соломонова, въ Константиновѣ усадьба Мостинина, два крестьянскихъ и одинъ бобыльскій дворъ, принадлежавшіе Мостинину и Жедринскому, въ Анкудиновкѣ, бывшей Полопскаго и Варыпаева, находилась усадьба Полонскаго, 6 крестьянскихъ и 2 бобыльскихъ двора; нынѣшнихъ Щербинки и Ляхова тогда не существовало вовсе.

Закудемскій станъ, расположенный на огромной территоріи, среди мордовскихъ и татарскихъ поселеній, имѣлъ значительно меньше русскихъ селеній. По Грекову въ немъ насчитывалось 75 селеній, принадлежавшихъ 103 владѣльцамъ, при общемъ числѣ жилыхъ дворовъ 869.

Пустые, разоренные въ Смутное время, дворы были въ Меленкахъ, Кадницахъ, Шавѣ, Медвѣдковѣ, Лубянцовѣ и Маликовѣ; ихъ было всего 129, всего менѣе въ Маликовѣ—3 и Лубянцовѣ—5.

Въ Закудемскомъ станѣ Грековъ описываетъ вотчины двухъ бояръ: Федора Ивановича Шереметева въ селѣ Кадницахъ съ деревнями, полученная отцомъ его Иваномъ Васильевичемъ Меньшимъ Шереметевымъ по жалованной грамотѣ блаженныя памяти государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси

противъ ихъ старыя волоцкія вотчины сельца Буханова съ деревнями, и князя Ивана Михайловича Воротынскаго въ селѣ Княгининѣ (нынѣшній уѣздный городъ) съ 22 деревьями. У Шереметева было 42 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и 102 двора пустыхъ, у Воротынскаго 289 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Любопытно, между прочимъ, что уже и въ то отдаленное время у русскихъ баръ были нѣмцы управляющіе, такъ въ Кадницахъ Грековъ записываетъ дворъ прикащика Шереметева, какого-то Индрика Елтруславинова.

Прочіе владѣльцы были только помѣщики и такая же мелкота, какъ и въ Березопольскомъ станѣ; иногда встрѣчаются одни и тѣ же лица, владѣвшія помѣстьями въ обоихъ станахъ. Здѣсь кстати надо замѣтить, что въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ Смутное время вообще громкихъ фамилій по тогдашнему, да и по нынѣшнему времени, кромѣ Шереметева и Воротынскаго не было (что подробно можно видѣть изъ приложенія), но встрѣчалось много лицъ, носившихъ одинаковыя фамилія и вѣроятно происходившихъ отъ одного корня, такъ было четверо Аникѣевыхъ, четверо князей Болховскихъ, пять Взовскихъ, шесть Доможировыхъ, четверо Доскиныхъ, десять Жедринскихъ, пятеро Змѣевыхъ, девять Колбецкихъ, семеро Онучиныхъ, семеро Приклонскихъ, четверо Старковыхъ, шестеро Мошенскихъ и т. д., были помѣщики, носившіе совершенно не дворянскія фамиліи, какъ напр. Троицкіе, заимствовавшіе фамилію вѣроятно отъ помѣстья с. Троицкаго и т. д., удивляютъ также и имена, особенно у нижегородцевъ: излюбленные имена, такія же, какъ и нынѣ у крестьянъ: Богданъ, Тимофей, Степанъ, Семенъ, Гаврила, Аѳанасій, Плакида, Авдотья, Аѳимья, Степанида, Антонида и т. д.; существовали, и тоже болѣе у Нижегородцевъ, прозвища, которыми Грековъ ихъ и записывалъ (христіанскія имена остались неизвѣстными) напр. Поздѣй Арбузовъ, Путило Медоварцевъ, Ратманинъ Бурцовъ, Истома Буйносовъ, Смирной Бурцовъ, Копыря Доскинъ, Баженъ Елчаниновъ, Жданъ Есипъ, Небоженъ Зубатый, Бушмаринъ Кошкинъ, Болванъ Протопоповъ, Мясоѣдъ Рокотовъ, Немятый Скорятинъ, Пинай и Замятня Скорятины, Хотенъ и Блудъ Сурины, Посникъ Безсоновъ Омачкинъ, Одинецъ Пархинъ и т. д. Троицкій и т. д. Огромнѣйшее большинство владѣльцевъ были, судя по фамиліямъ, русскіе, но было не мало и татарскаго происхожденія и даже мордовскаго, напр. Кармалеевъ.

Иноземцевъ помѣщиковъ было 8. Свободныя русскія селенія судя по платежнымъ книгамъ, здѣсь были слѣдующія: с. Поповское съ деревнями, с. Слободское съ деревнями, село Егорьевское съ деревнями, село Ногавицыно съ деревнями и село Толмачево съ деревнями; подробно эти селенія, какъ и мордовскія, помѣщены въ приложеніяхъ.

Монастырскія вотчины повидимому были: 1) Троице-Сергіева монастыря, с. Варварское и село Ляпись съ деревнями, 2) Печерскаго монастыря, с. Ягодное съ деревнями, 3) Благовѣщенскаго монастыря, село Мигино и село Плотинское.

Въ 1629 году здѣсь, какъ и въ Березопольскомъ станѣ, произошли огромныя перемѣны въ землевладѣніи: вмѣсто 103 владѣльцевъ стало 134, причемъ изъ прежнихъ убыло и совершенно исчезло 47, и прибыло новыхъ 78. Вмѣсто двухъ вотчинъ стало 32, вмѣсто 8 иноземцевъ 20. Образовались большія боярскія вотчины изъ мордовскихъ и русскихъ свободныхъ селеній: село Шихманово съ д. Чернушкиной и изъ мордовскихъ земель село Пумра были отданы въ вотчину за нѣмецкій походъ и за Московское осадное сидѣніе въ королевичевъ приходъ подъ Москву боярину

Семену Васильевичу Головину; село Кошкино съ дер. Чернухой въ вотчину боярину Петру Петровичу Головину за Московское осадное сидѣніе. За тоже сидѣніе были розданы вотчины: дьяку Ждану Михайлову Шипову, съ дѣтьми Львомъ и Дороѳеемъ, село Папулово съ деревнями, окольничему Артемію Васильевичу Измайлову село Слободское съ половиною дер. Подлѣсовской, Ветчаковская тожъ, боярину князю Юрію Яншеевичу Сулешову изъ мордовскихъ земель село Егорьевское, что было дер. Синбилеи да дер. Старыя Синбилеи, съ деревнями Маймарами, починками Городищи, Гремячевымъ, сельцомъ Румянцовымъ и дер. Семетью и старымъ Лекѣевымъ, послѣднія три деревни даны въ помѣстье за сибирскую службу; чашнику Ивану Афанасьевичу Плещееву пожаловано въ вотчину село Троицкое съ поч. Уполовниковымъ, Сосновкою, Редриковымъ и д. Клоковицы, окольничему Алексѣю Ивановичу Зюзину въ вотчину село Велдеманово съ дер. Каменищи и въ помѣстье дер. Почапная, сыну его стольнику Григорію Алексѣеву Зюзину въ вотчину дер. Гридино, Лукьяну Иванову Мяснову д. Шершево, Федору Васильеву Волынскому село Григорьево съ деревнями, дьяку Андрею Шипову помѣстье въ дер. Чеченинои и д. Калининой, стольнику Борису Ивановичу Морозову въ вотчину село Ногавицыно съ дер., боярину князю Борису Михайловичу Лыкову въ вотчину с. Толмачево съ дд. Спириной, Шерменевой, Мухоѣдовой, починками Сѣрковымъ, Грязновкою, Мцѣднью, Осиповымъ и въ помѣстье село Палецъ, д. Таможниково, д. Ишино и починокъ Выѣздной. Стольнику князю Левонтію Салтанашевичу Шейдякову с. Поповское. Около этихъ боярскихъ вотчинъ примѣрныя земли отъ вотчинъ получили въ помѣстья разные нѣмчины: Томасъ Каръ и нѣмчинъ Степанъ Ивановъ отъ Волынскаго, Юрій Бембринъ отъ Ждана Шипова, нѣмцы Юрій Безсоновъ и Яковъ Безъ отъ Безсонова, Ондрей Вадъ отъ князя Лыкова (д. Берсениха), Робертъ Купигемъ и Яковъ Ахторлони отъ князя Сулешева, нѣмчинъ Гаврила Бредневъ отъ князя Шейдякова. Замѣчательно, что ни одинъ русскій не воспользовался „примѣрною землею“ у этихъ крупныхъ владѣльцевъ.

Въ составъ Закудемскаго стана въ этихъ же годахъ взошла изъ Курмышскаго уѣзда „Курмышская припись“, село Егорьевское съ деревнями, вотчина чашника Ивана Афанасьевича Плещеева, а впослѣдствіи изъ того же уѣзда переведена вотчина боярина Бориса Ивановича Морозова, сельцо Мурашкино да сельцо Лысково съ приселки исъ деревнями, и съ починки, и съ полянки, и съ займища, и съ оселкомъ, и съ Волковымъ островомъ, и съ пустошами.

Въ Стрѣлицкомъ станѣ по Грекову было только 18 селеній съ 70 дворами, принадлежащихъ 20 владѣльцамъ. Вотчинникъ былъ только въ Гордѣевкѣ — Дмитрій Савинъ Жедринскій, получившій вотчину за Московское осадное сидѣніе при царѣ Василіи Ивановичѣ. Затѣмъ по платежной книгѣ 1619 г. видно, что въ Стрѣлицкомъ станѣ была „царя и великаго князя Василія Ивановича за царицею, старицею инокою Еленою Петровною, вотчина Бѣлгородцкая волость и Васильева слободка“; волость эта, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго, была огромна. Монастырямъ здѣсь принадлежали: Троицкому - Сергѣеву дер. Коносово съ деревнями, Благовѣщенскому дер. Гнилица съ деревнями, Дудину монастырю 11 деревень и 4 починка, позади царицыныхъ волостей Заборскія и Городецкія волости, и Толоконцовскому 4 четверти пашни изъ села Толоконцова. Странно, что Грековъ не отмѣтилъ Нурецкой волости князя Пожарскаго, которая включена только въ платежную книгу 1619 г.

Въ 1629 году владѣльцевъ было 21 вмѣсто 20 и изъ нихъ 3 вотчинника. Старыхъ владѣльцевъ убыло 11, новыхъ прибавилось 13; интересно, что нѣмцевъ не только не прибавилось, а убавилось—стало трое вмѣсто четверыхъ: должно быть бѣдныя лѣсныя имѣнія ихъ не удовлетворили. Получили новыя вотчины: „боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарскова съ дѣтьми ево со стольники со княземъ Ѳедоромъ Дмитріевичемъ вотчины, что ему дано изъ ево же дачи съ Шурецкіе волости за службу за московское очищенье да за службу же за Московское осадное сидѣнье въ Королевичевъ приходъ подъ Москву и съ тѣмъ, что было на примѣрную землею и что далъ бояринъ Дмитрей Михайловичъ въ своей же вотчинѣ къ монастырю Макарья Чудотворца, опричъ лготчиковъ, съ села да съ погосту да съ сельца, да со 151 деревни, да съ 10 починковъ, съ полутрети и съ пол-полчети соха, а не дойдетъ въ сошные письмо 1 четь съ третникомъ. Да на лготѣ починки поставлены и вновѣ ставятца 24, въ нихъ 13 четей съ третникомъ“.

Думный дьякъ Иванъ Курбатовъ Грамотинъ за Московское осадное сидѣнье получилъ въ вотчину село Толоконцово, съ 20 деревнями и 15 починками и помѣстье въ той же Толоконцовской волости два села, 25 деревень, 4 починки и непахатныя Везломскія и Копытовскія слободки.

Бѣлгородская волость царицы Елены перешла къ боярину князю Ивану Ивановичу Шуйскому, въ ней былъ погостъ, 234 деревни, 90 починковъ и 9 займицъ. Васильева слободка, въ которой было торговыхъ и всякихъ промышленныхъ и бобыльскихъ и ярыжныхъ дворовъ 143, оказалась принадлежащею Вознесенскому дѣвичьему монастырю.

Инородческихъ селеній здѣсь не было вовсе.

Изъ всего вышеизложеннаго можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Смутное время произвело огромныя перемѣны въ личномъ составѣ владѣльцевъ,

2) сильно увеличило крупное землевладѣніе за счетъ свободныхъ русскихъ и инородческихъ селеній,

3) чрезвычайно увеличило число вотчинниковъ съ 12 на 89 или на 740%,

4) значительно усилило число владѣльцевъ иноземцевъ съ 36 на 60 или на 67%.

Къ настоящему изслѣдованію прилагаются составленныя по первоисточникамъ: 1) списокъ всѣхъ селеній уѣзда, съ показаніемъ ихъ населенности и числа владѣльцевъ по книгѣ Грекова, числа однихъ владѣльцевъ въ этихъ селеніяхъ въ 1629 году по платежнымъ книгамъ, съ разнесеніемъ этихъ селеній по тогдашнимъ станамъ и теперешнимъ уѣздамъ, 2) списокъ исчезнувшихъ селеній, составленный съ такими же подробностями, 3) списокъ помѣщиковъ и вотчинниковъ по станамъ съ указаніемъ, гдѣ можно, званій владѣльцевъ, ихъ происхожденія (иноземцы) и основаній пожалованія вотчинъ.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить благодарность Александру Михайловичу Меморскому, благодаря содѣйствію котораго составлены списки населенныхъ мѣстъ.

Списокъ помѣщиковъ и вотчинниковъ Березопольскаго стана.

А.

1613 г.	1629 г.
1. Аникѣевъ Андр. Васильевъ, Казан. жилецъ.	1. Онъ-же.
2. Аничковъ Влад. Володимеровъ.	2. Онъ-же.
3. Аничкова Ульяна.	
4. Ацыферовы Вас. и Тих., Козьмод. жильцы.	3. Они-же.
5. Арбузовъ Поздѣй Микифоровъ, Нижегородецъ.	
6. Арбузова Овдотьица Володимерова, дѣвка.	
7. Арбузовъ Павелъ Семеновъ, Нижегородецъ.	4. Онъ-же. *Вотчина за службу царя Василія Ивановича.*
8. Аникѣевъ (Оникѣевъ) Левонтій Алексѣевъ.	
9. Аникѣевъ Иванъ Васильевъ.	5. Онъ-же.
10. Аникѣевъ Вас. Павловъ.	
	6. Аничкова Домна

Б.

11. Бабкинъ Лукьянъ Степановъ, Нижегородецъ.	7. Дѣти его Любимъ и Ивашка
12. Бабичева Матрена Львова, Княгиня, съ дѣтьми Кондратіемъ и Маріею.	8. Бабичевъ, Князь Кондратей.
13. Базинъ Павелъ Боженовъ, Нижег.	9. Онъ-же.
14. Базинъ Григорій Замятинъ, Ниж.	10 Онъ-же.
15. Бартеневъ Алексѣй Филипповъ, Ниж.	11. Онъ-же.
16. Бартеневъ Романъ Филипповъ, Ниж.	12. Онъ-же.
17. Бартеневъ Путило Федоровъ, Ниж.	13. Онъ-же.
18. Башмаковъ Алексѣй Юдинъ, Самар. жилецъ.	14. Онъ-же.
19. Бестужевъ Андр. Захаровъ, Свіяжск. жилецъ.	15. Онъ-же.
20. Бобоѣдовъ Михаилъ Гавриловъ Ниж.	16. Онъ-же.

21. Бобоѣдовы Тимофей, Ондрей, Федоръ и Иванъ, Нижегородцы.
22. Богданова Марья.
23. Болтинъ Жданъ Петровъ, Нижег.
24. Болтины Прасковья и Матрена.
25. Бологовской Дмитрій Михайловъ.
26. Болотовской Степанъ Ивановъ, Ниж.
27. Болховскій Федоръ Богдановъ, Князь, Нижегор.
28. Болховской Никита Федоровъ Князь. Нижег.
29. Борисовъ, Пятъ Ивановъ, Кузьмод. жилецъ.
30. Болховскій Романъ Федоровъ, Князь. *Вотчина* по грамотѣ. Царя Василія Ивановича.
31. Болховскій Иванъ Дмитріевъ Князь. Нижег.
32. Бреховъ Семенъ Петровъ Ниж.
33. Бородина Марья съ дѣтьми Никитою и Борисомъ.
34. Босоволковъ Никита Гавриловъ.
35. Бурцовъ Семенъ Никифоровъ Нижег.
36. Бурцовъ Ратманинъ Никифоровъ.
37. Бурцовъ Смирной Никифоровъ, Свіяжс. жил.
38. Буйносовы Истома, Смирной, Иванъ Гавриловы.
39. Бычковъ Мих. Семеновъ, Нижег.
40. Бѣляковъ Аталыкъ Матвѣевъ.

17. Онъ-же.
18. Онъ-же.
19. Онъ-же.
20. Сынъ его, Семенъ.
21. Онъ-же. *Вотчина.*
22. Вдова его Домна.
23. Никита Коржиновъ Бородинъ.
24. Онъ-же.
25. Вдова его Анна съ сыномъ Степаномъ.
26. Дѣти его, Яковъ и Фетка.
27. Онъ-же.
28. Онъ-же.
29. Онъ-же.
30. Баскаковъ Андр. Ивановъ.
31. Булгаковъ Александръ. Ивановъ.
32. Беклемишевъ Одинецъ Михайловъ.
33. Бушъ Степанъ *Вотчинъ.*
34. Буйносовъ Куземка Смирновъ.
35. Бестужевъ Степанъ Тимофеевъ.
36. Бездѣлкинъ Андр. Гордѣевъ, Нижегор.
37. Бычковъ Вас. Семеновъ.
38. Бартеневъ Богданъ Филипповъ.
39. Болховскій Ив. Михаиловъ, Князь. *Вотчина* противъ его рязанскія вотчины за Московское осадное сидѣніе.

В.

41. Варыпаевъ Фед. Васильевъ, Ниж.
42. Варыпаевъ Ив. Федотовъ, Ниж.
43. Василисовъ Филиппъ Бесчасновъ.
44. Веревкинъ Григ. Павловъ Свіяж. жил.

40. Онъ-же.
41. Онъ-же.
42. Онъ же.

45. Веревкинъ Герасимъ Павловъ, Каз. жилецъ.	
46. Взовскіе Фед. и Афан. Михаиловы, Нижег.	43. Дѣти: Петръ, Михаилъ и Иванъ.
47. Взовскій (Гзовскій) Иванъ и Михаилъ Неудачины.	44. Онъ - же.
48. Взовскій Семенъ Ивановъ.	45. Онъ - же.
49. Взовскій Михаилъ Ивановъ.	46. Онъ - же.
50. Взовскій Ондрей Смирновъ, Ниж.	47. Онъ - же.
51. Верегины Михаилъ Чюдиновъ и Иванъ Осиповъ, Нижегор.	48. Они - же.
52. Вилимовъ Вернатъ, Ниж. служ. Нѣмчинъ.	
53. Водолеева Офросинья съ сыномъ Сенкою.	
54. Воецкій Богданъ Филиповъ, Кузьм. жилецъ.	49. Онъ - же.
55. Волненицынъ Алексѣй Алексѣевъ, Нижегор.	
	50. Взовскій Федька Посниковъ.
	51. Вестовъ Захаръ, Нѣмчинъ.
	52. Взовскій Алекс. Филипповъ.
	53. Воронинъ Ив. Дмитріевъ.
	54. Врангилевъ Денисъ Владимеровъ, Нѣмчинъ.
	55. Веселовскій Василій, Иноземецъ.
	56. Взовскій Петръ Неудачинъ.
	57. Веревкинъ Иванъ Федоровъ.
	58. Волынскій Вас. Васильъ.

Г.

56. Глядкова Марья.	
57. Глядковы Федоръ и Лазарь Ивановы.	59. Они - же.
58. Глядковъ Андрей Бардинъ, Нижег.	
59. Глядковъ Евдокимъ Андреевъ.	60. Сынъ его Петръ.
60. Головинъ Петръ Петровъ.	61. Онъ - же, но уже Бояринъ Петръ Петровичъ Головинъ. *Вотчина* за Московское осадное сидѣнье въ Королевичевъ приходъ подъ Москву.
61. Городецкая Федосья съ дѣтьми Исасю, Иваномъ и Тимофѣемъ, Чебокс. жильцы	62. Они - же, но часть *вотчина* Ивана Михайлова за Московское осадное сидѣнье въ Королевичъ приходъ подъ Москву.
62. Городецкій Петръ Михаиловъ, Ниж.	
63. Городецкій Семенъ Мирославовъ.	
64. Городецкій Иванъ Михаиловъ.	63. Онъ - же.
65. Гордѣевъ Иванъ Никитинъ.	
66. Греметинъ (Греметчиковъ) Григ. Ивановъ, Нижег.	64. Онъ - же.
67. Гущинъ Кузьма Ивановъ, Ниж.	65. Онъ - же.
68. Гущинъ Иванъ Борисовъ, Ниж.	

69. Гучевъ Андр. Борисовъ, Нижег.
70. Гучева Авдотья съ сыномъ
71. Гучевы Федосья, Тимофей, Федоръ, Даниловы Нижегор.

66. Они - же.

67. Гущинъ Матвѣй Борисовъ.
68. Городецкій Тимоф. Михайловъ, Чебокс. жил.
69. Глѣбовъ Ив. Степановъ.

Д.

72. Девятовъ Якимъ Семеновъ.

70. Онъ - же съ братьями Федоромъ и Пинайкою.

73. Доможировъ Андрей Посниковъ.
74. Доможировъ Иванъ Борисовъ. *Вотчина.*

71. *Вотчина* его за Московское осадное сидѣнье въ Королевичевъ приходъ подъ Москву (прибавлено).

75. Доможировъ Никита Борисовъ.
76. Доможировъ Иванъ Васильевъ, Нижег.
77. Доможировъ Григорій Константиновъ. *Вотчина* по боярской дачѣ.
78. Доможировъ Андрей Плакидинъ.
79. Доскинъ Петръ и Радимъ Григорьевы, Нижегор.
80. Доскинъ Архипъ Рычкинъ, Ниж.
81. Доскинъ Копыря Григор., Ниж.
82. Доскины Дмитр. и Вас. Пулаевы, Нижегор.
83. Дьяковскіе Фед. и Андрей Лукьяновы, Нижегор.

72. Онъ - же.
73. Онъ - же. *Вотчина.*
74. Радимъ и вдова Ненила Петрова.
75. Онъ - же.
76. Они - же.
77. Доскинъ Иванисъ Ивановъ.
78. Доскинъ Василій Петровъ.
79. Демсковъ Иванъ, Иноземецъ.
80. Долгоруковъ Волод. Тимофеевичъ, Боринъ, Князь, *Вотчина.*
81. Дмитріевъ Степанъ Посниковъ. *Вотчина* за Московское осадное сидѣнье въ Королевичъ приходъ подъ Москву.

Е.

84. Евруженинова Олена, Нѣмка.
85. Елчаниновъ Баженъ Михайловъ, Нижег.
86. Есина Авдотья съ сыномъ Жданомъ.
87. Есинъ Еремѣй Замятнинъ, Нижег.
88. Есинъ Иванъ Замятнинъ, Нижег.
89. Есины Иванъ и Константинъ Замятнины, Нижег.
90. Есиповъ Ѳома Васильевъ, Свіяж. жил.
91. Есиповъ Фед. Ивановъ, Свіяжс. жил.
92. Ершовъ Вас. Петровъ, Самар. жил.
93. Еропкина Ульяна съ дочерями.

82. Онъ - же.
83. Жданъ Есинъ.
84. Онъ - же.
85. Онъ - же.
86. Онъ - же.
87. Сынъ его Гордѣй!
88. Вдова Анна.
89. Еремѣева Катерина, *Нѣмка.*
90. Еремѣева Авдотья, *Нѣмка.*

Ж.

94. Жедринскій Мих. Савиновъ, Нижег.
95. Жедринскій Микита Савиновъ, Ниж.
96. Жедринскій Дмитрій Савиновъ. *Вотчина по грам.* Царя Василія Ивановича. — 91. Сынъ его Афонасій и его *вотчина* за службу Царя Василія Ивановича.
97. Жедринская Марья съ дѣтьми Богданомъ и Михайломъ. — 92. Они-же.
98. Жедринскіе Матвѣй и Ѳома Леонтьевы. — 93. Они-же.
99. Жедринскіе Савелій, Афанасій, Иванъ Ивановы. Нижег. — 94. Они-же.
100. Жедринскіе Тимофей и Филиппъ Елизарьевы. — 95. Они-же.
101. Жедринскій Семенъ Ларіоновъ.
102. Жедринскіе Андреянъ и Никифоръ Володимеровы. — 96. Они-же.
103. Жедринскій Григорій Володимеровъ. — 97. Онъ-же. *Вотчина* за службу Царя Василія Ивановича.
104. Жеребятниковъ Посникъ Ивановъ, Нижегор. — 98. Онъ-же.

99. Жедринскіе Богданъ и Мих. Елизаровы.
100. Жда новъ Васька, *Литвинъ*.

З.

105. Загаринъ Григ. Ивановъ. — 101. Онъ-же.
106. Заприсины (Завришины) Иванъ и Андрей Яковлевы, Ниж. — 102. Они-же.
107. Змѣевъ Матвѣй Федоровъ Казан. жил. — 103. Онъ-же. *Вотчина* за Моск. осад. сид. въ Королевичъ приходъ подъ Москву.
108. Змѣевъ Юрій Федоровъ, Казан. жил. — 104. Сынъ его Иванъ. *Вотчина* за Моск. осад. сид. въ Королевичъ приходъ подъ Москву.
109. Змѣевъ Степанъ Ивановъ Казан. жил. — 105. Онъ-же. *Вотчина* за тоже.
110. Змѣевъ Ив. Семеновъ, Нижег. — 106. Онъ-же.
111. Змѣевъ Савелій Семеновъ.
112. Злобинъ Иванъ Хрисанфовъ.
113. Зубатинъ Небаженъ Афанасьевъ.
114. Зубатые Максимъ Иванъ, Афанасій. и Богданъ Михайловы. — 107. Они-же.
115. Зубатый Тимофѣй Федоровъ. — 108. Дѣти его Богданъ, Василій, Михайло и Ивашка.
116. Зузинъ Осипъ Тарасовъ, Нижег.

И.

117. Ивановъ Жданъ. *Литвинъ*. — 109. Онъ-же.
118. Ивановъ Екимъ Елизарьевъ, Нижег. — 110. Онъ-же.
119. Изгагинъ Фед. Игнатьевъ, Нижег. — 111. Онъ-же.
112. Игумновъ Ив. Назаровъ, Нижег.

К.

120. Кабалинская Марья.	
121. Кареевъ Мих. Васильевъ, Нижег.	113. Онъ-же.
122. Калмыкинъ Семенъ Петровъ, Нижег.	
123. Карамзинъ Дм. Семеновъ, Нижег.	114. Онъ-же. *Вотчина* за службу Царя Василія Ивановича.
124. Карамзинъ Курдюкъ Семеновъ, Ниж.	115. Онъ-же.
125. Карамзины Иванъ и Андрей Федоровы.	116. Они-же.
126. Клаусовъ Клаусъ, *Нѣмчинъ*.	
127. Клепальницыны Осипъ и Никита Крестьяниновы, Нижег.	117. Никита Клепальницынъ.
128. Клепальницынъ Рахманинъ Семеновъ, Нижег.	118. Онъ-же.
129. Кобылкина Анисья.	
130. Кобылкины Плакида, Афанасій и Кручинка, Нижег.	119. Они-же.
131. Кожина Татьяна.	
132. Козлова Некраса.	
133. Козловъ Романъ Андреевъ, Нижег.	120. Онъ-же.
134. Козловъ Ив. Посниковъ, Нижег.	121. Онъ-же.
135. Коиревъ Исламъ.	122. Сынъ его Семенъ.
136. Коиревъ Иванъ Исламовъ.	123. Онъ-же.
137. Козлакова Олена.	124. Она-же.
138. Колбецкій Самойло Смирновъ, Нижег.	125. Сынъ его Замятня.
139. Колбецкій Мих. Семеновъ.	126. Онъ-же.
140. Колбецкій Афан. Мурзинъ.	
141. Колбецкій Мурза Володимеровъ	
142. Колбецкій Василій Семеновъ, Ниж.	127. Онъ-же.
143. Колбецкій Мих Семеновъ, Ниж	128. Онъ-же.
144. Колбецкій Фед. Семеновъ.	129. Онъ-же.
145. Колбецкіе Григор. Иванъ, Демидъ Ульяновы.	130. Они-же.
146. Колбецкій Максимъ Посниковъ, Ниж.	131. Онъ-же.
147. Косливцевы Никита и Павелъ Гавриловы.	132. Они-же
148. Косливцевъ Борисъ Лаврентьевъ, Ниж.	133. Онъ-же.
149. Косливцевъ Матвѣй Конаевъ, Ниж.	
150. Кокоревъ Юда Богдановъ, Нижегор.	134. Сынъ его, Кузьма.
151. Косяковскій Ондр. Григорьевъ, Свіяж. жил.	
152. Комаровъ Семенъ Дементьевъ, Ниж.	135. Дѣти его Ромашка, Петрушка и Савинъ.
153. Кошкинъ Мих. Васильевъ.	136. Они-же.
154. Кошкинъ Григ. Мирославовъ.	
155. Кошкины Иванъ, Бушмаринъ, Иванъ 2-й Борисъ Тимофѣевы.	137. Они-же.
156. Кошкины Никиф. Филиппъ и Иванъ Дементьевы, Нижег.	138. Они-же.

157. Клибакинъ Фед. Артемьевъ, *Нѣмчинъ.*
158. Княжегорскіе Иванъ и Василій Исаевы.
159. Кречетниковъ Фед. Петровъ, Нижег.
160. Кречетниковъ Фед. Яковлевъ.
161. Крашовъ Алекс. Федоровъ.
162. Круглицынъ Гурій Гордѣевъ
163. Куровскій Афан. Нелюбовъ, Нижег.
164. Кановскій Кочакъ.
165. Кушниковъ Алекс. Ивановъ.
166. Колзаковъ Алексѣй Петровъ.
167. Кушниковъ Левонтій Алексѣевъ

139. Они - же.
140. Сынъ его Митка.
141. Онъ - же.
142. Онъ - же. *Вотчина.*
143. Онъ - же.
144. Дѣти Гаврило и Степанъ.
145. Колбецкій Григор. Мурзинъ.
176. Карамзинъ Томило Семеновъ, Ниж.
147. Кудринъ Никита Тимофѣевъ *Вотчина* за Моск. осад. сидѣнье.
148. Калачевъ Посникъ, Дьякъ.
149. Кармалѣевъ Камай Григорьевъ *Вотчина* за Моск. осадное сидѣнье.
150. Киселевъ Иванъ Степановъ.
151. Кошкаровъ Григ. Ивановъ, Кузьм. жил.
152. Кулаковскій Юрій, *Литвинъ.*
153. Кувшиновъ Остафій. Дьякъ.
154. Каиревъ Мизинъ Исламовъ, Яранск. жил.
155. Каиревъ Небаженъ Исламовъ Яран. жил.
156. Колзаковъ Игнат. Тимофѣсвъ.
157. Куликовъ, Князь, Борисъ Пашаевъ. Стольникъ.

Л.

168. Лапшанская Антонида съ дѣтьми Сенкою и Лункою.
169. Лапшанскій Дм. Меркурьевъ, Нижег.
170. Летцковъ Иванъ Мирославовъ, Нижег.
171. Лѣнивцевъ Семенъ Яковлевъ, Нижег.
172. Лениковъ Баженъ Никитинъ, Нижег.
173. Лопатины Никифоръ Андреевъ и Матвѣй и Григорій Булгаковы, Нижег.
174. Лукомскіе Кириллъ и Ананія Матвѣевы, *Литвины.*
175. Лунинъ (Люткинъ) Андрей Федоровъ.
176. Лабутинъ Дмитр. Борисовъ.

158. Они - же.
159. Онъ - же.
160. Онъ - же.
161. Онъ - же.
162. Онъ - же.
163. Лукомскіе Илья и Ивашка.
164. Онь - же.
165. Онъ - же.
166. Лодыгинъ Дмитр. Васильевъ. *Вотчина* за Новгородское осад. сид. и противъ взятыя Новгородскіе вотчины.
167. Лодыгинъ Фед. Ивановъ *Вотчина* за Моск. ос. сидѣнье.
168. Лодыгинъ Семенъ Яковлевъ.

169. Лашанскіе Васька и Якушка Андреевы.
170. Люткинъ Яковъ Филиповъ.
171. Лихачевъ Ѳед. Ѳедоровъ. Думный дьякъ.
172. Ларлановъ Семенъ Яковлевъ.
173. Ладыгинъ Степанъ Ефремовъ.
174. Лукошковъ Борисъ Мокѣевъ.
175. Лѣнивцевъ Кириллъ Васильевъ.
176. Лѣнивцевы Ив. и Михаилъ Посниковы.

М.

177. Макаевъ Степанъ Медвѣдевъ.
178. Макарьевы Мокей Левонтьевъ и Клементій Ивановъ.
179. Маневъ Захаръ Петровъ, *Литвинъ*. — 177. Онъ-же.
180. Маневскій Петръ Петровъ, *Литвинъ*.
181. Морцевы Иванъ и Юрій Лаврентьевы, *Нѣмцы*. — 178. Они-же.
182. Матюнины Павлинъ, Тихонъ, Шиголей Степановы, Нижег. — 179. Они-же.
183. Малышкинъ Борисъ Семеновъ, Нижег. — 180. Онъ-же.
184. Малышкины Исачка, Гришка и Федька Семеновы. — 181. Они-же.
185. Малышевская Федора.
186. Медоварцова Дарья и дѣтьми Федькою, Гришкою, Якимкою и Матюшкою. — 182. Они-же.
187. Медоварцовъ Путило Михайловъ, Нижег. — 183. Сынъ его Григорій
188. Микулинъ Петръ Дьякъ. — 184. *Вотчина* дѣтей его Луки и Якова.
189. Микитинъ Ив. Гордѣевъ, Нижег. — 185. Онъ-же.
190. Молоствовы Салтанъ и Уланъ Семеновы. — 186 Они-же.
191. Мокрынскій Ив. Михайловъ.
192. Мостянинъ Фед. Семен. — 187. Онъ-же *Вотчина*.
193. Мосцнягъ Матв. Матвѣевъ, *Нѣмчинъ*. — 188. Сынъ его Юрій.
194. Мошенскій Яковъ Матвѣевъ, Ниж. — 189. Онъ-же.
195. Мошенскіе Мих. и Иванъ Мордвиновы.
196. Мошенскіе Степанъ и Мартынъ Григорьевы, Нижег. — 190. Они-же.
197. Мошенскіе Семенка, Офонка, Петрушка Ильины.
198. Мошенскій Андрей Богдановъ съ сыномъ Васильемъ. — 191. Они-же.
199. Мошенскій Андр. Филиповъ. — 192. Они-же.
200. Мохневъ Замятня Ивановъ, Свіяж. жил. — 193. Онъ-же.

201. Мохневъ Михаилъ Федоровъ Свіяж.жил.
202. Мякушкинъ Афан. Даниловъ Нижег.

194. Онъ - же.
195. Морцевъ Андрюшка Андреевъ, *Литвинъ*.
196. Милославскій Илья Даниловъ. *Вотчина* за Моск. ос.сид. въ Кор. приходъ.
197. Макаровъ Степ. Яковлевъ, Каз. жил.
198. Малышевскій Герасимъ Головинъ, *Иноземецъ*.
199. Маматовъ Григорій, Ловчій.
200. Мировицкая Устинья.
201. Мининъ Нефедій Кузьминъ. *Вотчина отца*.
202. Мишевскій. Прокопій, *Иноземецъ*.

В.

203. Неклюдовъ. Панъ и Федоръ Трофимовы.
204. Новокрещенова Олена съ дѣтьми Плакидкою, Ондрюшкою и Лукьянкомъ.
205. Погаевъ Ив. Васильевъ, Нижег.
206. Нормацкій Афанасій Степановъ, Казан. жилецъ.
207. Нѣмчиновъ Степанъ Ивановъ, Нижег.
208. Нѣмчинова Степанида съ сыномъ Никитою.
209. Нѣмушкинъ Иванъ Посниковъ.
210. Нѣмушкинъ Михаилъ Ивановъ.

203. Сынъ Василій Афонасьевъ.
204. Дѣти его Федька и Семенка.
205. Нормацкій Тимоф. Протасьевъ.
206. Новиковъ Фед. Васильевъ, *Нѣмчинъ*.
207. Нѣмковъ Ив. Ефтифіевъ, Цывил. жил.
208. Нащокинъ Борисъ Ивановъ.
209. Налецкій Дм. Федоровъ.
210. Нерадовъ Ив. Нефедовъ, Какшажскій жилецъ.
211. Нашокинъ Федоръ Ивановъ.

О.

211. Обуховъ Родиславъ Никитинъ, Казан. жил
212. Оголинъ Богд. Ивановъ, Свіяж. жил.
213. Оленинъ Петръ, Чебокс. жил.
214. Омачкинъ Посникъ Безсоновъ.
215. Омачкинъ Артемій....., Ниж.
216. Омачкины Никита, Иванъ и Семенъ Нелюбовы.
217. Онучинъ Степанъ Васильевъ.
218. Онучинъ Петръ Ивановъ.

212. Дѣти Василій, Петръ и Прокопій.
213. Онъ - же.
214. Онъ - же.
215. Они - же.
216. Онъ - же.
217. Онъ - же. *Вотчина* за Моск. осад. сид. въ Кор. пр. подъ Москву.

219. Онучинъ Захаръ Ивановъ, Казанск. жилецъ.	218. Онъ-же.
220. Онучинъ Осипъ Матвѣевъ.	219. Дѣти Федоръ и Данила.
221. Онучинъ Андр. Андреевъ, Казанск. жилецъ, и вдова Анна Богданова Онучина.	220. Онъ-же Андрей.
222. Онучинъ Михаилъ Андреевъ.	221. Онъ-же.
223. Оредфинъ Казаринъ Гавриловъ, Ниж.	
224. Осорьинъ Ив. Юрьевъ Нижег.	222. Онъ-же
225. Осорьины Дружина и Дмитр. Юрьевы, Муромцы.	223. Дмитрій Осорьинъ.
226. Ояцкій Пятъ.	
227. Ояцкій Никита Пятовъ.	224. Онъ-же.
228. Ояцкіе Максимъ, Иванъ Пятовы.	225. Они-же.
229. Онучинъ Ив. Ивановъ, Свіяжс. жил.	226. Онъ-же.
	227. Олябьевъ Фед. Андреевъ, Стрянчій.
	228. Олфимовъ Мих. Ивановъ.
	229. Орловъ Григ. Максимовъ.
	230. Олябьева Марья. *Вотчина.*
	231. Оверкіевъ Лаврент. Ивановъ.
	232. Омачкинъ Афон. Афонасьевъ, Нижег.

П.

230. Павловскій Пав. Ивановъ, *Литвинъ.*	233. Онъ-же.
231. Павловы Савинъ и Вас. Казыевы, Ниж.	234. Онъ-же.
232. Палецкій Дм. Федоровъ, Нижег.	235. Онъ-же.
233. Пархинъ Одинецъ, Нижег.	236. Сынъ его Степанъ.
234. Пархинъ Степанъ Одинцовъ, Нижег.	237. Онъ-же.
235. Пелепелицынъ Сем. Васильевъ, Казан. жил.	238. Онъ-же.
236. Пеленелицынъ Богд. Федоровъ, Казан. жил.	
237. Плотцовъ Игнатій Максимовъ, Нижег.	239. Дѣти Василій и Купреянъ.
238. Полонскій Кондратій Петровъ, Нижег.	
239. Подбѣльскій Петръ Логиновъ, Нижег.	240. Онъ-же.
240. Подбѣльскій Андрей Ивановъ, Нижег. *Вотчина.*	241. Сынъ Андрей.
241. Пожарскій Князь Федоръ Ивановъ.	242. Онъ-же.
242. Приклонская Марфа.	
243. Приклонскій Василій Федоровъ, Ниж.	243. Онъ-же. *Вотчина* за службу Царя Василія Ивановича.
244. Приклонскій Осипъ Федоровъ, Ниж.	244. Онъ-же. *Вотчина* за тоже.
245. Приклонскій Богданъ Мирославовъ, Ниж.	245. Онъ-же. *Вотчина* за тоже.
246. Приклонскій Воинъ Мирославовъ, Ниж.	246. Онъ-же.
247. Приклонскій Петръ Федоровъ, Ниж.	247. Дѣти Федоръ, Иванъ, Гаврила. *Вотчина* за Моск. ос. сид. въ Кор. приходъ.
248. Приклонскій Герасимъ Федоровъ.	248. Онъ-же.
249. Прокофьевъ Кирей Алексѣевъ, Каз. жил.	249. Онъ-же.

250. Прокофьевъ Афонасій, Казан. жил.
251. Протопоповъ Богданъ Матвѣевъ, Ниж.
252. Пустошкинъ Григ. Посниковъ, Казан. жил.
253. Пьянковъ Ив. Степановъ.

250. Онъ-же.

251. Путятинъ Ив. Семеновъ, Князь.
252. Парфеновъ Петръ Алексѣевъ, Нижег.
253. Пузиковъ Григ. Остафьевъ, *Иноземецъ*.
254. Прыщевскій Матвѣй, *Иноземецъ*.
255. Плещеевъ Левъ Афанасьевичъ, Стольникъ. *Вотчина* за Моск. осад. сид. въ Кор. приходъ.

Р.

254. Рагдиловъ Деихсъ Володимеровъ, *Нѣмчинъ*.
255. Ржевскій Меньшой Левонтьевъ.
256. Радомскій Фед. Юрьевъ, Ниж.
257. Разщепихинъ Иванъ Захаровъ, Нижег.
258. Рачевская (Врачевская) Федора, *Литвина* жена.
259. Рокотовъ Мясоѣдъ Никитинъ.
260. Рощина Аксинья.
261. Рощинъ Никита Остафьевъ, *Литвинъ*.
262. Рѣзуева Настасья съ дочерьми.
263. Рѣзуевъ Григорій Степановъ, Ниж.
264. Руженинов Ив. Васильевъ, Ниж. *Вотчина*.
265.
266. Русиновъ Стахѣй Михайловъ, Нижег.
267. Русинова Варвара съ дѣтьми Селиверстомъ, Григорьемъ и Никитой.
268. Русиновъ Василій Михайловъ, Нижег.
269. Рыковъ Осанъ Истоминъ, Ниж.
270. Рыковъ Богданъ Истоминъ, Нижег.
271. Рыкальская Марья съ дочерями, Вдова *Литвинъ*.

256. Онъ-же.
257. Онъ-же.
258. Онъ-же.
259. Онъ-же. *Вотчина* за службу Царя Василія Ивановича.
260. Онъ-же.
261. Сынъ его, Певѣжа.
262. Дѣти его Андрей и Василій. *Вотчина*.
263. Радиловъ Максимъ Ивановъ. *Вотчина*.
264. Рахмановъ Григ. Денисовъ.
265. Руженинов Ив. Семеновъ *Вотчина*.
266. Романовскій Янъ. *Иноземецъ*.
267. Онъ-же.
268. Они-же.
269. Онъ-же.
270. Рыльскій Христофоръ, *Иноземецъ*.
271. Ромодановскій Василій Григорьевичъ, Князь, Стольникъ.

С.

272. Савушкинъ Карпъ Андреевъ, Нижег.
273. Савушкина Катерина съ сыномъ Никитою.
274. Савушкинъ Якушко Григорьевъ.

272. Онъ-же.
273. Онъ-же.

275. Саламыковъ Левъ Недаевъ. *Вотчина.*	274. Онъ-же.
276 Слузовъ Василій Смирновъ, Нижег.	
277. Слузовъ Григорій Смирновъ, Нижег.	
278. Слузовъ Степанъ Ильинъ, Нижег.	
279. Слузова Лукерья съ дѣтьми Степанкою, Гаврилкою, Никиткою.	
280. Слузова Марфа.	
281. Слузовъ Александръ Филипповъ.	
282. Скорятины Немятый и Гаврило Алексѣевы, Нижегородцы.	
283. Скорятины Пинай и Замятня Борисовы, Нижегородцы.	275. Они-же.
284. Скорятинъ Иванъ Андреевъ, Нижег.	
285. Сколкова Марья съ дѣтьми Дмитр. и Ильею.	276. Они-же.
286. Сколковъ Иванъ Никифоровъ, Ниж. *Вотчина.*	277. Дѣти Иванъ и Василій Ивановы.
287. Скрыпѣевъ Осипъ Алексѣевъ, Ниж.	278. Сынъ его Карпъ.
288. Спицынъ Баженъ Лаврентьевъ, Нижег.	
289. Соловцовъ Мисирь Головинъ, Нижег.	279. Сынъ его Андрей, *Вотчина.*
290. Соловцовы Афонасій, Иванъ, Тимофей Семеновы.	280. Они-же кромѣ Афонасія.
291. Соловцовъ Петръ Ивановъ.	281. Онъ-же.
292. Соломоновъ Григ. Елизаровъ, *Нѣмчинъ.*	
293. Соломоновъ Назаръ Григорьевъ, *Нѣмчинъ.*	282. Онъ-же. *Вотчина* за службу царю Василія Ивановича, (новокрещенъ).
294. Сотницинъ. (Сотницкій) Гаврило Агафоновъ, Свіяж жилецъ.	283. Онъ-же.
295. Сорокины Петръ Васильевъ и Василій Остафьевъ.	
296. Старковъ Василій Скрыпѣевъ, Ниж.	284. Сынъ Степанъ.
297. Старковъ Василій Михайловъ, Ниж.	285. Дѣти Иванъ, Федотъ, Хотенъ.
298. Старковъ Кудай Мирославовъ, Нижег.	
299. Старковъ Фил. Ивановъ.	286. Сынъ Богданъ.
300. Степановъ Исая Григорьевъ, Чебокс. жил.	287. Вдова Прасковья съ сыномъ Ивашкою.
301. Стечкинъ Василій Андреевъ.	288. Онъ-же.
302. Стечкины Михаилъ и Посникъ Антоновы.	289. Михаилъ одинъ.
303. Столбовъ Левонтій Федоровъ, Нижег.	
304. Столбовъ Северга Левонтьевъ.	
305. Стригинъ Мих. Васильевъ, Нижег.	290. Вдова Варвара съ сыномъ Богдашкомъ.
306. Стригинъ Никита Васильевъ, Нижег.	
307. Стригинъ Левонтій Васильевъ.	291. Онъ-же.
308. Струсскіе Яковъ и Ларіонъ Левонтьевы.	292. Они-же.
309. Струсскій Китай Васильевъ, Нижег.	293. Сынъ Левонтій Китаевъ.
310. Сурины Хотейнъ и Блудъ Тимофѣевы, Нижег.	294. Одинъ Хотенъ.
311. Суровцевъ Афан. Петровъ, Нижег.	295. Онъ-же. *Вотчина* за службу царю Василія Ивановича.

312. Струсскій Степанъ Максимовъ.
313. Сушницынъ Семенъ Жуковъ, Нижег.
314. Сушницынъ Кузьма Семеновъ.
315. Сушницынъ Иванъ Жуковъ, Нижег.

296. Онъ-же.

297. Соловцовъ Ив. Яковлевъ.
298. Слузовъ Григ. Андреевъ.
299. Старосельскій Фед. Никитинъ.
300. Скрыпѣевъ Левонт. Федоровъ.
301. Сотницковы Гаврило, Третьяк. Хотенцовы.
302. Степановъ Никиф. Ивановъ. Чеб. жил. *Вотчина* за Москов. осад. сидѣнье въ Королевичевъ приходъ.
303. Станковскій Степанъ *Иноzем.*,
304. Скрыпѣевъ Мартемьянъ Осиповъ.
305. Сколковы Иванъ и Василій Ивановы, Ниж.

Т.

316. Темецкій Андреянъ Ивановъ, Нижег.
317. Теряевы Григорій и Борисъ Григорьевы, Нижег.
318 Твердиловъ Иванъ Никитинъ, Ниж.
319. Твердиловъ Мих. Никитинъ, Ниж.
320. Тишенковъ Григ. Ратмановъ, Свіяж. жил.
321. Тишенковъ Богдашка Невѣжинъ, Свіяж. жил.
322. Тишенковъ Правша Прокофьевъ, Свіяж. жил.
323. Толмачева Софья съ сыномъ Емельною.
324. Толстовъ Фед. Федоровъ, *Нѣмчинъ.*
325. Троецкій Семенъ Китаевъ.
326. Троецкій Васька Борисовъ.
327. Трясцына Марья съ дочерьми.

306. Дѣти его Антонъ и Степанъ.
307. Они-же.

308. Дѣти Митрофанко и Куземко.
309 Сынъ Федоръ.

310. Онъ-же.

311. Онъ-же.

312. Онъ-же.

313. Толмачевъ Ив. Матвѣевъ, *Нѣмчинъ.*
314. Тишенковъ Афан. Сулеповъ. Свіяж. жил.
315. Троекуровы Борисъ и Иванъ Ивановичи, Князья. *Вотчина* за Бѣльскую и Смоленскую службу.
316. Толмачевъ Ив. Андреевъ, *Нѣмчинъ.*

У.

328. Удосольскіе Андр. и Артемій Никифоровы, Нижег.
329. Утинскіе Трофимъ и Никита Ивановъ, Нижег.

317. Артемій.

318. Они-же.

330. Утинская Федосья съ дѣтьми Остафьемъ, Тимоф. Иваномъ и Иваномъ 2-мъ.
331. Ушаковъ Афан. Плакидинъ, Нижег.
332. Ушаковъ Дементъ. Федоровъ, Нижег.
333. Ушкулевъ Володимеръ Логиновъ, *Нѣмчинъ*
334. Ушкулевъ Елисей Логиновъ. *Нѣмч.*
335. Ушаковъ Федоръ Сергѣинъ, Ниж.

319. Онъ-же.
320. Сынъ его, Нехорошій Дементьевъ.
321. Сынъ Федоръ, *Нѣмчинъ. Вотчина.*
322. Онъ-же.
323. Ушкулевъ Тимошко Тимофеевъ, *Нѣмчинъ.*
324. Утинскій Федоръ Игнатьевъ.

Ф.

336. Федоровъ Емелька Матвѣевъ, *Нѣмчинъ.*

325. Француженины Томасъ, Карлъ, Степанъ Ивановы, *Нѣмцы.*
326. Фардесинъ Филиппъ Матвѣевъ *Нѣмецкій* прапорщикъ.
327. Фомендины Аристъ и Андрей Семеновы, *Иноземцы.*
328. Фоминъ Иванъ Павловъ.
329. Федоровы — Неклюдовы Федька, Андрюшка большой, Андрюшка меньшой и Трофимка Афонасьевы, *Иноземцы.*

Х.

337. Хвощевскій Петръ, *Литвинъ.*
338. Хвонецкій Мих. Матвѣевъ, *Литвинъ.*
339. Харламовъ Давыдъ Андреевъ, Нижег.
340. Хохловъ Василій Даниловъ, Казанецъ.
341. Хохловъ Иванъ Даниловъ, Казан.
342. Хохловъ Андрей Даниловъ, Казан.
343. Хохловъ Ив. Петровъ, Нижег.

330. Онъ-же.
331. Сынъ Романъ. *Вотчина* за Моск. осадн. сид. въ Кор. пр. подъ Москву
332. Онъ-же *Вотчина* за тоже.
333. Онъ-же. *Вотчина* за тоже.
334 Вдова Марфа. *Вотчина* мужа за тоже.

Ч.

344. Челищевъ Ив. Васильевъ. Нижег. *Вотчина.*
345. Чегодаевъ Семенъ Субботинъ Муромецъ.
346. Чернѣевская Афросинья.
347. Чириковъ Русинъ Яковлевъ, Ниж.
348. Чириковъ Бѣляй Русиновъ.
349. Чириковъ Лазарь Русиновъ.

335. Дѣти Михалка и Андрюшка.
336. Они-же.

337. Чемодановъ Семенъ. *Вотчина* за службу Царя Вас. Ивановича.
338. Черкасскій Дмитрій Мамстрюковичъ Бояринъ, Князь. *Вотчина* за Вяземскую и Дорогобужскую службу и за Можайскую и за раны.
339. Черкасскій Князь, бояринъ Иванъ Борисовичъ. *Вотчина.*

Ш.

350 Швартовъ Анца, *Нѣмчинъ.*
351. Шипиловъ Степанъ Посниковъ.
352. Шолимоновъ Ив. Ермѣевъ, *Нѣмчинъ.*
353. Шушеринъ Андр. Никитинъ.
340. Дѣти Романъ, Денисъ и Индрикъ.
341. Дѣти Волод. Григ. и Федька.
342. Дѣти Константинъ и Алексей.
343. Шипулинъ Никифоръ Ивановъ, Дьякъ.
344. Шетневъ Фед. Борисовъ, *Вотчина.*
345. Шереметевъ Фед. Ивановичь, Бояринъ. *Вотчина* за Мос. ос. сид. въ Кор. приходъ подъ Москву.
346. Шипиловъ Осипъ Ивановъ.
347. Шейдяковъ Левонтій Салтанашевичъ. Стольникъ.
348. Шеинъ. Мих. Борисовичъ, Бояринъ.

Щ.

354. Щегловъ Матв. Петровъ.
355 Щегловъ Иванъ Григорьевъ.
356. Щеглова Наталья Андреева

Ю

357. Юматовъ Андр. Ивановъ, Свіяжс. жил.
349. Юдинъ Василій. Дьякъ.
350. Юматовъ Андр. Ив. *Вотчина* за Моск. ос. сид. въ Кор. пр.

Я.

358. Яшевскій Федоръ Ивановъ, Нижег.
351. Онъ - же.
352. Яшевская Марфа.

Въ 1613 году.

Было владѣльщины 358.
Изъ нихъ:
вотчинниковъ 9.
Литвинъ и нѣмчинъ было 24.

Въ 1629 году.

Было владѣльцевъ 352.
изъ нихъ: вотчиниковъ 54,
Литвинъ и Нѣмчинъ 37.
Старыхъ владѣльцевъ убыло 122.
Новыхъ прибыло . . . . . 120.

По Закудемскому стану:

А.

1613.	1629.
	1. Александровъ Яковъ Михайловъ.
	2. Ахторлони Яковъ, *Иноземецъ.*

Б.

1. Бартеневы Алексѣй и Романъ Филипповы.	
2. Баскаковъ Сергѣй Ивановъ.	
3. Биберова (Бейрадова) Матрена, *Иноземка.*	3. Она-же.
4. Бирьевъ Семенъ Ивановъ, Каз. жил.	
5. Болтинъ Жданъ Петровъ, Ниж.	4. Онъ-же.
6. Болтинъ Семенъ Яковлевъ, Ниж.	5. Дѣти Яковъ и Григорій.
7. Болтина Прасковья.	
8. Болзунова Варвара.	
9. Бѣликовъ Талызка Матвѣевъ, Нижег.	6. Онъ-же. Аталыкъ Бѣликовъ.
	7. Бембрикъ Юрій. *Нѣмчинъ.*
	8. Безсоновъ Юрій. *Нѣмчинъ.*
	9. Безъ Яковъ. *Нѣмчинъ. Спидарный мастеръ.*
	10. Боборыкинъ Афонасій Федоровъ.

В.

10. Василисовъ Филиппъ Бесчасновъ.	
11. Варыпаевъ Федоръ.	
12. Всполоховъ Иванъ, Нижег.	
13. Веригинъ Никита Ивановъ, Нижег.	11. Онъ-же.
14. Веригина Матрена.	
15. Веревкинъ Григорій Павловъ, Казан. жил.	12. Онъ-же. *Вотчина* за Казанскую и Свіяжскую службу.
16. Веревкинъ Герасимъ Павловъ Казан. жил.	13. Онъ-же.
17. Веревкинъ Гаврилъ Федоровъ, Казан. жил.	
18. Веревкинъ Иванъ Федоровъ, Каз. жил.	
19. Воронинъ Ивашко Дементьевъ, Нижег.	
20. Воротынскій Мих. Ивановичъ, Бояринъ Князь. *Вотчина.*	14. Сына его Алексѣя Ивановича. *Вотчина.*

15. Врасской Прокофій Ивановъ.
16. Взовскіе Яковъ и Кондратій Селянины.
17. Волынскій Федоръ Васильевъ *Вотчина.*
18. Водъ Андрей, *Нѣмчинъ.*

Г.

21. Горбатова Домна съ сыномъ Андреемъ.
22. Глядковъ Таганъ Никитинъ, Казанецъ.
23. Ганцовъ (Анцовъ) Пантелѣй Ивановъ, *Нѣмчинъ.*
24. Гетлинъ Клаусъ, *Нѣмчинъ.*

19. Горбатовъ Андрей.
20. Онъ - же. *Вотчина* за Москов. осад. сид. въ Кор. прих. подъ Москву.
21. Онъ - же, но названъ *Гайносовъ.*
22. Дѣти Лаврентій и Денисъ.
23. Городецкіе Исая, Тимофей Михайловъ, Чебокс. жил.
24. Городецкій Иванъ Михайловъ. Чеб. ж. *Вотчина* за Москов. ос. сид. въ Корол. прих.
25. Головинъ Бояринъ Семенъ Васильевичъ. *Вотчина* изъ *Мордовскихъ* земель за Нѣмецкій походъ и за Моск. осадное сидѣнье.
26. Головинъ Петръ Петровичъ, Бояринъ. *Вотчина* за Моск. осад. сидѣнье.

Д.

25. Доможировы Никита и Илья Федоровы, Нижегородцы.
26. Есиповы Савинъ, Петръ Тимофѣевы, Свіяж. жильцы.

27. Они - же.
28. Доскинъ Иванисъ Ивановъ.
29. Они - же. *Вотчина.*

Е.

27. Ершовъ Баженъ Петровъ.
28. Есины Иванъ и Константинъ Замятины, Нижегор.
29. Ершовъ Василій Петровъ, Самарскій жилецъ.

30. Есинъ Иванъ.

Ж.

30. Жедринскіе Савелій, Афанасій, Иванъ Ивановы, Нижегородцы.
31. Жедринскій Ларіонъ.
32. Жедринская Ульяна съ дѣтьми Андреяномъ и Никифоромъ.
33. Жедринскій Никита Савиновъ, Нижег.

31. Они - же.
32. Сынъ его Семенъ. *Вотчина* за службу Царя Васил. Ивановича.
33. Онъ - же. *Вотчина* за Нижегородское осад. сидѣніе.

34. Жедринскій Григорій Володимеровъ. *Вотчина* за Балчиковскую службу Царя Василія Ивановича.
35. Жедринскій Тимофѣй Елизаровъ.

З.

34. Зубатый Васил. Яковлевъ, Кузьмод. жилецъ.
35. Зузинъ Бѣляница Ивановъ, Каз. ж.
36. Зузинъ Андрей Ивановъ, Каз. ж.
37. Зубатовъ Небаженъ Афонасьевъ, Ниж.
38. Злобинъ Иванъ Хрисанфовъ, Нижег.
39. Змѣевъ Иванъ Юрьевъ, Каз. жил.
40. Загаринъ Григорій Ивановъ.

36. Онъ-же. *Вотчина* за Моск. осад. сид. въ Кор. приходъ.
37. Вдова Марья съ дочерью.
38. Сынъ Иванъ. *Вотчина* за Нижегор. осад. сидѣнье.
39. Онъ-же.
40. Онъ-же.
41. Зюзина, вдова Окольничаго Алексѣя Ивановича, съ дѣтьми Григоріемъ, Васильемъ и Никитою. *Вотчина* отца за Моск. осад. сидѣнье.
42. Зюзинъ Григорій Алексѣевъ. *Вотчина* за Моск. осад. сидѣдье.

И.

43. Измайловъ Артемій Васильевичъ, Окольничій. *Вотчина* за Моск. осад. сидѣнье.
44. Ивановъ Степанъ, *Нѣмчинъ*.

К.

41. Колзаковы Алексѣй и Обаимъ Петровы.
42. Косливцевъ Борисъ Лаврентьевъ, Ниж.
43. Косливцевы Митька и Павликъ.
44. Княжегорскій Федоръ Исаевъ, Чебокс. жил.
45. Колбецкій Михайло, Нижег.
46. Колбецкій Василій Семеновъ, Ниж.
47. Клепальницынъ Рахманинъ Семеновъ.
48. Козловъ Иванъ Парфентьевъ, Нижег.

45. Алексѣй Колзаковъ.
46. Вдова Ѳимья съ дочерью.
47. Онъ-же.
48. Онъ-же.
49. Онъ-же.
50. Кулаковскій Юрій Фоминъ, *Литвинъ*.
51. Кошкаровъ Григорій Ивановъ.
52. Кармалѣевъ Камай Григор., Каз. жил. *Вотчина* за Моск. осад. сид.
53. Кречатниковъ Лука Васильевъ, Санчурскій жилецъ.
54. Колзаковъ Игнатій Тимофеевъ.
55. Кошкарова Прасковья.
56. Кувшиновъ Андрей Дьякъ.

57. Каиревъ Небаженъ Васильевъ, Яран. жил.
58. Каръ Томасъ, *Нѣмчинъ*.
59. Кунигемъ Робертъ, *Иноземецъ*.
60. Карауловъ Тимофей Федоровъ.
61. Коркодиновъ Данило Игнатьевъ, Князь, Стряпчій.
62. Кобылинъ Иванъ Михайловъ.

Л.

49. Лѣнивцевы Иванъ, Василій и Посникъ Ивановы, Нижег.
50. Лозина Зиновья съ дѣтьми Степкою и Петрушкою.
51. Лапшанскій Дмитрій Меркурьевъ, Ниж.
52. Лапшанская Антонида съ дѣтьми Андреемъ и Степкою.
53. Лопатины Никифоръ, Иванъ, Андрей, Матвѣй и Григорій Булатовы.
63. Дѣти.
64. Дѣти Афонасій и Игнатій.
65. Лапшанскіе Степанъ и Лукьянъ Посниковы Ниж.
66. Лапшанскіе Василій да Якушка Андреевы.
67. Лыковъ, Бояринъ, Князь Борисъ Михайловичъ. *Вотчина* за Мос. осадо сидѣнье.
68. Лодыженскій Максимъ Савинъ.
69. Левонтьевъ Иванъ Тарасовъ.

М.

54. Мясновъ Лукьянъ Ивановъ.
55. Мохневъ Смирной Ивановъ, Свіяж. ж.
56. Мохневъ Федоръ Ивановъ, Свіяж. ж.
57. Мохневъ Замятня Ивановъ, Св. ж.
58. Мохнева Маремьяна съ дѣтьми Василіемъ и Петромъ.
59. Молитовская Ульяна съ сыномъ Левонтьемъ.
60. Монстромоновъ (Мустроминъ) Ив. Еремѣевъ, *Нѣмчинъ*.
61. Моисѣевъ Николай, *Литвинъ*.
70. Онъ-же. *Вотчина* за Московское осадное сидѣнье.
71. Онъ-же.
72. Онъ-же.
73. Онъ-же.
74. Дѣти.
75. Они-же.
76. Онъ-же.
77. Онъ-же.
78. Мартюхинъ Юрій Григорьевъ. *Вотчина* за Моск. осад. сидѣнье.
79. Мошенсковъ Николай Митинъ.
80. Мировицкій Михаилъ, *Литвинъ*.
81. Мостининъ Ив. Семеновъ, Цывил. жилецъ.
82. Морозовъ Борисъ Ивановичъ. *Вотчина* за Московское осадное сидѣнье.

Н.

62. Новокрещенова Алена съ дѣтьми Плакидою, Андреемъ и Лукьяномъ.
63. Новокрещенова Федосья.
64. Неждановъ Иванъ Калинниковъ, Кузьмод. жил.
83. Дѣти Андрей и Плакида.
84. Онъ-же.
85. Новокрещеновъ Григорій Васильевъ.

О.

65. Омачкины Елизарій, Федоръ и Агей Васильевы и Семенъ и Федоръ Ивановы.
66. Оксентьевъ Иванъ Юрьевъ.
67. Онтроповъ Петръ Семеновъ.
68. Онучинъ Петръ Ивановъ, Казан. жилецъ.
86. Они-же.
87. Онъ-же.
88. Олябьевъ Федоръ Андреевъ, Стряпчій. *Вотчина.*
89. Ошанинъ Андрей Левонтьевъ.
90. Опраксинъ Федоръ Никитинъ, Дьякъ.
91. Образцовъ Васил Дементьевъ, Нижег.
92. Олферьевъ Иванъ Васильевъ.

П.

69. Протопоповъ (Болванъ) Богданъ Матвѣевъ, Нижег.
70. Плотцовъ Петръ Ивановъ.
71. Плотцовъ Кондратій Ивановъ.
72. Пьянковъ Филиппъ Петровъ.
73. Пьянковъ Антонъ Левонтьевъ.
74. Путиловъ Замятня Васильевъ.
93. Онъ-же.
94. Онъ съ братьями.
95. Онъ-же.
96. Плещевъ Дружина Володимеровъ.
97. Плещевъ Иванъ Афонасьевичъ, Чашникъ, *Вотчина.*
98. Пронскій Михаилъ Петровъ, Князь, Стольникъ.

Р.

75. Рощинъ Никита Остафьевъ, *Литвинъ.*
76. Радомскій Федоръ Юрьевъ, Нижег.
77. Ржевскій Иванъ.
99. Дѣти Константинъ и Вахрамѣй.
100. Ростовцевъ Захаръ и Семенъ Юрьевы.
101. Ростовцевъ Фаддѣй Корниловъ Юрьевъ—Ростовцевъ.
102. Рымерова Тимоф. Юрьевъ, *Нѣмчинъ.*

103. Рымерова Афимья съ сыномъ Захаркою. *Нѣмка.*
104. Ростиславовъ Иванъ Ивановъ.

С.

78. Соловцевы Яковъ, Мисирь и Михаилъ Ивановы, Нижегор.
79. Сорокинъ Василій Остафьевъ.
80. Сушницинъ Семенка.
81. Столбовъ Левонтій Федоровъ. Ниж.
82. Скрыпѣева Акулина съ внуками Описимкою и Стенкою Ивановыми.
83. Слузовы Никитка и Куземка Андреевы.
84. Сотницынъ Гаврило Агафоновъ.
85. Соломоновъ Григорій Елизаровъ, *Нѣмчинъ.*
86. Скрыпѣевы Левонтій Федоровъ, Анисимъ и Степанъ Ивановы, Нижег.
87. Сергѣевъ Дружина Яковлевъ, Нижег.
88. Степановъ Влидиміръ Кирилловъ, Нижег.
89. Савушкинъ Ефимъ Григорьевъ.
90. Скорятинъ Иванъ Андреевъ.
105. Дѣти: Мисиря Андрей и Якова Иванъ и вдова Михаила. *Вотчина* отца за Москов. осад. сидѣн.
106. Сынъ его Никита.
107. Внуки.
108. Они - же.
109. Дѣти Митрофанка да Ромашка Лашковы — Степановы, *Вотчина* отца за Нижегород. осадное сидѣнье.
110. Скрыпѣевъ Карпъ Осиповъ, Ниж.
111. Скрыпѣева Афимья, вдова.
112. Сотницыны Гаврило и Третьякъ Хотеновы.
113. Сполоховъ Лукьянъ Ивановъ съ братомъ Левкою.
114. Сулешовъ Юрій Ялшеевичъ, Бояринъ. Князь. *Вотчина* изъ Мордовскихъ земель за Моск. осад. сидѣнье.
115. Сомовъ Иванъ Федоровъ.
116. Сурминъ Иванъ Ивановъ.
117. Сеитовъ Иванъ Третьяковъ, Князь.

Т.

91. Толстой Федоръ Федоровъ, Нѣмчинъ.
92. Троецкій Семенъ.
118. Онъ-же, но названъ Толстовъ-Думерстовъ.
119. Трескинъ Баженъ, Сотникъ. *Вотчина* за Моск. осад. сидѣнье.
120. Теряевы Григорій и Борисъ Григорьевы, Нижег.
121. Толстовъ Самойло Селиверстовъ.

У.

93. Ушаковъ Афонасій Плакидинъ, Ниж.
94. Удосольскій Андрей Никитинъ, Ниж.

Ф.

95. Филсовъ Иванъ Петровъ.

122. Фаленовскій Христофоръ, *Нѣмчинъ.*

Х.

96. Хохловъ Василій Даниловъ, Казан. жил.

123. Сынъ Романъ. *Вотчина* отца за Терскую и Астраханскую службу.
124. Ханеневъ Иванъ Семеновъ. Ниж.

Ч.

125. Чириковы Михаилъ, Андрюшка, Ивашка Русиновы.

Ш.

97. Шереметевъ Федоръ Ивановичъ, Боринъ. *Вотчина.*

126. Онъ - же. *Вотчина.*
127. Шиповъ Жданъ, Дьякъ, съ дѣтьми Львомъ и Дорофѣемъ, *Вотчина* за Моск. осад. сидѣнье.
128. Шиповъ Андрей, Дьякъ.

Ю.

98. Юрьевъ Ефимъ Второвъ.
99. Юрьевы Семенъ и Захаръ Федоровы, Нижег.
100. Юрьевъ Фаддѣй Корниловъ.
101. Юрьевъ Юрій, *Нѣмчинъ.*
102. Юрьевы Иванъ и Григорій Андреевы, Нижег.

129. Они - же.
130. Юрьевъ Андрей Федоровъ.
131. Юрьевъ Яковъ Лукьяновъ.
132. Юматовъ Андрей Ивановъ. *Вотчина* за Моск. осад. сидѣнье.

Я.

103. Яковлевъ Яковъ и Григорій Яковлевы, Литвины.

133. Яновы Климъ и Григ. Яковлевы, *Иноземецъ.*
134. Ярлонтовъ Артемій Елизарьевъ, *Нѣмчинъ. Вотчина* за Моск. осад. сидѣнье.

Всѣхъ владѣльцевъ въ Закудемскомъ стану
въ 1613 г. было 103
„ 1629 „ „ 134
Изъ владѣльцевъ 1613 года убыло. . 47
въ 1629 прибыло новыхъ 78

Въ 1613 году было вотчинъ 2
„ 1629 „ „ „ 32
„ 1613 „ „ иноземцевъ 8
„ 1629 „ „ „ 20

По Стрѣлицкому стану.

Б.

1613 г.

1. Бездѣлкины Василій и Андрей Гордѣевы.
3. Бедѣлкина { Андрей. Авдотья.

1619 г.

1. Они-же.

Г.

2. Грамотинъ Дьякъ, Иванъ. Курбатовъ. *Вотчина* за Московск. осадное сидѣнье.

Е.

4 Ершовъ Баженъ Петровъ.

3. Еремѣевъ Иванъ, *Нѣмчинъ*.

Ж.

5. Жедринскій Дмитрій Савиновъ, Ниж. *Вотчина*.

4. Сынъ его Афонасій.

5. Жедринскій Тимофей Елизарьевъ.

З.

6. Зубатовъ Небаженъ Афонасьевъ, Ниж.

6. Сынъ Иванъ.

П.

7. Ильинъ Дружина, *Нѣмчинъ*.

К.

8. Кречетниковъ Василій Осиповъ, Ниж.
9. Клаусовъ Клаусъ, *Нѣмчинъ*.
10. Кашинскій Петръ, *Литвинъ*.
11. Косабекова Антонида, вдова *Литвина*.

7. Онъ-же.

8. Корневъ Ив. Парфентьевъ.

М.

9. Мартюхинъ Ив. Небаженовъ, Шатерничій.
10. Мартюхинъ Иванъ Григорьевъ.

Н.

12. Новокрещеновъ Ефимъ Никифоровъ.
11. Новокрещеновъ Андр. Тимофѣевъ.

О.

13. Обуховъ Родиславъ Никитинъ, Каз. жил.
14. Онучинъ Петръ Ивановъ, Каз. жил. 12 Онъ-же.

Р.

13. Радиловъ Максимъ Ивановъ.

П.

14. Пожарскій Князь Дмитрій Михайловичъ. *Вотчина.*

С.

15. Стригинъ Михаилъ Васильевъ.
16. Скорятинъ Пинай Борисовъ.
17. Соловцевъ Мисирь Ивановъ. 15. Сынъ Андрей.
18. Старковъ Вас. Михайловъ. Нижег. 16. Дѣти Ивашка, Хотенка и Федотка.
19. Старковъ Богданъ Филипповъ. 17. Онъ-же.

Ф.

18. Фанешинъ Денисъ, *Нѣмчинъ.*

Ш.

19. Шулгестовъ Мих. Юрьевъ, *Нѣмчинъ.*
20. Шуйскій Иванъ Ивановичъ, Бояринъ Князь *Вотчина.*

Ю.

20. Юрьевы. Фаддѣй и Захаръ Григорьевы. 21. Они-же и еще Семенъ, названы дѣтьми Юрьева Ростовцева.

По Стрѣлицкому стану.

Всѣхъ было въ 1613 г.	20
„ „ „ 1629 „	21
Вотчинниковъ 1613 г.	1
„ 1629 „	3
Изъ владѣльцевъ 1613 г. убыло. . . .	10
въ 1629 „ прибыло . .	13
Въ 1613 г. было нѣмчинъ.	4
„ 1629 „ „ „	3

Примѣчаніе. Показанные подъ 1613 годомъ Нѣмчины и Литвины въ писцовой книгѣ названы Нижегородскими служилыми Нѣмчинами или Литвинами.

СПИСОКЪ

селеній, существовавшихъ въ 1613 году.

I-е. Въ спискѣ число помѣщиковъ въ каждомъ селеніи означено римской цифрой; число крестьянскихъ, людскихъ и бобыльскихъ дворовъ — арабской; третья по порядку цифра показываетъ число помѣщиковъ въ селеніи за послѣдующее время (1629 г.).

II-е. Буквы, поставленныя впереди наименованія селенія, означаютъ существовавшіе станы Нижегородскаго: уѣзда Б—Березопольскій, З—Закудемскій, С — Стрѣлицкій; буквы сзади, показываютъ тотъ уѣздъ, въ районѣ котораго селеніе находится въ настоящее время: Н—Нижегородскій, Г—Горбатовскій, Б—Балахнинскій, М—Макарьевскій, К—Княгининскій, С—Семеновскій, Сер.—Сергачскій, А—Арзамасскій.

III-е. Селенія, напечатанныя курсивомъ, значатся только по книгамъ за 1629-й годъ, въ 1613 году они, повидимому, не существовали.

А.

1. Б. Абабково (Обабково). . . . . Г. II—37— II.
2. Б. Антеньево. . . Г. I— 6— I.
3. Б. Анкудиново (Онкудиново) . . . . Н. II— 8— II.
4. Б. Арапово. . . . Г. II—17— II.
5. З. Афонасьево (Офоназкое) (Лазышево тожъ). . . . . Н. I— 1— I.
6. З. Алистѣево . . . II. —
7. Б. Амачкино (Омачкино). . . . . Г. II— 2— IV.
8. З. Андосово. . . . Сер. —
9. З. Акузово . . . . Сер. —
10. З. Андрейково. . . К. — II.

Б.

11. С. Бабино . . . С. —
12. Б. Банниково. . . Г. II— 9— I.
13. Б. Бараново. . . Г. IV— 8— II.
14. Б. Батманово (Батманцево) . . . . . Г. IX—10 — IX.
15. Б. Бедрино. . . . Г. IV— 3— IV.
16. З. Берсеменово. . Н. I—16 — III.
17. З. Берсениха (Булаково). . . . . Н. —
18. Б. Березинки. . . Г. II— 7— II.
19. Б. Безводное. . . Н. —
20. З. Бурнаковка . . II. —
21. Б. Богданова . . Г. —
22. З. Бѣлозерово . . Н. IV—21— III.
23. С. Бѣлозерово . . С. —
24. З. Борцево. . . . Н. —
25. Б. Болдырево . . . Г. II— 8— I.
26. Б. Боловино. . . . Г. III—23 — II.
27. С. Борзовка. . . . Б. I— 4 — II.
28. Б. Болково . . . . Г. II— 3— II.
29. Б. Борисовское . . Н. II—11 — III.
30. З. Бояринцево. . . К. I— 9 - I.
31. Б. Бочеево . . . . Г. I—16— I.
32. С. Быковка. . . . С. —
33. Б. Бѣшенцево (Большое и Малое.) . . Н. I— 2— II.
34. Б. Бурцево. . . . Н. V—32—VII.
35. З. Букино. . . . . Н. —
36. З. Бѣлавино. . . . М. —
37. Б. Богородское . . Г. —
38. З. Бубенки. . . . К. I -12— I.

В.

39. З. Вадъ. . . . . А. —
40. С. Васильева (Слобода.) . . . . . Б. — I.
41. Б. *Великоселье* . . Г. — III.
42 Б. Великій Врагъ . Н. II— 1— III.
43. Вежново . . . . . Г. —
44. З. Вармалей. . . . Н. —
45. З. Варварское. . . М. —
46. Б. Вальтово. . . . Г. —
47. З. Вадская . . . . К. I—20— I.
48. Б. Волково . . . . Г. —
49. Б. Ветчакъ. . . . Н. I— 2— I.
50. Б. Вишенки. . . . Н. I— 6— II.
51. Б. Вознесенское. . Г. II— 6— IV.
52. З. Вельдеманово. . К. —
53. Б. Волтырево. . . Г. I— 4— I.
54. Б. Волково. . . . Г. I— 2— III.
55. Б. Ворвань. . . . Г. I— 5— I.
56. С. Воронино. . . . С. —
57. Б. Ворсма . . . . Г. —
58. Б. Виткулово. . . Г. II— 5— II.
59. З. Выѣздное . . . Н. —
60. Б. Высокое. . . Г. III— 8— II.
61. З. Высоково . . . М. —
62. З. Выползово. . . Н. I— 7— I.
63. З. Выползово. . . Н. I—11— II.
64. Б. Вѣнецъ . . . . Г. I— 6—
65. З. Вершинино. . . К. —
66. З. Высокое. . . . К. I— 7— I.

Г.

67. С. Гавриловка . . . Б. —
68. С. Горки. . . . . Б. —
69. Б. Горбово. . . . . Г. I —
70. З. Городищи . . . . К. —
71. Б. Глядково . . . . Г. III— 5— I.
72. Б. Гомзово. . . . . Г. I— 6— I.
73. Б. Глотово. . . . . Г. —
74. С. Гордѣевка. . . . Б. I—10— I.
75. С. Гривы (Иванково Семенково) тожъ . . С. IV— 9— 4.
76. Б. Гирки. . . . . Г. —
77. Б. *Грабилово*. . . . Н —
78. З. Гридино. . . . . Н. —
79. Б. Грудцыно. . . . Г. —
80. З. Гужево. . . . . Н. I— 1— I.
81. З. Григорово. . . . К. —
82. З. Горшково . . . К. I—10— I.
83. С. Голышево. . . . Б. —
84. З Гарь. . . . . Н. —

Д.

85. Б. Давыдково. . . . Г. I— 4— I.
86. Б. Давыдово. . . . Г. —
87. З. Долгая Поляна. . К. I— 6— I.
88. Б. Домнино { Гаврильцево: Лысиньков. тожъ. . . . . Г. II— 1—IV.
89. З. Драчиха (Драчево) К. I—18— I.
90. Б. Драчево . . . . Г. II— 8— VI.
91. Б. Доскино . . . . Н. II — II.
92. Б. Доскино малое . Н I—10— I.
93. Б. Долгово . . . . Г. —
94. Б. Дуброва (Дубровка). Г.
95. С. Дарьино . . . . Б. I— 9— I.
96. Б. Дуденево. . . . Г. I— 7— I.
97. Б. Дубенки . . . . Г. I— 1— II.
98. Б. Дѣдково . . . . Г. I— 7— I.
99. С. Дуброва . . . . С. —

Е.

100. Б. Епифаново (Георгіевское) . . . . . Г. I—12— I.
101. З. Егорьевское. . . М. IV— 8— IV.
102. Б. Ельна малая . . Н. I— 7— I.
103. З. Елховка . . . . Н. —
104. Б. Ефимьево (Ефимовка) . . . . . Н. II—10— IV.
105. С. Еголево . . . . С. —
106. С. Епяково . . . . Б. I— 7— II.
107. Б. Елизарово . . . Г. I—10— III.

Ж.

108. Б. Жестелево . . . Г. III— 6— III.

З.

109. Б. Захарово . . . Г. I—12— II.
110. Б. Заозерье. . . . Г. I— 1— I.
111. З. Запрудное . . . М. V—12—VII.
112. З. Зименки . . . . Н. I— 9— I.
113. З. Зименки . . . . К. —
114. Б. Золино. . . . . Г. — I.
115. С. Зименки . . . . С. —
116. Б. Заплатино . . . Г. —
117. С. Запрудное . . . С. —

И.

118. З. Игумново . . . М. — —
119. Б. Изосимлово. . . Н. II— 5 —

120. Б. Ильино. . . . . Г. II— 4 — III.
121. Б. Искадьево. . . . Г. — I.
122. З. Ишино . . . . . II. —
123. З. Ичалы (троицкое). К. —
124. З. Игнатово . . . . К. —

К.

125. З. Калинино. . . . М. —
126. З. Калачиха. . . . Н. —
127. Б. Кожухово . . . Г. —
128. З. Каменищи . . . К. —
129. С. Карпушкино. . . Б. I— 2— VI.
130. С. Квасово. . . . С. —
131. З. Колковицы. . . . К. I— 9— I.
132. З Кишкино . . . . М. —
133. З. Каддицы . . . . М. I—32— I.
134. Б. Каленки { Каленово. Камень поле Камено поле } Г. II— 5— II.
135. С. Карповка . . . . Б. II— 6— II.
136. Б. Каргашево (Обашево). . . . . Г. I— 8— I.
137. З. *Карабатово*. . . Н. —
138. С. Клюкино. . . . . С. —
139. З. Ключищи. . . . Н. I— 9— I.
140. Б. Княжъ Поле. . . Г. III— 3— IV.
141. З. Кобылино. . . . М. —
142. Б. Константиново мол. Н. II— 3— I.
143. З. Константиново бол. II. III—21— V.
144. Б. Колесница . . . Г. I— 5— I.
145. Б. Кошкарово . . . Н. III— 5— II.
146. З. Кисловка (Прудищи) . . . . . М. — I.
147. З. Колычево. . . . М. I— 2— II.
148. Б. Копнино . . . . Н. III—10 — IV.
149. З. Коровино. . . . М. II— 8— III.
150. Б. Коровино . . . . Г. I— 6— I.
151. З. Кожино. . . . . М. I— 8 — III.
152. З. Холязино . . . . . —
153. Б. Комарово. . . . Н. I—15— III.
154. З. Колотуха. . . . Н. —
155. Б. Крутецъ. . . . Н. IV—12— III.
156. С. Крутецъ. . . . С. I— 1— I.
157. Б. Крутецъ. . . . Г. I— 4— I.
158. Б. Козловка. . . . Г. —
159. Б. Кишкино. . . . Г. —
160. Б. Киргино . . . . Г. —
161. Б. Крашево (овсяново) Г. II— 3— II.
162. С. Красныя Горки С. —
163. Б. Кстово. . . . . Н. I— 5— I.
164. З. Козмина . . . . К. —
165. Б. Кипрово . . . . Г. I — 2— I.
166. З. Кувардино . . . М. I— 3— I.
167. Б. Кудрешино (Симоково). . . . . Г. II— 6— III.
168. Б. Кузнецово. . . Г VIII— 4— IV.
169. З. Куликово. . . . Н. —
170. Б. Кубаево . . . . Г. III—15— IV.
171. З. Килелеи . . . . Н. —
172. З. Кириково. . . . М. —
173. З. Кудрино . . . . Н. I — I.
174. З. Кужадонъ . . . Н. —
175. З. Княжиха. . . . К. I— 3— I.
176. С. Карпово. . . . С. —
177. З. *Красноселово*. . Н. —
178. З. Ключищи . . . К. I—11— I.
179. Б. Кусаковка . . . Н. I— 6— II.
180. З. Княгинино (г. Княгининъ) . . . . . I—53— I.
181. З. Крутецъ. . . . К. I— 8— I.
182. Б. Крюки . . . . Г. —

Л.

183. Б. Лачиново. . . . Г. I— IV.
184. З. Лазаски . . . . Н. III—19— III.
185. Б. Лакша. . . . . Г. V— 6— V.
186. С. Ластаново . . . Б. —
187. Б. *Лазарево*. . . . Г. —
188. Б. Лаптево . . . . Г. — 3— II.
189. Б. Леоньтьево (Симонцево). . . . . Г. II— 5— II.
190. З. Лебедево Большое . . . . . М. I—10— I.
191. З. Лебедево Малое. М. I— 5— I.
192. Б. Леухово . . . . Г. II— 3— III.
193. З. Лѣтнево . . . . М. —
194. Б. Ликеево . . . . Н. —
195. Б. Лобково . . . . Н. —
196. С. Липовка . . . . С. —
197. З. Локатищи . . . М. —
198. З. Лубянцы. . . . Н. II—23— II.
199. Б. Лушниково. . . Г. I— 5— I.
200. З. Лубянцы. . . . К. — II.
201. З. Лунево. . . . . К. —
202. З. Ляписи. . . . . Н. —
203. Б. *Лукерьино* . . . Н. —
204. Б. Лукино. . . . . Н. I— 6— I.
205. Б. Лукино Стечкино Г. II— 6—III.
206. З. Лысково. . . . М. —

207. Б. Левино. . . . . Г. —
208. Б. Лѣсуново . . . Г. —
209. З. Лопатино. . . . А. —

М.

210. З. Маликово. . . . Н. I—11— I.
211. Б. Малахово. . . . Г. IV— 4— III.
212. Б. Матюшево . . . Г. —
213. С. Малышево . . . Б. II— 4— II.
214. Б. Меледино. . . . Г. I— 3— I.
215. З. Меленки . . . . Н. I — I.
216. Б. Медвѣжья . . . Г. I— 9— I.
217. Б. Меняшево. . . . Г. III— 6— II.
218. З. Медвѣдково. . . Н. I— 9— I.
219. Б. Мордвинцево . . Н. III— 1— II.
220. С. Макарій . . . . Б. —
221. З. Медвѣжій Логъ . К. —
222. З. Маклоково . . . Сер. —
223. З. Можарки { Большія и Малыя Сер. —
224. З. Майморы. . . . Н. —
225. С. Молитовка . . . Б. I— 2— I.
226. С. Монастырка (Еремеевка). . . . . Б. I— 3— I.
227. С. Мышьяковка . . Б. I — I.
228. Б. Михальчиково. . Н. —
229. Б. Мелевка. . . . Г. —
230. Б. Мещера . . . . Г. II—13— II.
231. З. Мурашкино Б-шое и М-ое . . . . . К. —
232. Б. Мякушки (Потапово). . . . . Г. II—10—IV.
233. Б. Мякушки. . . . Г. III— 2— II.
234. Б. Мунькино . . . Г. III— 6— II.
235. Б. Меледино (Мелезино). . . . . Г. I— 3— I.
236. Б. Муханово. . . . Н. —
237. Б. Муханово. . . . Г. I—10— I.
238. Б. Мочалово { Ивкино Иванчиково Г. II— 7— II.
239. Б. Митино. . . . . Н. VI— 7—VII.
240. З. Мухоѣдово. . . Н. —
241. Б. Меленки . . . . Г. —
242. С. Мысъ . . . . . С. —
243. С. Медвѣдково . . С. —

Н.

241. С. Нагавицыно. . . Б. —
242. Б. Настино . . . . Г. V— 9—VI.
246. С. Нагулино. . . . Б. —
247. З. Нагавицыно. . . П. —
248. С. Нагавицыно . . С. —
249. Б. Нагавицыно. . . Г. —
250. Б. Непейцино (Непечино). . . . . Г. III—10—III.
251. Б. Низово (Низково) Г. III— 8—III.
252. Б. Нершево. . . . Г. II—16—III.
253. Б. Никулино. . . . Г. I— 9— II.
254. Б. Новинки . . . Н. III— 5—IV.
255. З. Новое . . . . . Н. I—17— I.
256. З. Новая . . . . . К. I— 7— I.
257. Б. Новинки . . . . Г. —

О.

258. Б. Оленино . . . . Г. II — III.
259. Б. Озерки. . . . . Г. II— 3— II.
260. Б. Окулово . . . . Г. I—10— IV.
261. С. Орефино . . . . С. —
262. З. Орлово . . . . К. I—17— I.
263. С. Охлопково . . . Б. —
264. З. Осташиха. . . . М. —
265. З. Островская. . . К. I— 5— I.
266. З. Очапное . . . . М. —

П.

267. Б. Павлово . . . . Г. —
268. С. Палкино. . . . Б. I— 2—
269. Б. *Пантелѣева* . . Г. —
270. Б. Панино. . . . . Г. —
271. З. Палецъ. . . . . Н. —
272. З. Пожарки. . . . Сер. —
273. Б. Пашигорево . . Г. IV — VIII.
274. Б. Палицино. . . . Г. II— 4—III.
275. Б. Пантелѣево. . . Г. — II.
276. З. Папулово. . . . К. —
277. Б. Пахомово (Кишкино). . . . . Г. — I.
278. Б. Пестряково. . . Г. I— 4— I.
279. З. Пилекшево . . . К. —
280. З. Пица (Косикино) Н. III—27— V.
281. З. Пица (Опраксино) Н. I—27— I.
282. З. Пица. . . . . Сер. —
283. Б. Подвязье. . . . Г. I—21— I.
284. З. Подляшиха . . . Н. I—17— I.
285. С. Постниково. . . Б. —
286. З. Подлѣсово . . . Н. — I.
287. З. Поляна. . . . . М. —
288. Б. Полянская. . . Г. II— 3— II.

289. Б. Піявишная. . . Г. —
290. Б. Поляна. . . . . Г. I— 1—
291. С. Подолецъ. . . . С. —
292. З. Помра. . . . Н. —
293. Б. Пруды (Прудищы) Г. I— 5— I.
294. Б. Поляна . . . . Г. I— 4— II.
295. З. Потапово. . . . К. I—11— I.
296. С. Передѣльное . Б. —
297. Б. Пупъ . . . . Г. —
298. З. Покровское. . . К. —
299. Б. Попадьино . . . Г. —

Р.

300. З. Работки . . . . М. IV—17—VI.
301. С. Ростовцы (Березовка). . . . . С. I— 3— I.
302. З. Рамешки. . . . К. —
303. З. Румянцево . . . П. II—21— II.
304. Б. Румянцево . . . П. I— 5— I.
305. З. Ракита. . . . . К. I—15— I.
306. Б. Родяково. . . . Г. —
307. Б. Роговина. . . . Г. —
308. С. Ратманово (Тинцы) Б. II — I.

С.

309. Б. Савелово. . . . Г. III — I.
310. З. Симбилеи. . . . Н. —
311. С. Сопчино . . . . С. —
312. З. Сонино. . . . . М. —
313. З. Соколищи (Соколово). . . . . М. —
314. З. Слободское. . . Н. —
315. Б. Сальково (Салково). . . . . Г. II—10— II.
316. Б. Салово. . . . . Н. II— 2— V.
317. Б. Сартаково. . . . П. V— 4— IV.
318. З. Сарадонъ. . . . Н. —
319. Б. Санниково . . . Г. VI— 9— VI.
320. Б. Санницы . . . . Г. —
321. Б. Сергѣево . . . . Г. II—17—
322. З. Сеськино Большое Н. —
323. С. Синцево. . . . . С. —
324. С. Симоново. . . . Б. —
325. Б. Сосновка Малая. Г. — II.
326. Б. *Сосновка* . . . . Н. —
327. Б. Сосновское . . . Г. —
328. Б. Солонское. . . . Г. — I.
329. Б. Созоново. . . Г. —
330. В. Соколъ. . . . Г. VI— 8— III.
331. С. Стригино . . . Б. I— 3— I.
332. З. Спирино . . . Н. —
333. З. Старое Поле . . Н. —
334. Б. Сысоевка . . . Г. II— 5— II.
335. Б. Студенецъ . . . Н. VII— 4— III.
336. Б. Столбищи . . . Н. I— 9— I.
337. Б. Стрѣлково . . . Г. I—10— I.
338. З. Сосновка . . . М. —
339. З. Сумкино . . . М. I— 5— I.
340. З. Соловьево . . . К. I—11— I.
341. Б. Сергѣйцево . . Г. I— 7— VI.
342. З. Сергѣевка . . . К. I— 4— I.

Т.

343. З. Таможниково . . Н. —
344 З. Тепелево. . . . Н. —
345. С. Толоконцево . . С. —
346. Б. Толстобино. . . Н. II—10— I.
347. Б. Теряево . . . . Г. I— 5— I.
348. З. Терюшево . . . Н. —
349. Б. Тимонино . . . Г. II—15— II.
350. Б. Трестяна . . . Г. III — VI.
351. С. Трестяна . . . Б. —
352. Б. Троицкое (Троица) . . . . . Г. II— 2— I.
353. Б. Тумботино . . . Г. —
354. З. Татинецъ . . . М. —
355. Б. Тарки (Княжъ Тарки). . . . . Г. II—10—IV.
356. З. Толмачево . . . Г. —
357. Б. Турково . . . . Г. —
358. З. Татарское . . . Н. —

У.

359. Б. Убѣжищи . . . Г. II—39— III.
360. З. Улейки . . . . П. II—11— II.
361. З. Ушаково . . . П. III— 5— III.
362. Б. *Утечино* (Утятино). . . . . Н. — I.
363. Б. Ушаково. . . . Г. II— 6— II.

Ф.

364 Б. Фроловская. . . Н. I — I.
365 Б. Фроловское. . . Г. II— 7—VII.

Х.

366. Б. Хватково. . . . Н. I— 3— I.
367. Б Хабарское. . . Г. IV—30—IV.
368. Б. Хвощевка . . . Г. —
369. З. Холязино. . . К. —

Ч.

370. З. Чанниково . . . Н. II—26— II.
371. С. Черное . . . . Б. —
372. Б. Чернѣево. . . . Г. II— 4— I.
373. Б. Чирьево . . . . Г. I— 6— II.
374. З. Чижково . . . . Н. —
375. Б. Чмутово . . . . Г. I—15— I.
376. Б. Чубалово . . . Г. II— 4— II.
377. С Чернорамень. . С. —
378. З. Чернуха. . . . М. —
379. Б. Чудиново. . . . Г. III— 9— III.

Ш.

380. З. Шава . . . . . М. I—29— IV.
381. З. Шахматово. . . К. —
382. Б. Шарголи Большіе Г. —
383. Б. Шарголи Малые. Г. —
384. З. Шерменево . . . Н. —
385. З. Шелокша. . . . II. —
386. Б. Шапкино. . . . Г. I—10— II.
387. З. Шершево . . . II. —
388. Б. Шумилово . . . Г. I—16— II.
389. Б. Шишево. . . . Г. —
390. Б. Шишкино . . . Г. I—14— III.
391. Б. Шепилево . . . Г. I— 4— II.
392. З. Шпилево . . . . К. —
393. Б. Шуклино . . . Г. I—14— II.

Щ.

394. Б. Щербинино. . . Г. I— 3— II.

Ю.

395. З. Юркино . . . . М. II— 4— II.
396. С Юрасово . . . . С. —

Я.

397. З. Яблонка . . . . К. I— 4— I
398. З. Яковлево. . . . К. I—30— I.
399. З. Якшень . . . . К. —

СПИСОКЪ

селеній значащихся въ писцовой книгѣ 1613 года, а въ настоящее время несуществующихъ.

А.

1. Б. Алексѣевское Селище. . . . . —
2. Б. Аннино. . . . . —
3. З. Арбачево (Горбачево). I— 4— II.
4. Б. Арбузово . . . . . V— 4— VI.

В.

5. Б. Бабниково {Красово Кротково тожъ. —
6. Б. Бакшеево . . . . . III— 3— II.
7. Б. Березкино. . . . II— 9— II.
8. Б. Безумово (Тормозово) —
9. Б. Боталково. . . . . I—
10. Б. Боярково (Бояркино) I— 1—
11. Б. Бородавкино . . . I— 2—
12. Б. Бѣжаново . . . . . III— 6—
13. Б. Бобово . . . . . I—
14. Б. Богинево . . . . . I— 6— I.
15. Б. Будилово . . . . . —

В.

16. Б. Васильцево . . . . I— 1—
17. Б. Высокое {Котярово Новосильцево. —

Г.

18. Б. Горюшкино . . . . III— 2— VI.
19. Б. Горушкино . . . . III— 3— II.
20. Б. Гончарово. . . . . I— 2—
21. Б. Глядково . . . . . —
22. Б. Горешки Малые . . III— 1—
23. Б. Голузино (Нестерово) —
24. Б. Гридино . . . . . I— 5— I.
25. Б. Гусево . . . . . II— 1— II.
26. Б. Гузнищево. . . . . IV—10— 5.
27. З. Городищи . . . . . —

Д.

28. З. Данилово . . . . . II—14— II.
29. Б. Девятково . . . . I— 1— I.
30. Б. Дементьево . . . . —

И.

31. Б. Илюхино (Омачкино). II— 5— V.
32. Б. Исуевка. . . . . —
33. Б. Игумново. . . . I— 6— I.
34. З. Исламовское (Уткино) — IV.

К.

35. Б. Княгинкино . . . . I— 4— I.
36. З. Крутецъ Селище . I— 4—
37. Б. Капытово (Капустово) I— 2— II.
38. Б. Колтино . . . . . II—
39. Б. Козляково. . . . . II— 4— II.
40. С. Козье Веретьево (Крутая Грива). . . . . I— 1— I.
41. Б. Куравино . . . . —
42. Б. Ключевая . . . . . —
43. С. Кучино . . . . . —
44. З. Косково. . . . . I — I.
45. З. Красково . . . . . — I.
46. Б. Кудолы . . . . . — I.
47. З. Кулаково . . . . . I— 2— I.
48. Б. Куколово. . . . . I— 2— I.

Л.

49. Б. Лобаново . . . . . I— 3— II.
50. Б. Лопатино . . . . . II — I.
51. Б. Лохтиха . . . . . I— 1—
51. Б. Лухманы . . . . . III 6— V.
51. Б. Липовка. . . . . I — I.

М.

52. З. Москово (Симонково). I— 4—
53. Б. Мотовилово . . . . II—23— II.
54. Б. Медяково. . . . . I— 1—
55. Б. Михалево. . . . . I— 5— III.
56. Б. Моклоковка. . . . I— 1—
57. Б. Мусино . . . . I— 4—

Н.

58. Б. Наперстково . . . . I—
59. Б. Нехорошево . . . . I— 1—
60. Б. Никольская. . . . II— 5— II.
61. Б. Нефедово. . . . I—

О.

62. Б. Овсяниково . . . . II— 3— II.
63. Б. Ондрѣевская (Черноназово) . . . . — 3—
64. Б. Огафоново . . . . I — I.
65. Б. Ольгино. . . . . I— 1— I.
66. Б. Ондросово . . . . — II.
67. Б. Окулово (Кетрома). V — V.
68. Б. Онтоново. . . . . II— 1— II.
69. Б. Осташково . . . . — I.
70. Б. Остафьево . . . . I— 3— I.
71. Б. Обухово(Малое Игумново) . . . . . I— 1— I.
72. Б. Охотино Большое — I.

П.

73. Б. Паозерье . . . . . II — II.
74. Б. Прилуково . . . II— 6— II.
75. З. Привалково. . . — I.
76. З. Прилуки . . . . . — I.
77. З. Полежайка . . . . I— 4— I.
78. З. Пустодѣево . . . . I— 6— I.
79. Б. Плоская . . . . . I — I.

Р.

80. З. Разилово . . . . . — I.
81. Б. Рахонское сельцо. . — — I.
82. Б. Резанецъ. . . . . I— 3— II.
83. Б. Резанцы Малые . . II —
84. З. Рѣзвѣево. . . . . II— 5— II.
85. Б. Рукавкино . . . . II— 1— II.

С.

86. Б. Сидорково (Щерково) I— 6— I.
87. Б. Селенкино . . . . II— 2— IV.
88. Б. Ситково. . . . . I— 5— I.
89. Б. Сорочкино . . . . I— 4— II.
90. Б. Стройково . . . . — I.
91. Б. Сѣнново . . . . . — I.
92. Б. Сурино. . . . . I— 2— I.

Т.

93. Б. Токарево . . . . . II— 5— II.
94. Б. Толчково . . . . . I— 2— II.
95. Б. Томарово (Фаустово). I— 3— I.
96. З. Туралево (Турабьево . . . . . II— 6— II.

У.

97. Б. Урулово . . . . . —
98. Б. Устиньино . . . . I — I.

Ѳ.

99. Б. Ѳомино (Сколково) . I— 9 II.
100. Б. Ѳомина Поляна . . I— 8— I.

Ф.

101. Б. Филимоново . . . . I— 3— I.
102. Б. Филипково . . . . I— 3— II.

Х.

103. Б. Хотенково . . . . II — II.

Ч.

104. З. Чапаново . . . . . I—
105. З. Чеганово . . . . . III— 7— II.
106. Б. Черницино . . . . I— 2— II.
107. Б. Чернятино . . . . I— 4— III.
108. Б. Черкасово. . . . . I— 1—

Ш.

109. Б. Шаткино . . . . . I— 3—
110. Б. Шапино . . . . — I.
111. Б. Шетяево . . . . — I.
112. З. Шульгино . . . . III— 7—

Щ.

113. Б. Щепкино . . . . . III— 4— II.
114. Б. Щипачево . . . . . III — V.

Я.

115. Б. Ячниково . . . . . V— 5— V.
116. Б. Ячная . . . . . II— 2— II.
117. Б. Яковлевская . . III— 3— IV.
118. Б. Яковлево (Иванищево). . . . . III— 3— I.

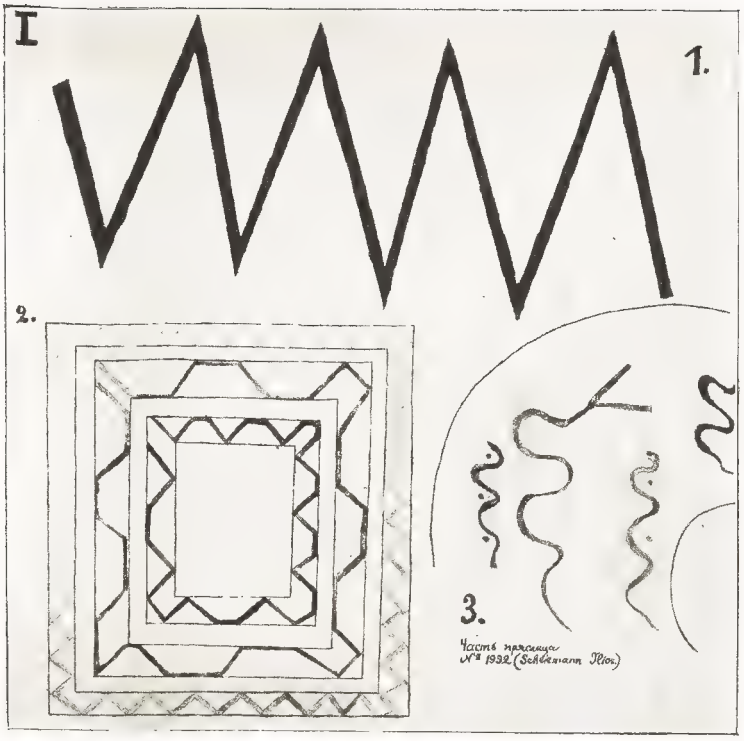
Гр. А. А. Бобринской.

О нѣкоторыхъ символическихъ знакахъ, общихъ первобытной орнаментикѣ всѣхъ народовъ Европы и Азіи.

Цѣль настоящаго сообщенія—подѣлиться съ собратіями по археологіи нѣкоторыми наблюденіями въ области исторіи первобытнаго искусства. Я желалъ бы представить соображенія касательно орнамента первобытныхъ народовъ и его происхожденія. Весь мой докладъ есть только опытъ изслѣдованія въ новомъ направленіи. Вопросъ, котораго я касаюсь—непочатой и необработанный. Первые шаги по этому незнакомому пути поневолѣ будутъ робкими; приходится оріентироваться ощупью; а все-же чуется мнѣ, что какъ бы не былъ труденъ путь—онъ ведетъ къ раскрытію основного закона возникновенія орнамента и тѣмъ самымъ къ выясненію первой главы исторіи искусства человѣка. Такая задача достойна усилій. Даже если мое сообщеніе и можетъ показаться плодомъ фантазіи или увлеченія—я все-таки рѣшаюсь высказать свои взгляды. По мѣрѣ изученія вопроса, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ правильности моихъ заключеній, — а убѣжденіе, даже ошибочное, заслуживаетъ вниманія, хотя бы для его опроверженія.

Всякій изъ васъ, М. Г., конечно, читалъ и слышалъ разсужденія объ орнаментѣ русскомъ, германскомъ, греческомъ, римскомъ, арабскомъ и т. п. Эти общіе заголовки дробятся на многочисленныя категоріи. Говорятъ объ орнаментѣ малорусскомъ, великороссійскомъ, чешскомъ, моравскомъ и т. п. Много написано изслѣдованій, спеціально посвященныхъ тому или другому орнаменту, и авторы ихъ убѣждены, что изучили и систематизировали художественныя начертанія народнаго творчества, отличающія искусство того или другого племени.

Орнаменты появляются съ древнѣйшихъ временъ на всѣхъ издѣліяхъ человѣка: на каменныхъ постройкахъ, на могильныхъ столбахъ, на деревяныхъ стропилахъ, на дугахъ, ярмахъ, на металлическомъ оружіи, на посудѣ, глиняныхъ пряслицахъ, на коврахъ и тканяхъ, на отворотахъ рубахъ, на пасхальныхъ писанкахъ... словомъ, не перечислить того множества разрядовъ вещей, которыя человѣкъ искони украшалъ и продолжаетъ украшать начертаніями, нарѣзами, красками. Изъ сплетенія и сочетанія этихъ чертъ и нарѣзовъ образуется орнаментъ, сперва крайне несложный, основанный на однообразныхъ повтореніяхъ самаго простого мотива, расположенныхъ на опредѣленномъ разстояніи одно отъ другого. Съ теченіемъ вѣ-


I
1.
2.
3.
Часть пряслица
№ 1932 (Schliemann Ilios)

II.
4.
Ваза изъ Навкратиса (von den Steinen fig 7.)
а
Пряслице изъ Трои.
(v. d. St fig. 6.)
б
5.
в
Schliemann Ilios Пряслице № 1991.
Schliemann Ilios Пряслице № 1992.
6.
Пряслице изъ Трои (von den Steinen fig 10)
Кипръ. Perrot et Chipiez
III, fig 512.
8.
Долменъ въ Ирландіи
(Montelius. Orient. fig. 97.)
7.
Долменъ въ Ирландіи (Montelius.
Orient fig 104.)
Кипръ. Perrot et Chipiez
III, fig 509.
9.

ковъ орнаментъ усложняется и принимаетъ болѣе правильныя формы, такъ что въ настоящее время требуется много наблюдательности и навыка, чтобы въ сложной декорировкѣ XX-го вѣка отыскать основные принципы и воскресить въ хитросплетеніяхъ современнаго искусства—первоначальный базисъ узора, то есть тѣ несложныя начертанія первобытныхъ племенъ, о которыхъ будетъ идти рѣчь.

Изучая орнаментику въ этомъ направленіи, то есть разбирая каждый орнаментъ по пріему лингвистики, доискиваясь его этимологіи, если можно такъ выразиться, возсоздавая примитивныя начертанія и іероглифы,—я пришелъ къ выводу, который и составляетъ тему настоящаго сообщенія, а именно, что орнаментика всѣхъ племенъ и народовъ, какъ нынѣшняя, такъ и орнаментика прежнихъ временъ, въ Европѣ и во многихъ мѣстахъ Азіи (остальныя страны свѣта въ отношеніи орнаментики мало изслѣдованы) содержитъ нѣкоторыя тождественныя у всѣхъ народностей начертанія, составляющія основу всемірной орнаментаціи. Формы эти, развиваясь, утрачиваютъ свой первоначальный смыслъ и пораждаютъ безчисленное количество производныхъ формъ. Но чѣмъ болѣе углубляешься въ старину — тѣмъ основныя формы орнамента появляются чаще и чаще. Точно такъ-же, какъ въ разнозвучныхъ словахъ разныхъ языковъ лингвистика усматриваетъ однородные корни, тождественныя основы—точно такъ-же и въ чуждыхъ другъ другу на первый взглядъ орнаментахъ скрываются тождественныя основныя формы, тѣже простые принципіальные іероглифы. Какъ въ наукѣ о языкахъ, по простымъ корнямъ и основамъ словъ можно дѣлать смѣлые выводы о происхожденіи языка и этимъ бросать свѣтъ на исторію народовъ, открывать неизвѣстныя страницы условій, при которыхъ совершились передвиженія племенъ въ отдаленнѣйшія времена человѣческаго существованія, такъ изслѣдованіе объ основахъ орнамента должно служить къ освѣщенію исторіи человѣка въ давно минувшее время и способствовать возсозданію лѣтописи его первоначальныхъ странствованій.

Я не могу утверждать, что *весь* европейскій орнаментъ можетъ быть приведенъ къ одному, такъ сказать, знаменателю, чтобы изъ каждаго орнамента могли быть извлечены тѣ первоначальные корни, на которыхъ развился орнаментъ. Однако, если существуютъ исключенія, то для весьма многихъ орнаментовъ высказанное мною положеніе вѣрно. Оно сводится къ тому, что, строго говоря, не существуетъ орнамента такого-то народа или племени, нѣтъ орнамента такого то столѣтія до и послѣ Р. Х. Всѣ существующія въ народной орнаментаціи формы представляютъ изъ себя лишь развитіе нѣсколькихъ очень типичныхъ, категоричныхъ формъ, составляющихъ въ совокупности опредѣленный циклъ фигуръ, имѣющихъ каждая свой смыслъ. Существуютъ, конечно, отдѣльно взятые узоры, принадлежащіе опредѣленному времени и даже племени, но это—исключенія, случайности, позднѣйшіе узоры, не принадлежащіе къ основной системѣ всемірнаго орнамента.

Нѣкоторыя начертанія, встрѣчающіяся одинаково въ древности и въ настоящее время у разныхъ народовъ уже давно обратили на себя вниманіе ученыхъ; инымъ такимъ знакамъ присвоены и особыя наименованія. Такова: Соломонова печать, свастика, трициклъ, меандръ, греки, спирали, волчьи зубы и т. п. Названія эти носятъ совершенно произвольный характеръ и значенія въ дѣлѣ изученія происхожденія орнамента не имѣютъ.

Давно уже также обращено вниманіе на нѣкоторые изъ такихъ общеупотребительныхъ знаковъ въ смыслѣ отысканія въ нихъ извѣстнаго символическаго значе-

нія. Слишкомъ очевидно было, что иныя изъ упомянутыхъ фигуръ не могли зародиться случайно, путемъ случайнаго сплетенія линій. Въ нѣкоторыхъ знакахъ согласились признавать символы, но значеніе такихъ символовъ оставалось крайне неяснымъ. Каждый изслѣдователь предлагалъ свое толкованіе. Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстная свастика получала значеніе бога боговъ, возрожденія, дождя и плодородія, грома и молнія, лотуса, фаллуса, женщины. Свастика, окруженная кругомъ—это палки, посредствомъ тренія коихъ добывается огонь и т. п. Объ одномъ только знакѣ свастика и его значеніи существуетъ цѣлая литература. Точно также различно объяснялись и нѣкоторыя другія начертанія.

Нынѣ я предлагаю новое истолкованіе нѣкоторыхъ изъ такихъ знаковъ. Какъ вы увидите, въ моей схемѣ систематизаціи нѣкоторыхъ основныхъ знаковъ орнамента—многія изъ первоначальныхъ начертаній приведены къ одной общей системѣ и указано ихъ послѣдовательное развитіе и ихъ взаимная связь между собою.

Для наглядности, перехожу теперь къ первобытному человѣку и къ его первымъ попыткамъ орнаментаціи. Здѣсь мнѣ придется отчасти погрузиться въ область фантазіи. Однако всѣ тѣ фантастическія на первый взглядъ предположенія, которыя будутъ мною высказаны, не останутся совершенно голословными. Мои положенія я попытаюсь оправдать фактами.

Представляю себѣ первобытнаго гончара, гдѣ-либо въ центрѣ Азіи, намѣревающагося украсить свою незатѣйливую посуду. Мотивами орнаментаціи могли служить всевозможныя случайныя сочетанія прямыхъ линій и точекъ, вдавленныхъ на глинѣ пальцемъ, ногтемъ, древкомъ; но рядомъ съ этими случайными украшеніями появляются съ самыхъ древнихъ временъ орнаменты, которые видимо нанесены съ желаніемъ изобразить нѣчто конкретное. Это нѣчто, которое составляетъ предметъ первыхъ художественныхъ опытовъ человѣка (на глинѣ, кости, металлѣ) представляетъ во всѣхъ странахъ и во всѣ эпохи—тоже самое.

Говоря a priori, можно предположить, что человѣкъ прежде всего долженъ былъ стремиться изобразить окружающіе его предметы: животныхъ и самого человѣка. Неумѣлыя и неразборчивыя его начертанія со временемъ стилизируются и становятся еще непонятнѣе. Трудно дается рѣзьба на деревѣ или камнѣ, и потому понятно, что стилизировка рисунка, состоящая изъ прямыхъ линій, удобныхъ для гравировки, быстро входитъ въ обычай. Стилизированныя изображенія сохраняютъ сперва свой смыслъ и понимаются людьми. Со временемъ племена смѣняются, смыслъ рисунка забывается, но рисунокъ остается въ употребленіи, передаваясь съ точностью изъ рода въ родъ и обращаясь мало по малу въ декоративный мотивъ. Современный намъ горецъ Дагестана, воспроизводя почти во всей своей чистотѣ декоративные мотивы старины на богатыхъ узорами коврахъ-палласахъ и сумахахъ, не имѣетъ, конечно, понятія о первоначальномъ смыслѣ того или другого узора. Опыты, сдѣланные мною въ этомъ направленіи, убѣдительно доказываютъ это. Такъ, почти каждый узоръ, которыми дагестанецъ украшаетъ свои ковры или малороссійская баба пасхальныя писанки, носитъ особое названіе, но клички эти новодѣланныя. Тотъ же узоръ носитъ абсолютно различныя названія въ разныхъ мѣстностяхъ, и клички эти даны по приблизительному сходству узора съ предметами современнаго быта. Такой-то орнаментъ носитъ названіе розы или гвоздики, этимологическій смыслъ котораго ничего общаго съ этими цвѣтами не имѣетъ. Здѣсь, кстати, замѣтить, что я не касаюсь вовсе области цвѣточнаго узора, то есть изображенія цвѣтовъ и ихъ

стилизаціи. Воспроизведеніе цвѣтовъ, плодовъ и листьевъ играетъ, разумѣется, очень видную роль въ орнаментѣ всѣхъ народовъ и временъ. Однако, въ первобытныхъ твореніяхъ человѣка—цвѣточный узоръ отсутствуетъ вовсе; точно также отсутствуютъ изображенія плодовъ и листьевъ. Извѣстенъ мотивъ узора, представляющій дерево, но это дерево оказывается не простымъ изображеніемъ любого дерева, а символическимъ изображеніемъ опредѣленнаго дерева, значеніе коего я въ настоящее время объяснить не умѣю. Замѣчу при этомъ, что я вполнѣ сознаю, что представляемый мною вамъ сегодня первый опытъ въ области изслѣдованія зачатковъ орнаментики человѣческаго рода, какъ всякій первый опытъ экскурса въ невыясненную область, страдаетъ большой неполнотой. Возникаетъ множество вопросовъ, на которые я не могу дать отвѣта. Не могу бороться и со многими дѣлаемыми мнѣ возраженіями. И все же не сомнѣваюсь въ правильности основного моего положенія, а именно, что большинство нашихъ узоровъ постепенно возникло на почвѣ очень простого примитивнаго узора и что въ этой первоначальной декорировкѣ заключаются нѣкоторые основные знаки, имѣющіе символическое значеніе. Смыслъ же этотъ выясняется условіями быта первобытнаго человѣка, къ которому еще разъ возвращаюсь.

Когда человѣкъ впервые появился на азіатскомъ плоскогоріи, откуда племена его распространились во всѣ направленія, онъ долженъ былъ, между прочимъ, бороться съ однимъ условіемъ, которое дѣлало его обитаніе невыносимымъ. А именно: вся площадь земли, на которой человѣку приходилось селиться и сѣять хлѣбъ—кишѣла невѣроятнымъ множествомъ пресмыкающихся и, главнымъ образомъ, змѣй. О томъ, что происходило въ этомъ отношеніи за многія тысячелѣтія тому назадъ можно судить по тому, что есть теперь. Такъ, напримѣръ, о малой Азіи извѣстный археологъ Шлиманъ пишетъ изъ Гиссарлыка (5 апрѣля 1872 г.), что въ первые дни его раскопокъ, на склонѣ горы появилось невѣроятное множество ядовитыхъ змѣй, едва толще дождевыхъ червей. Г. Весслеръ подтверждаетъ эти свѣдѣнія въ письмѣ ко мнѣ изъ Шуши. (31 декабря 1898 г.). „Змѣи въ Закавказьѣ водятся въ громадномъ количествѣ. Одна изъ ядовитыхъ породъ елмаръ, раздражается очень легко. Разъяренный змѣй преслѣдуетъ людей и животныхъ на большія разстоянія, страшно шипя и дѣлая громадные прыжки“.

Слѣдовательно, прежде всего человѣку приходится бороться со змѣемъ и этотъ змѣй обращается, конечно, въ божество. Въ древнемъ мірѣ почитаніе змѣя было общераспространено. Объ офизмѣ (офисъ — змѣй), культѣ змѣй въ Греціи писано много. Также объ ovis anguinum и его значеніи. Всѣмъ памятно изображеніе божества въ видѣ змѣя въ Египтѣ. Вспомнимъ мимоходомъ и змѣя, воздвигнутаго Моисеемъ. Въ Индіи и по сей день почитаніе змѣи продолжаетъ существовать, съ особыми храмами для священныхъ змѣй и ихъ жрецовъ. Къ этому же разряду божествъ древняго міра слѣдуетъ, можетъ быть, отнести и баснословнаго дракона, такъ часто встрѣчающагося въ миѳологіяхъ всѣхъ народовъ (см. таб. VI, 32). И у насъ есть свой Змѣй-Горыничъ.

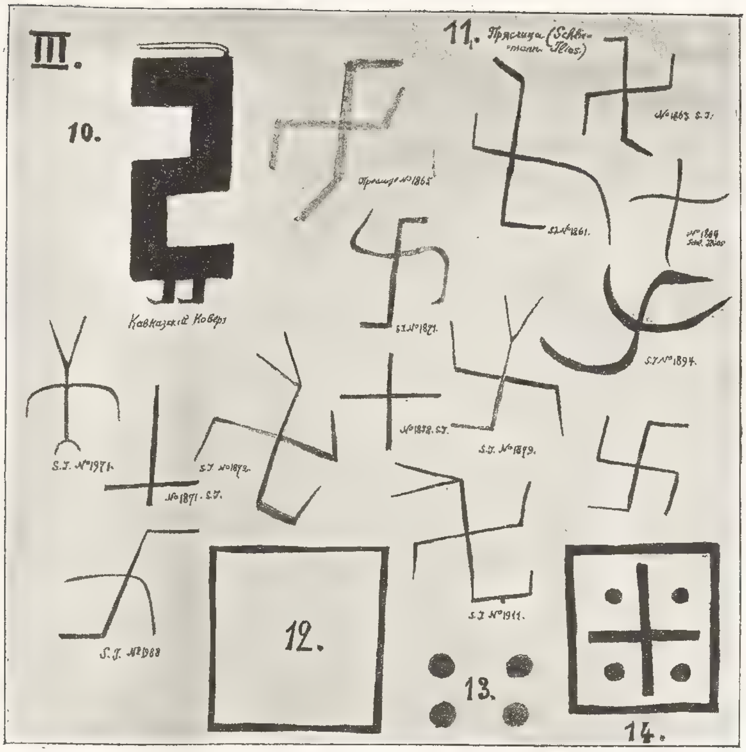
Изображеніе змѣя дается легко. Извилистая форма змѣя стилизируется въ зигзаги (см. таб. I, 1), и этотъ простой узоръ вы встрѣтите абсолютно вездѣ. Впослѣдствіи, когда позабыто было первоначальное значеніе мотива—змѣиному узору стали придавать различныя иныя наименованія; такова, напримѣръ, общеупотребительная кличка: волчьи зубы. Но въ сущности, все это сводится къ той же первоначальной формѣ змѣя. Конечно, чѣмъ древнѣе рисунокъ, тѣмъ онъ болѣе прибли-

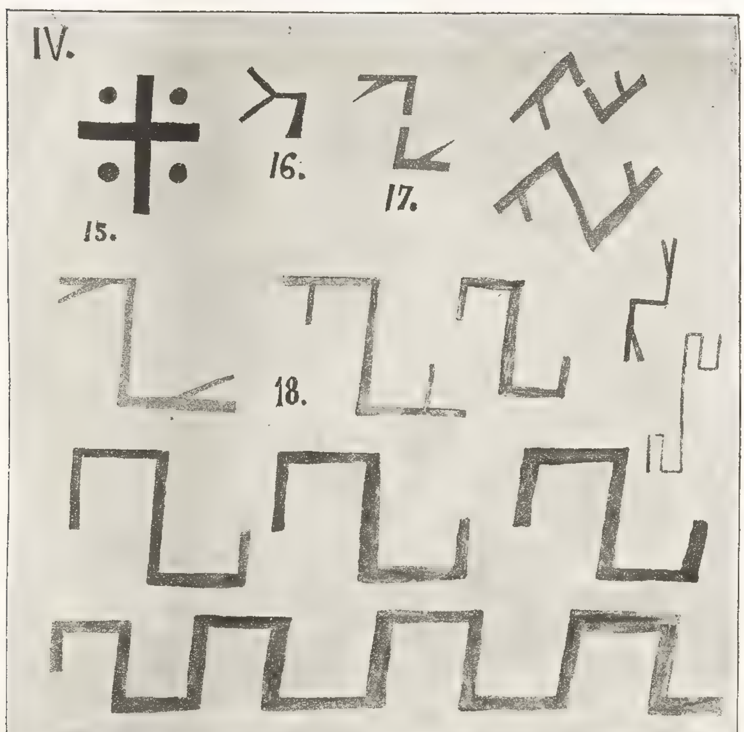
жается къ первоначальной формѣ змѣя. Но и нынѣ, если всмотрѣться въ кайму стараго дагестанскаго палласа, представляющую стилизированнаго змѣя въ видѣ правильной зигзагообразной линіи, вы усмотрите, что линія весьма часто не совсѣмъ сходится, то есть, что мѣсто головы змѣя и конецъ хвоста не соприкасаются. Почти вездѣ можно указать начало зигзагообразной каймы и конецъ ея. (Таб. I, 2). Древніе же рисунки представляютъ змѣй, легко распознаваемыхъ, даже съ приподнятой головой и открытой пастью. (Таб. I, 3).

Для распознаванія смысла начертаній первобытнаго человѣка большую услугу оказываютъ намъ рисунки современныхъ дикарей. Пріемы изображеній дѣтства человѣческаго рода тѣже, что и у дикарей. Такъ, напримѣръ, поучителенъ пріемъ дикарей для изображенія пятенъ на кожѣ. Напримѣръ олень или лань у американскихъ индѣйцевъ изображается точно также, какъ у древнихъ народовъ. Въ стилизированномъ видѣ олень рисуется какъ указано на таб. II, 4, 5. За невозможностью умѣстить накожныя пятна или глаза на чертѣ, изображающей туловище— эти пятна ставятся сверху и снизу подлѣ черты. Для изображенія пятенъ змѣя первобытный художникъ прибѣгаетъ къ тому же пріему: пятна изображаются по сторонамъ тѣла (таб. II, 6). Такимъ образомъ, когда вамъ встрѣтится подобный узоръ, (а онъ на различныхъ предметахъ старины и въ простонародномъ орнаментѣ всѣхъ странъ и всѣхъ эпохъ — очень употребителенъ), вы будете знать, что если только мое предположеніе вѣрно, то вы имѣете передъ глазами не игру случайности, а осмысленный орнаментъ, изображающій змѣя и его пятна. Змѣю мы, повидимому, обязаны и другимъ орнаментомъ, а именно: спиралью. Сходство свернувшагося змѣя со спиралью очевидно, но вотъ, напримѣръ, рисунокъ съ ирландскаго дольмена (таб. II, 7), въ которомъ явственно соединены оба изображенія змѣя—растянутое и спираль. Вопросъ о происхожденіи спирали отъ изображенія свернувшагося змѣя мною еще недостаточно изученъ. Переходныя формы еще недостаютъ, но, понятно, какъ интересно было бы, слѣдуя по указываемому пути, отыскать эти переходныя формы, напримѣръ, спираль съ обозначеніемъ головы, открытой пасти змѣя и т. п.

И такъ, врагомъ человѣка былъ змѣй (какъ и въ повѣствованіи Библіи, къ слову сказать). Эмблема змѣя, очевидно, скоро должна была обратиться въ изображеніе божества, которое „шипѣло по змѣиному“, представляя изъ себя врага человѣка, олицетворяя принципы зла и смерти. Съ нимъ человѣку приходилось съ первыхъ дней вести борьбу за существованіе.

Однако, въ этой борьбѣ, человѣкъ не оставался безъ союзниковъ. Если по теперешнимъ временамъ судить о томъ, что было въ древнѣйшія эпохи, то вотъ свидѣтельства, уже цитированныхъ мною ученыхъ, Шлимана и Весслера по вопросу о природныхъ союзникахъ человѣка. Шлиманъ пишетъ: (то-же письмо изъ Гиссарлыка, 1872 г.) „мнѣ кажется, что если-бы не аисты, появившіеся въ количествѣ многихъ тысячъ и въ теченіе весны и лѣта уничтожающіе здѣсь змѣй, человѣку рѣшительно невозможно было бы обитать въ равнинѣ Трои, благодаря чрезмѣрному количеству этихъ гадинъ“. Г. Весслеръ же пишетъ мнѣ (изъ Шуши 1898 г.): „главными уничтожителями змѣй являются аисты, ciconia alba и рѣже встрѣчающаяся ciconia nigra. Эти птицы прилетаютъ сюда обыкновенно въ концѣ апрѣля, безчисленными стаями. Ихъ можно, напримѣръ, видѣть сотнями по обѣимъ сторонамъ почтовой дороги, ведущей изъ Шуши въ Евлахъ (станція желѣзной дороги) черезъ степь. Здѣсь, въ продолженіе всего лѣта, аисты заняты своей полезной дѣятельностью


III.
10.
Кавказский Ковер
11. Пряслица (Schliemann Ilios)
Пряслице №1865
№1863 S.J.
S.J. №1861.
S.J. №1871.
S.J. №1894.
№1878. S.J.
S.J. №1879.
S.J. №1971.
№1871 · S.J.
S.J. №1872.
S.J. №1911.
S.J. №1983
12.
13.
14.


IV.
15.
16.
17.
18.

истребленіемъ змѣй. Населеніе считаетъ ихъ „святой“ птицей. Аисты гнѣздятся на деревьяхъ степи; часто на одномъ деревѣ находится по 5 и болѣе гнѣздъ“. Профессоръ Карлъ фонъ-денъ Штейненъ въ своей замѣчательной брошюрѣ „Prähistorische Zeichen und Ornamente“ (Berlin 1896), обращая впервые вниманіе на значеніе аиста въ стилизированномъ орнаментѣ древняго человѣка, напоминаетъ о древнемъ миѳѣ про прекрасную дочь Лаомедона, сестру Пріама — Антигону. Она возгордилась своими длинными волосами и считала себя равною Герѣ. Послѣдняя разсердилась и обратила эти волосы въ змѣй. Измученная укусами, несчастная Антигона вызвала состраданіе прочихъ боговъ, которые обратили ее въ аиста, пожирателя змѣй. Съ тѣхъ поръ аисты и по сей день проявляютъ ликованіе о своей красотѣ особымъ курлыканіемъ. Аисты усвоили достоинства и прекрасныя качества Антигоны: они служатъ олицетвореніемъ любви, умѣренности и благодарности.—Таковъ символическій смыслъ разсказа древнихъ. Въ Индійской миѳологіи встрѣчаются демоническія божества древнихъ арійскихъ индѣйцевъ, которыя занимались исключительно уничтоженіемъ змѣй и рептилій (Berthold Laufer, Preliminary notes on explorations among the Amoor tribes. American Anthropologist (N. S.) Vol. 2, April 1900). Таковъ въ особенности богъ Гаруда, волшебная птица, на подобіе орла, вѣстникъ Индры. Его постоянный символъ—свастика.

Современные путешественники (Зоологія Троады, Чихачева) насчитываютъ на домахъ въ малой Азіи до 4, 6 и даже до 12 гнѣздъ аистовъ на одной и той-же крышѣ. То-же видимъ и въ Греціи. Такъ, уже Аристотель, говоря объ Иліадѣ, замѣчаетъ, что „во всей окрестной Ѳессаліи еще вспоминаютъ объ эпохѣ, когда тамъ расплодилось столько змѣй, что если-бы не аисты, истреблявшіе ихъ, людямъ пришлось бы уступить мѣсто змѣямъ. По этой же причинѣ аистовъ чтутъ, и законъ запрещаетъ убивать ихъ. Виновный же въ убійствѣ аиста наказывается также, какъ и убійца человѣка“ (von den Steinen).

И такъ, едва появляется весна и природа воскресаетъ послѣ зимняго сна—появляются и вѣстники возрожденія, яра,—птицы перелетныя: гуси, аисты и друг., главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, аисты. Въ нихъ человѣкъ видитъ начало добра. Начинается ожесточенная борьба. Рептиліи уничтожаются массами, и вскорѣ человѣку дается возможность обрабатывать землю и сѣять. Своимъ покровителямъ, аистамъ, человѣкъ воздаетъ божескія почести, птица эта изъ рода въ родъ остается священною эмблемою боговъ, эмблемою яра, возрожденія, весны. Борьба стихій и смѣна временъ года обращаются въ гигантскую борьбу птицы со змѣемъ. Согласно сему, на первѣйшихъ начертаніяхъ человѣка рядомъ съ изображеніемъ змѣя появляется и рисунокъ птицы. Древнѣйшія начертанія Египта и премикенской Греціи изобилуютъ изображеніемъ птицъ. Божественные аттрибуты нѣкоторыхъ весеннихъ птицъ всѣмъ вамъ хорошо извѣстны. Неприкосновенность аистовъ по всему міру, ласточки, священные гуси Рима и т. п., достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ культѣ птицъ. Къ сему же культу слѣдуетъ, можетъ быть, отнести и значеніе птицъ, въ качествѣ предвѣщателей будущаго, изученіе ихъ полета, ауспиціи и т. п.

Птицу не легко награвировать и вырѣзать на камнѣ или деревѣ. Стилизація, изображающая птицъ посредствомъ простыхъ начертаній, напрашивается сама собою. Стилизація эта достигаетъ очень простыхъ формъ, не имѣющихъ видимаго сходства съ прообразами. Такъ—птица стоящая или сидящая изображается сперва, по возможности, въ натуральномъ видѣ. Іероглифы Египта и керамика древнѣйшей Греціи

и Кипра изобилуютъ изображеніями птицъ (см. таб. II, 8) *). Птицы изображаются или стоя и сидя, или на лету. Оба типа изображеній стилизируются. Такъ, птица стоящая или сидящая стилизируется, какъ указано на таб. II, 9. Существуетъ много переходныхъ формъ, гдѣ ясно видны открытые клювы птицъ и ихъ ноги. См. таб. II, 10.

Птица на лету стилизируется въ знакъ креста или свастики. И здѣсь также изобиліе переходныхъ формъ. Свастика не тотчасъ же пріобрѣтаетъ права гражданства, въ томъ видѣ, какъ ее изображаютъ нынѣ. Сперва направленіе клюва и крыльевъ безразличное. Такъ, встрѣчаются различныя разновидности этого знака, какъ указано на таб. III, 11. Но со временемъ, когда въ памяти народовъ совершенно утратилось первоначальное значеніе свастики, какъ летящей птицы, и когда свастика обратилась въ символъ уже не вѣстника весны птицы, а божества солнца, огня, производительности, возрожденія, бога—создателя и т. п.—тогда свастика принимаетъ всюду однообразный видъ. Одно лишь направленіе клюва и, въ связи съ нимъ направленіе крыльевъ птицы обращаются то вправо, то влѣво. Отсюда два вида и два названія для этого знака, называемаго на индійскомъ нарѣчіи: свастика и саувастика.

О свастикѣ и ея значеніи, какъ было сказано, писано много; по этому вопросу существуетъ особая литература. О свастикѣ, между прочимъ, подробно писалъ и Шлиманъ. Въ послѣднее время все, что извѣстно о свастикѣ, сгруппировано въ подробномъ томѣ американскаго археолога, г. Вильсона. Къ сожалѣнію и Шлиманъ и Вильсонъ впадаютъ въ ошибку всѣхъ тѣхъ, которые разсматриваютъ свастику какъ особый знакъ и не знаютъ о ея положеніи въ ряду другихъ символическихъ знаковъ. Всѣ выводы Вильсона и другихъ, основанные на догадкахъ и предположеніяхъ, лишены серьезнаго значенія. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что свастика могла служить для изображенія и солнца и огня и различныхъ божествъ древняго міра, но какъ при археологическихъ раскопкахъ слѣдуетъ добираться до скалы или материка, такъ и въ розыскахъ о значеніи свастики надо искать ея первоначальнаго значенія и, по моему мнѣнію, чѣмъ болѣе изучаешь вопросъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ правильности предположенія, впервые высказаннаго нѣмецкимъ этнографомъ профессоромъ фонъ-денъ Штейненъ, а именно, что какъ свастика такъ и паралельная ей саувастика суть эмблемы птицъ на лету, преимущественно крупной весенней птицы, аистовъ и ихъ товарищей. Замѣчательно, что посуда индѣйцевъ обитателей Пуэбло въ Америкѣ (фонъ-денъ Штейненъ) украшена изображеніемъ птицъ и свастики такого же типа, какъ на таб. III, 11, начертанныхъ двумя мазками кисти и несомнѣнно изображающихъ именно летящихъ птицъ. Моментальные снимки птицъ, схваченныхъ на лету, очень близко подходятъ къ этимъ примитивнымъ начертаніямъ.

Знакъ свастики, какъ было сказано, появляется на различныхъ предметахъ съ незапамятныхъ временъ. Древнѣйшій извѣстный мнѣ примѣръ изображенія свастики на предметѣ, эпоха котораго можетъ быть болѣе или менѣе точно опредѣлена, встрѣчается на одной изъ золотыхъ коронъ, найденныхъ въ саркофагѣ египетской царевны Кхнумиты, при раскопкахъ г. Моргана, въ Дахшурѣ (Египетъ

*) Очень поучительна въ этомъ отношеніи найденная за послѣднее время г. Рессле-ромъ въ Закавказьѣ посуда временъ ассирійской или древней персидской культуры.

1895 г., Revue Archéologique, Mars-Avril 1895, стр. 257). Эта корона, украшенная пятью свастиками, относится ко времени IV или III династій, т. е. къ ок. 5000 лѣтъ до Р. Х. Затѣмъ, свастики встрѣчаются весьма часто во многихъ странахъ, на древнѣйшихъ бронзовыхъ издѣліяхъ и на глиняной посудѣ. Знакъ этотъ позднѣе переходитъ въ символистику какъ буддизма, такъ и христіанства. Свастики особенно часты въ древнемъ китайскомъ орнаментѣ. Въ Россіи я встрѣтилъ свастику на глиняныхъ сосудахъ и на пряслахъ, выкопанныхъ въ курганныхъ погребеніяхъ древнѣйшихъ кавказскихъ могильниковъ, на древностяхъ пермскаго края, а также на курганныхъ предметахъ менѣе древнихъ эпохъ, на подновленной живописи стѣнъ древнихъ церквей, напр. Софійскаго собора въ Кіевѣ, также въ Ростовѣ; на узорчатыхъ матеріяхъ кустарнаго производства средней Россіи, напримѣръ въ Тамбовской губерніи, въ Финляндіи на тканяхъ и издѣліяхъ разнаго рода; на современныхъ священныхъ предметахъ, напримѣръ, на груди Спасителя въ образахъ, изготовляемыхъ кустарями Владимірской губерніи. Словомъ, можно прослѣдить существованіе этого орнамента на всѣхъ страницахъ исторіи цивилизаціи въ Россіи, начиная отъ полу-дикарей каменнаго вѣка и вплоть до нашихъ дней. Замѣчу при этомъ, что на священныхъ предметахъ, образахъ, стѣнописи храмовъ и т. п., узоръ птицы (свастика) встрѣчается нерѣдко, а узоръ змѣя—никогда, что вполнѣ объясняется символическимъ смысломъ этихъ узоровъ.

Итакъ, птица изображается: 1) стоячей или сидячей, 2) на лету. Есть еще третье положеніе, въ которомъ первобытный человѣкъ изображаетъ весеннюю птицу, свою союзницу въ борьбѣ со змѣемъ, а именно—птицу, въ роли насѣдки, сидящую на яйцахъ, въ гнѣздѣ. Этотъ рисунокъ состоитъ изъ четырехъ составныхъ частей, а именно: гнѣзда, птицы, яицъ и, наконецъ, птенцовъ. Такъ, гнѣздо изображается въ стилизировкѣ, въ видѣ квадрата (таб. III, 12). Яйца изображаются точками или кружками (таб. III, 13). Птица на яйцахъ, насѣдка — крестомъ съ точками (таб. III, 14).

Этотъ крестъ съ кружками получилъ впослѣдствіи въ геральдикѣ названіе „croix cantonée“ и становится очень употребительнымъ геральдическимъ знакомъ (таб. IV, 15).

Птенцы изображаются съ открытыми клювами (таб. IV, 16) и расположены обыкновенно попарно (таб. IV, 17). Ряды парныхъ птенцовъ сливаются въ очень употребительный орнаментъ, какъ показано на таб. IV, 18.

Вотъ всѣ тѣ знаки, которые по моимъ изслѣдованіямъ составляютъ базисъ очень многихъ изъ древнихъ и современныхъ узоровъ.

Вышеприведенныя мои соображенія касаются, какъ было сказано, лишь нѣкоторыхъ главныхъ мотивовъ орнамента. Многіе узоры остаются, конечно, невыясненными. Кромѣ аистовъ и змѣй изображались безъ сомнѣнія и другіе предметы, но стилизація ихъ не поддалась пока разъясненію. Если основные принципы мои справедливы — то въ этомъ направленіи возможна еще большая и интересная работа. Открывается изслѣдователямъ благодарное поле для изысканій. На таблицѣ V и VI сгрупированы разные рисунки, относящіеся до аистовъ и змѣй. Посмотрите, напримѣръ, на прислице (№ 1968), изданное Шлиманомъ, найденное въ Троѣ. Оно изображено на таб. VI, A. Здѣсь, въ длинноногихъ птицахъ самъ Шлиманъ признавалъ аистовъ. Множество другихъ его пряслицъ покрыты изображеніями змѣй (таб. I, 3). Интересна также фигура креста, составленнаго изъ четырехъ, слитыхъ въ

центрѣ, головокъ птенцовъ (таб. V, 21). Узоръ этотъ одинаково встрѣчается на издѣліяхъ древняго міра и на современныхъ тканяхъ. Четверо птенцовъ группируются въ различныхъ комбинаціяхъ. Птенцы съ открытыми клювами составляютъ вообще излюбленный мотивъ первобытнаго узора. (таб. V, 19). Изъ парныхъ птенцовъ образуется общеизвѣстный мотивъ, указанный на таб. V, 22. Сравните также на таб. VI, 25 и другіе.

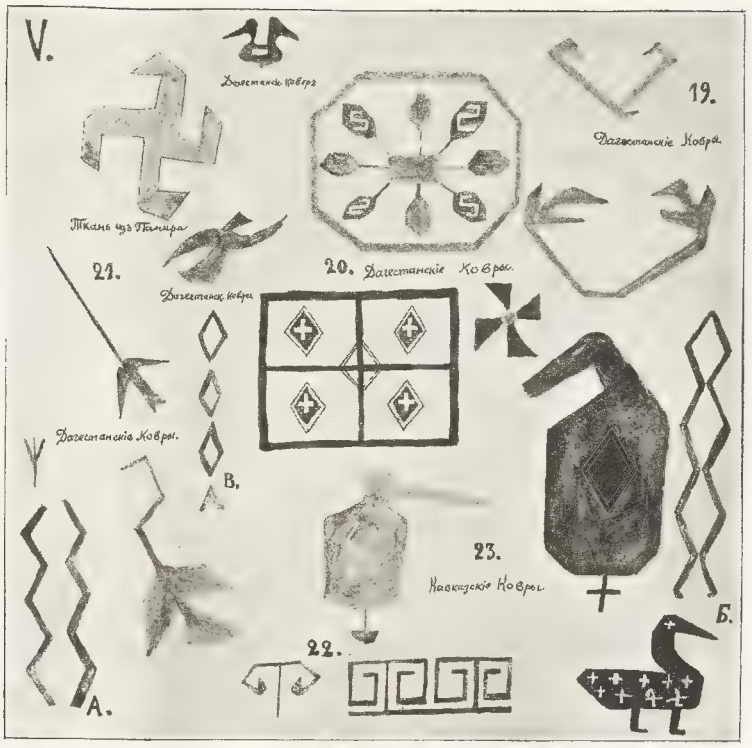
Рисунокъ на таб. VI, 30, представляетъ часть крыши глиняной урны, въ видѣ хижины, найденной итальянскимъ археологомъ Висконти близъ Альба-Лонги въ 1817 году. Предметы этого типа нерѣдки въ этрусскихъ некрополяхъ. Профессоръ фонъ-денъ Штейненъ такъ описываетъ сюжетъ нашего рисунка: „здѣсь цѣлая жанровая картина. Всюду сидятъ птенцы съ раскрытыми клювами. Здѣсь видны аисты въ стилизированномъ видѣ, въ формѣ свастики; рядомъ другіе аисты. Снизу птенцы, съ обѣихъ сторонъ—еще птенцы, не совсѣмъ правильно стилизированные. Внизу змѣиный узоръ“.

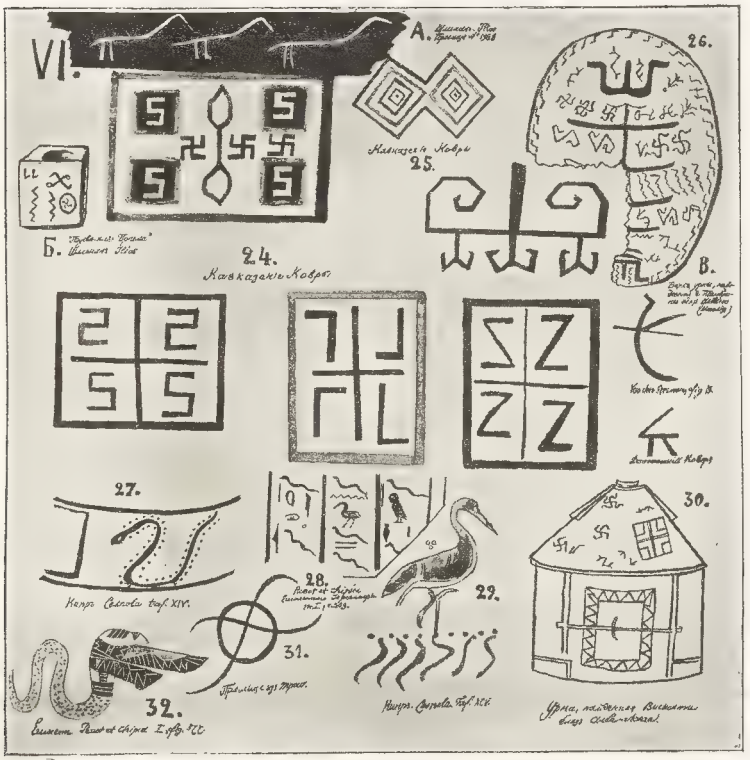
Не менѣе интересны изображенія на другой урнѣ, въ видѣ хижины, найденной Тамброни и изображенной на таблицѣ VI, 26. Здѣсь птенцы стоятъ отдѣльно на верху крыши съ разинутыми клювами и распростертыми крыльями. Они кромѣ того расположены длинными рядами по краямъ крыши. Безчисленны и змѣи. Въ нѣкоторыхъ другихъ знакахъ на этой крышѣ профессоръ фонъ-денъ Штейненъ признаетъ ящерицъ. Быть можетъ, и такъ.

Интересны также особые глиняные кубы, изображенные на табл. VI, Б. Они найдены Шлиманомъ въ Троѣ и прозваны въ шутку Вирховымъ — подсвѣчниками Пріама. Дѣйствительное назначеніе этихъ вещей неизвѣстно. По догадкѣ фонъ-денъ Штейнена, это—пластичныя изображенія гнѣздъ аиста. На стѣнкахъ нацарапаны змѣи и сучья, на днищѣ—изображена самка на яйцахъ, по принятому способу: крестъ и кружки. По бокамъ гнѣзда — змѣи и птицы. Точно также и наружная форма пряслицъ отлично подходила къ формѣ большого гнѣзда, по бокамъ коего удобно было изображать обитателей гнѣзда—птицъ и птенцовъ, а равно и ползущихъ туда змѣй. Кстати вспомнить замѣтку доктора Шетензака, на прошлогоднемъ международномъ антропологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ, доказавшаго, что многіе изъ такъ называемыхъ пряслицъ могли служить застежками, прототипомъ фибулъ; деревянный стержень проходилъ сквозь отверстіе пряслицы, служившаго запонкой.

Въ узорахъ, скопированныхъ съ кавказскихъ ковровъ и изображенныхъ на табл. V, 21, 23—вы, вѣроятно, признаете птицъ и птицъ съ длинными клювами, аистовъ. На таблицѣ V, А, Б, В, изображенъ змѣиный орнаментъ, который изъ 2-хъ паралельныхъ змѣй обращается въ рядъ прямоугольниковъ или ромбовъ, путемъ простого сближенія и скрещиванія змѣй. Таблица V, 20 представляетъ гнѣзда съ матками и вылупившимися птенцами. Всѣ эти изображенія скопированы на дагестанскихъ коврахъ. Таблица VI, 25 представляетъ узоръ, возникающій изъ мотива пустыхъ гнѣздъ; таб. VI, 24—гнѣзда съ маткою и птенцами. Таб. VI, 27—змѣй съ пятнами; заимствовано изъ орнаментаціи сосуда съ острова Кипра (раскопки Чеснола). Таб. VI, 31—летящая птица надъ гнѣздомъ; (пряслице Шлимана). Таб. VI, 29—аистъ и змѣй; (Чеснола, островъ Кипръ).

Но... пора кончать. Два слова въ заключеніе. Какъ всякій первый опытъ въ области столь мало обработанной, такъ и мое изслѣдованіе требуетъ вашего снисхож-


V.
Дагестанск. Ковры
19.
Дагестанскіе Ковры.
Ткань изъ Памира
21.
Дагестанск. Ковры
20. Дагестанскіе Ковры.
Дагестанскіе Ковры.
В.
23.
Кавказскіе Ковры.
Б.
22.
А.


VI.
А.
26.
Кавказскіе Ковры
25.
Б.
24.
Кавказскіе Ковры
В.
27.
28.
29.
30.
31.
32.

денія. Если моя система и не заслужитъ вашего одобренія, то надѣюсь, что вы ей не откажете въ правѣ претендовать на нѣкоторую логичность и на извѣстную степень правдоподобности. Попытка моя была, надѣюсь, не пыткой для слушателей. Я же буду счастливъ, если высказанныя мною мысли послужатъ къ возбужденію вниманія къ затронутому мною вопросу и вызовутъ наши молодыя силы на дальнѣйшую обработку и изслѣдованія въ области изысканія основъ первоначальной орнаментики у первобытнаго человѣка давно минувшихъ вѣковъ.

Протоіерей І. Я. Сырцовъ.

Усыпальницы бояръ Годуновыхъ въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Предметомъ настоящаго доклада высокопочтенному вашему собранію будутъ служить *Усыпальницы* бояръ Годуновыхъ, долгое время существовшія и отчасти сохранившіяся до нашихъ дней въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Но предварительно позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о самомъ монастырѣ и о тѣхъ близкихъ отношеніяхъ, въ какихъ въ былое время стояли къ нему Годуновы.

Ипатьевскій монастырь *существуетъ* съ первой половины XIV столѣтія. Въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, вплоть до церковной реформы 1764 г., онъ принадлежалъ къ числу монастырей знаменитыхъ, многолюдныхъ, богатыхъ, славныхъ подвигами аскетическими и патріотическими. Грандіозные, древніе каменные храмы и жилыя зданія, обнесенныя высокой каменной оградой съ башнями и амбразурами, изъ коихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ выглядывали многочисленныя пушки, — все это свидѣтельствуетъ о славномъ прошломъ Ипатьевской обители. Дѣйствительно, въ началѣ XVIII ст. братство монастыря достигало 500 человѣкъ; за монастыремъ въ это время считалось до 33 вотчинъ съ десятитысячнымъ населеніемъ мужского пола. Вотчинами управляли монахи сами, черезъ своихъ старцевъ-прикащиковъ, и получали съ вотчинъ доходы, вполнѣ достаточные для содержанія многочисленнаго братства и благоустройства обители *).

По временамъ богатый и благоустроенный монастырь служилъ военною крѣпостью, гдѣ можно было укрываться отъ преслѣдованія враговъ не только костромичамъ, но и московскимъ князьямъ. Изъ Ипатьевской лѣтописи извѣстно, что здѣсь нашли безопасное убѣжище московскіе князья Димитрій Донской въ 1382 г., преслѣдуемый Тахтамышемъ и сынъ его Василій Дмитріевичъ, въ 1408 г., гонимый Едигеемъ. Но монастырь особенно прославился и получилъ историческое значеніе въ началѣ XVII, в. давъ временный пріютъ родоначальнику Царствующаго Дома Романовыхъ юному боярину Михаилу Ѳеодоровичу.

Основателемъ столь славнаго въ былое время и не утратившаго своего историческаго значенія до сихъ поръ Ипатьевскаго монастыря былъ нѣкто мурза изъ

*) Описи монастыря и вотчинъ 1701 и 1763 г. въ Моск. Архивѣ М. Юстиціи, въ Патріаршемъ № 34 и Монаст. № 46 приказахъ.

монгольсой Орды, по имени *Четъ*. Пробираясь по Волгѣ въ первой половинѣ XIV ст., около 1330 г., въ Москву, съ намѣреніемъ сдѣлаться христіаниномъ и подданнымъ Московскаго князя Іоанна Калиты, онъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ монастырь *), имѣлъ кратковременную стоянку, удостоился, по преданію, видѣнія Божіей Матери и получилъ исцѣленіе отъ какого то недуга. Благодарность Богу и Божіей Матери за чудесное исцѣленіе отъ недуга была для него единственнымъ побужденіемъ къ основанію и устроенію Ипатьевской обители, что случилось вскорѣ послѣ того, какъ онъ въ Москвѣ принялъ крещеніе съ именемъ *Захаріи* и сталъ вѣрнымъ слугой Калиты.

Четъ считается родоначальникомъ знаменитыхъ въ Русской исторіи боярскихъ фамилій: Сабуровыхъ, Шеиныхъ, Вельяминовыхъ и, между прочимъ, Годуновыхъ. Потомки основателя Ипатьевскаго монастыря, нужно сказать, были вообще глубокорелигіозны и отличались многими христіанскими добродѣтелями. Въ частности, потомки, усвоившіе себѣ фамилію Годуновыхъ, слѣдуя завѣтамъ своего родоначальника, полюбили Ипатьевскую обитель, какъ свою родную, постоянно заботились о ея благоустроеніи и обогащеніи, часто посѣщали ее; нерѣдко доживали въ ней свой вѣкъ, принявъ иногда монашеское постриженіе. Но главное—пламенно *желали и стремились быть по смерти погребенными* въ своей родной обители, глубоко вѣруя въ святость мѣста и спасительность погребенія здѣсь. Конечно, не всѣ же Годуновы были погребены въ Ипатьевской обители; не здѣсь, напр., а въ Троицко-Сергіевской лаврѣ почиваетъ царь Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ съ его несчастнѣйшей семьей—женой, сыномъ и дочерью; но подобные случаи въ большой семьѣ Годуновыхъ были не часты и составляютъ исключеніе изъ общаго правила.

Для погребенія Годуновыхъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, подъ главными монастырскими храмами Троицкимъ и Богородице-Рождественскимъ, были особыя обширныя *усыпальницы*. *Начало* устроенія усыпальницъ слѣдуетъ отнести къ первымъ временамъ существованія монастыря и помянутыхъ храмовъ, т. е. къ 1-й или много 2-й половинѣ XIV в.; по крайней мѣрѣ, къ этому времени относится устроеніе той усыпальницы, въ которой погребенъ самъ основатель монастыря, благочестивый Четъ-Захарья, съ сыномъ своимъ Александромъ и ближайшимъ потомствомъ. Всѣхъ усыпальницъ было *три*: двѣ подлѣ алтаря теплой Богородицкой церкви и третья подъ папертью Троицкаго собора. Троицкій и Богородицкій храмы, построенные первоначально деревянными самимъ еще основателемъ монастыря, послѣ были обращены въ каменные и подвергались затѣмъ еще неоднажды перестройкѣ и капитальной ремонтировкѣ; но усыпальницы оставались неприкосновенными въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, и одна изъ нихъ, что подъ папертью Троицкаго собора, сохранилась до нашихъ дней.

По уцѣлѣвшей усыпальницѣ и по старинымъ описаніямъ монастыря мы можемъ составить себѣ нѣкоторое общее *представленіе* объ этихъ усыпальницахъ. Это были большія каменныя подвальныя палаты, не широкія, но продолговатыя, съ низкими сводами и узенькими полутора-аршинными окнами. Уцѣлѣвшая подъ Троицкимъ соборомъ усыпальница, напр., имѣетъ ширину въ 3 саж., длину съ юга

*) При впаденіи р. Костромы въ Волгу на правомъ берегу первой, въ сосѣдствѣ съ г. Костромой.

на сѣверъ, около 9 саж., вышину до сводовъ 4 аршина, съ запада имѣетъ низкій аркообразный входъ и пять узенькихъ оконъ съ желѣзными рѣшетками *).

По своей внутренней обстановкѣ прежнія усыпальницы походили больше на подвальные храмы, чѣмъ на простые склепы для покойниковъ. По свидѣтельству автора книги: „Описаніе Костр. Ипатьевск. монастыря", изд. въ 1832 г. преосвященнаго Павла Подлипскаго, епископа Костромскаго, въ усыпальницахъ Годуновыхъ до 1756 года находилось много святыхъ образовъ и покрововъ, съ богатѣйшими украшеніями изъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и жемчуга **). Небольшіе слѣды прежнихъ украшеній замѣтны въ уцѣлѣвшей усыпальницѣ до сихъ поръ. Переступивъ порогъ этой усыпальницы съ монастырской ограды чрезъ низенькую арку, вы прежде всего видите передъ собою у восточной стѣны, на большомъ деревянномъ крестѣ рѣзное изображеніе распятаго Христа Спасителя, предъ которымъ виситъ неугасимая лампада. По сторонамъ вся девятисаженная стѣна увѣшана старыми иконами, почернѣвшими отъ времени и облупившимися отъ сырости, съ едва замѣтными изображеніями святыхъ. Весьма возможно, что такіе же иконостасы съ лучшими святыми изображеніями, украшенными серебромъ и золотомъ, были и въ упраздненныхъ двухъ усыпальницъ ***).

Всѣ три усыпальницы въ теченіе трехъ слишкомъ столѣтій успѣли достаточно наполниться *покойниками*. Такъ, въ первой, что за алтаремъ Богородицкой теплой церкви, съ южной стороны, въ которой почилъ самъ основатель обители Четъ—Захарія съ ближайшимъ потомствомъ, было 22 могилы; во второй, что противъ Богородицкой теплой церкви съ восточной стороны, 16 могилъ и въ третьей, которая подъ папертью Троицкаго собора — 14 могилъ.

Въ 1-ой, болѣе древней усыпальницѣ, рядомъ съ основателемъ монастыря нашли себѣ вѣчный покой родители царя Бориса Годунова, ближайшіе его родственники и многіе другіе изъ знатныхъ бояръ Годуновыхъ; потому она, надо полагать, была украшена богаче другихъ и содержалась болѣе тщательно. Приведемъ имена погребенныхъ въ этой усыпальницѣ болѣе именитыхъ покойниковъ. Таковы: основатель монастыря *Четъ-Захарія*, сынъ его *Александръ*, внукъ — *Дмитрій Зерно*. Правнуки, дѣти Дмитрія: *Иванъ, Константинъ* и *Дмитрій Шея*. Дѣти Ивана Дмитріевича Зерно: *Ѳедоръ* Ивановичъ *Сабуръ* и *Иванъ* Ивановичъ *Годунъ*, непосредственный родоначальникъ Годуновыхъ.

Родители Бориса Ѳедоровича и царицы Ирины Ѳедоровны:

Ѳедоръ Ивановичъ Годуновъ (отецъ), *Стефанида*, въ иноцѣхъ Сундулея (мать), *Василій* Ѳедоровичъ Годуновъ (братъ Бориса), Иванъ Григорьевичъ—дѣдъ, Агрипина—бабушка, Дмитрій Ив.—дядя, братъ Ѳедора († 1606), Григорій—инокъ Гера-

*) При чтеніи были показаны фотограф. снимки усыпальницы и многихъ принадлежностей старыхъ упраздненныхъ усыпальницъ.

**) Описаніе мон., 1832 г., стр. 29,

***) Подобныя усыпальницы можно видѣть: въ Костромѣ (въ Богоявленскомъ м.) усыпальницы бояръ Салтыковыхъ, въ Ниж.-Новг. подъ Преображенскимъ соб., гдѣ почиваютъ Мининъ и Нижегородскіе князья и епископы, въ Москвѣ въ Арханг. соборѣ и въ Вознесенскомъ дѣвич. монастырѣ.

симъ—прадѣдъ, Иванъ Ивановичъ—инокъ Іона—дядя, братъ Ѳедора и Дмитрія; Иванъ Дмитр. Годуновъ—двоюродн. братъ. Агрипина—инокиня Александра, тетка Бориса, жена убитаго въ 1605 г. Лжедмитріемъ Ивана Ивановича. *Ѳеодора*—дочь убитаго Ивана Ивановича и *Михаилъ* Осиповичъ Годуновъ.

Всего мущинъ 18, женщинъ 4; между ними иноковъ 2, инокинь 4.

Во второй усыпальницѣ почивалъ родъ Стефана, Григорья и Ивана Васильевичей Годуновыхъ, современниковъ Грознаго. Въ 16 могилахъ этой усыпальницы почило: мущинъ 6, женщинъ 10, между ними: иноковъ 3, инокинь 4 и младенцевъ: муж. 2, женск. 3.

Въ третьей усыпальницѣ почиваетъ родъ Никиты и Петра Васильевичей Годуновыхъ, бывшихъ на седьмой свадьбѣ Грознаго въ числѣ молодыхъ Годуновыхъ, несшихъ государевы короваи. Въ 14 могилахъ положено 10 мущинъ и 4 женщины, между ними: иноковъ 1, инокинь 2 (1 схимн.) и младенцевъ 4.

Могилы въ усыпальницахъ *располагались* одна подлѣ другой, съ небольшими промежутками, и составляли длинный рядъ чрезъ всю усыпальницу. Каждая могила, повидимому, была прикрыта каменной *плитой*, положенной на нѣсколько возвышенномъ кирпичномъ основаніи; на плитѣ обязательно высѣкались: или осмиконечный крестъ съ небольшой эпитафіей, или одни только краткія свѣдѣнія о покойникѣ, начертанныя славянской вязью. Такія, по крайней мѣрѣ, надгробныя плиты съ надписями имѣются на сохранившихся доселѣ годуновскихъ могилахъ въ третьей усыпальницѣ. Вотъ для примѣра двѣ древнія надгробныя надписи, списанныя мною лично въ третьей годуновской усыпальницѣ: 1) „Лѣта 7069 (1560), мѣсяца ноемврія въ 1 день на память святыхъ чудотворцевъ безсребренниковъ Козмы и Даміана преставися рабъ Божій Василій Осиповичъ Годуновъ". 2) „Лѣта 7083 (1575), марта 8 день, погребенъ Тимофей Дмитріевичъ Годуновъ" (судя по могилѣ, младенецъ). Такъ какъ между покойниками, почивающими въ той или другой усыпальницѣ, было очень не мало младенцевъ, то сплошь и рядомъ встрѣчаются между большими памятниками маленькія, нарушая такимъ образомъ однообразіе могилъ.

Могилы взрослыхъ покойниковъ, поверхъ надгробныхъ каменныхъ памятниковъ, постоянно покрывались дорогими бархатными, шитыми золотомъ и украшенными драгоцѣнными камнями и жемчугомъ *покровами*. Просматривая въ нынѣшнемъ году въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи одну изъ древнихъ офиціальныхъ описей Ипатьевскаго монастыря, составленную въ 1686 году, я, между прочимъ, обратилъ вниманіе на упоминанія о цѣломъ рядѣ дорогихъ покрововъ, лежавшихъ во время составленія описи на могилахъ и описанныхъ очень тщательно, съ указаніемъ: когда, кѣмъ и на чью могилу тотъ или другой покровъ устроенъ и присланъ. Вотъ для примѣра описаніе двухъ покрововъ: одного болѣе роскошнаго, изъ 1 й усыпальницы, другого попроще, изъ 3-й: 1) „Да на матери его (Бориса) на Стефанидѣ, въ иноцѣхъ Сундулеѣ, покровъ бархату черни, гладкой, изорванъ; на немъ крестъ, тридцать шесть дробницъ серебриныхъ, золоченыхъ круглыхъ; на нихъ рѣзаные дѣйсусъ, и владычни праздники и святые; около дробницъ низано жемчугомъ въ двѣ нити, около жемчугу веревочка золотая; надпись у креста и глава Адамля низаны жемчугомъ; около покрова шита кайма по темно-синему атласу золотомъ, стихъ: „Сонъ является вѣрующимъ въ Тя смерть, человѣколюбче", лѣтопись ҂зра (1593) году какъ положенъ и вышитъ; около того подъ крестомъ на томъ же бархатѣ около каймы и лѣтописца кружево шито золотомъ же; подложенъ тафтою синею, мѣра въ

длину три аршина безъ двухъ вершковъ, ветхъ и жемчугъ сыплется во многихъ мѣстахъ". 2) „Надъ Никитиными, да надъ Петровыми родителями Васильевичевъ Годуновыхъ: 1) покровъ на отцѣ ихъ Василѣ: тафта рудожелтая, опушенъ камкою зеленою, крестъ нашитъ миткалинной бѣлой, подписано бѣлилами, подложенъ крашениною лазоревою". Въ первыхъ двухъ усыпальницахъ въ 1686 г. столь тщательно описано 33 покрова и въ третьей 14, да запасныхъ въ ризницѣ было 10 штукъ. Большая половина изъ нихъ украшены столь же роскошно, какъ и покровъ на могилѣ матери Бориса, Сундулеѣ. Нѣсколько древнихъ покрововъ и между прочимъ два покрова, шитые руками царицы Ирины Ѳедоровны и прикрывавшіе могилы отца ея Ѳедора Ивановича и брата Василья Ѳедоровича, сохранились въ Ипатьевской ризницѣ до настоящаго времени *).

Богатые изъ Годуновыхъ присылали или привозили сами и полагали на родныя могилы иногда по нѣсколько покрововъ заразъ, очевидно, желая, чтобы ни одна изъ дорогихъ могилъ не оставалась непокрытою, Такъ, въ 1600 г. бояринъ и дворецкій Григорій Васильевичъ Годуновъ на родительскія гробницы положилъ одновременно пять покрововъ бархатныхъ. Бояринъ Иванъ Васильевичъ Годуновъ положилъ на родителей своихъ три покрова бархатныхъ, да четыре атласныхъ, да шесть покрововъ камчатныхъ и атласныхъ схожихъ **).

Что касается внутренняго устройства годуновскихъ могилъ, то судить о немъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ достаточныхъ данныхъ; не знаемъ, напр., какая была глубина ихъ, не устраивались-ли въ нихъ кирпичные своды; не найдено, при случайныхъ раскопкахъ ихъ, или по крайней мѣрѣ не сохранилось, ни деревянныхъ гробовъ, ни металлическихъ принадлежностей покойниковъ, крестовъ, браслетъ и т. п., ни одежды. Вынуто только, при раскопкахъ 1864 г., когда перестраивался Богородицкій теплый соборъ, неизвѣстно изъ какихъ годуновскихъ могилъ *двѣ каменныя колоды*; одна, служившая гробомъ для большого покойника, другая младенческая ***). Эти гробы стоятъ теперь въ углу третьей усыпальницы, что подъ Троицкимъ соборомъ, и передъ каждымъ посѣтителемъ свидѣтельствуютъ о томъ, что богатые изъ бояръ Годуновыхъ, объ останкахъ своихъ родныхъ заботились не менѣе, чѣмъ древніе Египтяне. Небогатые же довольствовались, по всей вѣроятности, дубовыми колодами, каковыя въ XVI и XVII вв. были въ употребленіи при погребеніи покойниковъ.

Большинство Годуновыхъ были люди служилые и проживали вдали отъ Ипатьевскаго монастыря, напр., въ Москвѣ, въ разныхъ городахъ Россіи и даже въ Сибири. Поэтому для погребенія умершихъ родственниковъ, доживавшихъ свой вѣкъ въ Ипатьевской обители, или въ Костромѣ, имъ приходилось пріѣзжать иногда изъ дальнихъ мѣстъ. Но они не стѣснялись разстояніемъ и пріѣзжали. Такъ, въ 7104 или 1596 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ бояринъ Стефанъ Васильевичъ Годуновъ пріѣзжалъ изъ Москвы въ Ипатьевскій монастырь нарочно на похороны своей родственницы Анастасіи, во иноцѣхъ Анны (Вкладная л. 18). Онъ же въ 7106 или 1598 г. пріѣзжалъ на погребеніе брата своего Григорья Васильевича, во иноцѣхъ Христофора (л. 19). Въ 1628 г. въ октябрѣ пріѣзжалъ Алексѣй Никитычъ Годуновъ для погребенія въ мо-

*) Имѣются фотограф. снимки.
**) Вкладная л. 18.
***) Имѣются фотогр. снимки.

настырѣ матери своей боярыни Анны Ивановны—схимницы Александры (—37) и т. д. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что погребеніе совершалось по строго церковному, православному обряду, торжественно, самимъ настоятелемъ съ братіей,—такого погребенія требовали и время, и монастырскій уставъ, и щедрость Годуновыхъ Но не считаемъ лишнимъ упомянуть о *поминкахъ*, сопровождавшихъ погребенія. Всѣ близкіе родственники умершаго, особенно если это былъ одинъ изъ главныхъ членовъ семьи—отецъ, мать, братъ, сынъ, сестра, дочь и т. д., совершивъ погребеніе, были прежде всего озабочены устроеніемъ поминка по покойникѣ, и затѣмъ уже думали о вѣчномъ поминовеніи его въ храмѣ Божіемъ при Богослуженіи, дѣлая съ этою цѣлью болѣе или менѣе значительные вклады. Неизвѣстно: устроялись или нѣтъ при погребеніи Годуновыхъ обычные въ наше время поминальные обѣды, на которыхъ представляется полная возможность угоститься по праздничному и настроиться далеко не на похоронный ладъ. Но мы знаемъ, что Годуновы каждое погребеніе сопровождали такъ называемыми „кормами“, устрояемыми для монашествующей и нищей братіи. *Кормъ*,—это праздничный братскій обѣдъ, съ прибавленіемъ лишнихъ блюдъ, напр., кутьи съ медомъ, блиновъ, киселя. Люди богатые по любимымъ покойникамъ не ограничивались однимъ кормомъ въ самый день похоронъ, а дѣлали большіе вклады на нѣсколько кормовъ въ году, даже на нѣсколько лѣтъ. Такъ, въ 1599 г. царь Борисъ Годуновъ съ сестрой своей вдовствующей царицей Иринѣй прислали 100 рублей деньгами и 100 п. меду спеціально на кормы по царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, и въ монастырѣ по этому поводу положено было: „ставить братіи на всякій годъ въ дни памяти по царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ *шесть кормовъ* безъ переводу (Вкладная)“. Бояринъ и воевода Дмитрій Ивановичъ Годуновъ, особенно щедрый благодѣтель Ипатьевской обители, за многочисленные свои вклады вмѣнилъ монастырскому начальству въ обязанность ставить братіи по своимъ роднымъ въ годъ *14 кормовъ;* затѣмъ въ 1590 г. прислалъ особо 70 руб. съ тѣмъ, чтобы были устроены 4 корма по его дочери младенцѣ Ѳеодорѣ. Но Алексѣй Никитичъ и Ѳедоръ Матвѣевичъ Годуновы, въ 1644 г. лично хоронившіе въ Ипатьевскомъ монастырѣ родственника своего Сергѣя Матвѣевича Годунова, не обладая богатствомъ, могли дать только на одинъ погребальный кормъ 10 р. (Вкладн.). Кормы устроялись большіе и средніе, смотря по вкладамъ. Большими кормами назывались тѣ, которые предварялись нарочитымъ заупокойнымъ служеніемъ самого настоятеля соборне, въ присутствіи старшей братіи. „И мнѣ строителю Гурію съ братіею“, говорится во вкладной книгѣ по поводу пожертвованій Дмитрія Ивановича Годунова, „обѣдня пѣти и панихиды служити во дни преставленій усопшихъ“ (Вкл.). Средніе кормы не сопровождались соборнымъ богослуженіемъ и были менѣе обильны яствами. Кормы имѣли, конечно, ту религіозную подкладку, что угощенная братія не забудетъ помянуть усопшаго не только на общей церковной молитвѣ, но и на домашней, въ своей кельѣ. Но это поминовеніе было для богатыхъ вкладчиковъ только преддверіемъ къ настоящему, болѣе продолжительному *вѣчному* поминовенію.

Поминовеніе усопшихъ въ Православной церкви совершается съ особенной торжественностью въ родительскіе дни. Но въ монастыряхъ не довольствуются этимъ общимъ для всѣхъ православныхъ христіанъ поминовеніемъ; тамъ поминаютъ усопшихъ каждодневно, за каждой службой. Въ большихъ монастыряхъ, каковы Соловецкій, Сергіевская Лавра и др., гдѣ къ исполненію этого священнаго обряда отно-

сятся съ полнѣйшею добросовѣстностью, посѣтитель всегда можетъ замѣтить у стѣнъ, въ разныхъ мѣстахъ, особыхъ старцевъ, которые стоятъ у аналоя съ раскрытой толстой, ветхой, истрепанной, засаленной книгой и что то шепчутъ про себя. Это старцы, приставленные для постояннаго, иногда денно-нощнаго чтенія синодиковъ, гдѣ занесены „на вѣчное поминовеніе“ имена благодѣтелей. Объ этомъ то вѣчномъ поминовеніи своихъ усопшихъ родныхъ, погребенныхъ и непогребенныхъ въ обители, особенно заботились и Годуновы. Въ Ипатьевской обители сохранился старый Синодикъ, заново переписанный въ началѣ XVII в, и продолженный до начала XIX в.; въ этомъ синодикѣ между прочимъ помѣщено 12 статей съ именами усопшихъ изъ фамиліи Годуновыхъ. Каждая статья носитъ названіе: „*Родъ* такого-то“, напр.: родъ благовѣрнаго царя и великаго князя Бориса Ѳедоровича всея Россіи; родъ боярина и конюшего Дмитрія Ивановича Годунова; родъ Стефана да Ивана Васильевичевъ Годуновыхъ и т. д. Богатые и знатные изъ Годуновыхъ успѣли записать въ вѣчное поминовеніе, можетъ быть, всѣхъ, даже отдаленныхъ своихъ предковъ; напр., въ статьѣ царя Бориса насчитывается 89 именъ, у Дмитрія Ивановича 43, у Григорья Васильевича 62. Но бѣдные довольствовались записью своихъ только родителей и самыхъ близкихъ сердцу членовъ семьи. Какой то Шадры Годуновъ, жившій въ царствованіе Алексѣя Михайловича, записалъ только 7 именъ своихъ усопшихъ родныхъ. Въ каждомъ родѣ замѣчательно разнообразіе почившихъ: тутъ есть и князья, и бояре, и иноки, и простые смертные. Въ числѣ, напр., 43 чел. усопшихъ въ родѣ Дмитрія Ивановича: 2—княжескаго рода, 9 душъ монашествующихъ и 23—простыхъ.

Насколько намъ извѣстно, усопшіе Годуновы, записанные въ Синодикѣ лѣтъ 300 и больше назадъ, поминаются за богослуженіемъ въ Ипатьевской обители до настоящаго времени. Тѣмъ болѣе, конечно, они поминались въ прошлое время, когда имѣли съ обителью постоянное личное общеніе и когда самая обитель была въ болѣе цвѣтущемъ состояніи. Да монастырь и не можетъ забыть Годуновыхъ, какъ своихъ благодѣтелей. Въ былое время на поминовеніе своихъ усопшихъ родныхъ Годуновы жертвовали монастырю и села съ деревнями, и крупныя суммы денегъ, и дорогіе сосуды, и священныя облаченія, и оружіе и даже животныхъ всякаго рода. Однихъ крупныхъ жертвъ въ разное время разными боярами изъ Годуновыхъ, напр., Дмитріемъ Ивановичемъ—дядей Бориса, царицей Ириной Ѳедоровной—сестрой его и самимъ Борисомъ было сдѣлано на десятки тысячъ руб.; достаточно сказать, что Ипатьевскій монастырь Годуновымъ обязанъ построеніемъ до сихъ поръ существующихъ главныхъ храмовъ, каменной ограды и многихъ жилыхъ зданій. Ризница монастырская полна драгоцѣннѣйшими образами, сосудами, священными книгами и облаченіями, пожертвованными въ XVI и XVII вв. Годуновыми.

Объ одномъ только слѣдуетъ пожалѣть, именно о томъ, что изъ трехъ годуновскихъ усыпальницъ сохранилась теперь только одна, что подъ папертью Троицкаго собора, принадлежащая позднѣйшему роду Никиты и Петра Васильевичевъ Годуновыхъ, съ меньшимъ числомъ могилъ. Первыя двѣ, что были подъ храмомъ Рождества Богородицы, гдѣ почивали основатель обители Захарія, родители Бориса Ѳедоровича и другіе болѣе извѣстные Годуновы, упразднены въ 60 годахъ минувшаго столѣтія. Въ это время древній храмъ Рождества Богородицы задумано было перестроить заново и расширить. Усыпальницы Годуновыхъ оказались не у мѣста,

мѣшали расширенію храма, поэтому могилы были перекопаны и пошли подъ основаніе храма, а кости покойниковъ собраны вмѣстѣ и положены подъ Троицкимъ соборомъ въ одну общую ничѣмъ не отмѣченную могилу. Теперь отъ этихъ усыпальницъ не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ двухъ каменныхъ гробовъ, стоящихъ пустыми въ 3-й уцѣлѣвшей усыпальницѣ. Къ тому же и въ 3-й усыпальницѣ изъ 14 бывшихъ нѣкогда годуновскихъ могилъ остались на виду только двѣ-три; остальныя или сами собой долгимъ временемъ стерлись съ лица земли, или же уступили мѣсто новымъ покойникамъ, уже изъ другихъ фамилій.

С. Ѳ. Платоновъ.

О топографіи Угличскаго „кремля“ въ XVI-XVII вѣкахъ *).

Изученіе топографіи Угличскаго „кремля“ или „города“, въ которомъ жилъ и скончался въ 1591 году царевичъ Димитрій Ивановичъ, можетъ имѣть большую важность для правильнаго пониманія „слѣдственнаго дѣла“ о смерти царевича, для оцѣнки свидѣтельскихъ показаній, занесенныхъ въ это „дѣло“, для опредѣленія мѣста, гдѣ истекъ кровью царевичъ Димитрій, и вообще для возстановленія обстановки, въ которой такъ загадочно окончилъ свои короткіе дни „неповинный отрокъ“. Посмотримъ, однако, насколько возможна топографія для древняго Углича.

Источниками нашихъ свѣдѣній о данномъ предметѣ, кромѣ самаго „слѣдственнаго дѣла“ 1591 года (напечатаннаго въ „Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“ графа Н. П. Румянцева, томъ II, № 60), могли бы служить писцовыя книги того времени и имъ подобные документы, заключающіе въ себѣ описи крѣпостныхъ укрѣпленій и зданій внутри „городовъ“. Но, къ сожалѣнію, для Углича не сохранилось раннихъ писцовыхъ книгъ или иныхъ описей, и автору этого сообщенія удалось собрать полезныя для его цѣли свѣдѣнія лишь изъ слѣдующихъ памятниковъ:

а) отрывокъ описанія г. Углича 1620 года, напечатанный М. А. Липинскимъ („Временникъ Ярославск. Демид. Лицея, т. L, стр. 78—85) **);

б) опись городу Угличу 1665 года („Угличъ. Матеріалы для исторіи города“, стр. 87);

в) писцовая книга города Углича 182—184 годовъ (то есть 1674—1676 г.г.). изданная М. А. Липинскимъ (во „Временникѣ Ярославск. Демид. Лицея“ и отдѣльно), также А. А. Титовымъ (въ „Трудахъ Яросл. Архивн. Коммиссіи, вып. II);

г) опись городовъ 1678 года („Дополненіе къ Актамъ Истор.“, т. IX, № 106, стр. 226);

д) переписная книга Углича 1710 года (рукопись библіотеки И. А. Шляпкина ***).

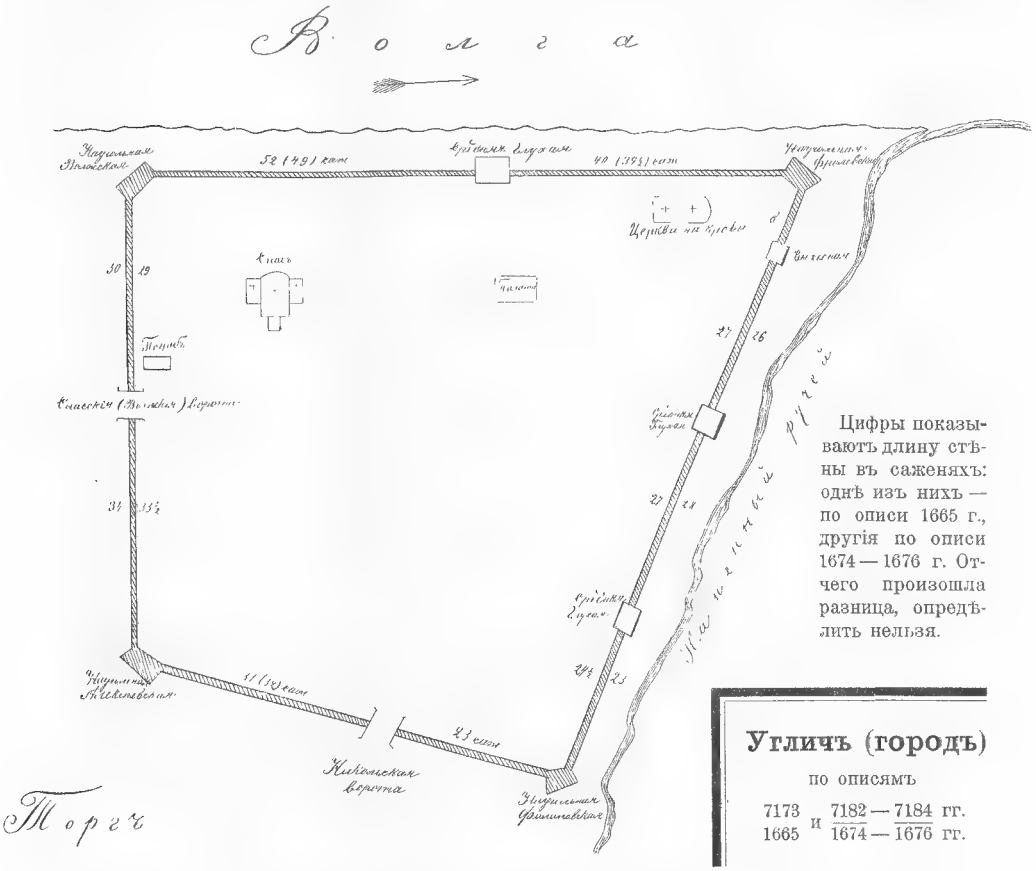
---

*) Изложеніе сокращенное.

**) Въ этомъ же изданіи находятся любопытныя указанія на существованіе плана или „чертежа“ Углича, составленнаго въ 7138 (1630) году. См. стр. 175 — 176; срвн. Труды Ярославск. Архивной Комиссіи, выпускъ III, стр. 335.

***) Не основываемся на „Угличскомъ лѣтописцѣ“, пока историческая критика не оправдаетъ въ[illegible]немъ того, что намъ представляется полнымъ баснословіемъ.

Изъ текста „слѣдственнаго дѣла“ 1591 года мы извлекаемъ немного топографическихъ указаній. Въ „дѣлѣ“ упоминается: „дворъ“ дворцовый, „задній дворъ“, „брусяная изба“ на дворѣ, куда скрылся отъ толпы дьякъ Битяговскій; „переднія сѣни“, гдѣ были „истобники“; „поставецъ вверху“, у котораго стоялъ стряпчій съ слугами во время событія 15-го мая; „кормовой дворецъ“, „хлѣбенный дворецъ“, „поварня“, „хлѣбня“, „конюшня“ и другія службы. Все это относится собственно ко двору царевича и упоминается столь бѣгло, что не только отдѣльныхъ частей



дворца, но и всей дворцовой усадьбы нельзя точно пріурочить къ какому нибудь опредѣленному пункту на планѣ города. Нѣкоторое указаніе на то, что „верхъ“, то есть дворецъ былъ непосредственно около собора („Спаса“), можно видѣть лишь въ словахъ, что „Осипа Волохова привели къ царицѣ *вверхъ къ церкви* къ Спасу“ (стр. 105). Но и это указаніе не особенно опредѣленно, благодаря краткости и бѣглости. Затѣмъ „слѣдственное дѣло“ за предѣлами „двора“ царевича, но внутри „города“, помѣщаетъ какую то „полату“, въ которой держали подъ карауломъ Волохову, и „дьячью разрядную избу“, а также упоминаетъ „улицу“ передъ дворцомъ и „оврагъ“, куда метали тѣла побитыхъ „на дворѣ“ 15-го мая людей. Этимъ и огра-

ничиваются данныя „дѣла“. Упоминается въ „дѣлѣ“ церковь „царя Константина“, но рѣшительно не видно, чтобы она была въ „городѣ“: позднѣйшіе документы объ Угличѣ не знаютъ этой церкви и вовсе *).

Съ этимъ скуднымъ матеріаломъ въ рукахъ обращаемся къ писцовымъ книгамъ и описямъ XVII вѣка. Подробное описаніе „города“ въ Угличѣ встрѣчаемъ въ писцовой книгѣ 1674—1676 г.г., а подробное описаніе городскихъ стѣнъ находимъ, сверхъ того, и въ описи 1665 года. Сводя данныя этихъ документовъ, получаемъ возможность возстановить, съ соблюденіемъ масштаба, чертежъ городской стѣны съ 10 башнями **). Но и только. Всѣ прочія топографическія данныя описей на чертежъ не переносятся по неопредѣленности ихъ редакціи. Дворъ, улица, сооруженіе упоминаются и описываются безъ указанія ихъ точнаго мѣстонахожденія. Такъ, въ книгѣ 1675—1676 г.г., кромѣ улицъ и простыхъ дворовъ, въ кремлѣ, между прочимъ названы: „палата за соборною церковью“; „погребъ“ и надъ нимъ „амбары“; „колокольница“ при соборной церкви; соборная теплая церковь Алексѣя человѣка Божія; съѣзжая изба; караульная изба; воеводскій дворъ; Богоявленскій дѣвичь монастырь. Но ни одно изъ этихъ сооруженій не можетъ быть точно обозначено на планѣ, кромѣ первой палаты, которая, какъ оказывается была подъ однимъ изъ придѣловъ собора. Точно могутъ быть пріурочены, далѣе, упомянутыя въ книгѣ 1674 — 1676 гг. „палата каменная“ (нынѣшній дворецъ - музей) и церкви деревянныя св. царевича Димитрія и архистратига Михаила. Объ этихъ церквахъ важно то указаніе рукописной переписной книги 1710 года, что обѣ церкви имѣли одинъ причтъ. Изъ нихъ, полагаемъ, образовалась нынѣ единая каменная церковь, что „на крови“.

Столь неутѣшительны результаты изученія писцоваго матеріала! Онъ не даетъ почти ничего для плана древняго Углича и ничего не прибавляетъ къ тому, что мы знали изъ „слѣдственнаго дѣла“ 1591 года. Другими словами, топографію Угличскаго кремля надо считать потерянною, ибо „слѣдственное дѣло“, какъ мы видѣли, намъ ея не разъясняетъ.

Тѣмъ большую важность могутъ имѣть правильно поставленныя раскопки на территоріи древняго Угличскаго „города“. Начало имъ положено въ 1900 году трудами К. Н. Евреинова и И. А. Тихомірова, и уже добыты доказательства существованія каменныхъ сооруженій тамъ, гдѣ ихъ нельзя было предполагать по указаніямъ письменныхъ памятниковъ. Можетъ быть, результаты дальнѣйшихъ раскопокъ, освѣщенные справками съ рукописною стариною, скажутъ намъ много новаго и цѣннаго, чего не говоритъ намъ пока одна эта рукописная старина.

*) О ней упоминаетъ одно сказаніе о смерти цар. Димитрія, говоря, что царевичъ былъ убитъ „противу церкви царя Константина“ (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. 1864, IV, Смѣсь). Интересно знать, почему она исчезла и гдѣ была?

**) Чертежъ прилагается на стр. 85.

И. В. Баженовъ.

Воскресенская, что на Дебрѣ, церковь въ г. Костромѣ.

Воскресенская на Дебрѣ церковь въ г. Костромѣ въ ряду всѣхъ 40 городскихъ храмовъ принадлежитъ по справедливости къ числу самыхъ замѣчательныхъ по своей оригинальной древней архитектурѣ и внутреннимъ своеобразнымъ украшеніямъ, равно по богатству памятниковъ старинной иконописи и священной утвари. Являясь доселѣ выразительнымъ памятникомъ т. н. золотой эпохи (отъ второй половины XVI вѣка по XVII в.) церковно-русскаго зодчества, Воскресенскій храмъ возбуждаетъ постоянно большой интересъ и привлекаетъ къ себѣ ежегодно и отовсюду многихъ ученыхъ археологовъ, художниковъ и просто туристовъ изъ любителей родной старины, также высшихъ сановниковъ и даже Высочайшихъ Особъ въ проѣздъ ихъ чрезъ г. Кострому. Всѣ они съ великимъ любопытствомъ и глубокимъ вниманіемъ обозрѣваютъ этотъ дивный характерный экземпляръ церковной древности. Изслѣдователя археологическихъ рѣдкостей Воскресенской на Дебрѣ церкви не можетъ не заинтересовать уже самая первоначальная, по себѣ любопытная, исторія ея судебъ, на которую, предварительно ознакомленія съ внѣшнимъ и внутреннимъ устройствомъ этого храма, и бросимъ сейчасъ бѣглый взглядъ, поскольку чрезъ это проливается свѣтъ на вопросъ о древности сохранившихся здѣсь многоразличныхъ предметовъ.

Надпись на восточной сторонѣ югозападнаго столпа въ клеймѣ надъ правымъ клиросомъ Воскресенскаго храма гласитъ, что „создана бысть сія церковь во имя тредневнаго Воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ лѣто 7160 (т.-е. 1652 г.) при державѣ государя, царя и великаго князя Алексія Михайловича всея Россіи и при великомъ господинѣ святѣйшемъ Іосифѣ патріархѣ московскомъ и всея Россіи и вѣрою еже во Христѣ и радѣніемъ всего чина вѣродержителей Кирилла Григорьева сына Исакова и Воскресенскихъ прихожанъ христолюбивыхъ людей, а освящена бысть церковь сія 160 года октобрія 12 дня“. Объ обстоятельствахъ возникновенія этой церкви въ половинѣ XVII вѣка доселѣ среди костромскихъ старожиловъ живуче слѣдующее небезъинтересное сказаніе о симпатичномъ эпизодѣ, бывшемъ въ сферѣ торговыхъ отношеній между англійскими и русскими купцами. Московскій купецъ, по коммерческимъ же дѣламъ проживавшій въ Костромѣ, Кириллъ Исаковъ, занимаясь торговлею красокъ, покупаемыхъ имъ изъ Англіи, въ ряду заказныхъ транспортовъ съ красками однажды получилъ совершенно необычный транс-

портъ. Распаковавъ послѣдній, Исаковъ былъ очень удивленъ вѣсомъ одного боченка, повидимому, съ красками, а вскрывъ его удивился еще больше, потому что въ боченкѣ вмѣсто краски оказались слитки чистаго золота. На сдѣланный нашимъ честнымъ торговцемъ запросъ къ англійскому купцу о томъ, какъ поступить съ этой находкой, въ отвѣтъ отъ послѣдняго было получено порученіе—употребить золото на богоугодное дѣло. Понявши это порученіе въ смыслѣ построенія церкви, К. Исаковъ, не ограничиваясь англійскимъ золотомъ и собственными щедрыми пожертвованіями, открылъ сборъ доброхотныхъ даяній отъ костромичей, и вотъ на соединенныя денежныя средства костромскія и на англійское золото была воздвигнута настоящая, въ тѣ времена имѣвшая весьма большую стоимость, Воскресенская каменная церковь. По свидѣтельству церковныхъ памятниковъ и документовъ, она построена взамѣнъ старинной деревянной церкви и по ея образцу. Но съ какихъ временъ существовала эта послѣдняя, письменныхъ извѣстій о томъ не сохранилось. Въ писцовыхъ же книгахъ за 1628 годъ находится лишь слѣдующая небольшая замѣтка о Воскресенскомъ храмѣ. „Церковь древяна, верхъ шатровой, Воскресенье Христово, да вверху придѣлъ Христовы мученицы Екатерины, да церковь другая съ трапезою древяна клѣцки, Косьмы и Демьяна, да придѣлъ Христова мученика Георгія стратотерпца, а въ церквахъ образа и свѣчи, и книги, и ризы и на колокольницѣ колокола и всякое строенье мірское приходныхъ людей“... Изъ того, что первая церковь шатровая была, по свидѣтельствамъ церковнымъ, упразднена въ 1629 году и вмѣсто ея въ половинѣ XVII вѣка создана новая церковь существующая донынѣ, слѣдуетъ заключить, что упраздненіе деревянной церкви послѣдовало по причинѣ крайней ея ветхости. Если принять во вниманіе, съ одной стороны, то, что въ старыя времена деревянныя церкви въ Россіи строились изъ наилучшихъ прочныхъ матеріаловъ напр., изъ дуба или красной сосны (а Костромская губернія и доселѣ богата и славится лѣсами, которыхъ прежде было, конечно, гораздо больше), и съ другой, что нѣкоторые старинные деревянные храмы въ Костромской губерніи существуютъ, по достовѣрнымъ записямъ, 200, 250 и даже 300 лѣтъ, напр., въ селѣ Георгіевскомъ на Шачѣ съ 1657 г., въ Вѣжахъ, упоминаемая въ писцовыхъ книгахъ за 1629-й г., еще въ Словинкахъ, Березовцѣ и др. *), при чемъ въ этихъ храмахъ и донынѣ совершается богослуженіе, то можемъ безошибочно предположить, что упоминаемая въ писцовыхъ книгахъ Воскресенская на Дебрѣ церковь деревянная была создана въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка, но кѣмъ и по какому поводу — неизвѣстно. Устное преданіе постройку ея приписываетъ Костромскому князю Василью Ярославичу (род. 1241 г.; княжилъ съ 1272 по 1276 г.), который, по сказанію лѣтописцевъ, любя заниматься охотою, для этой цѣли будто бы близь нынѣшней Нижней Дебри, тогда представлявшей собой, какъ указываетъ и самое названіе, густой дремучій боръ, наполненный дикими звѣрями, устроилъ для своихъ придворныхъ охотниковъ и псарей особыя здѣсь, на мѣстѣ своей охоты, помѣщенія, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ княжескаго дворца въ кремлѣ. Этимъ положивши первое начало заселенію глухой подгородной мѣстности, князь Василій, по ревности своей къ созиданію и украшенію храмовъ Божіихъ, построилъ здѣсь же и церковь во имя Воскресенія Христова, быть можетъ, подъ вліяніемъ какихъ-либо особен-

*) Въ 1899 г. сгорѣла деревянная церковь въ с. Хоробровѣ, сооруженная еще въ 1650 году.

ныхъ случаевъ въ своей жизни или охотничьей забавѣ. Если правдоподобно это преданіе, то отсюда можно полагать, что означенная въ писцовыхъ книгахъ деревянная церковь Воскресенская была сооружена на мѣстѣ первоначальной, построенной княземъ Васильемъ Ярославичемъ, и по достаточномъ обветшаніи въ свою очередь замѣнена нынѣшнею изъ болѣе прочнаго матеріала и притомъ весьма драгоцѣнною въ свое время, каковою послѣдняя является и теперь, но уже въ отношеніи археологическомъ.

Воздвигнутый въ 1652 году Воскресенскій храмъ въ теченіи уже $2^1/_2$ вѣковъ не разъ подвергался нѣкоторымъ незначительнымъ измѣненіямъ, но въ общемъ и существенномъ сохранился почти въ первобытномъ своемъ видѣ, очень близкомъ къ оригинальной архитектурѣ храма Василія Блаженнаго въ Москвѣ, и носитъ видимо печать своего времени, отличаясь строго выдержаннымъ русско-византійскимъ стилемъ. Онъ представляетъ собой грандіозное двухъэтажное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго находятся подвалы и усыпальницы (здѣсь же покоится и прахъ храмоздателя), а въ верхнемъ помѣщается церковь во славу Воскресенія Христова и два придѣла, изъ коихъ по правую ея сторону придѣлъ во имя св. в. мученицы Екатерины, а по лѣвую — во имя Трехъ вселенскихъ Святителей.

Храмъ Воскресенскій имѣетъ три входа и при началѣ каждаго изъ нихъ устроено роскошное шатровой архитектуры крыльцо (портикъ). При главномъ входѣ въ храмъ съ задней стороны или съ Нижнедебринской улицы прежде всего производятъ на посѣтителя пріятное впечатлѣніе красивыя, оригинальныя въ своемъ фасѣ, святыя врата, устроенныя въ видѣ стѣны въ 8 аршинъ вышины и $15^1/_2$ аршинъ ширины съ двумя арками, большой для входа въ храмъ коридоромъ и малой—для входа въ ограду. Наружную сторону св. вратъ особенно отличаетъ узорчатая изъ крѣпкаго известковаго камня орнаментика въ видѣ разнообразныхъ симметрически расположенныхъ шести розетокъ (клеймъ) съ изображеніями различныхъ звѣрей, каковы: двуглавые орлы, левъ, носорогъ,—птицъ, какъ-то: „неясыть пустынная“ и сирена, и разныхъ травчатыхъ узоровъ. Въ этой орнаментикѣ, между прочимъ, привлекаютъ вниманіе русскихъ археологовъ рельефныя изображенія льва, корпусъ котораго обвитъ видимо длиннымъ хвостомъ съ семью цвѣточными бутонами, изъ коихъ два красуются близъ ушей, три вверху—къ задней сторонѣ туловища и два подъ нимъ. Описанныхъ львовъ, встрѣчаемыхъ также на стѣнахъ храма и входныхъ крыльцахъ, издавна считаютъ за изображеніе „англійскихъ гербовъ“, и такое многими раздѣляемое мнѣніе*) объ этихъ гербахъ не оставляетъ сомнѣнія въ вѣрности источника столь долго сохранившагося народнаго преданія о сооруженіи Воскресенскаго храма на англійское золото. Св. врата завершены тремя поставленными на нихъ башенками довольно своеобразнаго стиля. Каждая башенка имѣетъ видъ осмигранаго конуса, поставленнаго на пьедесталъ, состоящій изъ осьми квадратиковъ, окаймленныхъ рамками; средина ихъ изъ двойного карниза шашкообразнаго, а верхъ изъ осьми аркообразныхъ углубленій. Находящійся надъ этими арками конусъ каждой башенки оканчивается глухимъ фонаремъ, на которомъ установлена въ формѣ груши небольшая глава, увѣнчанная вызолоченнымъ

*) Изъ ученыхъ археологовъ графъ А. А. Бобринскій высказалъ на этомъ же Съѣздѣ еще предположеніе, что львы въ орнаментѣ, всего вѣроятнѣе, восточно-грузинскаго происхожденія.

мѣднымъ крестомъ. Сверхъ того, арки и карнизы вратъ обращаютъ на себя вниманіе искуснымъ сочетаніемъ на нихъ розоваго, зеленаго и синяго цвѣтовъ. Отъ главной или большой входной арки идетъ на протяженіи около трехъ саженъ довольно высокій и свѣтлый каменный коридоръ съ двумя красивыми внутренними арками, одна надъ другой возвышающимися соотвѣтственно возвышенію здѣсь самыхъ сводовъ; коридоръ пристроенъ впослѣдствіи для соединенія св. вратъ съ западнымъ крыльцомъ и носитъ характеръ общаго здѣсь стиля т. н. кувшинообразнаго *). Отсюда поднявшись по 18 чугуннымъ ступенямъ, посѣтитель приходитъ въ обширную и свѣтлую галлерею или паперть, которая окружаетъ храмъ съ западной, южной и сѣверной сторонъ и съ послѣднихъ двухъ сторонъ имѣетъ особые входы или „порталы“, устроенные въ древнемъ вкусѣ. Паперть своимъ первоначальнымъ фассадомъ представляла рядъ открытыхъ портиковъ шатровой формы, устроена была на столбахъ съ открытыми полукруглыми арками, съ ниспадавшими подвѣсными серьгами или гирьками изъ бѣлаго камня. Но въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія эти арки капитально заложены, съ устройствомъ въ каждой по два широкихъ четыреугольныхъ окна, вслѣдствіе чего здѣсь уже не выступаетъ, какъ прежде, съ рельефностію характерный типъ кувшинообразныхъ колоннъ. Подвѣсныя серьги, за углубленіемъ ихъ въ стѣну, остались закрытыми и видимы лишь съ наружной стороны паперти, а у главной входной арки, ради устройства дверныхъ полотенъ, онѣ даже отсѣчены; въ первоначальномъ же видѣ и открыто сохранилось лишь семь подвѣсныхъ гирекъ, а именно—по три при крыльцахъ съ сѣверной и южной сторонъ, съ приспособленіемъ въ аркахъ стекольчатыхъ рамъ, и одна гирька при главнымъ крыльцѣ. Фасадъ входныхъ портиковъ храма нѣсколько искаженъ и тѣмъ, что верхнія закаморочки (кокошники) ихъ поотесаны, и на мѣстѣ ихъ безъ всякой, повидимому, надобности надстроена желѣзная крыша. По какимъ же побужденіямъ допущено указанное измѣненіе древне-русскаго фасада паперти, въ явный ущербъ первобытной красотѣ? Объ этомъ нельзя сказать рѣшительно. Быть можетъ, передѣлка эта сдѣлана съ цѣлью охраненія внутренняго помѣщенія паперти отъ внѣшнихъ наносовъ снѣга въ зимнее время, хотя, безъ сомнѣнія, выражаясь словами г. Шлякова, **) „въ старину строители, дѣлая подобную открытую паперть, хорошо сознавали, что трехъаршинная толщина стѣнъ, фундаментальная и прочная ихъ кладка и многоотвѣсные карнизы надъ арками уже сами собою охраняли ***) внутренность паперти отъ сырости“. Но вѣрнѣе предполагать, что задѣлать арки на паперти стѣнками заставила тѣснота помѣщенія въ церкви. Пока составъ Воскресенскаго прихода былъ незначительный, молящіеся всѣ могли свободно помѣщаться въ церкви,

*) Такой же стиль имѣетъ, вѣроятно, впослѣдствіи же устроенная по западной и сѣверной сторонамъ церкви ограда: на каменномъ свѣтлокоричневомъ фундаментѣ желѣзная рѣшетка раздѣлена столбиками въ видѣ вазъ съ гранями, въ которыхъ чередуются розовый и зеленый цвѣта; но несомнѣнно, что съ восточной стороны каменная же обыкновенная съ желѣзными рѣшетками, ограда сдѣлана въ 1878 году.

**) „Путевыя замѣтки о памятникахъ древне-русскаго церковнаго зодчества“, И. А. Шлякова, 17—18 стр. 1887 г. Ярославль.

***) Но охраняли, очевидно, недостаточно, какъ это подтверждается тѣмъ, что на внутренней сторонѣ папертныхъ наружныхъ стѣнъ Воскресенскаго храма совершенно не могла сохраниться, древняя фресковая живопись, почему впослѣдствіи замѣнена масляною.

и открытая паперть съ сквознымъ теченіемъ воздуха не представляла большого неудобства. Но съ теченіемъ времени, съ умноженіемъ прихожанъ здѣсь, храмъ этотъ уже не сталъ вмѣщать всѣхъ богомольцевъ, почему многіе вынуждены были на богослуженіяхъ присутствовать внѣ церкви, стоя лишь на паперти. Сквозное теченіе воздуха, столь опасное для здоровья, и служило для позднѣйшихъ „украшателей“ побужденіемъ задѣлать арки внизу наглухо; для освѣщенія же паперти въ каждой изъ верхнихъ арокъ устроено по два четыреугольныхъ окна, каковыхъ въ паперти 8 по западной, 6 по южной и 2 по сѣверной сторонѣ. Къ сожалѣнію, эти передѣлки нисколько не гармонируютъ съ господствующимъ въ Воскресенскомъ храмѣ стилемъ древней архитектуры и своей грубоватостью рѣзко бросаются въ глаза.

Но это нѣсколько непріятное впечатлѣніе вскорѣ же улетучивается при обращеніи вниманія на ту чудную по изяществу и оригинальности картину, какую представляютъ для зрителя всѣ остальныя лицевыя стороны Воскресенскаго храма. Такъ, наружныя нештукатуренныя стѣны храма, его галлерей, башенъ, алтарныхъ выступовъ чрезвычайно искусно испещрены художественными, напоминающими собою наружную живопись Трапезной церкви въ Троице - Сергіевой Лаврѣ, украшеніями въ видѣ шахматныхъ полей изъ полуквадратовъ бѣлаго, чернаго, краснаго, синяго, зеленаго, сѣраго и коричневаго цвѣтовъ, также въ видѣ вазъ, кувшиновъ и рустиковъ. Въ кесонахъ, вытесанныхъ изъ кирпича, находятся розетки съ изображеніями въ нихъ переплетенныхъ лентъ, двуглавыхъ орловъ изъ известковаго камня и разныхъ узоровъ травчатыхъ. Столь необычная для нашихъ временъ затѣйливая отдѣлка и орнаментація и эти разноколерныя краски въ своеобразныхъ сочетаніяхъ составляютъ поразительную прелесть оригинальнаго вида Воскресенской церкви, явно выдѣляющаго ее изъ ряда всѣхъ костромскихъ церквей. На восточной сторонѣ церкви обращаютъ на себя вниманіе образующіе алтарь ея и придѣловъ пять полукруглыхъ въ древнемъ стилѣ выступовъ (абсиды) *), которые извнутри алтаря отдѣлены другъ отъ друга каменными стѣнами съ пролетами для входа; въ этихъ выступахъ надъ пятью полукруглыми окнами, по одному въ каждомъ выступѣ, устроены также полукруглыя арки. Стѣны и углы храма украшены гладкими кирпичными колоннами безъ штукатурки (пилястры), коихъ на восточной и сѣверной стѣнахъ по осьми, а на западной и южной по десяти. Средину Воскресенскаго храма окружаетъ выдѣланный изъ кирпича поясъ. Выше карниза на каждой стѣнѣ по три изящныхъ арки, въ углубленіяхъ коихъ отчетливыя живописныя иконныя клейма; особенно же замѣчательны орнаментаціи и кружала на сѣверной сторонѣ храма, надъ окнами придѣла. На сводахъ возвышаются сквозные фонари съ пролетами, по четыре въ боковыхъ фонаряхъ и восемь въ главномъ куполѣ; фонари украшены полуваликами въ видѣ поперечныхъ поясовъ и продольныхъ рамокъ, а на входныхъ башняхъ и св. вратахъ, равно на алтарной стѣнѣ собственно Воскресенской церкви фонари глухіе въ видѣ небольшихъ продолговатыхъ зеркалъ въ рамкахъ. Въ промежуткахъ между пролетами написаны мясными красками изображенія святыхъ. Кровля какъ надъ храмомъ, такъ и на входныхъ башняхъ шатровая, четырехскатная, на алтарѣ же, ризницѣ и паперти дуговая, скатомъ на одну сторону, а на проходномъ коридорѣ шатровая, скатомъ на двѣ стороны. Они-

*) Выступы для алтарей и входовъ, пристроенные къ Воскресенскому храму со всѣхъ сторонъ, даютъ ему видъ креста, лежащаго въ основаніи этого святилища.

сываемое священное зданіе завершаютъ пять массивныхъ чешуйчатыхъ главъ зеленаго цвѣта; сверхъ того имѣются: одна небольшая глава на Трехсвятительскомъ придѣлѣ и малыя главы, три на входныхъ башняхъ, на каждой по одной главѣ, и три на лицевыхъ св. вратахъ; всѣ двѣнадцать главъ увѣнчаны мѣдными вызолоченными крестами. Все храмовое зданіе съ папертью и внѣшними притворами имѣетъ почти квадратную форму, а именно $65^1/_2$ аршина въ длину, $63^1/_2$ аршина въ ширину и 64 аршина высоты, считая отъ основанія до оконечности креста на средней большой главѣ. Не можемъ не замѣтить здѣсь и того, что постройка Воскресенской церкви, сверхъ своего внѣшняго изящества, отличается замѣчательною устойчивостію и неповрежденностью. Вообще же весьма красивый фасадъ и роскошная орнаментація этой церкви своими оригинальностями, строгой группировкой и обиліемъ архитектурныхъ деталей, разсыпанныхъ по наружнымъ поверхностямъ храма производятъ въ высшей степени пріятное и неизгладимое впечатлѣніе на всякаго, кто хотя однажды имѣлъ случай осматривать ее, и выразительно свидѣтельствуютъ о высокомъ художественномъ вкусѣ и отличныхъ техническихъ познаніемъ мастеровъ-строителей храма.

Но гораздо болѣе, чѣмъ это замѣчательное внѣшнее устройство и видъ привлекаетъ къ себѣ пытливый взоръ ученыхъ археологовъ внутренняя сторона Воскресенскаго храма въ сохранившихся отличительныхъ частяхъ стариннаго его зодчества, древнихъ стѣнномъ и иконномъ письмѣ и священныхъ предметахъ

Тотчасъ по входѣ съ Нижнедебринской улицы въ паперть храма любитель церковной старины невольно приковывается своимъ взоромъ къ находящимся здѣсь на стѣнахъ и сводахъ изображеніямъ священныхъ событій и святыхъ лицъ, при чемъ на прилегающихъ къ храму западной и южной стѣнахъ папертной галлереи превосходно сохранилось служащее памятникомъ настѣнной живописи XVI—XVII вѣка фресковое въ первоначальныхъ колерахъ письмо на библейскіе сюжеты. Въ виду того, что въ XVII вѣкѣ въ г. Костромѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ городахъ средней, сѣверовосточной и сѣверной Россіи, иконописное ремесло было сильно распространено, справедливо полагать, что въ росписи стѣнъ, входовъ, внутреннихъ столбовъ, оконныхъ откосовъ, сводовъ и куполовъ Воскресенскаго храма запечатлѣли свое художество свои лучшіе мастера изъ костромичей, изъ ряда которыхъ расписывали въ 7189 (т. е. 1681) году Ильинскую въ г. Ярославлѣ церковь „изографы города Костромы Гурій Никитинъ и Сила Савинъ“ вмѣстѣ съ 13 ярославскими иконописцами. Стоитъ здѣсь отмѣтить характерныя папертныя фрески XVII вѣка. Такъ на западной стѣнѣ замѣчательны: а) на правой сторонѣ въ большомъ алебастровомъ клеймѣ явленіе величественнаго, съ солнцеобразнымъ лицомъ и столпоогненными ногами, ангела съ раскрытою книгою въ рукахъ, подаваемою св. Іоанну Богослову, (Апокал. X гл.),—вблизи пещеры, окруженной скалистыми берегами о. Патмоса; еще икона Спасителя въ серебряной ризѣ, и описанное въ XIII гл. Апокалипсиса таинственное видѣніе антихриста и б) на лѣвой сторонѣ, въ мѣдной посеребренной ризѣ новгородское изображеніе Софіи—Премудрости Божіей и большое изображеніе записаннаго въ XIX — XX гл. Апокалипсиса откровенія о торжествѣ Побѣдителя Іисуса Христа, причемъ діаволъ написанъ скованнымъ отъ ангела желѣзною цѣпью на шеѣ, а семиглавый драконъ поверженнымъ въ бездну на тысячу лѣтъ. На южной стѣнѣ паперти достопримѣчательныя фрески: сотвореніе міра, отдѣльно дни творенія и особо седьмой день его (по шестидневномъ твореніи Богъ въ образѣ старца

почиваетъ на одрѣ) и затѣмъ изображенія главнѣйшихъ событій въ жизни первобытныхъ людей отъ Адама по времена Ноя; на срединѣ стѣны фресковыя изображенія возсѣдающихъ на широкой скамейкѣ праотцовъ Авраама, Исаака и Іакова съ душами праведныхъ на лонѣ въ видѣ младенцевъ; вверху — на сводѣ овальное изображеніе св. Троицы т. н. „Отечества“ *). Господь Саваоѳъ представленъ возсѣдающимъ на тронѣ съ благословляющими перстами; между сѣдой бородой Его и ломъ изображенъ голубь, какъ символъ св. Духа, а ниже — сидящій на колѣнахъ Саваоѳа Іисусъ Христосъ съ благословляющими перстами; по обѣимъ сторонамъ по три херувима; далѣе въ выложенной изъ кирпича рамкѣ рѣдкостная икона, такъ называемая „Недреманное око“ съ надписью вверху словъ изъ CXX псалма „Се не воздремлетъ ниже уснетъ храняй Израиля“ (4 ст.) представляетъ Спасителя лежащимъ на одрѣ съ предстоящими по правую Его сторону Богоматерію у головы и ангеломъ у ногъ съ орудіями крестныхъ страданій, а вверху парящій ангелъ съ рипидой **). Здѣсь же на паперти замѣчательны современныя храму фресковыя иконы мѣстночтимыя, признаваемыя чудотворными; а) по правую сторону главнаго входа вышеупомянутая икона Спасителя и б) въ концѣ прилегающей къ Екатерининскому придѣлу паперти икона, въ изящномъ кіотѣ съ мелкой рѣзьбой, Знаменія Божіей Матери (непосредственно на кирпичахъ). На стѣнахъ и сводахъ паперти съ сѣверной стороны изображены проповѣдь св, апостоловъ, апостольскій соборъ и семь вселенскихъ соборовъ но уже возобновленнымъ письмомъ. Что же касается внутреннихъ сторонъ наружныхъ папертныхъ стѣнъ, то онѣ, равно и своды на паперти же, украшены свящ. картинами также поновленными примѣнительно къ прежнимъ контурамъ. Сверхъ того, еще при входѣ въ самую большую и вмѣстѣ центральную часть, занимаемую церковію во имя Воскресенія Христова, обращаютъ на себя вниманіе археологовъ пелены съ цвѣтными узорами, писанныя подъ изображеніями находящихся по сторонамъ входной двери двухъ ангеловъ, записывающихъ входящихъ въ церковь. Наконецъ, производятъ впечатлѣніе и самыя во вкусѣ XVII вѣка врата въ церковь, особенно своими откосами съ семью особыми отливами въ карнизахъ и аркѣ, тремя колоннами и тремя брусьями на каждой сторонѣ ***). Запоромъ здѣсь продолжаетъ служить, при двухъ желѣзныхъ задвижкахъ, поперечная посреди дверей желѣзная толстая веревка съ боковымъ замкомъ, продѣваемая въ два желѣзныя кольца при двухъ такихъ же, но короткихъ веревкахъ, прикрѣпленная къ желѣзнымъ дверямъ (въ 60 вершковъ вышины и 35 вершковъ ширины).

По вступленіи въ главный храмъ во имя Воскресенія Христова прежде всего бросаются въ глаза поддерживающіе по срединѣ сводъ два колоссальныхъ четыреугольныхъ столба, затѣмъ самая высота храма и обиліе идущаго сверху свѣта отъ осьми однорядовыхъ оконъ, въ которыхъ впослѣдствіи въ видахъ бо́льшаго освѣ-

*) Рисунокъ этотъ костромскими иконописцами (XVII вѣка) заимствованъ изъ находившагося тогда въ большомъ употребленіи „Подлинника“ Антоніева Сійскаго монастыря.

**) Она также—по типу Сійскаго подлинника, но съ нѣкоторыми отличіями въ изображеніи ангеловъ, показывающими свободное отношеніе иконописца къ образцу. Ср. 203 рисунокъ въ книгѣ Н. В. Покровскаго. „Очерки памятниковъ христіанской иконографіи и искусства“, 2-е изд. 1900 г. Петербургъ.

***) Такую же отдѣлку имѣютъ врата въ паперти какъ съ южной стороны для входа въ Воскресенскій храмъ, такъ и съ сѣверной для входа въ Трехсвятительскій придѣлъ.

щенія нѣсколько стесаны откосы *). Церковь обильно украшена драгоцѣнными иконами, а внутреннія поверхности стѣнъ всюду росписаны изображеніями священныхъ событій изъ жизни Спасителя, Пресв. Богородицы и въ лицахъ символъ вѣры; но живопись здѣсь новая, исполнена масляными красками, взамѣнъ прежняго фресковаго письма; такое украшеніе произведено въ 1833 г. и возобновлено въ 1876 году. Алтарь отъ остальной церкви отдѣленъ кирпичной стѣной. Нѣтъ основаній полагать, что первоначальный иконостасъ предъ алтаремъ былъ каменный съ детальными украшеніями арки у царскихъ вратъ и фресковымъ росписаніемъ по камню, какъ это дѣлалось въ половинѣ XVII вѣка. Во всякомъ случаѣ, уже съ половины XVIII вѣка въ Воскресенской церкви несомнѣнно существовалъ деревянный иконостасъ, притомъ прекрасной рѣзной работы, какъ на это указываютъ остатки его, изъ которыхъ сдѣланъ кіотъ для Нерукотвореннаго образа Спасителя, что на паперти. Этотъ иконостасъ въ 1850 году замѣненъ новоустроеннымъ роскошнымъ деревяннымъ въ два яруса съ 14 колоннами, 4 полуколоннами и 2 карнизами, заключающими ярусы иконостаса. Высокій иконостасъ разукрашенъ накладною мелкою вызолоченною рѣзьбою въ видѣ вазъ, розетокъ, гирляндъ и разныхъ вьющихся растеній, но все это въ новомъ вкусѣ. Описываемый храмъ собственно во имя Воскресенія Христова имѣетъ большую цѣнность для археологовъ по многимъ прекрасно сохранившимся стариннымъ иконамъ. Изъ нихъ въ иконостасѣ превосходнымъ своимъ письмомъ обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія, всѣ въ серебряныхъ окладахъ: а) по правую сторону царскихъ вратъ икона Воскресенія Христова, писанная въ половинѣ XVI вѣка; образъ Увѣреніе ап. Ѳомы въ воскресеніи Іисуса Христа, въ строгановскомъ стилѣ; б) по лѣвую сторону иконы Успенія Пресв. Богородицы и Неопалимой Купины, Ѳеодоровская икона Божіей Матери съ изображеніями позднѣйшихъ явленій и чудесъ Ея, пожертвованная самимъ храмоздателемъ, высокохудожественной работы, съ драгоцѣнными украшеніями; на солеѣ безъ окладовъ, на поворотѣ по южной сторонѣ, икона св. Іоанна Крестителя съ крыльями, имѣющая сорокъ симметрично расположенныхъ клеймъ съ изображеніями всѣхъ событій его жизни; на поворотѣ по сѣверной сторонѣ—также отлично сохранившаяся безъ всякихъ поновленій икона св. апостоловъ Петра (съ ключемъ и свиткомъ) и Павла (съ мечемъ и посланіями); по сторонамъ ихъ изображены московскіе святители: по правую Филиппъ и Петръ, а на лѣвой Алексій и Іона; всѣ святители въ древнерусскихъ узорчатыхъ свящ. одеждахъ, обращающихъ на себя большое вниманіе особенно старообрядцевъ; вверху же этихъ святыхъ изображенъ Іисусъ Христосъ съ предстоящими Божіей Матерью, Іоанномъ Предтечей и двумя ангелами. Во второмъ ряду иконостаса находятся обложенныя басемнымъ серебромъ иконы двѣнадцати праздниковъ, судя по прекрасному орнаменту на ихъ окладахъ, относящіяся къ XVII вѣку. Затѣмъ замѣчательны всѣ старинныя и многоцѣнныя по убранству иконы, помѣщенныя въ отдѣльныхъ кіотахъ по сторонамъ находящихся среди храма обоихъ каменныхъ столбовъ. Еще на алтарной сторонѣ иконостасной стѣны доселѣ сохраняются въ кіотахъ многія иконы, которыя по церковнымъ описямъ значатся поступившими изъ упраздненной въ 1629 году деревянной Воскресенской церкви; изъ нихъ по миніатюрному древнему письму обращаютъ на

*) „Да и наличники оконъ передѣланы вновь, а подвышенная новѣйшая крыша на паперти перекрыла ниспадавшія отъ оконныхъ колонокъ серьги-гирьки“ (Шляковъ, 18 стр.).

себя особенное вниманіе иконы двѣнадцати праздниковъ и на стѣнѣ у жертвенника икона Одигитріи, вся въ безпробномъ серебряномъ окладѣ.

Въ правомъ выступѣ, ближайшемъ къ главному алтарю, или въ южномъ отдѣленіи послѣдняго находится придѣлъ во имя св. великомученицы Екатерины съ пристроенною къ нему въ 1876 г. каменною ризницею, обращенною въ архивъ церковный. Екатерининскій придѣлъ аркою соединяется съ алтаремъ Воскресенскаго храма; начинается отъ иконостаса и потому незамѣтенъ для стоящихъ въ главной церкви; самый алтарь не возвышается надъ помостомъ церкви. Придѣлъ очень небольшой, имѣетъ въ длину по протяженію къ востоку 144 вершка, изъ коихъ 72 отдѣлены для церкви и 72 для алтаря; и та и этотъ имѣютъ при одномъ своемъ окнѣ слабое освѣщеніе. Въ церкви придѣла изображенъ въ лицахъ акаѳистъ Божіей Матери, а въ алтарѣ – воплотившійся Сынъ Божій, Матерь Божія, ликъ ангеловъ и праведниковъ ветхаго и новаго завѣта. Иконостасъ въ придѣлѣ св. Екатерины старинный, сдѣланный изъ простого дерева въ 4 яруса съ 4 значительными и 7 малыми рѣзными вызолоченными колоннами и украшенный мелкою вызолоченною рѣзьбою; правда онъ нѣсколько обновленъ въ 1860 и 1876 годахъ, но безъ измѣненій; образъ св. Екатерины сохранился въ первобытномъ видѣ съ басемными остатками. Здѣсь привлекаютъ большое вниманіе посѣтителя замѣчательныя по рисунку очень древнія, сохранившіяся во всей первоначальной красотѣ, царскія врата, простой, даже грубоватой работы, деревянныя въ два створа, рѣзныя; окладъ ихъ убранъ тонкимъ чеканнымъ вызолоченымъ серебромъ басемнымъ. На царскихъ вратахъ находятся изображенія, вверху: Пресв. Дѣвы и архангела Гавріила, въ срединѣ — св. евангелистовъ Іоанна и Матѳея, внизу — св. Марка и Луки; надъ всѣми ими помѣщены изображенія Св. Троицы (въ срединѣ) и въ двухъ клеймахъ (на той и другой половинѣ вратъ)—Іисуса Христа, благословляющаго св. апостоловъ, по шести въ отдѣльномъ клеймѣ. Врата навѣшены на два поддерживающіе ихъ арку деревянные брусика (пилястры) въ 2 вершка ширины, на которыхъ также имѣются свящ. изображенія: Спасителя, Божіей Матери, двухъ херувимовъ, Трехъ вселенскихъ Святителей, св. Гурія и Варсонофія, св. діаконовъ: Авива, Евпла, Филиппа, Стефана и Карпа и ап. Павла. Эти царскія врата, по свидѣтельству церковныхъ документовъ поступившія изъ той же упраздненной въ 1629 г. Воскресенской церкви, несомнѣнно имѣютъ за собою глубокую древность. Многіе компетентные археологи, художники и ученые (кн. Вяземскій, проф. Сорокинъ, Верещагинъ, Н. Покровскій, Шляковъ и др.), съ величайшимъ любопытствомъ разсматривавшіе эти врата, происхожденіе ихъ относятъ къ XIV или XV вѣку.

По лѣвую сторону храма Воскресенія находится также придѣлъ во имя Трехъ вселенскихъ Святителей. Онъ составляетъ какъ бы продолженіе паперти и потому одинаковой съ нею ширины; но онъ отдѣленъ отъ паперти каменною стѣною, и соединенъ съ нею западными желѣзными воротами. Трехсвятительскій придѣлъ также небольшой, имѣетъ вмѣстѣ съ алтаремъ 224 вершка въ длину, а въ ширину 96 вершковъ. Въ стѣнныхъ его клеймахъ и на сводахъ въ большинствѣ возобновленныя иконныя фрески; въ нихъ изображены жизнь и дѣянія св. апостоловъ, св. Василія Великаго и св. Петра Севастійскаго. Алтарь здѣсь возвышенъ на одну ступень и устроенъ въ видѣ полукруга со сводомъ; въ сохранившихся здѣсь фресковыхъ клеймахъ изображено служеніе святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго въ сослуженіи херувимовъ и серафимовъ и сонмы

угодниковъ Божіихъ съ благоговѣніемъ предстоящихъ и внимающихъ. На алтарной сторонѣ придѣльной иконостасной стѣны сохранилась слѣдующая надпись древнеславянскою вязью: „Лѣта 7158 (т. е. 1650 г.) іюня въ 12 день, освящена бысть сія церковь трехъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, при державѣ государя, царя и великаго князя Алексія Михаиловича всея россіи, и при святѣйшемъ Іосифѣ патріархѣ московскомъ и всея россіи, по душѣ Кирилла Исакова въ вѣчную память". Такимъ образомъ, Трехсвятительскій придѣльный храмъ построенъ и освященъ на два года ранѣе Воскресенской церкви, устроенной въ 1652 году. Въ этомъ придѣлѣ любопытный памятникъ стариннаго зодчества представляетъ изъ себя деревянный иконостасъ первой половины XVII вѣка, превосходной мелкой и чрезвычайно трудной работы, въ пять ярусовъ съ тяблами и съ разными колоннами разнообразной формы. Такъ поставленныя у пилястръ, обрамливающихъ царскія врата, на квадратныхъ тумбахъ по двѣ рѣзныя вызолоченныя колонны, а у стѣнѣ по одной въ нижнемъ ярусѣ имѣютъ видъ круглыхъ выносныхъ подсвѣчниковъ съ яблокомъ въ серединѣ. Въ слѣдующемъ ярусѣ на поставленныхъ на нижнія колонны тумбахъ (на которыхъ утверждена и арка надъ царскими вратами) возвышаются четыреугольныя колонны къ верху въ видѣ чрезвычайно искусно вырѣзанныхъ изъ дерева четырехъ рукъ, изъ коихъ двѣ поддерживаютъ среднюю часть тябла (коруны), а двѣ—боковые края того же тябла, въ свою очередь служащаго точкой опоры для колоннъ третьяго яруса. Въ остальныхъ же трехъ ярусахъ устроено по шести колоннокъ вызолоченныхъ рѣзныхъ, сходныхъ съ колоннами нижняго яруса, при чемъ всѣ онѣ утверждены на лежащихъ подъ ними тяблахъ и служатъ точками опоры для верхнихъ. Иконостасъ сплошь покрытъ миніатюрными барельефными узорами, украшенными мѣстами позолотою, а мѣстами посеребренными, при чемъ разноколерныя краски въ своемъ пріятномъ для взора чередованіи здѣсь цвѣтовъ розоваго, синяго и зеленаго дѣлаютъ оригинальную, саму по себѣ превосходную, рѣзьбу иконостаса особенно привлекательною. Но еще болѣе замѣчательны здѣсь царскія врата, одинаковой съ иконостасомъ древности, во многомъ вмѣстѣ съ послѣднимъ сходныя съ царскими вратами (и иконостасомъ) лѣваго придѣла Ярославской Іоанно-Предтеченской въ Толчковѣ церкви. Только врата Трехсвятительскаго придѣла превосходнѣе и просто поражаютъ рѣдкимъ изяществомъ своего рисунка: они рѣзныя изъ дерева и состоятъ изъ двухъ створовъ; каждый створъ устроенъ въ видѣ четырехъ, помѣщающихся одинъ надъ другимъ неправильныхъ квадратиковъ, при чемъ въ каждомъ квадратикѣ находится рѣзное клеймо ввидѣ пятиглавой церкви. Въ серединѣ каждаго изъ клеймъ помѣщены изображенія святыхъ, въ верху—св. евангелиста Іоанна съ ученикомъ его св. Прохоромъ (въ одномъ клеймѣ) и ев. Матѳея; въ серединѣ—Пресв. Дѣвы Маріи, изображенной прядущею шерсть съ веретеномъ въ рукахъ (какъ это встрѣчаемъ въ Московскомъ Успенскомъ и Кіево-Софійскомъ соборахъ и въ храмѣ Христа Спасителя), архангела Гавріила и св. евангелистовъ Марка и Луки; внизу у самаго фриза аллегорически изображены ветхій и новый завѣтъ: на лѣвой половинѣ царскихъ вратъ—въ видѣ жертвенника съ возложеннымъ на него агнцемъ, закалаемымъ выходящею изъ облака рукою и простертымъ на него лучезарнымъ сіяніемъ; на правой же половинѣ вратъ—въ видѣ престола со стоящими на немъ потиромъ и дискосомъ, на которые нисходитъ съ неба лучезарный свѣтъ. Царскія врата помѣщены въ великолѣпной аркѣ, которая опирается по сторонамъ вратъ на многосто-

ронніе, а у стѣнъ храма односторонніе столбики, украшенные вызолоченною рѣзьбою и миніатюрными колонками. На обѣихъ пилястрахъ вратъ въ 14 клеймахъ, по семи клеймъ на сторонѣ пилястры, помѣщены писанныя иконы; такъ изображены на правой сторонѣ Спаситель, св. Григорій Богословъ, св. Петръ и Алексій митрополиты московскіе, Серафимъ, первомученикъ архидіаконъ Стефанъ и св. архидіаконъ Лаврентій; на лѣвой сторонѣ также въ семи клеймахъ: Божія Матерь, св. Василій Великій, І. Златоустъ, св. Іона митрополитъ московскій, херувимъ и св. архидіаконы Авивъ и Евплъ. Самую арку вратъ украшаетъ изящная цѣпь изъ 17 деревянныхъ валиковъ позолоченныхъ. Описанныя царскія врата, равно и иконостасъ, представляютъ прекрасный и весьма цѣнный памятникъ церковно-русскаго зодчества первой половины XVII вѣка, сохранившійся притомъ безъ малѣйшихъ измѣненій, хотя они нѣсколько, однако очень удачно, реставрированы бывшимъ настоятелемъ этого храма протоіереемъ П. М. Аскаронскимъ († 1875 г.). На иконостасной стѣнѣ въ алтарѣ придѣла сохранилось безъ поновленій нѣсколько весьма древнихъ небольшихъ иконъ, изъ коихъ двѣ Ѳеодоровскія иконы Божіей Матери и Знаменія Пресв. Богородицы и надъ сѣверными вратами т. н. „Единородный Сыне“ особенно замѣчательны по превосходному своему письму; но эти иконное письмо и настѣнную живопись здѣсь вслѣдствіе недостаточнаго освѣщенія черезъ узкое одно окно трудно разсматривать.

Наконецъ, въ роскошной ризницѣ Воскресенской церкви посѣтители встрѣтятъ немало древнѣйшихъ и драгоцѣнныхъ по себѣ памятниковъ изъ свящ. утвари, облаченій и другихъ относящихся до богослуженія предметовъ. Здѣсь особенное вниманіе обращаютъ на себя нѣкоторые изъ утвари: 1) два напрестольныхъ осьмиконечныхъ сребропозлащенныхъ креста, обнизанныхъ крупнымъ жемчугомъ: одинъ изъ крестовъ (около 8 вершк. длины и $4^1/_2$ вер. ширины), вѣсомъ 2 ф. безъ 18 зол., употребляемый въ праздникъ св. Пасхи, имѣетъ слѣдующія рѣзныя надписи, на лицевой сторонѣ: „лѣта 7190 (т. е. 1682 г.) декемврія построися сей честный крестъ ко храму Воскресенія Христова зовому на Дебрѣ подаяніемъ приходскихъ людей за повелѣніемъ Антипы Павлова, тщаніемъ іеродіакона Аѳанасія, Чудова монастыря что на Москвѣ“; на обратной сторонѣ надпись: „мощи Андрея Первозваннаго, пр. Даніила, ап. Тита, св. Василія Великаго, муч. Пантелеимона, муч. Евстаѳія Плакиды, архидіакона Стефана, муч. Ѳеодора Стратилата, царя Константина, муч. Христофора, муч. Меркурія, муч. Ѳеодосіи, муч. Апастасія Персскаго и части дробныя многихъ святыхъ. Мощи здѣ присутствующія храма Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы“; на верху надпись: „духовникъ государевъ протопресвитеръ Никита Васильевъ преложилъ“; другой же крестъ, украшенный, сверхъ жемчуга, четырьмя драгоцѣнными камнями, имѣетъ надпись на обратной сторонѣ: „лѣто 7153 (т. е. 1645 г.) іюля въ 24 день положенъ сей крестъ по рабѣ Божіемъ Кириллѣ въ домъ боголѣпнаго Воскресенія Христова“; 2) четыре древнихъ потира, изъ коихъ два серебряные; одинъ изъ этихъ, вѣсомъ 1 ф. 17 зол., имѣетъ чашу снаружи отбѣленную, а внутри вызолоченную; на поддонкѣ его вычеканены различные цвѣта, а также годъ его устройства 1552; потиръ украшенъ по рукояти четырьмя изумрудами и двумя яхонтами; ручка сдѣлана яблокомъ; вверху и внизу колонки; нижняя часть окаймлена изящною мелкой ажурной работы рѣшеткою въ три яруса; другой потиръ серебряный, вѣсомъ 1 ф. 7 зол.. съ разными свящ. изображеніями вверху и внизу, имѣетъ на поддонкѣ чеканную надпись: „построенъ сей сосудъ

къ церкви Воскресенія Христова что на Дебрѣ на Костромѣ тщаніемъ той же церкви прихожанина Аѳанасія Васильева Исакова и всѣхъ людей приходскихъ лѣта 7233“ (1725 г.); остальные же два потира—оловянные, безъ означенія года ихъ устройства; 3) древній съ великимъ искусствомъ вышитый воздухъ; 4) три древнихъ дискоса, изъ коихъ одинъ серебряный, а два оловянные; на одномъ изъ послѣднихъ вычеканены слова: „Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра“ и изображенія Іисуса Христа, лежащаго въ потирѣ, Св. Духа въ видѣ голубя, по сторонамъ двухъ ангеловъ; 5) три звѣздицы, изъ коихъ одна серебряная, а остальныя мѣдныя; 5) два старинныхъ же ковчега, изъ коихъ одинъ мѣдный посеребренный, а другой оловянный; 7) старинное массивное, вѣсомъ 3 ф. 57 зол., кадило серебряное вызолоченное, съ разными чеканными цвѣточками, довольно оригинальной формы. Изъ богослужебныхъ книгъ разныхъ временъ здѣсь наиболѣе достопримѣчательны два Евангелія, изъ коихъ одно въ четверть листа напечатано въ Кутейнѣ въ 1651 году, а другое лицевое, въ малый листъ, конца XVII в.; еще „Требникъ Петра Могилы“, изд. 1646 г., и нѣкоторыя другія старопечатныя богослужебныя (Минеи, Ирмологи, Октоихи, Апостолъ, Прологъ) книги XVII (второй половины) и XVIII вѣковъ.

А. И. Соболевскій.

Откуда шла русская колонизація въ Ростово-Суздальскую область?

Авторъ Начальной лѣтописи помѣстилъ на ея страницахъ, между прочимъ, этнографическую статью, составленную едва ли не въ Новгородѣ. Первый русскій этнографъ, составитель этой статьи, перечисляетъ народы сѣверной половины Россіи, извѣстные въ современномъ ему Новгородѣ, даже сравнительно мелкіе, и забываетъ крупные народы южной половины, прекрасно извѣстные въ тогдашнемъ Кіевѣ, народы въ родѣ Козаръ, Печенѣговъ, Половцевъ, Угровъ, Ясовъ. Мы не знаемъ, цѣликомъ включилъ авторъ Начальной лѣтописи эту этнографическую статью, или только сдѣлалъ изъ нея извлеченіе [1]). Точно также у насъ нѣтъ данныхъ для опредѣленія даты написанія этой статьи. Одно не подлежитъ сомнѣнію: она должна относиться ко времени до XII столѣтія; вѣроятно, ее слѣдуетъ относить къ половинѣ XI вѣка.

Тѣ данныя этнографической статьи Начальной лѣтописи, которыя могутъ быть подвергнуты повѣркѣ, оказываются вполнѣ вѣрными; это заставляетъ насъ цѣнить высоко и прочія данныя. Между послѣдними мы имѣемъ указанія на нахожденіе у Ростовскаго и Клещина озеръ финскаго племени Мери и на Окѣ, рядомъ съ Черемисами и Мордвою, финскаго племени Муромы.

Итакъ, около половины XI вѣка юго-востокъ (къ югу отъ Волги) позднѣйшей Ростово-Суздальской области былъ еще занятъ Финнами. Позволительно не сомнѣваться, что сѣверо-востокъ этой области (къ сѣверу отъ Волги) въ это время былъ также въ рукахъ Финовъ. Что касается до запада ея, то мѣстныя названія (рѣкъ, озеръ), звучащія не по-славянски, показываютъ, что и здѣсь нѣкогда жили Финны.

Русскіе Славяне истребили или отодвинули далѣе на востокъ и сѣверъ одну часть финскаго населенія и окружили своими населеніями другую часть; эта послѣдняя, сидѣвшая на малодоступныхъ лѣсныхъ дебряхъ, покорилась побѣдителямъ, стала платить имъ дань, но, можетъ быть, еще долго сохраняла свою народность и лишь съ теченіемъ вѣковъ слилась съ русскими сосѣдями.

Откуда пришли въ Ростово-Суздальскую область русскіе поселенцы?

[1]) Часть этой статьи включена въ другой памятникъ древне-русской письменности—въ Толковую Палею; здѣсь есть нѣкоторыя отличія сравнительно съ текстомъ Начальной лѣтописи.

Лѣтописи здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ о постепенномъ колонизаціонномъ движеніи, мало замѣтномъ и мало интереснымъ для современниковъ, не даютъ намъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что древняя ростовская лѣтопись до насъ не дошла. Остается воспользоваться данными языка, именно данными русскихъ говоровъ, звучащихъ на территоріи Ростово-Суздальской области.

Правда, эти данныя довольно скудны; но мы имѣемъ въ виду дать лишь очеркъ общаго характера, безъ деталей.

Великорусскіе говоры, при всей своей близости другъ къ другу, имѣютъ такія отличительныя черты, которыя позволяютъ дѣлить ихъ на нѣсколько группъ.

Главная изъ этихъ чертъ — присутствіе или отсутствіе а̀канья (замѣны древняго неударяемаго *о* черезъ *а* и другіе звуки). Благодаря ей великорусскіе говоры дѣлятся на а̀кающіе и о̀кающіе. Но эта черта для насъ не важна. Она появляется въ памятникахъ лишь въ XIV вѣкѣ; даже слѣдовъ ея нѣтъ въ памятникахъ первой половины XIII вѣка, богатыхъ мѣстными особенностями говора (въ смоленскихъ грамотахъ). Этою чертою мы не можемъ руководиться.

Иное дѣло другая черта — присутствіе или отсутствіе цоканья (взаимной мѣны *ц* и *ч* или замѣны *ч* черезъ *ц*). Она дѣлитъ великорусскіе говоры на цокающіе ѝ не цокающіе. Древность ея не подлежитъ сомнѣнію: она находится въ нѣсколькихъ датированныхъ памятникахъ XI вѣка и въ цѣломъ рядѣ позднѣйшихъ. Большая часть памятниковъ съ цоканьемъ въ языкѣ или несомнѣнно, или по всей вѣроятности написана въ Новгородѣ или вблизи отъ Новгорода; меньшая написана въ Псковѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Двинской землѣ.

Цокающіе говоры также дѣлятся на нѣсколько группъ.

Одна группа характеризуется болѣе отрицательными, чѣмъ положительными чертами. Это — группа собственно новгородская, къ которой до извѣстной степени приближаются группы олонецко-архангельская и вятско-пермская. Она имѣетъ мѣну *ц* и *ч* и болѣе или мен̀ѣе широко пользуется замѣною древняго *т* черезъ *и* (хотить-хотѣть, писпя-пѣсня). И только.

Другая группа можетъ быть названа двинскою. Она занимаетъ территорію Вологодской губерніи съ сосѣдними частями ближайшихъ губерній. Она происходитъ отъ древняго новгородскаго говора, но отдѣлившись отъ него въ значительной древности, не позднѣе XI вѣка [1]), она успѣла развить въ себѣ одну черту, которая чужда новгородской, олонецко-архангельской и вятско-пермской группамъ, — замѣну древняго *в* черезъ краткое *у* (не составляющее слога). Древнѣйшіе двинскіе памятники (грамоты конца XIV или первой половины XV вѣковъ) имѣютъ эту черту въ полной яркости.

Третья группа, относительно которой мы владѣемъ особенно скудными данными и территорію которой пока трудно опредѣлить даже приблизительно, можетъ быть названа дзекающею. Ея выдающаяся черта—дзеканье—состоитъ въ замѣнѣ древнихъ мягкихъ *д* и *т* черезъ мягкія *дз* и *ц* (дзѣдъ-дѣдъ, цебѣ-тебѣ). Эта черта связываетъ эту группу съ сѣверо-восточною группою бѣлорусскихъ говоровъ (смоленско-витебскою), имѣющею также цоканье и дзеканье.

---

[1]) Съ начала XIII вѣка мы имѣемъ уже свѣдѣнія о русскихъ городкахъ по Сѣверной Двинѣ. Въ 1229 году написанъ въ Новгородѣ Прологъ „за Волокъ въ Шенкурье“. Въ 1271 г. былъ написанъ въ Новгородѣ Паремейникъ „Матигорцамъ, за Волокъ“.

Если мы разсмотримъ современные говоры старой Ростово-Суздальской области, то увидимъ, что значительное ихъ большинство не имѣетъ цоканья. Центръ этой области—часть Ярославской губерніи, часть Костромской губерніи, большая часть Владимірской губерніи, сосѣдняя часть Тверской губерніи,—вотъ территорія не цокающихъ говоровъ [1]). Ея говоры находятся въ ближайшемъ родствѣ съ говорами Московской и сѣверныхъ частей Рязанской, Тульской, Калужской губерній; единственная существенная разница между ними заключается въ оканьѣ или аканьѣ. Относительно послѣднихъ говоровъ нельзя сомнѣваться, что они принадлежатъ потомству древнихъ Вятичей, жившихъ по Окѣ. Слѣдовательно, центръ старой Ростово-Суздальской области заселенъ въ разное время колонистами изъ земли Вятичей и ихъ потомками.

Впрочемъ, эта территорія не сплошь занята не цокающими говорами. Въ нее мѣстами какъ бы вкраплены говоры болѣе или менѣе цокающіе, съ слабымъ цоканьемъ и рѣдкимъ употребленіемъ *и* вмѣсто *ѣ*. Они появились здѣсь, очевидно, благодаря вольнымъ и невольнымъ, древнимъ и позднѣйшимъ переселеніямъ крестьянъ, по преимуществу изъ Новгородской области [2]).

Сплошная масса цокающихъ говоровъ, звучащихъ на сѣверной окраинѣ Ростово-Суздальской области (въ Кирилловскомъ, Бѣлозерскомъ, Череповецкомъ уѣздахъ Новгородской губерніи, въ Моложскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи) то не имѣетъ краткаго *у* на мѣстѣ *в* (меньшинство), то имѣетъ (большинство). Расположеніе говоровъ съ *у* вмѣсто *в* и говоровъ безъ этой особенности пока (вслѣдствіе недостатка данныхъ) неясно; можетъ быть, они взаимно перемѣшаны, можетъ быть, расположены группами; новыя діалектическія данныя могутъ дать цѣнные выводы. Эта территорія заселена по преимуществу колонистами изъ Новгородской и Двинской областей, особенно изъ послѣдней, связанной съ нею удобными водными путями.

Такъ какъ принадлежность Бѣлаго озера и теченія рѣкъ: Шексны, Мологи и Вологды, съ окрестностями, ростово-суздальскимъ князьямъ позволяетъ думать, что эти мѣстности первоначально были заселены съ юга, т. е. потомками Вятичей, то слѣдуетъ полагать, что движеніе въ названныя мѣста колонистовъ съ востока и сѣвера началось относительно поздно, но было сильно и кончилось ассимиляціей первыхъ русскихъ поселенцевъ съ позднѣйшими [3]). Впрочемъ, въ говорахъ этой территоріи есть мелкія особенности, чуждыя говорамъ собственно новгородскимъ, олонецко-архангельскимъ, вятско-пермскимъ, двинскимъ, и нерѣдкія въ говорахъ Владимірской, Тульской, Калужской губерній; таковы, напримѣръ, мѣстоименныя формы род., дат. и предложн. пад. единств. ч. тея, сея (тебя, себя), тіѣ, сіѣ (тебѣ, себѣ).

---

[1]) Немногіе памятники, написанные въ старомъ Ростовѣ (Житіе Нифонта 1219 г. и Толковый Апостолъ 1220 года), не знаютъ цоканья. Евангеліе 1357 года, написанное въ сѣверномъ Галичѣ,—также. Лаврентьевскій списокъ, написанный въ 1377 г. въ Суздалѣ или Нижнемъ Новгородѣ,—также.

[2]) Евангеліе 1354 года, написанное въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, имѣетъ слѣды цоканья.

[3]) Древнѣйшая новгородская колонизація шла по наиболѣе удобнымъ для новгородскихъ Славянъ направленіямъ—на западъ въ землю Эстовъ - Чуди и на сѣверо-востокъ въ богатыя пушнымъ товаромъ земли сѣвера.

Старшіе вологодскіе памятники (грамоты XV вѣка) уже имѣютъ въ языкѣ *у* вмѣсто *в*.

Относительно дзекающихъ говоровъ, какъ уже сказано, данныя скудны. Извѣстно, что они звучатъ въ Тверскомъ уѣздѣ, въ Юрьевскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, въ Моложскомъ и Пошехонскомъ уѣздахъ Ярославской губерніи. Даль указываетъ на дзеканье (теперь, можетъ быть, уже не существующее) въ Торжкѣ, въ Корчевскомъ уѣздѣ Тверской губерніи и въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. Родина этихъ говоровъ, очевидно,—верхнее теченіе Волги, гдѣ Начальная лѣтопись помѣщаетъ Кривичей и гдѣ исторія уже не застаетъ Финновъ; возможно, что здѣсь русскіе Славяне поселились относительно очень давно. Отсюда вышли колонисты въ разныя стороны на сѣверъ и востокъ и здѣсь слились съ колонистами съ Оки.

В. А. Андрониковъ.

О матеріалахъ по этнографіи Костромского края, собранныхъ мѣстной губернской ученой архивной комиссіей (Живая старина въ Костромской губерніи).

Костромская губернская ученая архивная комиссія, помимо прямой своей обязанности собиранія, храненія и описанія древнихъ рукописей и предметовъ древности Костромского края, въ 1899 году задалась цѣлью собрать матеріалы по этнографіи и обычному праву губерніи. Для этой цѣли комиссіей была выработана спеціальная программа (прилагается при докладѣ). Собрать матеріалы предполагалось чрезъ просвѣщенныхъ лицъ губерніи, имѣющихъ такъ или иначе близкое соприкосновеніе съ простымъ народомъ, преимущественно же чрезъ учителей и учительницъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ. Г. директоръ народныхъ училищъ губерніи В. А. Петровскій и г. епархіальный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ Н. И. Поспѣловъ сочувственно отнеслись къ задачѣ комиссіи и оказали въ этомъ случаѣ свое любезное содѣйствіе. Черезъ указанныхъ лицъ было разослано въ сентябрѣ и октябрѣ 1899 г. до 700 экземпляровъ программы. Послѣдняя была отпечатана и въ № 22 Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1899 г.

Благодаря внимательному отношенію къ этому дѣлу г.г. инспекторовъ народныхъ училищъ и оо. уѣздныхъ наблюдателей церк.-прих. школъ, уже въ декабрѣ 1899 г. стали поступать матеріалы, поступленіе которыхъ продолжается и по сіе время. Всего покуда (до 4 авг. 1901 г.) доставлено 190 отвѣтовъ на разосланную программу. Разборъ и приведеніе въ систему собраннаго такимъ образомъ матеріала поручено было совѣтомъ комиссіи А. Н. Рождественскому и В. А. Андроникову. (Постановленіе 26 апр. 1901 г.).

Самая программа, конечно, слишкомъ обширна, и поэтому не на всѣ вопросы были даны одинаково подробные отвѣты, но особенно подробно нѣкоторыми священниками, учителями и учительницами были разработаны тѣ вопросы, которые касаются почти исключительно живой старины, хранимой народной памятью.

Прежде всего на основаніи собраннаго матеріала можно ознакомиться съ нѣкоторыми явленіями народнаго языка.

Разумѣется, въ различныхъ произведеніяхъ народной словесности, какъ то: въ причитаніяхъ, заговорахъ, наговорахъ, прибауткахъ, сохранились старинныя грам-

матическія формы - полн. ф. прилагательныхъ: быстр*ыехъ*, широк*ихъ*, Господн*имъ*, горемычн*ыехъ*. приближенн*ыемъ*; краткія формы прилагательныхъ бѣл*ы* руки, сыр*а* земля; формы стариннаго члена: всѣ т*е* да милы братья; др. форма мѣстоим. личн. 2-го лица: Вотъ т*е* Христосъ! Чтобъ т*е* пусто было! (Костр. № 19, Нерехтск. № 8, Юрьев. № 3, Кинеш. 13, Галичск. № 2 Варп. № 11). Но эти старинныя формы, конечно, фиксировались, были, такъ сказать, закрѣплены риѳмой. Несравненно важнѣе въ данномъ случаѣ старинныя формы, сохранившіяся въ живомъ народномъ говорѣ и постоянно въ рѣчи употребляемыя, а такихъ довольно. Въ Юр. у. (№ 8) въ разговорѣ прилагательныя постоянно почти имѣютъ краткое (древнее) окончаніе: добр*ы*—добрый, син*и*—синій (добры—добръ; сини—синь), въ Варн. у. (№ 7) второ—второе, право — правое; въ томъ же у. встрѣчаются и полныя формы—крут*ыехъ* и др. Въ Кин. у. въ разговорѣ къ именамъ существительнымъ постоянно прибавляются частицы—то, ту, отъ: столъ-отъ; тоже и въ Галичск.—частица ти: дома-ти, ворота-ти (№ 13); въ Чухл. ти и те: что зубы те точишь? (№ 14); въ Кологр.—отъ: мужикъ-отъ (№ 12). Эти частицы ничто иное, какъ формы старинпаго члена. Въ Кологр. у. (10,25) есть старинныя и видоизмѣненныя подъ вліяніемъ старины формы мѣстоим. личн. 2-го лица—тя, тея, тіѣ. Въ Варн. у. (№ 8, 16) глаголъ иму употребляется вмѣсто буду.

Кромѣ того, нѣкоторые учителя и учительницы представили довольно таки много мѣстныхъ словъ и реченій, изъ которыхъ можно даже составить словарикъ областного Костромского говора; одинъ же изъ членовъ комиссіи, Чарнецкій В. М., представилъ тетрадочку съ 485 записанными имъ въ 1890 г. лѣтомъ черемисскими словами, сопоставленными съ русскими. (Записаны въ Ветлужскомъ у., Тоншаевск. в.).

Конечно, въ обрядахъ и обычаяхъ крестьянъ сохранились слѣды глубокой старины. Прежде всего во многихъ уѣздахъ губерніи, напр., Солигал., Чухл., Ветл., Варнав., Кологр. весною съ наступленіемъ теплаго времени, преимущественно же съ Пасхи и до заговѣнья передъ Петровымъ постомъ, молодежь устраиваетъ *хороводы съ пѣснями*, изъ которыхъ 8 записано. Первая особенно замѣчательна тѣмъ, что въ ней поющіе обращаются къ Ладу („Ой, Ладу, Ладу!“). Разумѣется, хороводы теперь въ сознаніи крестьянъ совершенно уже потеряли свое прежнее религіозное значеніе, хотя характерно то, что хороводы преимущественно устраиваются весной, когда солнце начинаетъ сильнѣе пригрѣвать и дни увеличиваются, и прекращаются передъ 10-мъ іюня (около котораго обыкновенно бываетъ Петрово заговѣнье).

Въ семикъ дѣвушки ходятъ въ лѣсъ завивать вѣнки; гадать и при этомъ поютъ пѣсни (Пѣсня записана—Варнав. № 13).

Въ Чухл. у. (№ 14) въ понедѣльникъ Ѳоминой недѣли окликаютъ молодыхъ, поютъ пѣсни, а молодая одѣляетъ окликающихъ яицами (вѣроятно, символъ плодородія, котораго желаютъ хозяевамъ поющіе пѣсни). Въ Варнав. у. Лапшанской вол. въ Ѳомино воскресенье послѣ обѣдни замужнія женщины, а вечеромъ женатые мущины, ходятъ окликать молодыхъ. Окликанье это состоитъ въ томъ, что женщины или мущины приходятъ въ сѣни того дома, гдѣ есть молодые, т. е. сочетавшіеся законнымъ бракомъ въ этомъ году, и поютъ пѣсню: „Благослови ко ты, хозяинъ со хозяюшкою, намъ на дворъ взойти....“ По окончаніи пѣсни выходитъ молодая, кланяется пѣвшимъ въ ноги, приглашаетъ въ домъ и угощаетъ. Для этого дня въ домѣ молодыхъ варится пиво, покупается вино, и приготовляется закуска.

Въ Чухл. (№ 14) и Кологр. (№ 25) уѣздахъ наканунѣ Георгіева дня (23 апр.)

дѣти ходятъ по деревнямъ и подъ окнами поютъ стихи Георгію, при чемъ въ Чухл. у. собираютъ яица, продаютъ ихъ и 23-го покупаютъ на нихъ свѣчку и ставятъ ее передъ образомъ св. великомуч. Георгія.

Въ Чухл. у. Просѣковской вол. (№ 14) окончаніе яровой жнивы сопровождается нѣкоторыми обрядами, несомнѣнно, унаслѣдованными отъ старины. Когда кончаютъ жать овесъ, то послѣдній снопъ „молчаный“ жнутъ всѣ. Всѣ крестятся и молча жнутъ по горсти и кладутъ въ снопъ колосьями въ обѣ стороны. Немного овса оставляютъ несжатымъ и завиваютъ „бороду“ Козьмѣ и Даміану (по другимъ Ильѣ Пророку). Бороду покрываютъ куколкой. Куколка приготовляется слѣд. образомъ: берутъ соломы, верхи ея завиваютъ и завязываютъ. Передъ завитіемъ бороды молодые люди берутъ овсяныхъ стеблей и завораживаются. Это дѣлается такъ: стебли овса кладутъ въ рукавъ или же заворачиваютъ обшлагъ рукава съ колосьями (стеблями) и говорятъ: (жениху) „суженый, ряженый! Приходи сегодня овесъ огораживать“. Говорятъ это передъ тѣмъ, какъ лечь спать. „Молчаный“ снопъ въ домъ несетъ хозяйка, по дорогѣ она ломаетъ помело (сосновое) или вѣтки березы. Входя въ домъ, она отворяетъ двери и окна и говоритъ: „ши мухи вонъ, хозяйка пришла въ домъ!“ Снопъ ставятъ подъ божницу, гдѣ онъ и стоитъ до 1-го октября, т. е. до Покрова. Снопъ, впрочемъ, выносятъ, чтобъ не мѣшалъ, въ другое мѣсто. Рано утромъ до восхода солнца этимъ снопомъ хозяйка закармливаетъ скотину, т. е. всѣмъ домашнимъ животнымъ даетъ по одной горсти. Вечеромъ того дня, когда кончаютъ жать овесъ, ѣдятъ яичницу-глазунью, а иные хозяева покупаютъ водки.

Въ Макарьевскомъ у. Ильинско-Заборской вол. (№ 3) въ самое заговѣнье передъ Филипповымъ постомъ вечеромъ молодежь бѣгаетъ подъ окнами, „колядуетъ“. Впрочемъ, это „колядованье“ сводится лишь къ выпрашиванію подачки.

Приблизительно съ ноября мѣсяца, когда совсѣмъ заканчиваются полевыя работы, а тамъ, гдѣ есть отхожіе промыслы, мущины возвращаются домой, начинаются „посидѣлки“, „бесѣды“, „свозки“, иначе „свозы“. Это собраніе молодыхъ людей, парней и дѣвицъ, которые проводятъ время въ разговорахъ, играхъ, пѣніи, танцахъ, а иногда и въ работѣ (дѣвицы прядутъ), молодцы играютъ и на гармоникахъ. Напр., въ Чухл. (№ 14) и Кологр. (№ 25) уѣздахъ молодежь сходится въ одинъ домъ. Дѣвицы садятся въ переднемъ углу, парни же въ кути, т. е. въ задней части избы. Поютъ они пѣсни, въ которыхъ говорится обыкновенно, что такой то жениться собирался и хотѣлъ взять такую то; пѣсни заканчиваются поцѣлуями. Играютъ „зайчикомъ“ и поютъ соотвѣтствующую пѣсню: „Заинька! Выйди въ садъ!“ ходятъ со вьюномъ при пѣніи пѣсенъ: „Со вьюномъ пошелъ...“ (Чухл. у. Просѣк. волости № 14). Время, конечно, проводятъ здѣсь очень весело, особенно на святкахъ. Разумѣется, молодежь здѣсь сближается, и вотъ почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ со святокъ же начинается сватовство. Любопытно особенно то, что подобныя собранія на святкахъ въ глухихъ уѣздахъ губерніи (Солигал., Чухл., Ветл., Кологр.) носятъ характерное названіе „игрищъ“. Невольно какъ то сопоставляешь эти святочныя „игрища“, которыя часто заканчиваются бракомъ сблизившихся здѣсь молодыхъ людей, съ тѣми самыми „игрищами между селы“, которыя, по словамъ Нестора лѣтописца, происходили у славянъ въ самомъ началѣ нашей эры.

Свадьбы въ Костромской губ., особенно въ глухихъ ея уѣздахъ, какъ то напр. въ Варнав., Ветл., Кологривскомъ, носятъ на себѣ печать глубокой старины. Онѣ обставлены множествомъ различныхъ обрядовъ и сопровождаются непремѣнно со

стороны невѣсты, а иногда и родителей и подругъ жалобными причитаніями, а со стороны дружки и свахъ—наговорами.

Преобладающимъ видомъ брака въ губерніи является *продажа невѣсты*, основанная въ громадномъ большинствѣ случаевъ на добровольномъ ея согласіи: обыкновенно женихъ покупаетъ невѣсту, платя за нее извѣстную сумму денегъ. Сумма эта зависитъ отъ зажиточности населенія, гдѣ совершается свадьба, отъ состоянія жениха, а также отъ красоты и здоровья невѣсты; называется она „выводомъ“ или „выкупомъ“ и колеблется между 5—200 руб. На эти деньги покупается приданое для невѣсты, и устраивается свадебный пиръ. Впрочемъ теперь кое-гдѣ начинаетъ уже появляться городской обычай—брать невѣсту съ приданымъ (Кологр. уѣз. Илешевск. вол. № 10, хотя назадъ тому 15 лѣтъ этого здѣсь не было).

Что касается насильственнаго похищенія (кражи) или увоза невѣсты, то онъ еще кое-гдѣ сохранился, главнымъ образомъ у раскольниковъ. Такъ въ Макар. у. Ильинско-Заб. вол. когда родители жениха не согласны съ его выборомъ невѣсты, или родители невѣсты не желаютъ выдать ее за того, за кого она желаетъ, тогда вѣнчаются уходомъ: парень увозитъ невѣсту съ бесѣдокъ прямо въ церковь или прячетъ гдѣ либо до слѣдующаго дня. Родители узнаютъ, скачутъ въ погоню. Начинается брань, крикъ, шумъ, но въ концѣ концовъ приходятъ къ обоюдному соглашенію до вѣнчанія или послѣ (№ 3). Въ Варнавинскомъ у. при существованіи препятствій женихъ избираетъ удобный случай, при которомъ легко можно увезти суженую тайно отъ новыхъ родственниковъ—во время посѣдокъ, работы по уходу за скотомъ (со двора) или въ отсутствіе родителей. Иногда бѣдную невѣсту возятъ нѣсколько сутокъ въ разные концы, скрывая отъ преслѣдованія ея родителей. Потомъ мало по малу все стихаетъ, и тогда уже начинается свадебное пиршество. Бываетъ, что невѣста, украденная женихомъ или его сватами, недовольна женихомъ; тогда она старается ускользнуть отъ своихъ преслѣдователей, и часто ловкая дѣвица отобьется отъ „воровъ“, и тогда сваты и женихъ остаются безъ желаемаго предмета. Иногда увозятъ дѣвушку и насильно. Женихъ обманомъ сажаетъ ее къ себѣ въ сани и увозитъ, причемъ держитъ ее, чтобы она не убѣжала. Тутъ она почуетъ и соглашается быть его женою, послѣ чего идутъ къ родителямъ невѣсты.

Помимо указанныхъ случаевъ, воспоминаніе объ этой первобытной формѣ брака проглядываетъ въ свадебныхъ обрядахъ многихъ уѣздовъ губерніи (Костр., Буйск., Макар, Кинеш., Чухл., Ветл., Варн. и Кологр.). Принимая во вниманіе всѣ тѣ условія, при которыхъ въ старину можно было съ успѣхомъ совершить кражу невѣсты, т. е. насильственно увезти ее изъ дому родителей, я считаю переживаніями, несомнѣнно связанными съ этою формой заключенія брака, нижеслѣдующіе обряды и обычаи въ свадебномъ ритуалѣ.

1) Въ Костр. у. Коряковск. вол. (№ 13) сватовство бываетъ обыкновенно вечеромъ и даже ночью; въ Макар. у. Скоробогатовск. в. (№ 11) сватанье бываетъ непремѣнно вечеромъ; въ Варнав. у. Баковск. в. (№ 2) и Кологр. у. Матвѣевск. в. (№ 25) сватовство происходитъ въ большинствѣ случаевъ ночью. (Разумѣется, украсть или увезти невѣсту лучше ночью, чѣмъ днемъ, во время общаго сна).

2) Въ Ветлужск. у. Тоншаевск. в. (№ 6) поѣзжане, пріѣхавшіе за невѣстой въ день свадьбы, вошедши въ избу, останавливаются подъ полатями нераздѣтые; въ томъ же у. Ошминск. в. (№ 7), когда женихъ съ родными пріѣзжаетъ на сговоры

или, какъ здѣсь говорятъ, на смотры, всѣ останавливаются у порога и не раздѣваются. (Конечно, пріѣхавшіе, чтобы увезти невѣсту, не имѣли времени раздѣваться).

3) Въ Ветл. у. Тоншаевск. в. (№ 6) никто изъ родныхъ невѣсты въ село для бракосочетанія ее не сопровождаетъ.

4) Въ Варнав. у. Георгіевск. вол. (№ 15) свадебный поѣздъ двигается обязательно съ чернаго двора, а не съ крыльца избы. Въ Костр. у. Бѣлорѣченск. вол. (№ 16) жениха съ невѣстой къ санямъ ведутъ скотнымъ дворомъ.

5) Въ Костр. у. Бѣлорѣченск. в. (№ 16) женихъ, подходя съ невѣстой къ санямъ, чтобы ѣхать въ церковь, долженъ ее положить въ сани на колѣни свахѣ, причемъ невѣсту закрываютъ наглухо одѣяломъ. Въ Буйск. у. (№ 2) женихъ передъ тѣмъ какъ ѣхать въ церковь, садится рядомъ съ невѣстой, которая все время сидитъ закрытая, и такою везутъ ее до церкви. Теперь такъ поступаютъ для того, чтобы, по словамъ крестьянъ, кто не „сглазилъ“, не испортилъ невѣсту; но въ старину, по всей вѣроятности, поступали такъ для того, чтобы никто изъ посторонникъ не замѣтилъ, что везутъ невѣсту.

6) Въ Чухл. у. (№ 6) дѣвица во время брачнаго стола, вынося разукрашенную елочку („дѣвью красоту“) и обращаясь къ поѣзжанамъ жениха, говоритъ: „здравствуй, весь честной полкъ“! (№ 6) „Здравствуй, полкъ честной“! (№ 9). Тоже и въ Кологр. у. Матв. в. (№ 25): „Полкъ честной! Кланяется вамъ дивья красота“! (Отголосокъ глубокой старины, когда поѣзжане должны были быть вооружены и дѣйствительно составляли изъ себя полкъ).

7) Въ Варнав. у. Богородск. в. (№ 3) дружка жениха, оставя поѣздъ еще на улицѣ, входитъ въ сѣни дома невѣсты, но въ домъ не входитъ сразу: отхватываетъ съ силой двери и читаетъ скороговоркой: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!“ затѣмъ быстро откидывается назадъ, какъ будто отброшенный какой нибудь силой. Такъ повторяетъ онъ три раза и только послѣ того, какъ изъ комнаты отвѣтятъ „аминь“, входитъ въ избу и продолжаетъ наговаривать.

8) Въ Кинеш. у. Георгіевск. в. (№ 6), въ день свадьбы, передъ тѣмъ какъ ѣхать въ церковь, невѣста сидитъ въ избѣ за перегородкой; когда дружка хочетъ зайти за перегородку, чтобы вывести оттуда невѣсту, женщины и дѣвицы стоятъ въ дверяхъ и не пропускаютъ дружку, прося у него выкупа за невѣсту. Въ томъ же у. Есиплевск. в. (№ 13), когда дружка подходитъ къ невѣстѣ, подруги послѣдней окружаютъ ее и не пропускаютъ къ ней дружку. Онъ даетъ имъ денегъ, и подруги отходятъ.

9) Въ Ветлужск. у. Одоевско-Спиринской вол. (№ 5), когда уже женихъ ведетъ невѣсту къ экипажу, чтобы садиться, дѣвки съ причетомъ отбиваютъ ее у жениха.

10) Въ Макар. у. Ильинско-Заборск. в. (№ 3), когда невѣста со свахой ѣдутъ въ церковь, ея не пропускаютъ парни-односельчане, требуя за мячъ; по дорогѣ изъ церкви въ деревняхъ поѣзду съ молодыми загораживаютъ дорогу для чести. Въ томъ же у. (№ 11) во время проѣздовъ по селеніямъ (къ церкви) крестьяне закладываютъ дорогу и требуютъ денегъ за свадебный пропускъ. Въ Варнав. у. Баковской *в. (№ 2)*, когда женихъ, если онъ изъ чужой деревни, въѣзжаетъ въ село за невѣстой, то мужики загораживаютъ дорогу и не пропускаютъ до тѣхъ поръ, пока женихъ не дастъ имъ водки, смотря по состоянію. Когда всѣ поѣзжане усядутся, чтобы ѣхать въ церковь, то со двора поѣздъ не выпускаютъ ребята, пока имъ не дадутъ водки. Въ Варнав. у. Богородск. в. (№ 4), когда поѣзжане садятся

на лошадей и отправляются къ невѣстѣ, по дорогѣ въ деревняхъ поѣзду загораживаютъ дорогу, и дружка долженъ откупаться деньгами или виномъ. Въ Варнав. у. Туранск. в. (№ 14), когда женихъ и невѣста полнымъ поѣздомъ слѣдуютъ въ церковь, попутными селеніями поѣзду преграждаютъ дорогу и пропускаютъ только тогда, когда загородившіе путь выговорятъ себѣ на водку или лакомство.

11) Въ Ветл. у. Рождеств. (№ 2) и Одоевско-Спиринск. в. (№ 5) при выходѣ изъ дому невѣсты передъ тѣмъ, какъ садиться въ экипажъ, женихъ почти силой тащитъ ее за собою, потому что та упирается.

12) Въ Варнав. у. Лапшангск. в. (№ 8), когда женихъ, сваха и близкій родственникъ или отецъ невѣсты, въѣдутъ на дворъ, воротъ не затворяютъ. Сваха, пропуская жениха и его родственниковъ въ избу, сама идетъ за ними и дверей нигдѣ не затворяетъ. Когда сваха и женихъ усядутся на мѣста, сваха проситъ хозяевъ затворить всѣ двери. По окончаніи сватовства сваха и женихъ уѣзжаютъ, но дверей и воротъ опять-таки не затворяютъ.

13) Въ Юрьевецк. у. Ново-Воскр. в. (№ 2) дѣвицы въ пѣснѣ называютъ дружку воромъ: „Дружка воръ-ненажоръ!“

Какъ уже сказано выше, преобладающей формой брака у крестьянъ является купля-продажа невѣсты; цѣна послѣдней колеблется между 5 — 200 руб. Часто и сватовство сводится лишь къ разговорамъ между родственниками жениха и невѣсты о цѣнѣ, за которую послѣдніе согласны продать свою дочь; если даже они почему-либо не согласны на бракъ, то отбиваютъ жениха цѣной, т.-е. запрашиваютъ столько, сколько женихъ не можетъ дать.

Разумѣется, эта форма заключенія брака (купля-продажа невѣсты) отразилась въ массѣ обрядовъ, соблюсти которые является для той и другой стороны прямо таки необходимымъ. Укажу для примѣра на нѣкоторые изъ подобныхъ обрядовъ.

1) Въ Нерехтск. у. Митинской в. (№ 4) и Макар. у., в. Ильин.—Заб. (№ 3), какъ только женихъ прибудетъ къ невѣстѣ для приглашенія въ церковь, прежде всего долженъ выкупить невѣсту черезъ свата или дружку съ одной стороны отъ свата или дружки другой, произнося извѣстные наговоры. Въ Буйск. у. Письменск. вол. (№ 2) и Костр. у., Завраж. в. (№ 12), когда женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой, чтобы ѣхать въ церковь, то рядомъ съ невѣстой стоитъ братъ ея, если есть, или близкій родственникъ со стаканомъ пива и, подавая его съ наговоромъ жениху, требуетъ выкупа за невѣсту; только послѣ того, какъ женихъ дастъ нѣсколько монетъ, онъ занимаетъ мѣсто рядомъ съ невѣстой. Въ томъ же Буйск. у. Письменск. в. (№ 2), прежде чѣмъ посадить невѣсту въ сани, женихъ долженъ дать выкупъ за нее ея подругамъ, которыя до сего сидѣли въ этихъ саняхъ. Въ Костр. у., Завражьинск. вол. (№ 12) дѣвицы-подружки невѣсты получаютъ съ дружекъ жениха выкупъ за имѣніе невѣсты. Въ Кинеш. у., Георг. вол. (№ 6) въ сговоры одна изъ подругъ невѣсты выноситъ такъ назыв., „дѣвью красоту“ (это кустъ репейника, украшенный разными лоскутками, лентами, бусами, цвѣтами; наверху его прикрѣпляются восковыя свѣчи), ставитъ ее на столъ передъ женихомъ и невѣстой и зажигаетъ свѣчи. Родственники жениха, каждый по одиночкѣ, подходятъ къ „дѣвьей красотѣ“, гасятъ свѣчи и кладутъ на тарелку, здѣсь стоящую, нѣсколько денегъ (5, 10, 15 коп. и т. д. смотря по состоянію). Это, какъ выражаются крестьяне, женихова родня „выкупаетъ“ невѣсту.

2) Въ той же мѣстности въ день свадьбы женихъ по пріѣздѣ въ домъ не-

вѣсты „выкупаетъ“ себѣ мѣсто: онъ подходитъ къ мальчику, у котораго въ рукѣ ковшичекъ съ водой; женихъ кладетъ въ ковшичекъ нѣсколько разъ денегъ; когда мальчикъ останется доволенъ, то выпиваетъ изъ ковшика воду, деньги высыпаетъ себѣ въ руку и пускаетъ на свое мѣсто жениха.

3) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обрядъ „выкупанія“ косы. Въ томъ же Кинеш. у., Георгіевск. вол. (№ 6) жениховы свахи выкупаютъ косу невѣсты: онѣ подходятъ къ невѣстинымъ свахамъ и подносятъ имъ на тарелочкѣ орѣховъ; невѣстины свахи берутъ орѣхи и пускаютъ на свое мѣсто жениховыхъ свахъ, которыя и начинаютъ сейчасъ же расплетать невѣстину косу. Въ Кинеш. у. Тарасовской вол. (№ 4), когда поѣзжане жениха являются въ день свадьбы за невѣстой, то у крестнаго ея въ рукахъ стаканъ; онъ по наговору продаетъ косу невѣсты, и ему въ стаканъ каждый пріѣхавшій гость даетъ денегъ. Въ Ветлужск. у. Тоншаев. вол., когда женихъ въ день свадьбы въ домѣ невѣсты идетъ за перегородку, чтобы взять ее и ѣхать въ церковь, дорогу ему заслоняютъ, просятъ „выкупить“ косу.

4) Въ Чухл. у. Введенской и Борреевской вол. (№ 2 и 3) наканунѣ вѣнчанія женихъ пріѣзжаетъ къ невѣстѣ за постелью и выкупаетъ ее у невѣстиныхъ подругъ.

5) Въ Макар. у. Скоробогат. вол. женихъ съ отцомъ и братьями, пріѣзжая сватать невѣсту, обращаясь къ ея родственникамъ, говорятъ: „у васъ есть товаръ, у меня купецъ“. Въ той же мѣстности въ день свадьбы родственники жениха являются къ невѣстѣ за приданымъ; въ это время братъ ея или другой ближайшій родственникъ садится на сундукъ, вооруженный, и спрашиваетъ: „Что вы за люди? Зачѣмъ сюда пришли?“ Родственники жениха говорятъ: „Мы порядились у одного богатаго купца подъ извозомъ отправить имѣніе, куда слѣдуетъ“. Въ Ветлужск. у. Рождественск. вол. (№ 1) наканунѣ свадьбы невѣсту пріѣхавшіе гости дарятъ деньгами, послѣ чего она приговариваетъ: „Что за купцы да къ намъ наѣхали, золотой казной расхвастались? Я да догадалася, чего купцы да докупаются, до меня до молодешеньки, они до красныя дѣвушки, они на эту золоту казну“.

Купля-продажа невѣсты, какъ и всякая вообще болѣе или менѣе выгодная торговая сдѣлка, сопровождается обыкновенно весельемъ съ той и другой стороны. Веселье это носитъ характерное названіе „пропоевъ“. Въ Чухл. у. с. Бушневѣ и с. Васьковкѣ (№ 5) первоначальные переговоры родителей жениха и невѣсты называются „пропоями“. „Пропили“—синонимъ сговорили. Въ Юрьев. у. Мордвин. вол. (№ 3) на „смотринахъ“ послѣ того, какъ условятся о суммѣ вывода и приданомъ, начинается „пропой“, гдѣ женихъ угощаетъ виномъ всѣхъ присутствующихъ. Здѣсь уговариваются относительно дня „сговора“. Въ Буйск. у. Письменск. вол. (№ 2), когда сойдутся на выводѣ, который женихъ даетъ невѣстѣ, то приглашаютъ къ невѣстѣ на „запивашки“ и тогда пропиваютъ ее. Въ Костр. у. Коряковск. вол. (№ 13) „пропой“ бываетъ за недѣлю до свадьбы, когда сватовство кончится. Въ Варнав. у. Богородск. вол. (№ 4) и Кологр. у. Нпк.-Ширск. вол. (№ 12), по счастливомъ окончаніи переговоровъ, назначается богомолье; это—официальный сговоръ или помолвка, а по мѣстному—„пропой“, гдѣ буквально пропиваютъ невѣсту. Обѣ стороны къ этому дню приготовляются: покупаютъ водки, варятъ пиво, пекутъ пироги и проч. Въ самый день пропоевъ вечеромъ съ нѣсколькими своими родственниками, иногда человѣкъ съ десятью, женихъ ѣдетъ въ домъ невѣсты. Тамъ мо-

лятся Богу о благополучіи, а потомъ невѣстину сторону садятъ за столъ и угощаютъ со стороны жениха. Въ Варнав. у. Турапск. вол. (№ 14), когда та и другая сторона рѣшитъ вопросъ о выводѣ, совершается молитва и рукобитье, соединяемое обыкновенно съ выпивкой—пропоемъ. Въ Мак. у. Ильинск.-Заборск. вол., сосватавъ невѣсту, пропиваютъ ее и назначаютъ день свадьбы.

Въ глубокой древности, какъ извѣстно, каравай въ свадебномъ ритуалѣ имѣлъ символическое значеніе; благодаря, главнымъ образомъ, тѣмъ знакамъ, которые на немъ находились (напр., сосновыя шишки), онъ былъ символомъ плодородія. Это символическое значеніе свадебнаго каравая несомнѣнно удержалось и до настоящаго времени. Къ сожалѣнію, въ собранномъ матеріалѣ по этому интересному вопросу свѣдѣній вообще мало. Въ Варнав. у. Баковск. вол. (№ 2) дѣвицы „бантятъ,“ т -е. украшаютъ цвѣтными тряпочками и бумажками солонку и хлѣбъ, которыми потомъ родители будутъ благословлять. Въ Ветл. у. Одоевско-Спиринской вол. (№ 5), когда невѣстина родня согласится имѣть дѣло съ даннымъ женихомъ, то затеплятъ свѣчку, помолятся Богу, столъ скатертью покроютъ, на столъ поставятъ каравай, а на него платъ и поясъ положатъ. Въ Кологр. у. Нпк.-Ширск. вол. (№ 12) въ храмъ привозится приданый образъ невѣсты и разукрашенный хлѣбъ; они помѣщаются неподалеку на столикѣ, и передъ образомъ во время совершенія таинства горитъ свѣча.

Во многихъ уѣздахъ губерніи (Костр., Кинеш., Буйск., Нерехтск., Юрьев., Макар., Галичск., Солигалич., Чухл. и Кологр.) существуетъ особый обрядъ вынесенія „дѣвьей красоты“ съ различными наговорами. Это въ большинствѣ случаевъ деревцо — обыкновенно молодая елочка или только сломленная вершина молодой елки или даже одинъ сучокъ ея, иногда же — кустъ репейника (Кинеш. у. Георгіев. в.), березка (Кинеш. у. Тарасовск. вол.), разряженная кукла (Буйск. у. Письменск. вол. № 2), широкая лента, вплетаемая въ косу невѣсты (Кологр. у. Спасск. в. № 9). Деревцо это обыкновенно украшаютъ разноцвѣтными бумажками, лоскутками, иногда конфектами, бусами или другими подобными предметами; на немъ прикрѣпляются восковыя свѣчи, а иногда на вершинѣ его помѣщается кукла (Галичск. у. Селитск, в. и село Рязаново № 4 и 14). Свѣчи эти зажигаются, и по предложенію дѣвушки, несущей красоту, гости гасятъ по свѣчѣ и кладутъ за это на блюдо деньги. Деревцо это на подносѣ ставится на столъ, иногда оно (кустъ репейника) укрѣпляется въ четвертной или полуведерной бутыли, наполненной житомъ (Кинеш. у., Георг. в. № 6) или овсомъ (Кинеш. у., Георг. в. № 22). „Дѣвья красота“ выносится въ дѣвичникъ (Кинеш. у., Георг. в. № 22; Кинеш у., Тарас. в. № 1; Буйск. у., Троицк. в. № 4) или въ сговоры (Костр. у., Челпановск. в. № 10; Солигал. у. Нольско-Берез. в. № 3; Буйск у., Письменск. в. № 2; Кинеш. у., Георгіевск. в. № 6; Галич. у., Селецк. в. № 6; Гал. у., Замѣрск. в. № 13; Гал. у., с. Рязаново № 14; Гал. у., Селитск. в. № 3 и 4; Костр. у. № 14 и 16) или въ день свадьбы передъ тѣмъ какъ ѣхать въ церковь для бракосочетанія (Макар. у., Кусской в. № 12; Кин. у., Есипл. в. № 13; Кин. у., Никол. вол. № 9; Кин. у., Тарас. в. № 4; Нерехтск. у., Спасская в. № 2; Нерехтск. у., Арменск. в. № 5; Нерехтск. у., Благновск. в. № 8; Юрьевецк. у., Ново-Воскрес. в. № 2; Костр. у., Коряк. в. № 13) или же послѣ свадьбы во время пира она подносится невѣстѣ (Солиг. у., Зашугомск. в. № 11; Солиг. у., Неронов. в. № 2; Кол. у., Матв. в. № 25; Чухл. у., с. Успенское № 6; Чухл. у., с. Васьковка; Чухл. у.,

Судайск. в. № 9). Разумѣется, церемонія эта сопровождается наговоромъ дѣвушки, несущей деревцо, а иногда и невѣсты. Такихъ наговоровъ (съ варіантами) записано покуда 21.

Скажемъ теперь о такихъ свадебныхъ обрядахъ, которые съ одной стороны унаслѣдованы отъ старины, а съ другой имѣютъ и символическое значеніе.

1) Въ Костр. у., Левашевск. в. (№ 9) на свадьбахъ, при въѣздѣ въ деревню, строятъ ворота изъ ситца и платковъ и вывѣшиваютъ флаги; въ томъ же у., Челпановск. в. с. Татьянинѣ (№ 11), предъ домомъ жениха, въ ожиданіи молодыхъ изъ церкви, ставятъ тріумфальныя ворота, разукрашенныя разноцвѣтными платками съ надписью: „Боже! Царя храни!“ Въ Кинеш. у., Георгіевск. вол. (№ 6) на день свадьбы родственники молодой, навѣсивъ на лошадей вѣниковъ, разноцвѣтныхъ лоскутковъ, лентъ, бубенцовъ, къ экипажу придѣлываютъ небольшой шестъ, прикрѣпляютъ къ нему флагъ и въ такомъ видѣ ѣдутъ съ молодыми къ тестю въ гости. Въ Варнав. у., Баковск. в. (№ 2), наканунѣ вѣнчанія, къ невѣстѣ сходятся подруги; часть изъ нихъ топитъ баню, другая—„бантитъ“, т. е. украшаетъ цвѣтными тряпочками и бумажками вѣники, флаги и ложки. Вѣниковъ берутъ двѣ штуки, прикрѣпляютъ ихъ къ шестамъ, потомъ еще на два шеста навязываютъ по 3 платка на каждый; это и есть флаги. Когда баня будетъ истоплена, всѣ вещи разбанчены, дѣвки берутъ на шестахъ вѣники и флаги, поднимаютъ ихъ на подобіе знаменъ и съ пѣснями отправляются вдоль села, заходятъ затѣмъ за сговоренкой. Подойдя къ банѣ, ставятъ на нее вѣники и флаги, входятъ въ баню и моются; съ тѣми же вѣниками и флагами идутъ обратно. Въ Кологр. у. и Кол. в. (№ 5), возвращаясь изъ бани съ невѣстой, разставляютъ по обѣимъ сторонамъ дороги прутья изъ вѣника до самаго дома невѣсты.

2) Въ Костр. у., Леваш. в. (№ 9) и Кинеш. у., Тарас. в. (№ 4) на свадьбахъ, при въѣздѣ молодыхъ въ деревню, стрѣляютъ изъ ружей; въ Костр. у., Челпановской вол. (№ 11) въ домѣ жениха стрѣляютъ съ полатей въ видѣ привѣтствія молодымъ. Въ Кологр. у. и вол. (№ 5), когда подруги невѣсты съ воемъ ведутъ ее въ баню и обратно, то парни, чтобы невѣста боялась своего будущаго мужа, стрѣляютъ изъ ружей надъ самыми головами воющихъ. Въ Кологр. у., Илешевск. в. (№ 10) когда наканунѣ свадьбы подруги сговоренки водятъ ее въ баню, то парни (особенно женихъ, если онъ въ той же деревнѣ) устраиваютъ на пути къ банѣ засады, изъ которыхъ стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ.

3) Въ Костр. у., Челпановск. вол. с. Татьянинѣ (№ 11), ко времени выхода жениха и невѣсты изъ церкви, устраиваютъ отъ церкви до дома жениха аллею изъ пучковъ соломы, привязанныхъ къ кольямъ и воткнутыхъ въ землю. Какъ только женихъ и невѣста въ вѣнцахъ выходятъ изъ церкви, въ сопровожденіи священника съ крестомъ въ рукахъ, пѣвчихъ и толпы зрителей, такъ сію же минуту раздается нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей и въ тоже время зажигаются пучки соломы, образующіе аллею, и всей свадебной процессіи приходится итти до дома невѣсты среди огня и дыма. Въ Кинеш. у., Тарасовской в. (№ 4) молодыхъ отъ вѣнца встрѣчаютъ съ зажженными пучками соломы. Въ Буйск. у., Александровск. в. (№ 1) существовалъ еще недавно обычай, когда невѣсту выводятъ изъ дома предъ совершеніемъ брака, бросать подъ ноги лучину съ огнемъ, но теперь этотъ обычай почти выведенъ.

4) Въ Галичск. у., Селитск. в. (№ 3) женихъ, передъ тѣмъ какъ ѣхать за не-

вѣстой, чтобы везти ее въ церковь для бракосочетанія, на верхнее платье даже лѣтомъ надѣваетъ шаль, крестъ на крестъ, такъ что концы ея, огибая шею, спускаются напередъ и завязываются назади. Въ Кологр. у. и в. (№ 5) отправляясь къ вѣнцу, женихъ одѣваетъ сѣть. Въ Чухл. у., Судайск. в. (№ 9), когда невѣсту собираютъ къ вѣнцу, то опоясываютъ обрывкомъ отъ сѣти или ниткой со множествомъ узловъ (у бѣдныхъ). Въ Костр. у. (№ 19), чтобы невѣсту не испортили колдуны, опоясываютъ ее мережкой (рыболовная сѣть). Женихъ навязываетъ невѣстѣ крестъ на крестъ бумажку съ молитвою: „Да воскреснетъ Богъ!“ Въ Костр. у., Каряковск. в. (№ 13), когда невѣсту одѣваютъ къ вѣнцу, подъ платье на нее обязательно надѣваютъ, т.-е. навязываютъ, крестъ на крестъ что-нибудь вязаное или плетеное, наприм., лоскутокъ отъ невода. Въ Кологр. у., Илешевск. вол. (№ 10) въ самый день свадьбы особенно стараются оберечь молодыхъ отъ „порчи“, т.-е. отъ вредныхъ наговоровъ колдуновъ, отъ дурного глаза, наприм., подпоясываются (на голое тѣло) бреднемъ или обрывками сѣти.

5) Въ платье невѣсты передъ вѣнцомъ накалываютъ булавокъ (Костр. у., Коряк. в. № 13). Въ томъ же у., Мисков. в. (№ 19), чтобы невѣсту не испортили колдуны, втыкаютъ ей въ подолъ платья сзади и спереди безухія иголки. Въ Чухл. у., Судайск. в. (№ 9) въ лѣвую полу верхней одежды втыкаютъ 9 иголокъ, чтобы не испортили. Въ Кологр. у. и в. (№ 5), отправляясь къ вѣнцу, невѣста втыкаетъ себѣ въ шубу иголки, чтобы не испортили.

6) Въ Костр. у., Семеновской в. (№ 14) передъ вѣнцомъ вырѣзываются двѣ краюшки отъ жениха и невѣсты, которыя и съѣдаются молодыми послѣ вѣнца. Въ Костр. у., Коряк. в. (№ 13) подъ лифъ невѣстѣ прячутъ два сдобные колобка, а дружка беретъ со стола хлѣбъ, рѣжетъ отъ него горбушку, солитъ и покрываетъ ее горбушкой, привезенной изъ дома жениха, связываетъ ихъ какой-нибудь веревкой и прячетъ въ карманъ. Послѣ вѣнца уже дома молодые съѣдаютъ оба колобка и обѣ горбушки.

7) Наканунѣ дня вѣнчанія обыкновенно для невѣсты топятъ баню; вмѣстѣ съ нею въ баню ходятъ и подруги ея, дѣвицы, при пѣніи различныхъ пѣсенъ, и съ пѣснями же возвращаются обратно. Въ Варнав. у., Баковск. в. (№ 2) въ банѣ моются и парятся всѣ дѣвицы, а потомъ моютъ и парятъ „сговоренку“. Въ Ветл. у., Рождеств. в. (№ 1) въ банѣ невѣста моетъ всѣхъ даже и маленькихъ. Въ Чухломск. у., Борреевск. в. (№ 3), когда невѣста возвратится изъ бани, жениха на дровняхъ народомъ возятъ въ баню.

8) Въ Гал. у., Селитск. в. (№ 3) въ день брака всѣ родные жениха, прежде чѣмъ ѣхать за невѣстой, собираются у него въ домѣ, при чемъ на полу бываетъ непремѣнно раскидана солома. Въ Чухл. у., Борреевск. в. (№ 3) на другой день свадьбы послѣ краснаго стола носятъ въ избу соломы и мнутъ на ней молодыхъ.

9) Въ Костр. у., Коряковск. в. (№ 13), пріѣхавъ изъ церкви послѣ свадьбы, молодые во время брачнаго стола сидятъ на разостланной вверхъ мѣхомъ шубѣ. Въ Варнав. у., Георг. в. (№ 15) въ домѣ новобрачнаго у порога постилаютъ овчину, на которую должны ступить новобрачные, „чтобы овцы у нихъ велись“.

10) На другой день свадьбы въ Кинеш. у., Георгіевск. вол. (№ 6) утромъ родственники невѣсты, пріѣзжая звать молодыхъ въ гости къ тестю, бываютъ ряженными, а именно — шубы на себѣ выворачиваютъ мѣхомъ вверхъ, шапки тоже выворачиваютъ, а лица вымазываютъ сажей. Въ Костр. у., Коряковск. в. (№ 13) на

другой день всѣ, кто былъ на свадьбѣ, катаются по сосѣднимъ деревнямъ разряженные, при чемъ женщины обыкновенно въ мужскихъ костюмахъ, мужчины — въ женскихъ, только молодые въ своемъ обычномъ платьѣ.

11) Въ Ветл. у., Рождеств. в. (№ 1) невѣста, прежде чѣмъ ѣхать въ церковь для бракосочетанія, садится возлѣ жениха, и дружка соединяетъ ея голову съ головою жениха. Въ Буйск. у., Письм. в. (№ 2) въ тоже время дружка беретъ жениха и невѣсту за руки, сажаетъ и поднимаетъ трижды, а пмъото стукаетъ ихъ головами. Въ Варнав. у., Баковск. в. (№ 2) дружка переплетаетъ ноги у жениха и невѣсты и стукаетъ ихъ головами три раза, чтобы дружнѣе жили, а женихъ лѣвой рукой прижимаетъ правую руку невѣсты будто бы затѣмъ, чтобы будущая жена не бѣгала отъ него.

12) Въ Кинеш. у., Тарасовск. в. (№ 4), прежде чѣмъ ѣхать въ церковь, дружка съ иконой въ рукахъ три раза обходитъ весь поѣздъ, читая молитву: „Да воскреснетъ Богъ!“ Тоже въ Кинеш. у., Николаевск. в. (№ 9) и Есипл. (№ 13), но только безъ чтенія молитвы. Въ Варнав. у., Георгіевск. в. (№ 15), когда поѣздъ отъѣдетъ отъ дома невѣсты на нѣсколько саженъ, дружка его останавливаетъ, выходитъ изъ саней, обходитъ кругомъ весь поѣздъ и, остановившись впереди, хлещетъ крестообразно кнутомъ три раза по дорогѣ, для того чтобы лихой человѣкъ (колдунъ) не испортилъ жениха или невѣсту. Въ Ветл. у., Рожд. в. (№ 2), когда поѣздъ весь усядется, дружка съ различными приговорами обходитъ поѣздъ, чтобы, по народному повѣрью, поѣздъ не унесло на лѣсъ. Въ Варнав. у., Благовѣщ. в., с. Знаменскомъ (№ 17) дружка обходитъ весь поѣздъ трижды съ хлѣбомъ-солью, съ иконой и свѣчей кругомъ, послѣ чего становится въ выѣздныхъ воротахъ и хлещетъ три раза плетью по землѣ; только послѣ этого поѣздъ съѣзжаетъ со двора.

13) Въ Варнав. у., Богор. в. (№ 3) и г. Кинешмѣ на другой день свадьбы въ знакъ торжества бьютъ посуду.

14) Въ Варнав. у., Туранск. в. (№ 14) послѣ брака молодыхъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью родители, которые, по обыкновенію, въ церковь во время вѣнчанія не ѣздятъ, благословляютъ и осыпаютъ иногда хмелемъ, чтобы жилось богато, и житомъ, чтобы жилось весело. Тамъ же есть обычай разуванія (въ знакъ покорности) молодухой ногъ своему мужу передъ тѣмъ, какъ лечь спать.

15) Въ Варнав. у., Лапшанск. в. (№ 8), во время сватовства, по уходѣ свахи и жениха, невѣста, если женихъ понравился, беретъ вѣникъ и мететъ полъ; мететъ отъ порога въ передній уголъ; если же невѣстѣ женихъ не понравился, то пола она не мететъ. Въ Ветлужск. у., Тоншаевской в. (№ 6) на другой день свадьбы послѣ завтрака молодая мететъ полъ. Ей всячески мѣшаютъ: таскаютъ въ домъ солому, бьютъ горшки и корчаги, вообще не даютъ мести. Невѣста обходитъ всѣхъ съ поцѣлуями, и тогда гости унимаются. Въ Ветл. у., Ошминск. в. (№ 7) наканунѣ свадьбы подруги невѣсты днемъ приходятъ къ ней и моютъ всю избу. Въ Костр. у., Бѣлорѣченск. в. (№ 16), во время метенія пола невѣстой, всѣ поѣзжане, первый—молодой, кидаютъ на полъ деньги; молодая каждый разъ должна благодарить поклономъ въ ноги. (Тоже, но безъ поклоновъ въ Кологр. у., Кологр. в. № 5). Послѣ этого начнутся „умывашки“. Молодая стоитъ съ водой и мыломъ; всѣ поѣзжане умываются, молодой подноситъ имъ по стакану водки.

16) Въ Чухл. у., Борреевск. в. (№ 3) на другой день свадьбы, послѣ краснаго стола, приносятъ дровъ и топоръ и заставляютъ молодую рубить дрова при всѣхъ гостяхъ, которые остаются послѣ стола.

17) Въ Буйск. у., Письменск. в. (№ 2) послѣ вѣнчанія молодая закрытой садится за столъ вмѣстѣ съ женихомъ. Отецъ жениха приходитъ къ ней съ пирогомъ, въ который воткнута серебряная монета, и здоровается съ ней. Молодая, поздоровавшись, беретъ монету себѣ. Потомъ отецъ открываетъ молодую и показываетъ зрителямъ, спрашивая три раза: „хороша ли?“ Ему кричатъ: „хороша!“ трижды и потомъ кричатъ „ура!“ Въ Костр. у., Коряковск. в. (№ 13) въ тоже время мать жениха беретъ пирогъ, обводитъ имъ три раза вокругъ головы молодого, кладетъ его на голову и потомъ цѣлуетъ молодого въ губы; тоже продѣлываетъ и съ молодой, даетъ ей въ руки платокъ или денегъ, беретъ пучокъ зажженной лучины и, быстро сорвавъ платокъ съ лица молодой и поднося горящую лучину къ лицу невѣсты, кричитъ: „Похвалите ко, православные, хорошу ли я привезла невѣстку!“ Зрители во все горло кричатъ: „хороша“, потому что имъ за это даютъ вина.

18) Въ Ветл. у., Рождеств. в, (№ 1) есть обычай дарить тещу лаптями.

19) Въ Варнав. у., Баковск. в. (№ 2) когда родители жениха и невѣсты покончатъ со всѣми пунктами уговора, то зажигаютъ передъ иконами свѣчу, печку „переградятъ“ ухватомъ, дотронутся руками всѣ до стола и молятся.

Всѣ главнѣйшіе моменты свадьбы, особенно въ глухихъ мѣстностяхъ нашего края, сопровождаются наговорами дружки, причитаніями невѣсты, подругъ ея, иногда родителей и свахъ. Всюду почти крестьянская дѣвица, выходя замужъ, считаетъ непремѣнною своею обязанностью „повыть“, т.-е. поплакать; у крестьянъ даже сложилась примѣта, что, если невѣста предъ бракомъ не плачетъ, то въ замужествѣ наплачется вдоволь. Плача, она произноситъ въ ритмованной рѣчи слова, которыя въ совокупности образуютъ то, что мы называемъ „причитаніями“. Причитаній этихъ записано очень много (213), такъ что нѣтъ никакой возможности въ краткомъ очеркѣ не только указать ихъ содержаніе, но даже и перечислить всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ причитаетъ невѣста. Къ указаннымъ 213 причитаніямъ относятся лишь тѣ, которыя исполняются въ день свадьбы, но причитаетъ невѣста и наканунѣ свадьбы, и въ дѣвичникъ, и въ сговорки и во время такъ называемаго, „пропоя“, идя въ баню и т. д.; ей отвѣчаютъ подруги; такихъ причитаній записано 83; кромѣ того, во время брачной церемоніи одну изъ главныхъ ролей играетъ и дружка, который также наговариваетъ въ различные моменты брачной церемоніи. Такихъ наговоровъ записано 48. Такимъ образомъ, всего причитаній и наговоровъ за послѣдніе полтора года архивной комиссіей собрано 344. Предполагается издать ихъ отдѣльнымъ сборникомъ въ недалекомъ будущемъ.

Въ народныхъ вѣрованіяхъ также до настоящаго времени сохранилось много остатковъ старины.

Я уже упоминалъ ранѣе, что въ Костр. у. Челпановск. в. молодые послѣ вѣнца изъ церкви идутъ между двухъ рядовъ зажженныхъ костровъ (изъ соломы); въ Кинеш. у. Тарас. в. молодыхъ отъ вѣнца встрѣчаютъ съ зажженными пучками соломы, а въ Буйск. у. Алекс. в. недавно еще существовалъ обычай, когда невѣста выходила изъ дому, чтобы ѣхать въ церковь, ей подъ ноги бросали зажженную лучину. Въ этихъ обрядахъ нельзя не видѣть существовавшихъ у предковъ нашихъ вѣрованій въ очистительную и предохранительную силу огня. (Припомнимъ для аналогіи съ первымъ обычаемъ обрядъ прохожденія русскихъ князей во время татарскаго ига въ ордѣ въ ставку къ хану чрезъ два ряда зажженныхъ костровъ). Тоже самое вѣрованіе, несомнѣнно, проявляется и въ существующемъ до настоящаго вре-

мени обычаѣ во время падежа скота перегонять послѣдній чрезъ костеръ, зажженный огнемъ, вытертымъ непремѣнно изъ дерева (Варнав. у. Макар. в. № 16; того же у. Дмитріевск. в. № 12; В. у. Баковск. в. № 2). Въ сосѣднихъ съ г. Макарьевымъ деревняхъ и до сихъ поръ ежегодно весною окуриваютъ животныхъ тѣмъ же „деревяннымъ“ огнемъ и слѣпо вѣрятъ, что это окуриванье обеззараживаетъ животныхъ (Макар. у. б. г. Унжа № 14). Въ Костр. у. Завражьинск. в. (№ 12), при погребеніи во время повальныхъ болѣзней, при выносѣ покойника изъ селенія, женщины по дорогѣ зажигаютъ мусоръ; этимъ, по ихъ словамъ, онѣ прогоняютъ отъ себя болѣзнь.

Конечно, съ увеличеніемъ числа врачей, подающихъ помощь въ деревнѣ, и съ распространеніемъ среди народа образованія, крестьяне мало по малу начинаютъ привыкать обращаться за врачебной помощью, но все же въ громадномъ большинствѣ случаевъ они предпочитаютъ лѣчиться своими средствами и довольно таки часто обращаются къ знахарямъ и шептунамъ, вѣра въ которыхъ твердо еще держится въ народѣ. Крестьяне думаютъ, что болѣзни въ человѣкѣ являются отъ „нечистаго“, „бѣса“, „сусѣдушки“ (домового) и т. д. Такъ, въ Кологр. у. Ануфріевск. вол. (№ 11) отъ нѣкоторыхъ болѣзней на зарѣ не ложатся спать, а выходятъ на перекрестки дорогъ, говорятъ разныя нашептыванія и читаютъ „Сонъ Пресвятой Богородицы“ надъ водой. Затѣмъ этой водой поятъ больного, льютъ ему воду на голову и въ уши, и когда человѣкъ отъ попавшей въ уши воды вздрагиваетъ, читальщикъ говоритъ, что въ это время выходитъ изъ больного бѣсъ. Въ той же мѣстности вѣрятъ, что домовой („сусѣдушко“) можетъ сглазить, „изурочить“, испортить, и потому читаютъ молитву (заговоръ) отъ „сусѣдушки“. Въ Костр. у Семеновской в. с. Прископовѣ лихорадку называютъ „кумой“, „комухой“. Ее представляютъ въ видѣ женщины; всѣхъ такихъ женщинъ 12 сестеръ, а по другимъ варіантамъ 23 сестры. „Куму“ здѣсь излѣчиваютъ прижиганіемъ слегка свѣчкой спины больного, причемъ слышно будто бы, какъ трещитъ „кума“.

Для того, чтобы тотъ или другой заговоръ былъ дѣйствительно полезенъ, необходимо, чтобы тотъ, кто заговариваетъ, никому не передавалъ его текста, развѣ только передъ смертью онъ можетъ передать его родственнику своему или родственницѣ. Вотъ почему „заговоры“ и „нашептыванія“ сохраняются въ глубокой тайнѣ, и узнать ихъ текстъ чрезвычайно трудно. Тѣмъ не менѣе, въ губерніи за послѣдніе полтора года, кромѣ уже ранѣе указаннаго, записано 19 заговоровъ. Особенно интересенъ заговоръ отъ „комухи“—лихорадки, потому что во всѣхъ трехъ записанныхъ текстахъ лихорадки представляются въ видѣ 12 дѣвицъ, которыя идутъ къ людямъ, но святые (св. Пафнутій—Кинеш. у. Никол. в. № 9; Симонъ Преподобный—Костр. у., Мисковск. в. № 19; св. Сиѳній—Нерех. у. Блазновск. в. № 8) ихъ останавливаютъ. Записанъ заговоръ отъ зубной боли (Костр. у. Миск. в. № 19; Нер. у., Блазн. в. № 8; Кологр. у. Успенско-Нейск. в. № 13; Солигал. у. Зашугомск. в. № 1; Кологр. у. Халб. в. д. Большія Угоры №.....); болѣзни живота (Костр. у., Минск. в. № 19); отъ кровотеченія (Макар. у. Ильин.-Заб. в. № 3; Костр. у. № 19; Варнав. у. Богоявл. в. № 13; Нер. 8; Кологр. у. и в. № 5—два варіанта; Юрьев. у. Дьякон. в. № 5); отъ вывиха руки или ноги (Костр. 19); отъ испуга дѣтей (Костр. 19); чтобы ребенокъ былъ спокоенъ (Варн. у. № 13); есть заговоръ вообще отъ болѣзни—такъ въ Варнав. у. Богор. в. (№ 4) записано нашептываніе, которое произносится при пареньѣ въ банѣ больныхъ; есть заговоръ отъ „призору“ или „озепецъ“ (Макар. № 3).

Если крестьяне для излѣченія своихъ болѣзней сравнительно рѣдко обращаются къ врачу, то тѣмъ болѣе болѣзни домашнихъ животныхъ они лѣчатъ своими средствами, иногда также прибѣгая къ нашептываніямъ и наговорамъ. Такъ въ Ветлужск. у. Рождественской в. (№ 1) лошадей отъ „ногтя“ лѣчатъ заговоренной солью; заговариванье состоитъ въ томъ, что надъ солью произносятся слова. Въ Макар. у. Ильин. - Заб. в. (№ 3) записана наговорная соль при болѣзни коровы или лошади. Однимъ изъ самыхъ радикальныхъ средствъ противъ эпидемической болѣзни людей или животныхъ считается опахиванье. Такъ, въ Варнав. у. Дмитр. в. (№ 12) отъ падежа скота все селеніе въ глухую полночь опахивается сохою, въ которую впрягаются дѣвицы и женщины съ распущенными волосами.

Въ томъ же у. Макарьевск. в. (№ 2 и 16), при эпидемическихъ болѣзняхъ людей или скота, 12 дѣвицъ съ распущенными волосами, въ бѣлыхъ рубашкахъ, подпоясанныя нитками, обутыя въ новые лапти, безъ платковъ, безъ креста, съ разстегнутыми воротами рубашекъ везутъ косулю; везутъ въ глухую полночь, противъ солнца. При этомъ дома, въ которыхъ эта болѣзнь есть, оставляются за бороздою, такъ сказать выгораживаются, чтобы болѣзнь въ опахиваемое мѣсто не попала. Въ томъ же у., но въ Богородск. вол. (№ 4), при опахиваніи, одна изъ дѣвицъ съ иконою въ рукахъ идетъ впереди, а другія уже за ней везутъ соху или косулю. Какъ видно, послѣдній случай носитъ на себѣ уже слѣды православно-христіанскаго ученія.

Въ Ветлужск. у. Тоншаевской и Ошминской волостяхъ съ незапамятныхъ временъ живетъ племя черемисовъ. Оно замѣчательно, между прочимъ тѣмъ, что въ старину, да отчасти и теперь, населеніе, хотя и православное чтитъ еще и идола— „Кереметя“. Въ честь Кереметя и въ настоящее время можно видѣть на поляхъ, расчищенныхъ изъ подъ лѣса, нѣсколько дикорастущихъ деревьевъ—сосенъ и елей, огороженныхъ изгородью изъ жердей, съ небольшою площадью въ центрѣ огороженнаго лѣса. Это мѣсто своего рода свято для черемисъ и носитъ названіе: „Кереметище“; также изрѣдка попадаются еще на поляхъ и при домахъ одинокія дикорастущія деревья, которыя признаются черемисами тоже за святыню и посвящены Кереметю. Хорошій ростъ этихъ деревьевъ, особенная ихъ вѣтвистость и зеленый цвѣтъ служатъ признакомъ великой милости Кереметя къ владѣльцу поля или дворины. Всѣ скорби и напасти, какъ-то: болѣзни людей, падежъ скота и т. п. черемисинъ, вѣрующій въ Кереметя и по указанію „ворожцовъ или поповъ“, стремится умилостивить жертвою Кереметю. Эта жертва добывается по указанію ворожцевъ, т. е. нужно найти или пестраго жеребенка, или теленка или гуся или курицу, объявленнаго ворожцомъ цвѣта,—при чемъ платятся иногда значительныя деньги. Жертва убивается и варится на площадкѣ Кереметища въ котлѣ и съѣдается родственниками и близкими знакомыми человѣка, котораго постигла болѣзнь или несчастіе, а несъѣдобныя части жертвы сжигаются въ Кереметищѣ. Спиртные напитки при принесеніи жертвы не покупаются, а пьется только въ рѣдкихъ случаяхъ самими черемисами приготовленный и принесенный въ Кереметище медокъ или квасокъ (родъ нашей браги безъ хмелю). Въ настоящее время такія жертвоприношенія, по отзывамъ какъ черемисъ, такъ и окружающихъ ихъ русскихъ, уже составляютъ рѣдкость.

Ничто такъ долго не держится въ вѣрованіяхъ народа, какъ убѣжденіе въ существованіи домовыхъ и лѣшихъ. Перваго иногда считаютъ даже другомъ дома (Кологр. у. Никит. в. № 8) и называютъ его еще „сусѣдушкой“. Въ Галич. у. Холмовск. в. с. Холмахъ (№ 2) многіе говорятъ даже, что видѣли домового: онъ мохнатенькій, бѣленькій, маленькій, съ чернымъ на концѣ хвостикомъ. Въ Солиг. у. Корцовской в. (№ 5) домового представляютъ въ образѣ сѣдого старика съ большою бородой. Въ Кинеш. у., селѣ Бѣлоникольскомъ (№ 23), если сынъ отдѣлится отъ отца, выстроитъ новый домъ и переходитъ туда жить, то зоветъ съ собой домового и говоритъ: „Мой домовой! Пойдемъ со мной домой, полюби мою скотинку“.

По понятію народа, „нечистый“ обитаетъ болѣе въ лѣсахъ и баняхъ; если онъ водится въ комнатѣ, то это—шишимора; слышатъ, какъ иногда прядетъ; если оставить пряжу съ куделей въ избѣ, особенно наканунѣ праздника, напрядетъ путая на веретенѣ такъ, что приходится разстригать (Чухл. 13). Въ Юрьев. у. Мордвиновск. в. с. Елпати (№ 3) ходятъ два устныхъ разсказа, какъ домовой въ банѣ испугалъ мывшихся тамъ крестьянъ, а затѣмъ крестьянку, обрабатывавшую тамъ ленъ. Впрочемъ, домовой проявляетъ свою дѣятельность только на скотѣ. Если животное, несмотря на уходъ, худѣетъ, значитъ—не ко двору, домовой не любитъ; иногда онъ не любитъ какой-нибудь масти, напр. вороной, рыжей и т. п. Случается, что у коровы отнимается и не владѣетъ задъ; объясняютъ—домовой ударилъ (Чухл. 5). Домовой рѣдко знается съ человѣкомъ, котораго давитъ во время сна ночью или явится ему въ видѣ рыжей кошки, предвѣщая этимъ какую-нибудь значительную перемѣну въ жизни (№ 13. Кол. у. Усп.-Нейск. в. № 13). Всякую болѣзнь скота крестьяне иногда приписываютъ исключительно усердію домового. (Ib.)

Въ лѣсу, по мнѣнію народа, живетъ лѣшій; онъ можетъ мѣняться въ ростѣ: когда идетъ лѣсомъ—ростомъ съ дерево, когда полемъ—не выше травинки. Если кому придется заблудиться въ лѣсу, то говорятъ, что его обошелъ лѣшій. Слыша хлопанье въ лѣсу, говорятъ, что лѣшій въ ладоши хлопаетъ. Есть три разсказа на эту тему (Чухл. у. с. Васьково № 5; Макар. у. Ильинск.-Заборск. в. № 3).

Кое-гдѣ въ губерніи сохраняется еще убѣжденіе, что въ водѣ живутъ русалки; такъ, въ Чухл. у. Просѣк. в. д. Красникѣ (№ 13) крестьяне утверждаютъ, что, ловя рыбу въ рѣченкѣ, будто бы видѣли русалку, которая, увидавъ ихъ, бросилась въ воду. Въ Макар. у. Ловыгинск. в. с. Симеоновскомъ (№ 10) крестьяне говорятъ, что видѣли этихъ чертовокъ (русалокъ здѣсь называютъ чертовками) на деревенскомъ плоту, на которомъ бѣлье моютъ: сидятъ онѣ и волосы расчесываютъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Кинеш. у. Вич. в. д. Чертовище. № 20 и Нерехтск. у. Митинск. в. с. Митино № 4) называютъ блуждающій огонекъ на болотахъ „фонарникомъ“ (мертвецъ), который, если итти за нимъ, можетъ „завести“, т. е. спутать съ дороги.

Въ Варнав. у. Богородск. в. (№ 4) вѣрятъ въ так. наз. „стригу“. Въ каждомъ селеніи существуетъ своя стрига. Она является въ представленіи народа въ видѣ женщины. Въ полночь на Ивановъ день стрига, одѣвшись во все бѣлое, уходитъ въ поле стричь колосья на чужихъ полосахъ и отнимаетъ ихъ у другихъ. Поймать ее бываетъ очень трудно, въ виду ея способности превращаться въ животныхъ и птицъ. Скупая, несообщительная женщина или мужчина подобнаго характера, особенно если у нихъ бываетъ болѣе хлѣба, чѣмъ у другихъ, заподозрѣвались односельчанами въ томъ, что они—„стриги“.

Всѣ вообще колдуны, по мнѣнію народа, знаются съ „нечистымъ“; кромѣ того въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Галичск. у. Селецкой в. (№ 3) есть почему то всѣми нелюбимыя старухи, про которыхъ разсказываютъ, что онѣ „знаются съ нечистымъ“, и въ доказательство своихъ разсказовъ говорятъ, что видали, какъ къ нимъ „чрезъ трубу летаетъ огненный змѣй“.

Вѣрованіе въ загробное существованіе человѣка отразилось въ нѣкоторыхъ обрядахъ и обычаяхъ. Такъ, въ Макар. у. Кусской в. (№ 12) когда душа долго не можетъ выйти изъ тѣла, есть обычай открывать на крышѣ нѣсколько тесинъ.

Въ Варнав. у. Лапшанск. в. (№ 8), когда человѣкъ кончается, на столъ ставятъ чашку съ водой. По повѣрью крестьянъ, душа человѣка, выйдя изъ тѣла, окунется въ этой водѣ. Въ Ветл. у. Ошминск. вол. (№ 7), когда у больного начинается предсмертная агонія, родные ставятъ подъ иконы чашку съ водою и вѣшаютъ чистое полотенце, чтобы душа по выходѣ изъ тѣла могла омыться. Въ Варнав. у. Макар. в. (№ 2), когда больной умираетъ или „пашется“, то въ домѣ наблюдается тишина, чтобы не измѣшать покойника; въ противномъ случаѣ будто бы онъ еще промается 12 сутокъ; отворяютъ двери, пропускаютъ смерть, у изголовья ставятъ воду: когда душа выходитъ, она обмывается этою водою.

Въ Варнав. у. Лапшангской в. и Макар. на улицѣ къ углу того дома, гдѣ былъ покойникъ, прикрѣпляется кусокъ бѣлаго холста и виситъ въ теченіе сорочинъ. Въ это время душа, плача о своихъ грѣхахъ, приходитъ къ дому и вытирается (№ 2 и 8).

Въ Ветл. у. Рождественск. в. (№ 2) селѣ Дороватовѣ есть повѣрье, что душа умершаго въ 40-ой день послѣ смерти приходитъ въ послѣдній разъ домой и принимаетъ участіе въ трапезѣ приглашенныхъ въ этотъ день на поминки; поэтому въ иныхъ мѣстахъ на столъ ставятъ лишній приборъ или кладутъ лишнюю ложку. Послѣ угощенія душа будто бы уходитъ навсегда, и вотъ родственники, преимущественно женщины, провожаютъ ее до воротъ деревни съ различными причитаніями.

Какъ бракъ, одно изъ главныхъ событій въ жизни крестьянина, сопровождается различными причитаніями, такъ равно смерть и похороны пробуждаютъ въ душѣ человѣка горькія чувства, изливающіяся въ причитаніи—пѣснѣ. Изъ похоронныхъ причитаній нѣкоторыя также удалось записать собирателямъ памятниковъ народнаго творчества. Перечислимъ ихъ:

1) Причитанія семейной женщины на похоронахъ у мужа (Варнав. у. Туранск. и Богоявл. в. № 13 и 14). 2 варіанта.

2) Причитанія жены по мужѣ, когда онъ только что умеръ (Костр. у. Миск. в. № 19;—два варіанта; Кинеш. у. Георгіевск. в. № 6; Кологр. у. Потрусовск. в № 16; Ветл. у. Зарѣчная в. № 9). Всего 5 варіантовъ.

3) Пр—нія жены по мужѣ, когда выносятъ покойника изъ дому (Костр. у. Мисковск. в. № 19; Кологр. у. Ник.-Ширск. в. № 12) 2 варіанта.

4) Пр—нія жены по мужѣ, когда несутъ покойника по улицѣ (Костр. у. Миск. в. № 19). Одинъ варіантъ.

5) Пр—нія жены по мужѣ, когда покойникъ стоитъ въ церкви (Кологр. у. Ник.—Ширск. в. № 12) 1 варіантъ.

6) Пр—нія жены по мужѣ, когда послѣдняго опускаютъ въ землю (Костр. № 19) 1 варіантъ.

7) Пр—нія жены по мужѣ, когда вернется домой послѣ похоронъ (Кологр. у. Ник.-Ширск. в. № 12). 1 варіантъ.

8) Пр—нія жены по мужѣ на другой день похоронъ и на могилѣ (Кологр. у. Нотрус. в. № 16). 1 варіантъ.

9) Причитанія жены по мужѣ вообще. (Макар. у., с. Семеновское № 17).

10) Дѣти въ причитаніи оплакиваютъ смерть матери (Ветлужск. у. Зарѣчная в. № 9). 1 варіантъ.

11) Причитанія дочери по отцѣ, только что умершемъ (Варнав. у. Богор. в. № 4; Нер. у. Блазн. в. № 8). 2 вар.

12) Причитанія дочери по отцѣ, когда послѣдняго несутъ изъ дома (Варнав. у. № 4). 1 варіантъ.

13) Пр—нія дочери по отцѣ, когда послѣдняго несутъ изъ храма, и спустя нѣсколько времени по его могилѣ (Варнав. № 4). 1 вар.

14) Причитанія дочери по отцѣ, въ день его похоронъ вообще (Кологр. у. Никит. в. № 8; Варнав. у. Богоявл. в. № 13). 2 варіанта.

15) Пр—нія дочери по матери, когда послѣдняя лежитъ еще въ домѣ (Чухл. у. с. Успенское № 6). 1 вар.

16) Пр—нія дочери по матери, когда несутъ гробъ въ церковь (Чухл. № 6). 1 варіантъ.

17) Пр—нія сироты, пріѣхавшей на родину (Варнав. у. Богородск. в. № 3). 1 варіантъ

18) Причитанія дочери по матери безъ отношенія къ извѣстному моменту. (Макар. у. с. Семеновское).

Кромѣ этихъ, такъ сказать, семейныхъ причитаній, записаны еще два рекрутскихъ плача: 1) Плачъ матери, провожающей въ военную службу сына (Костр. у. Мнск. в. № 19) и плачъ сестры, провожающей въ военную службу брата (Варн. у. Богор. вол. д. Замѣшаихи (№ 3).

Всего такимъ образомъ записано причитаній похоронныхъ и при рекрутскихъ наборахъ съ варіантами 28.

Любовь къ пѣнію, какъ извѣстно, распространена среди простого народа. Собирателямъ произведеній народной музы удалось записать и нѣсколько пѣсенъ.

Изъ хороводныхъ пѣсенъ записаны слѣдующія: 1) „Какъ во славномъ то городѣ во Казани“... 2) „Ходилъ молодецъ на гулянье“... Варнав. у. Тонк. в. № 5. 3) „Варили дѣвушки пьяное пиво“... 4) „Травина ль моя, травина... Кологр. у. и в. № 6. 5) „Ѣхалъ панъ отъ князя пьянъ“... 6) „Подъ лѣсомъ подъ

зеленымъ шелкова трава“... „Кологр. у. Ник.-Шир. в. № 12; Мак. у. с. Семеновское №.....; Макар. у. Ловыч. в. № 10; Кологр. у. Матвѣевск. в. № 25. 7) „Не по промыслу заводчикъ заводы заводитъ“... 8) „Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго, изъ за садику зеленаго, тутъ шли, прошли два молодчика“. . Костр. у. Пушк. в. д. Нажарово.

Изъ пѣсенъ обрядовыхъ: 1) Пѣсня, поющаяся при окликаніи молодыхъ въ Пасх. субботу, называемая: „вьюнецъ“: „Ой вьюница, ой молодая! Еще дома ли хозяинъ со хозяюшкою“?... (Мак. у. Ловыч. в. № 10), и другая „Молодая молодица! Подай намъ яйца“... (Чухл. у. Просѣк. в. № 14). 2) Пѣсня, которую, гадая поютъ въ семикъ дѣвушки: „Сегодня семикъ честной“... (Варнав. у. Богоявл. в. № 13). 3) Пѣсня, которую поютъ крестьянскіе мальчики подъ окнами наканунѣ Егорьева дня, (Кологр. у. Матв. в. № 25; Чухл. у. Просѣковск. в. № 14).

Къ игорнымъ пѣснямъ можно отнести такія, пѣніе которыхъ сопрождается тою или другой игрой. Пѣсни эти слѣдующія: 1) „Заря моя, зорюшка“!.. (Кологр. у. Ник.-Ширск. в. № 12).—Подъ эту пѣсню ходили кругомъ по бесѣдѣ двѣ дѣвицы. 2–6), „По первой то порошѣ шелъ мальчикъ хорошій“... (Кол. у. Ник.-Ширск. в. № 12); „Иванъ то жениться собирался“... (Чухл. у. Просѣк. в. № 14); „Какъ на талую то землю вышала пороша“... (Солиг. у. Корц. в. № 5); „Что Иванушка нынче женится“..... и „Пріѣзжалъ тутъ женишекъ“... (Костр. у. Пушк. в. д. Нажарово). Подъ эти пѣсни ходили молодецъ и дѣвица, что называлось „женить молодца“. 7) „Кши, кши, тетеря“—при игрѣ въ тетерю“ (Кологр. у. Матв. в. № 25). 8) „Зинька, выйди въ садъ“.... — при игрѣ „зайчикомъ“ (Чухл. у. Просѣк. в. № 14). 9) „Наваримъ мы пива, зеленого вина“.... поютъ дѣвицы, составляя круги на гуляніяхъ весеннихъ. 10) „Груня по саду ходила“... 11—13) „Со вьюномъ пошла“..., „Золотую дугу заложить не могу“..., „Сидитъ дрема, самъ онъ дремлетъ“....—поютъ дѣвицы на святкахъ, ходя по бесѣдѣ и цѣлуясь съ парнями (Ветл. у. Тонк. в. № 6). 14—19) Подблюдныя пѣсни, которыя поютъ дѣвки, гадая: „Твори мати опару“..., „Положу иголочку на полочку“..., „У колышка стоятъ три конюшка“..., „Тупицами сѣкутъ“..., „Идетъ лѣсникъ изъ лѣсу“..., „Сидитъ Ирина на овинѣ“... (Тамъ же). 20—21) „Какъ на тоненькій ледокъ... выпадалъ бѣлый снѣжокъ“..., „Не заря ли свѣтитъ мѣсяцъ во жемчужное кольцо“... (Кологр. у. и в. № 6).

Записано значительное количество пѣсенъ, въ которыхъ о любви поется. Сюжеты довольно разнообразны. 1) „Изъ за города да изъ за Кіева протекала тутъ да рѣчка быстрая“... (Кологр. у. и в. № 25). 2—3) „Цвѣли то цвѣли въ полѣ цвѣтики“..., „Получила я красна дѣвица письмо-грамотку“... (Кол. у. Ник.-Ширск. в. № 12). 4—5) По Дону гуляетъ казакъ молодой“..., „Изъ за лѣсику то солнце катится“ (Варнав. у. Богор. в. № 4). 6—9) „Ужъ ты голубь, голубь, голубокъ“..., „Калинушка съ малинушкой лазоревый цвѣтъ“..., „Какъ на горкѣ на горѣ, на высокой на крутой стоитъ новъ, высокъ теремъ“..., „Я по бережку похаживала“... (Варнав. у. Богор. в. № 3). 10—13) Задумали родители замужъ выдавать“..., „Что не ластонька ли по полю летала, не касатонька ли къ землѣ припадала, отъ мила дружка вѣстка перепала“..., „Доживу ли я дѣвица до лѣта“..., „Съ пятницы ли было на субботу“, (Варнав. у. Тонк. вол. № 5). 14—15) „Не пряди, моя милая, не задорься“... „Заунывное сердце мое безпрестанно тужитъ“... (Ветл. у. Рождеств. в. № 1). 16—18) „Я по садику гуляла по зелененькому“..., „Во селѣ было Измайловѣ“..., „Со веселья хожу, съ радости... (Чухл. у. с. Бушнево. № 18).

Къ пѣснямъ семейнымъ можно отнести слѣдующія: 1—3) „Уже злые то коренья, то крапивные, уже неснословы сердца, то свекровины“..., „Шла я лѣсикомъ, не боялася“..., „Я вечоръ млада во пиру была“... (Варнав. у. Богородск. в. № 3 и 4).

Записаны еще 2 пѣсни, поющіяся на свадьбахъ: про „хмель“ и про „Ваню“. „Полноте ребята, чужое пиво пити“..., „Экой, Ваня, разудала голова!.. (Макар. у. Ловыч. в. № 10). Есть пѣсня, относящаяся къ эпохѣ крѣпостного права—„Родимая моя мати! Мнѣ куда горе дѣвати“? (Варнав. у. Пищуник. в. № 8); 2 пѣсни о бродягахъ (Варнав. у. Богор. в. № 3. В. у. Мак. в. № 16), 3 пѣсни разбойничьи: 1 – 2) „Что со вечера разбойникъ собирался воевать“..., „Что во городѣ во славномъ Питерѣ тутъ жила была молода вдова“, (Варнав. у. Богор. в. № 4); 3) „Захотѣлося дѣвчонкѣ за разбойника замужъ“... (Ветл. у. Рождеств. вол. № 1).

Записаны 2 пѣсни военныя, одна изъ которыхъ считается также плясовой: 1) „Изъ за крутыхъ горъ не бѣлая то зоренька занималася—тка, красное солнышко выкаталося—тка, выкаталася, поднималася сила войская—Государева“... 2) „По дорогѣ на лугу стоитъ армія въ кругу“... (Кологр. у. Ник.-Ширск. в. № 12). 2 пѣсни историческія: 1) „Нашъ Батюшка Императоръ Николай Государь по своей славной армеюшкѣ поѣзживаетъ“... (Варн. у. Богор. в. № 4). 2) „Въ Костромской было губерніи, во Варнавинскомъ уѣздѣ“. (Варнав. у. Тонк. в. № 7—преданіе о бывшемъ здѣсь въ 1830 г. крестьянскомъ бунтѣ).

—

Есть наконецъ, въ матеріалахъ, собранныхъ комиссіей, записанныя народными учителями и учительницами легенды о кладахъ. Всего записано 10 такихъ легендъ; въ нѣкоторыхъ даже говорится, какимъ образомъ возможно открыть эти клады. Мѣстонахожденіе кладовъ указываютъ: 1) Въ Варн. у. Богоявл. в. около с. Галкина (№ 13), 2) въ Чухл. у. Просѣк. вол. ок. с. Арсеньевой Слободы (№ 14), 3) въ Варнав. у. Богор. в. близъ с. Беберина Богородскаго (№ 4), 4—5) Варнав. у. Богор. в. близъ д. Замѣшаихи (№ 3), 6) Ветл. у. Рождеств. в. ок. д. Майтихѣ. (№ 1), 7) Макар. у. Валовск. в. ок. с. Валовъ (№ 16), 8) Чухл. у., Калик. в. ок. с. Троицкая церковь. (№ 17), 9) Кологр. у. Халбуж. в. ок. д. Большія Угоры. (№ 26), 10) Чухл. у. ок. с. Бушнева (№ 18). Есть 4 легенды о разбойникахъ и кладахъ, ими оставленныхъ. 1) Макар. у. Коверн. в. ок. с. Ковернина (№ 4). 2) Варн. у. Лапшангск. в. ок. с. Лапшанги (№ 8). 3) Макар. у. близъ бывш. г. Унжи (№ 14). 4) Варнав. у. Георг. в. близъ с. Георгіевскаго. Записано также 4 разсказа о разбойникахъ (Варн. у. Богородск. в. ок. д. Замѣшаихи № 3), 3 преданія о панахъ (Ветл. у. Рожд. в. бл. с. Дороватова (№ 2) и д. Майтихи № 1; Макар. у. Валовск. в. ок. с. Валы № 16), 2 легенды о колдунѣ и колдуньѣ — оборотняхъ, преданіе о невидимой, подземной церкви, разсказъ странницы, легенда о томъ, почему теперь на Руси много золота и серебра, и одна сказка (Варнав. у. Богор. в. въ д. Замѣшаихѣ № 3). Всего же устныхъ преданій и легендъ записано 27.

—

Настоящій докладъ представляетъ собою попытку свести въ нѣкоторую систему все то, что въ продолженіе послѣднихъ $1^1/_2$ года было собрано и записано изъ живой старины Костромского края всѣми лицами, откликнувшимися на предложеніе

комиссіи. Не претендуя на особенную самостоятельность и оригинальность, составитель доклада стремился лишь помощью наглядныхъ примѣровъ показать, сколь много интереснаго матеріала собрано комиссіей. Конечно, матеріалъ этотъ можно считать случайнымъ (вслѣдствіе того, что программа въ самомъ дѣлѣ была слишкомъ обширна), но онъ несомнѣнно указываетъ на то также, въ какомъ направленіи предстоитъ работать членамъ архивной комиссіи. Составитель доклада съ своей стороны полагаетъ, что прежде всего необходимо детально изучить одну какую либо сторону народнаго быта, напр. свадебные обряды, собравъ необходимый для этого матеріалъ, а затѣмъ уже переходить къ другому вопросу, записывая то, что сохранилось изъ глубины вѣковъ въ богатой памяти народной.

Костромская Губериская ученая архивная коммиссія, помимо прямой своей обязанности собиранія храненія и описанія древнихъ рукописей и предметовъ древности Костромского края, вознамѣрилась собрать матеріалы по этнографіи и обычному праву Костромской губерніи. Полученный матеріалъ напечатать отдѣльнымъ сборникомъ. Поэтому коммиссія обращается съ покорнѣйшею просьбою ко всѣмъ просвѣщеннымъ лицамъ,—не признаютъ ли они возможнымъ записать въ своей мѣстности, гдѣ они проживаютъ, этнографическія свѣдѣнія по прилагаемой при семъ программѣ.

ВОПРОСЫ:	ОТВѢТЫ:
1. Какъ называется село или деревня? (Обозначить уѣздъ и волость. Въ селѣ обозначить церковь, деревянная или каменная).	
2. Какое мѣстоположеніе описываемаго селенія? (При рѣкѣ, на горѣ или въ котловинѣ? Близко ли лѣсъ, судоходная рѣка, приходъ, городъ, уѣздъ, губернія).	
3. Какъ народъ объясняетъ названіе и происхожденіе селенія?-	
4. Не существуетъ ли преданія о прошломъ, напр.: о старыхъ помѣщикахъ, о ихъ строгости, милостяхъ и т. д.	
5. Численность и наружность жителей по росту, по тѣлосложенію, по цвѣту волосъ.	
6. Не обнаруживается ли въ жителяхъ инородческихъ примѣсей: финновъ, черемисовъ, вотяковъ и монголовъ.	
7. Какія особенности мѣстнаго говора въ словообразованіи и произношеніи словъ: напр., Акулина или Окулина; омбаръ или амбаръ; алтарь или олтарь; кортина или картина; сапоги или сопоги; окунусь или укунусь; робята или ребята; собѣ или себѣ; текотъ или течетъ; нёбо или небо; сплетни или сплётни; рёбро или ребро; сильняё, сильняя или сильнѣе; цѣлуетъ, цёлуетъ или цолуетъ; вёсна, весна или висна; играетъ, играетъ или играитъ; махаетъ или махаитъ: симя, сини, виникъ; доброво, худово или добраго, худого; рокъ или рогъ; сапогъ или сапокъ; богатый или бокатый; солнышко или солнышка; дочка или дочкя; сверху или сверхю; Ванька, Ванькя или Ваньтя, рѣдькя или редьтя; ангелъ, андѣлъ; что или што, или штё, или шо; гдѣ или гди; лехьче, лехче или лехше; сидьни или сегодня; ходятъ или ходютъ; рѣзать или рушать. Не употребляется ли въ говорѣ частицъ ну—ста, да—пить, да—бишь, онъ батъ... и т. п. *)	

*) Просимъ вслушиваться въ говоръ преимущественно лицъ постоянно живущихъ въ деревнѣ, не утратившихъ своего говора подъ вліяніемъ книжнаго образованія или продолжительнаго пребыванія въ городахъ. При этомъ означить село или деревню, гдѣ произведены наблюденія въ говорѣ. Желательно, чтобы было означено удареніе, какъ произносятся слова и нѣтъ ли тягучести въ говорѣ.

ВОПРОСЫ:	ОТВѢТЫ:

8. Мѣстныя слова, реченія и поговорки. Нѣтъ ли особенныхъ?

9. Какія книжки читаетъ народъ: духовнаго или свѣтскаго содержанія,—гдѣ берутъ ихъ?

10. Наружное и внутреннее устройство домовъ и ихъ убранство: деревенское или городское? *)

11. Не преобладаетъ ли въ извѣстной мѣстности обычай украшать лицевой конекъ крышъ изображеніями конскихъ головъ?

12. Какой способъ освѣщенія домовъ (т. е. лучина, свѣчи, керосинъ); не употребляется ли еще огниво, кремень, парга, трутъ, спички горючія?

13. Какая одежда мужчинъ и женщинъ: праздничная и будничная, лѣтняя и зимняя, а также обувь, названіе: азямъ, кафтанъ, полушубокъ, чепанъ, зипунъ, шугай, понёва; босовики, бахилы.

14. Нѣтъ ли остатковъ старинныхъ одеждъ: кокошниковъ, ширинокъ, шалей, кушаковъ, треуховъ.

15. Какую пищу употребляетъ народъ: толокно, рѣдьку, лукъ, капусту. Часто ли рыбу и мясо?

16. Какими средствами пользуетъ народъ или знахари болѣзни какъ свои, такъ и животныхъ? Не пьютъ ли настоевъ съ травъ, кореньевъ, камешковъ и песку съ могилъ?

17. Не употребляется ли нашептываній и заговоровъ при болѣзняхъ? (Записать ихъ, если возможно).

18. Какое главное занятіе народа? (т. е. земледѣліе, пчеловодство, кустарные или отхожіе промыслы).

19. Каково религіозное настроеніе народа и какія секты существуютъ въизвѣстной мѣстности?(Записать названія сектъ).

20. Не существуетъ ли сказаній о мѣстныхъ святыхъ иконахъ и какія именно?

21. Какіе обычаи существуютъ при рожденіи и крещеніи дѣтей?

22. Какіе существуютъ обряды, причитанія и наговоры на сговоркахъ, свадьбахъ и похоронахъ?

23. Какія существуютъ народныя игры и гулянья и къ какимъ днямъ времени года они пріурочены? (т. е. весны, лѣта, осени, зимы).

24. Народныя повѣрья: встрѣчи, карканье, переходъ дороги?

25. Не существуетъ ли сказаній: о колдунахъ, вѣдьмахъ, оборотняхъ, домовыхъ, лѣшихъ и русалкахъ?

26. Не существуетъ ли въ народѣ старинныхъ пѣсенъ, сказокъ, прибаутокъ, пословицъ и какія именно?

27. Не сохраняется ли въ народѣ легендъ о кладахъ, разбойникахъ и панахъ?

---

*) Желательно знать составныя части крестьянской избы, а также и надворныхъ построекъ (напр. чердакъ, конникъ, голбецъ, матица, хлѣвъ, рига).

Н. М. Бекаревичъ.

О нѣкоторыхъ городищахъ въ Костромской губерніи.

До сего времени членами нашей Архивной Комиссіи изслѣдовано 4 городища: 3 въ Костромскомъ уѣздѣ и одно въ Варнавинскомъ. Всѣ городища имѣютъ болѣе или менѣе однородную внѣшнюю физіономію: располагаются они при рѣкѣ, занимая возвышенную господствующую мѣстность, такъ что видъ съ нихъ далекій, и панорама простирается на многія версты; спускъ къ рѣкѣ крутой, обрывистый; наконецъ, въ верхней своей части вблизи или непосредственно за дерновой покрышкой имѣютъ болѣе или менѣе толстый культурный слой. Подобныя городищенскія возвышенія не насыпныя, но природныя, ибо со стороны обрыва видны правильныя геологическія напластованія. Можно лишь только допустить, что ихъ вершина (площадь) сравнена рукой человѣка, такъ какъ площадь дѣйствительно представляется какъ бы нивеллированной.

Приведемъ краткія описанія городищъ и находокъ въ нихъ:

I. На правомъ берегу р. Волги, противъ гор. Костромы находится сельцо Городище, Каримовской волости. И. В. Миловидовъ въ своей статьѣ „о Костромѣ въ историко-археологическомъ отношеніи“ считаетъ эту мѣстность за первоначальное основаніе Костромы, которая только впослѣдствіи была перенесена на лѣвый берегъ р. Волги. Здѣсь были находимы монеты XIV вѣка и черепки старинной посуды.

Возвышенность, занимаемая сельцомъ Городищемъ, въ своей срединѣ образуетъ какъ бы выступъ, спускающійся довольно круто къ р. Волгѣ. Вершина этого выступа имѣетъ почти правильную форму круга, діаметръ котораго равенъ 30 метрамъ и окружность 102 метр. Часть этого холма покрыта деревьями и, до проведенія возлѣ него вѣтки желѣзной дороги, служила для загородныхъ гуляній.

Непосредственно за дерномъ, одѣвающимъ этотъ холмъ, нами былъ обнаруженъ культурный слой, въ которомъ попадается масса черепковъ глиняной посуды, угли, кремневые осколки и небольшіе обломки костей животныхъ. Между прочимъ было найдено: кремневый наконечникъ копья, очевидно недодѣланный, затѣмъ найденъ кремень, также оббитый въ формѣ копья, но еще менѣе отдѣланный, нежели первый, кремень въ формѣ кружка (въ 25-копѣечную монету), съ одной поверхности онъ почти плоскій, а съ другой приплюснуто-шаровидный съ оббитыми краями по окружности.

Черепки глиняной посуды изъ плохо вымѣшанной глины, принадлежатъ, повидимому, небольшимъ сосудамъ. На поверхности ихъ замѣчаются примитивные орнаменты и рубчики отъ плетенокъ, служившихъ для ихъ изготовленія. Эти руб-

чики по всей вѣроятности—остатки отъ тѣхъ плетенокъ, которыя служили имъ формой при изготовленіи. Проф. Высоцкій *) въ своемъ трудѣ „О глиняныхъ издѣліяхъ каменнаго вѣка“ говоритъ, что всего чаще, повидимому, посуда вылѣплялась прямо руками. Рѣже употреблялся другой болѣе сложный способъ, заключавшійся въ томъ, что предварительно выплетались корзины изъ тонкихъ прутьевъ или травы, такой формы, какую желали придать глиняному сосуду, на эту плетушку намазывалась, возможно ровнымъ слоемъ, глина и когда она высыхала — плетушка выжигалась. Въ нашемъ случаѣ можно предположить, что глиняная посуда изготовлялась первобытными насельниками городищенскаго края не намазываніемъ, а *вмазываніемъ* глины въ заранѣе приготовленныя корзинки или плетушки, такъ какъ рубчатые отпечатки покрываютъ сплошь не только стороны горшка, но и ихъ днища.

Наружная поверхность (вылѣпленныхъ руками) горшковъ всегда почти несетъ орнаментъ, состоящій изъ различнаго рода вдавленій, расположенныхъ параллельными или пересѣкающимися линіями, образующими въ своихъ комбинаціяхъ треугольники или ромбы, Вдавленія имѣютъ формы: круглую и прямоугольную. Приведемъ описанія нѣсколькихъ черепковъ.

1) Черепокъ отъ верхней части сосуда съ утолщеннымъ вѣнчикомъ. Наружная поверхность его усѣяна рубчиками, кромѣ рубчиковъ на ней замѣчается 3 полушарообразной формы выступа; съ внутренней стороны имѣется 3 глубокихъ вдавленія, которыя и образуютъ снаружи три соотвѣтствующихъ выпуклости. 2) Черепокъ отъ верхней части сосуда также съ утолщеннымъ вѣнчикомъ. На наружной поверхности имѣются орнаменты изъ прямоугольныхъ вдавленій, образующихъ три опоясывающія линіи; между 2-й и 3-й идутъ линіи изъ такихъ же вдавленій параллельно въ наклонномъ положеніи, а подъ 3-й, образуя углы. 3) Два черепка отъ днищъ съ рубчиками на ихъ наружной поверхности. 4) Черепокъ съ ромбовиднымъ орнаментомъ изъ прямоугольныхъ вдавленій.

II. „Городокъ“ близъ с. Черной заводи, Чернозаводской вол., Костромского уѣзда, отстоитъ отъ города Костромы въ 20 вер. вверхъ по р. Волгѣ. Самое мѣсто, именуемое „Городкомъ“, находится въ полуверстѣ отъ села и представляется въ видѣ полукруглаго выступа, господствующаго надъ окружающей мѣстностью. Окружность площади Городка равняется 67 метр. Городокъ отстоитъ отъ р. Волги въ полутораверстномъ разстояніи. У подножія его протекаетъ рѣчка Черная.

Въ прежнія времена, по разсказамъ старожиловъ, эта мѣстность была покрыта дремучими дубовыми лѣсами, а на Городкѣ будто бы жили разбойники, грабившіе проѣзжій народъ по р. Волгѣ. Разсказываютъ, что при постройкѣ на этомъ мѣстѣ кузницы были находимы большія пластинки слюды, оставшіяся, по всей вѣроятности, отъ какого-нибудь древняго жилища и служившія вмѣсто оконныхъ стеколъ.

Непосредственно подъ дерновымъ слоемъ, одѣвающимъ „Городокъ“, наблюдается культурный слой, при раскопкѣ котораго нами были найдены черепки древней глиняной посуды съ остатками на ихъ наружной поверхности рубчиковъ отъ плетенокъ, послужившихъ формами для ихъ изготовленія. Орнаментика незначительная, въ видѣ сквозныхъ круглыхъ отверстій близъ вѣнчика горшка и въ видѣ прямоугольныхъ вдавленій; стѣнки горшковъ, въ особенности днища, довольно толстыя.

*) Тр. Общ. Естест. при Импер. Каз. Унив., т. XIV, вып. 5.

Вмѣстѣ съ черепками попадается большое количество золы, углей и части костей животныхъ. Вблизи „Городка“ въ 100 шагахъ находится овинъ крестьянина с. Черной заводи; при устройствѣ „ладони“ крестьянинъ наткнулся на три костяка. Хозяинъ овина разсказываетъ, что при одномъ скелетѣ былъ найденъ мѣдный крестъ и остатки сгнившаго дерева.

III. Городище близъ с. Минскаго, Пушкинской вол., Костромского у., отстоитъ отъ гор. Костромы въ 6 верстахъ, внизъ по теченію р. Волги на берегу, гдѣ лежалъ извѣстный камень „кобыла“, взятый на постройку часовни на Сусанинской площади. Городище представляетъ собою треугольникъ, обращенный вершиной на С. и основаніемъ на Ю. Стороны его: 1) 36 метр. (лежащая на Ю.), 2) 78 метр. (выходящая къ Волгѣ) и 3) 90 метр. (граничащая съ оврагомъ „Лопатошнымъ“). Городище расположено на обрывистомъ берегу р. Волги, отвѣсъ котораго равенъ 26 метрамъ. Большая часть этого треугольника распахана подъ хлѣбныя поля. На этомъ мѣстѣ бываетъ народное гулянье, наподобіе „Яриловки“ (въ гор. Костромѣ), во Всѣхсвятское заговѣнье.

Въ различныхъ мѣстахъ Городища нами было проведено 10 траншей. Выбрасываемая изъ траншей почва имѣла преимущественно черный или темнобурый цвѣтъ отъ примѣси громаднаго количества дубовыхъ и отчасти сосновыхъ углей и золы. Дубовые угли достигали значительныхъ размѣровъ; такъ объемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ около 10—15 кб. сант. Кромѣ углей и золы, были находимы въ большомъ количествѣ черепки глиняной посуды; большинство изъ нихъ покрыто рубчиками, нѣкоторые орнаментированы округлепными и прямоугольными вдавленіями, иногда образующими правильный рисунокъ изъ угловъ. Кромѣ этого изъ обожженной глины найденъ обломокъ грузила (для невода). Затѣмъ въ изслѣдованной почвѣ попадались желѣзные шлаки различныхъ величинъ и найдено желѣзное орудіе, форма котораго напоминаетъ широкое долото съ округленнымъ нижнимъ концомъ и полымъ верхнимъ, заключающимъ въ себѣ остатки дубовой рукоятки.

IV. Городище близъ с. Богородскаго находится отъ города Варнавина въ 8 верстахъ, внизъ по теченію р. Ветлуги. На существованіе его еще въ 1877 году указывалъ А. П. Поливановъ; въ 1894 г. и послѣдующіе годы А. П. занялся тщательнымъ изслѣдованіемъ этой мѣстности; въ прошломъ и текущемъ году раскопки были продолжены мною, а потому, пользуясь результатами его изслѣдованій и отчасти своими, я дѣлаю попытку описать эту интересную въ археологическомъ отношеніи мѣстность.

Богородское Городище названо такъ потому, что находится вблизи с. Богородскаго, на самомъ берегу р. Ветлуги. Городище представляетъ собою холмистый возвышенный берегъ, высящійся до 43 метровъ надъ уровнемъ воды. Правильно расположенные геологическіе слои песка, мергеля и разныхъ глинъ указываютъ, что городище не насыпное, а естественная господствующая мѣстность Приветлужья. Дѣйствительно, если взглянуть съ городища на разстилающуюся передъ глазами картину, то наблюдателемъ сразу овладѣваетъ чувство какого-то превосходства, чувство недоступности къ этому пункту. А мы знаемъ, что древніе насельники всегда вѣдь выбирали такія господствующія надъ окружающими мѣстности: отсюда они могли всегда своевременно видѣть приближающагося врага, отразить его нападеніе и отстоять свою жизнь, употребляя при этомъ въ дѣло незатѣйливое оружіе изъ камня и кости.

Городище покрыто кустарникомъ и лѣсомъ.— Кромѣ траншей, проложенныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опытною рукою А. П. Поливанова, всюду замѣчается большое количество различной глубины ямъ — это работа окрестныхъ жителей, среди которыхъ сохранились преданія о городищенскихъ кладахъ и которые время отъ времени тщетно добиваются призрачныхъ богатствъ. Кромѣ этого Богородскіе крестьяне культурный слой городища, какъ прекрасный черноземъ, берутъ себѣ на огородныя гряды.

Подъ слоемъ дерна или на глубинѣ 20 — 25 сантим. обнаруженъ культурный слой чернаго или пепельнаго цвѣта. Этотъ культурный слой поистинѣ кажется гигантскимъ, а именно мощь его опредѣляется 60 — 80 — 112 и даже 140 сантиметрами. Здѣсь въ полномъ безпорядкѣ перемѣшивается огромное количество костей животныхъ, черепковъ, глиняной посуды, осколковъ, камней, углей и золы.

Угли, преимущественно сосновые, попадаются различныхъ величинъ отъ горошины и до величины большого яблока; они лежатъ или отдѣльно, или перемѣшаны съ золой, камнями и др. Камни (гранитъ, песчаникъ, кремень), большею частію перекалены и носятъ слѣды очага.

А. П. Поливановымъ на глубинѣ около аршина въ сѣромъ супескѣ было найдено сооруженіе въ видѣ четырехстѣннаго очага, сложеннаго изъ булыжнаго камня въ нѣсколько рядовъ.

Между прочимъ были найдены кремневые осколки (въ видѣ скребковъ), отломанный конецъ каменной стрѣлки, или копья, обломки песчаника, обточеннаго въ видѣ небольшихъ кругловатыхъ брусковъ и въ видѣ долота, и пластинка съ отверстіемъ, просверленнымъ въ ея верхнемъ краѣ.

Найденныя кости принадлежатъ слѣдующимъ животнымъ: лосю, оленю, медвѣдю, бобру, лошади, кабану, овцѣ и мелкимъ грызунамъ. Встрѣчаются кости птицъ и рыбъ (изъ сем. осетровыхъ). Многія изъ костей обуглены, а трубчатыя всѣ почти безъ исключенія расколоты вдоль, очевидно съ цѣлью добычи костнаго мозга, составлявшаго любимое кушанье древнихъ обитателей. Тщательное раскалываніе трубчатыхъ костей, можно думать, не вызывалось однимъ только желаніемъ добыть костный мозгъ, но также заполучить и матеріалъ для выдѣлки различныхъ костяныхъ орудій. При произведенныхъ раскопкахъ городища было найдено значительное количество издѣлій изъ кости.

Такъ, найденъ цѣлый рядъ костей съ болѣе или менѣе пріостренными концами, каковые предметы могли служить колющимъ орудіемъ (наподобіе кинжаловъ) и шильями. Эти предметы сдѣланы изъ длинныхъ осколковъ трубчатыхъ костей, реберъ и фибулъ. Одно орудіе заострено съ двухъ противоположныхъ концовъ.

За симъ найдены костяныя издѣлія меньшихъ величинъ, округлыя и ограненныя, каковыя служили наконечниками для стрѣлъ и копій. Найдена небольшая костяная иголка съ прекрасно просверленнымъ ушкомъ. Нѣкоторые предметы носятъ слѣды тщательной отдѣлки и полировки. Кромѣ этого, были обнаружены слѣдующія издѣлія:

Наконечникъ костяной остроги (или гарпунъ). Рукоятка изъ рога (оленя) для ножа или кинжала. Кабаньи клыки съ зарубинами при основаніи; у одного изъ нихъ имѣется орнаментъ изъ зигзагообразныхъ линій и точекъ. Просверленные зубы (медвѣдя и плодоядныхъ). Дудка или свистокъ изъ птичьей кости; часть кости съ двумя отверстіями, находящимися вблизи другъ друга; въ общемъ предметъ имѣетъ фигуру цифры „8“.

Глиняныя издѣлія подраздѣляются на двѣ категоріи. Различнаго рода сосуды (отъ которыхъ найдены черепки) и предметы, какъ полагаетъ А. П. Поливановъ, имѣвшіе символическое значеніе. Черепки, находимые въ огромномъ количествѣ, несутъ на себѣ по большей части орнаментировку и нерѣдко притомъ весьма сложную и искусную. Посуда или вылѣплялась руками, или дѣлалась при помощи гончарнаго круга. Сортъ глины различный: красный, синеватый, съ примѣсью хрящa или мелкихъ частицъ раковинъ; всѣ эти сорта встрѣчаются въ различныхъ напластованіяхъ городища. Множество черепковъ несутъ слѣды плетенокъ.

Наиболѣе простымъ орнаментомъ является рядъ (или 2—3) круглыхъ, овальныхъ или прямоугольныхъ вдавленій около вѣнчика горшка; сложный состоитъ изъ рядовъ такихъ же вдавленій, соединенныхъ съ рядами веревочнаго орнамента, который присутствуетъ на большинствѣ черепковъ. Этотъ видъ былъ наиболѣе любимъ древними обитателями, ибо встрѣчается на одномъ черепкѣ до 24 рядовъ веревочнаго узора, опоясывающаго горшокъ. Встрѣчаются узоры, сдѣланные очевидно приспособленными для этой цѣли штампиками, напр., въ видѣ кружковъ, косыхъ полосокъ изъ ряда неправильныхъ квадратиковъ, повторяющихся въ одномъ и томъ же порядкѣ и имѣющихъ однѣ и тѣ же неправильности.

Судя по найденнымъ черепкамъ, сосуды, которымъ они принадлежали, имѣли разнообразныя формы и величины, напоминая собою и современную корчагу, и горшокъ-кашникъ. Замѣтимъ также, что многіе черепки носятъ слѣды очага.

Между прочимъ былъ найденъ небольшой сосудъ, похожій на тупую половину куринаго яйца (такой же почти и величины).

Глиняные кружки величиною отъ 4 до 7 сант. въ діаметрѣ испещрены рядами болѣе или менѣе правильныхъ вдавленій, образующихъ концентрическіе круги; 4 изъ нихъ имѣютъ сквозное въ срединѣ отверстіе, а у одного (наибольшей величины) отверстіе не доходитъ до центра диска. Меньшій кружокъ напоминаетъ форму напряслица.

Изъ желѣза найдены: 2 небольшихъ ножа, наконечникъ стрѣлы, 2 небольшихъ заостренныхъ прута 10—12 сант., одинъ изъ нихъ перевитой; желѣзный миніатюрный, какъ бы молоточекъ, кольцо и маленькая бронзовая 8-миобразная пластинка.

А. П. Поливановъ полагаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ концомъ эпохи каменнаго вѣка (неолитическаго періода), когда въ употребленіе стало входить желѣзо, и что здѣсь найдены такъ называемые кухонные остатки, т. е. слѣды пиршествъ древнихъ обитателей Приветлужья. Да,—несомнѣнно—это кухонные остатки. Костромскіе Кьёккенмёддинги. Здѣсь нѣкогда ключемъ била жизнь человѣка, здѣсь возжигались кострища, приносились жертвы, быть можетъ, было и судилище и расправа. Но это дѣло, конечно, послѣдующихъ раскопокъ, которыя наша Архивная Комиссія намѣрена продолжить...

Способъ выдѣлки посуды, орнаментика черепковъ указываютъ на отдаленное время устройство городищъ. Въ двухъ случаяхъ на нихъ находятся каменныя издѣлія, въ одномъ — многочисленныя изъ кости; желѣзо примѣшивается въ очень незначительномъ количествѣ. Едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что городища были въ концѣ неолитическаго періода каменнаго вѣка, когда человѣкъ познакомился съ желѣзомъ.

М. А. Липинскій.

Къ вопросу о несвободномъ земледѣльческомъ населеніи въ Московскомъ государствѣ. (По даннымъ Угличской Писцовой книги).

Одною изъ отличительныхъ особенностей современной исторіографіи является сдѣланный ею поворотъ въ сторону изученія экономическихъ явленій прошлаго. Этотъ поворотъ объясняется все болѣе пропикающимъ въ научное сознаніе убѣжденіемъ въ широкомъ воздѣйствіи, которое оказываютъ особенности народнаго хозяйства на прочія стороны быта, и значительными успѣхами, достигнутыми экономическою наукою въ дѣлѣ установленія началъ, по которымъ происходило и происходитъ указанное воздѣйствіе.

За послѣднее десятилѣтіе многое достигнуто въ области изученія экономическихъ явленій прошлаго. Тщательно собираются и издаются матеріалы, на которые прежніе изслѣдователи, увлеченные другого рода вопросами, обращали мало вниманія. Въ наукѣ поставленъ на очередь цѣлый рядъ новыхъ положеній, и въ ранѣе изученномъ открываются новыя стороны, указывающія на необходимость пересмотра прежнихъ выводовъ.

Къ числу матеріаловъ, которые при означенномъ направленіи историческихъ изысканій заслуживаютъ особеннаго вниманія, являются писцовыя книги, т. е. статистическія описанія, предпринимавшіяся у насъ для различныхъ правительственныхъ цѣлей.

Угличская писцовая книга, данными которой я пользуюсь для моего доклада, была составлена Северьяномъ Андреевичемъ Давыдовымъ и подьячимъ Осипомъ Трофимовымъ въ 1629—1630 гг. Названная книга сохранилась въ копіи въ Архивѣ Министерства Юстиціи (Описаніе Архива, I, № 2703) и по этой рукописи издана во Временникѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

На основаніи данныхъ означенной книги я позволю себѣ предложить вашему вниманію нѣсколько свѣдѣній о несвободномъ земледѣльческомъ населеніи Угличскаго уѣзда въ XVII вѣкѣ.

Приступая къ изложенію моей темы, я невольно вспоминаю слова, слышанныя мною на одной изъ лекцій проф. В. О. Ключевскаго.

Коснувшись значенія писцовыхъ книгъ, какъ историческаго матеріала, проф. Ключевскій замѣтилъ, что писцовыя книги во многихъ частяхъ своихъ представляются для насъ тайнописаніемъ, ключъ къ которому добывается съ большимъ трудомъ.

Дѣйствительно, въ писцовыхъ книгахъ мы имѣемъ цифровыя данныя объ извѣстномъ рядѣ хозяйственныхъ явленій, обозначенныхъ въ выраженіяхъ, смыслъ которыхъ можетъ быть раскрытъ лишь на основаніи изученія ряда другихъ памятниковъ эпохи. Прежде чѣмъ изучать данныя, содержащіяся въ писцовой книгѣ, дѣлать тѣ или другіе выводы изъ сопоставленія цифръ, представляется необходимымъ точно установить значеніе терминовъ, усвоенныхъ составителемъ писцоваго описанія. Безъ такого рода дешифраціи мы не можемъ надлежаще пользоваться матеріаломъ, содержащимся въ писцовыхъ книгахъ, и данныя этихъ книгъ могутъ навести насъ на ложные пути, чему уже имѣются въ литературѣ нѣкоторые примѣры.

Въ моемъ докладѣ я обращу прежде всего ваше вниманіе на термины, которыми въ Угличской писцовой книгѣ обозначается несвободное земледѣльческое населеніе. При описаніи отдѣльныхъ помѣстій и вотчинъ и входящихъ въ составъ этихъ помѣстій и вотчинъ населенныхъ пунктовъ (селъ, деревень, селецъ, починковъ), Угличская писцовая книга называетъ, рядомъ съ дворами помѣщиковыми и вотчинниковыми, крестьянскими и бобыльскими, особо дворы *людскіе*.

Давно была отмѣчена та особенность нашей древней юридической терминологіи, что слова, служащія для обозначенія всего населенія, съ теченіемъ времени получаютъ болѣе тѣсное значеніе.

Такъ, терминъ крестьяне, долженствующій обозначать все населеніе, просвѣтленное христіанскою вѣрою, становится терминомъ для обозначенія одного разряда земледѣльческаго населенія. Слово мужъ, первоначально служившее для обозначенія всякаго свободнаго, съ теченіемъ времени, въ формѣ „мужикъ“, стало обозначать одинъ извѣстный классъ населенія.

То же случилось, хотя и не вполнѣ, со словомъ людинъ, людье, люди.

Въ древнихъ, какъ юридическихъ, такъ и другихъ памятниковъ,—„люди“ обозначаетъ все свободное населеніе со всѣми его подраздѣленіями. Но, рядомъ съ такимъ значеніемъ слова люди, рано входитъ въ употребленіе называть людьми различные разряды холоповъ, рабовъ,—все несвободное населеніе въ отличіе отъ свободнаго.

Такъ въ духовной великой княгини Софьи Витовтоны читаемъ:

„А что у меня *людей* моихъ ни есть... азъ ихъ всѣхъ пожаловала, ослободила есмь ихъ всѣхъ, по моемъ животѣ вси свободны“.

Точно также въ дошедшей до насъ духовной грамотѣ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева XV в. послѣдній отпускаетъ на волю всѣхъ своихъ рабовъ: „А людей своихъ отпущаю на слободу“... (Проф. Сергѣевичъ. Юрид. Др. I., 125).

Уложеніе, постановляя о судьбѣ рабовъ измѣнниковъ говоритъ: „А будетъ кто измѣнитъ изъ Московскаго государства отъѣдетъ въ иное государство, а послѣ его людемъ его по государеву указу и боярскому приговору дана будетъ воля“.

Согласно означенному словоупотребленію, подъ людскими дворами, въ отличіе отъ дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, должно понимать дворы несвободныхъ, челяди, почему эти дворы въ нѣкоторыхъ болѣе раннихъ писцовыхъ книгахъ и называются „челядинными“.

Перечисляя людскіе дворы, Угличская писцовая книга обозначаетъ и лицъ, которыя въ этихъ дворахъ проживаютъ, называя ихъ дѣловыми людьми, задворными дѣловыми людьми и просто задворными.

Такъ, при описаніи помѣстья Гурья Ивановича Волынцева, въ Городскомъ

стану, описана дер. *Житово*, а въ ней живутъ дѣловые люди: въ дворѣ Ивашко Амосѣевъ да сынъ его Микитко, въ дворѣ Марко Федоровъ. Въ итогѣ эти два двора названы людскими дворами (стр. 8).

Въ томъ же Городскомъ стану описана дер. *Савино*, принадлежавшая вдовѣ Аннѣ Опочининой. Въ этой деревнѣ значится во дворѣ задворный человѣкъ Никифорко Парфеневъ. Въ итогѣ дворъ этого названъ людскимъ (стр. 18).

Терминъ „задворный“ встрѣчается и въ соединеніи съ терминомъ „дѣловой“.

Въ Елоцкомъ стану въ помѣстьи Нѣмчина Лохарта, въ селѣ Васильковѣ, былъ дворъ помѣщиковъ да дворы задворныхъ дѣловыхъ людей, во дв. Кирилко Федоровъ, во дв. Антипко Дмитріевъ (стр. 249).

Всего лишь въ двухъ случаяхъ писцовая книга ближе обозначаетъ профессію дѣлового человѣка.

Въ числѣ дѣловыхъ людей, проживавшихъ въ вотчинномъ селѣ Пертерга, принадлежавшемъ Дмитрію Семеновичу Погожему, значится Михалко Васильевъ сынъ, *конюхъ* (стр. 598).

Въ селѣ *Котъ*, вотчинѣ Ивана Юрьевича Нелединскаго, были дворы задворныхъ людей и, между прочимъ, дворъ *кузнеца* Афонки.

Не всегда, однако, перечисляя жильцовъ людскаго двора, писцовая книга прибѣгаетъ къ указаннымъ терминамъ.

Часто она называетъ дворъ людской такого-то, дворъ людской, а во дворѣ такой-то. Въ двухъ случаяхъ, описывая людской дворъ, писцовая книга именуетъ человѣка, проживающаго во дворѣ, по его хозяину. Въ дер. Лукьяновѣ, принадлежавшей стольнику князю Андрею Федоровичу Литвинову-Масальскому, въ людскомъ дворѣ проживалъ: князь Андреевъ человѣкъ Юшка Петриковъ. Въ помѣстной деревнѣ Горки, Федора Ивановича Погожего, названъ людской дворъ: во дворѣ Федоровъ человѣкъ Ивашко Столыпинъ (стр. 143 и 315).

Въ людскомъ дворѣ даннаго помѣщика могли проживать дѣловые люди, не ему принадлежавшіе. Такъ, въ дер. Лодыгинѣ, въ Кацкомъ стану, принадлежавшей Любиму Федорову Муринову, проживали дѣловые люди брата его двоюроднаго Помѣстнаго Приказа подъячаго Тимофея Гомосова (стр. 289).

Наиболѣе часто при описаніи людскихъ дворовъ въ качествѣ жильцовъ называются *дѣловые* люди.

На все число людскихъ дворовъ въ 80-ти названы дѣловые люди, въ 10-ти задворные и задворные дѣловые люди, въ остальныхъ жильцы названы поименно безъ обозначенія, кто они.

Терминъ „дѣловые люди“ древній. Мы встрѣчаемся съ нимъ еще въ половинѣ XIV в., для обозначенія холоповъ. Такъ, въ своей духовной 1353 г. великій князь Симеонъ Ивановичъ, перечисляя людей, которыхъ онъ по смерти своей освобождаетъ на волю, называетъ „людей дѣловыхъ или кого буде прикупилъ или кто ми ся будетъ въ винѣ досталъ... всѣмъ тѣмъ людемъ далъ есмь волю, куда имъ любо, а братьѣ моей ни моей княгинѣ тѣ люди не надобны“. (Собр. гр. I № 24).

Точно также и частныя лица въ своихъ духовныхъ въ числѣ лицъ несвободнаго состоянія, которымъ даруется свобода, упоминаютъ дѣловыхъ людей.

Княгиня Овдотья Ивановна Шемякина и Пронская въ духовной 1565 г. опредѣлила: „А которые у меня люди служили полные и кабальные и до тѣхъ моихъ людей дѣла нѣтъ никому, вольные царя и великаго князя, у которыхъ моихъ лю-

дей лошадь на имяни моего даваны и у дѣловыхъ людей и всякая животина и того у нихъ не замати". (Оедотовъ Чеховскій. Акты, относящіеся до гражд. расправы, I, 226).

Въ духовной грамотѣ Дмитрія Михаиловича Плещеева 1562 г. дѣловые люди также упоминаются въ числѣ холоповъ: „А люди мои служивые деревенскіе и дворовые и повары, и хлѣбники, и конюхи, и псари, и дѣловые люди полные и докладные и кабальные, всѣмъ имъ свобода, куда хотятъ". (Тамъ же, I, 276).

Какъ видно изъ указанныхъ примѣровъ, въ составѣ дѣловыхъ людей упоминаются различные по своему юридическому происхожденію разряды рабовъ: полные, докладные, кабальные.

Писцовая книга, называя дѣловыхъ людей, не указываетъ тѣхъ юридическихъ основаній, на которыхъ они были крѣпки своимъ владѣльцамъ.

Напротивъ, при составленіи переписныхъ книгъ 1646 г. и 1677 — 1678 гг., у владѣльцевъ спрашивали, на какихъ основаніяхъ они называютъ тѣхъ или другихъ жильцовъ людьми.

Въ писцовомъ наказѣ 1646 г. писцамъ предписывалось смотрѣть и беречь накрѣпко, чтобы у той переписки никто не воровали, крестьянъ и бобылей не тапли... и крестьянъ своихъ людьми не называли.

А кто учнетъ, говорится въ наказѣ, дворы крестьянскіе называть людскими, и про тѣхъ людей разспрашивать, какіе у кого люди, старинные ли или крѣпостные, и будутъ скажутъ крѣпостные, и на тѣхъ людей крѣпостей досматривать, и тѣхъ людей ставить передъ собою и про старину разспрашивать и писать ихъ себѣ статьею". (А. А. Э. IV, № 14, стр. 25).

Еще опредѣленнѣе тоже самое предписано въ писцовомъ наказѣ 1678 г. 26 января, списокъ котораго хранится въ Архивѣ Министерства Юстиціи и приготовляется мною къ печати.

Въ наказѣ предписано: „а которые помѣщики и вотчинники и ихъ прикащики и старосты станутъ у переписки сказывать, что въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ во дворахъ живутъ люди, а не вотчинные и не помѣстные крестьяне, и ихъ писать противъ ихъ сказокъ, а въ сказкахъ помѣщикомъ и вотчинникомъ и ихъ прикащикомъ писать про тѣхъ людей имянно, какіе у нихъ на нихъ крѣпости, кабальные или купленные или полонные или старинные, и буде полонные, гдѣ они записаны, и буде старинные, какія у нихъ на старину крѣпости".

Соотвѣтственно этому, на основаніи данныхъ переписныхъ книгъ мы можемъ составить опредѣленное сужденіе, по какимъ крѣпостямъ были крѣпки своимъ владѣльцамъ, между прочимъ, и дѣловые люди, часто упоминающіеся въ переписныхъ книгахъ.

На основаніи извлеченій изъ переписныхъ книгъ, напечатанныхъ покойнымъ проф. Замысловскимъ, можно видѣть, что дѣловыми людьми назывались какъ полные, такъ и кабальные холопы, выходцы, иноземцы, полонные люди, и т. д. Въ переписной книгѣ по Брянскому уѣзду 1678 г. за дѣвкою за Михайловой дочерью Андреева сына Похвиснева въ деревнѣ Каменки значится дворъ люцкой Захарки Игнатова. Да въ томъ же дворѣ дѣловые люди Мишка Кузьминъ. У него братья Климка да Микитка. А тотъ человѣкъ крѣпокъ ей по кабальному холопству (Замысловскій, стр. 153).

Въ томъ же уѣздѣ, по той же переписной книгѣ, у помѣщика Алексѣя Дурова

въ дер. Павловичи жилъ дѣловой человѣкъ крѣпкій ему по раздѣльной записи съ братьями нынѣшняго 186 г. (Замысловскій стр. 143).

Въ дер. Нешковичи за помѣщиками Колтовскими жили дѣловые люди крѣпкіе по рядной записи и по данной. (Замысловскій, стр. 142). Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, подъ дѣловыми людьми на языкѣ памятниковъ XVII в. понимаются всякаго рода несвободные люди, челядь, безразлично къ юридическому основанію, на которомъ они были крѣпки тому или другому лицу.

Извѣстно, что дворовая челядь распадалась на нѣсколько разрядовъ въ зависимости отъ ихъ хозяйственнаго назначенія, и среди этихъ разрядовъ образовался классъ холоповъ, предназначавшихся для сельско-хозяйственныхъ работъ, сидѣвшихъ на пашнѣ.

Въ литературѣ давно было высказано мнѣніе, что терминъ дѣловые люди въ памятникахъ XVII в. служитъ для обозначенія именно указаннаго разряда холоповъ. Такъ К. П. Побѣдоносцевъ въ своихъ историческихъ очеркахъ крѣпостного права въ Россіи XVII и XVIII столѣтія установляетъ, что дѣловыми людьми назывались люди холопскаго происхожденія, употреблявшіеся по назначенію помѣщика для пашенной и сельской работы въ уѣздныхъ, вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ его, гдѣ и были обыкновенно поселяемы во дворѣ у помѣщика или особыми дворами. (Стр. 45).

Ту же мысль развиваетъ и проф. Ключевскій въ своихъ статьяхъ, „Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи“.

Нѣтъ основаній думать, что дѣловыми людьми назывались исключительно пашенные холопы, что дворовые люди не могли также называться дѣловыми, но несомнѣнно, что терминъ „дѣловые“ весьма часто усвоивается именно холопамъ, исполнявшимъ сельско-хозяйственныя работы.

Проф. Дьяконовъ приводитъ изъ сборника актовъ Троицко-Сергіево монастыря духовную Ивана Васильевича Кондырева отъ 1599 г., въ которой содержатся распоряженія владѣльца относительно его слугъ.

Кондыревъ приказываетъ людямъ служивымъ отдать коней и мериновъ.... „а которые азъ Иванъ люди дѣловые на пашню порядилъ въ Синицино, и тѣмъ людемъ дати по лошади“.

Здѣсь люди дѣловые, поряженные на пашню, противополагаются служивымъ, т.-е. тѣмъ холопамъ, которые являлись боевыми спутниками господина въ походахъ.

Въ цѣломъ рядѣ дошедшихъ до насъ духовныхъ, при освобожденіи дѣловыхъ людей на свободу и надѣленіи ихъ имуществомъ, завѣщатели приказываютъ дѣловымъ людямъ всякую животину: лошадей, коровъ, овецъ, т. е. скотъ необходимый для сельско-хозяйственныхъ работъ.

Такъ какъ, повидимому, было въ обычаѣ, при выдачѣ холопамъ отпускныхъ, по завѣщательнымъ распоряженіямъ предоставлять отпускаемымъ на волю „кто на чемъ служилъ“, то изъ того, что дѣловымъ людямъ завѣщается сельско-хозяйственный скотъ, можно заключить, что весьма обычнымъ занятіемъ дѣловыхъ людей было хлѣбопашество.

Уложеніе, въ статьѣ, въ которой оно упоминаетъ о дѣловыхъ людяхъ, понимаетъ подъ ними именно пашенныхъ холоповъ.

Имѣя своею цѣлью описаніе размѣровъ и качествъ земельныхъ владѣній, пис-

цовая книга отмѣчаетъ лишь тѣ разряды населенія, которые сидѣли на землѣ, были заняты ея воздѣлываніемъ, и упоминаемые ею въ составѣ земледѣльческаго населенія на ряду съ крестьянами и бобылями, дѣловые люди являются пашенными холопами.

Кромѣ дѣловыхъ людей, въ числѣ жильцовъ, проживающихъ въ людскихъ дворахъ, писцовая книга, какъ замѣчено было выше, упоминаетъ задворныхъ людей.

Впервые терминъ „задворный человѣкъ“ встрѣчается въ одномъ частномъ актѣ, именно въ духовной Ивана Богачева, засвидѣтельствованной въ 1622 г. Ссылку на эту духовную находимъ въ переписной книгѣ по Серпухову 1646 г. Въ ссылкѣ сказано: „А въ той духовной человѣкъ Симошка написанъ задворнымъ.“

Въ актахъ болѣе раннихъ мы встрѣчаемъ упоминаніе о задворныхъ дворишкахъ, задворьяхъ.

Въ переписной оброчной книгѣ Воцкой пятины 1500 г. говорится о монастырской пашнѣ „въ задворьяхъ“.

Въ Пошехонскомъ уѣздѣ въ селѣ Воздвиженскомъ, какъ это видно изъ мѣновной 1582 г., былъ дворъ большой и съ задворными дворишки.

О задворныхъ людяхъ говорится въ указѣ 1624 г. 14 октября, постановленія котораго перешли за симъ въ Уложеніе.

Между тѣмъ какъ писцовыя книги 20-хъ годовъ лишь изрѣдка упоминаютъ о задворныхъ людяхъ, въ переписныхъ книгахъ 1646 и 1678 годовъ терминъ этотъ встрѣчается довольно часто.

На основаніи означенныхъ переписныхъ книгъ можно видѣть, что въ составъ задворныхъ людей, такъ же какъ и въ составъ дѣловыхъ людей, входятъ холопы самаго разнообразнаго юридическаго происхожденія.

Въ качествѣ задворныхъ людей упоминаются служащіе по служилой кабалѣ, купленные и полонные холопы, старинные и приданные и крѣпкіе по женитьбѣ на крѣпостныхъ дѣвкахъ и т. п.

Проф. Милюковъ еще въ своей книгѣ „Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства“ высказалъ сужденіе, что задворными людьми могли быть не только холопы, но и свободные классы земледѣльческаго населенія. То же повторено проф. Милюковымъ и въ его обширномъ изслѣдованіи „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в“.

По мнѣнію проф. Милюкова, задворные люди представляютъ не особое юридическое состояніе, а экономическую группу населенія; въ составъ ея входили холопы разныхъ наименованій, но попадались и крестьяне.

Въ доказательство своего положенія, что задворными людьми могли быть не только холопы, но и лица свободныхъ состояній, крестьяне и бобыли, проф. Милюковъ ссылается на данныя переписныхъ книгъ.

Въ означенныхъ книгахъ иногда отмѣчено по отношенію къ задворнымъ людямъ: „а тѣ задворные люди крѣпки по прежнимъ переписнымъ книгамъ“, или „крѣпки“ (потому что отцы ихъ написаны въ прежнихъ переписныхъ книгахъ бобылями или взяты изъ крестьянъ или изъ бобылей старинные и крѣпки по писцовымъ и переписнымъ книгамъ).

Нѣкоторыя изъ свидѣтельствъ переписныхъ книгъ, приводимыя проф. Милюковымъ, не могутъ служить подтвержденіемъ его мнѣнія, потому что они отличаются неопредѣленностью. Такъ, если въ переписной книгѣ указано, что такой-то задворный человѣкъ крѣпокъ по прежней писцовой или переписной книгѣ, то это

можетъ означать лишь, что онъ человѣкъ старинный, что онъ и въ прежней писцовой или переписной книгѣ значится задворнымъ. Такъ какъ въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ показывались не одни крестьяне или бобыли, но и задворные люди, то, при частомъ отсутствіи иныхъ крѣпостей, ссылка на прежнія книги могла служить подтвержденіемъ правъ на данное лицо, какъ на задворнаго человѣка.

Что касается до тѣхъ свидѣтельствъ переписныхъ книгъ, по которымъ задворные люди значатся взятыми изъ крестьянъ, изъ бобылей, крѣпкими, потому что отцы ихъ написаны въ писцовыхъ книгахъ въ крестьянствѣ и бобыльствѣ, то намъ кажется, что и такого рода обозначенія не могутъ вести къ предположенію, что терминъ „задворный человѣкъ“ объемлетъ собою не только холоповъ, но и крестьянъ и бобылей. Взятъ изъ крестьянъ, крѣпокъ по отцу, записанному въ писцовой книгѣ крестьяниномъ или бобылемъ, могло означать, что къ моменту, когда составлялась переписная книга, лицо, бывшее прежде крестьяниномъ или бобылемъ, стало холопомъ, выдавъ на себя служилую кабалу.

Для того, чтобы устранить возможность предположенія, что данный задворный человѣкъ бѣглый чужой крестьянинъ или бобыль, отмѣчалось, что онъ бывшій крестьянинъ или бобыль того же владѣльца, у котораго онъ при составленіи переписной книги записывается въ задворные.

Случаи закрѣпощенія чужихъ бѣглыхъ крестьянъ были настолько часты, что Уложеніе признало необходимымъ въ развитіе правила „не пріимай чужихъ крестьянъ и бобылей“ установить о возвращеніи обратно помѣщикамъ и вотчинникамъ ихъ бѣглыхъ крестьянъ, которые въ бѣгахъ выдавали на себя кабалы (XI, ст. 23).

Только что отмѣченное нами мнѣніе, какъ намъ кажется, слишкомъ расширяетъ понятіе задворнаго человѣка, признавая, что задворнымъ человѣкомъ могъ быть и крестьянинъ.

Наоборотъ, въ мнѣніи проф. Ключевскаго, которому принадлежитъ заслуга наиболѣе тщательной разработки вопроса о задворныхъ людяхъ, понятіе задворнаго человѣка съуживается.

Проф. Ключевскій, а за нимъ и академикъ Лаппо-Данилевскій полагаютъ, что задворные люди представляютъ собою особый видъ кабальныхъ холоповъ.

По мнѣнію перваго изъ названныхъ ученыхъ, первоначально, когда образовался институтъ кабальнаго холопства, законъ, характеризуя юридическое положеніе кабальныхъ холоповъ, оставался равнодушенъ къ хозяйственному употребленію, какое дѣлали изъ нихъ господа.

Въ половинѣ XVII в., когда рядъ условій вызвалъ все чаще повторяющійся переводъ кабальныхъ холоповъ на пашню, съ поселеніемъ ихъ особыми дворами, задворные люди выдѣлились въ особое юридическое состояніе изъ состава кабальнаго холопства.

Въ отличіе отъ кабальнаго задворный обязывался жить не во дворѣ своего господина, а своею избою, при чемъ онъ не былъ обязанъ нести службу „по вся дни“, а садился какъ и крестьянинъ на земельный участокъ, получая отъ хозяина подмогу и удѣляя своему господину часть своего труда или замѣняя работу на него оброкомъ.

Главное отличіе задворнаго отъ обыкновеннаго кабальнаго въ томъ, что кабальный обязанъ служить по смерть господина, а задворный вѣчно крѣпокъ такъ же, какъ и крестьянинъ.

Въ виду такихъ отличій задворнаго отъ кабальнаго выработалась особая *жилая задворная запись*, отличная отъ кабальной служилой кабалы и приближающаяся къ ссудной крестьянской записи.

Задворный человѣкъ это—земледашецъ, крѣпкій своему господину по особой жилой ссудной записи; по своему юридическому положенію—нѣчто среднее между кабальнымъ холопомъ и крестьяниномъ.

Изложенная здѣсь вкратцѣ теорія, которую отчасти принимаетъ и проф. Дьяконовъ, послѣдній изъ изслѣдователей, касавшихся вопроса о задворныхъ людяхъ, не можетъ быть оправдана данными источниковъ.

Какъ мы имѣли случай указать уже, въ составѣ задворныхъ людей по переписнымъ книгамъ упоминаются не одни кабальные холопы, а столь же различные виды холопей, какъ и въ составѣ дѣловыхъ людей.

Переписныя книги не знаютъ задворныхъ людей, крѣпкихъ по особой задворной записи, и не упоминаютъ о такого рода записяхъ.

До настоящаго времени извѣстна одна только такая запись, относящаяся къ 1652 г. Въ этой записи нѣкто Потапъ Ивановъ сынъ за полученную имъ ссуду обязуется: „А жити мнѣ, Потапку, у государыни своей съ женою и съ дѣтьми за дворомъ себѣ избою и за ту ссуду мнѣ у государыни своей съ женою и съ дѣтьми служити и всякую работу работать“.

Нельзя не обратить вниманія на то, что, хотя давшій по себѣ запись Потапъ Ивановъ обязался за полученную ссуду жить у государыни своей съ женою и съ дѣтьми за *дворомъ себѣ избою*, но ни откуда невидно, чтобы суть обязательства именно и заключалась въ проживаніи за дворомъ себѣ избою, чтобы изъ-за того, что Потапко имѣетъ жить за дворомъ себѣ избою, для него возникло какое-либо особое юридическое состояніе. Изъ записи не видно также и хозяйственное назначеніе Потапки.

Въ записи онъ обязуется съ женою и съ дѣтьми служити и всякую работу работать, совершенно такъ же, какъ и нанимающійся по обыкновенной жилой записи. Потапко могъ быть и не пашеннымъ человѣкомъ, онъ могъ быть ремесленникомъ и жить не во дворѣ своей госпожи, въ особой избѣ.

Для того, чтобы могло быть принято положеніе, что состояніе задворныхъ людей является особымъ юридическимъ состояніемъ, нужно было бы имѣть указанія источниковъ на особыя права задворныхъ людей, которыхъ были лишены другіе разряды холоповъ.

Подобнаго рода указаній мы въ источникахъ не имѣемъ.

Правда, въ Указной книгѣ Разбойнаго Приказа записанъ боярскій приговоръ 1624 г., на который ссылаются, какъ на доказательство особаго юридическаго положенія задворныхъ людей.

Какъ видно изъ доклада, на основаніи котораго состоялся упомянутый приговоръ, до 1624 г. по отношенію къ возмѣщенію имущественнаго ущерба, причиненнаго преступленіемъ, совершеннымъ чьимъ-либо человѣкомъ, дѣйствовало правило: платитъ тотъ, кому кто служитъ.

Боярскимъ приговоромъ 1624 г. это правило было оставлено въ силѣ только для случаевъ, когда преступленіе совершено человѣкомъ, живущимъ во дворѣ.

Если преступленіе совершено человѣкомъ, живущимъ за дворомъ, то выти (такъ наз. частное вознагражденіе), велѣно брать съ животовъ самимъ этимъ людямъ

принадлежавшихъ, а не съ животовъ тѣхъ, кому они служатъ. Приведенное постановленіе закона 1624 г. установило столь мало существенное различіе между людьми, живущими во дворѣ, и людьми задворными, что на основаніи только этого различія нельзя еще дѣлать выводъ, что состояніе въ задворныхъ есть какое-то особое юридическое состояніе.

Если бы мы остановились на мысли, что выти велѣно взимать съ имуществъ самихъ задворныхъ а не съ имуществъ ихъ владѣльцевъ, потому что только задворные могли имѣть свое имущество, а дворовые такого имущества имѣть не могли, то такое предположеніе не согласовалось бы съ данными источниковъ.

Изъ памяниковъ нашей глубокой старины мы знаемъ, что у холоповъ попущеніемъ ихъ господъ могло быть свое имущество. Можно привести нѣкоторыя свидѣтельства, указывающія на то, что слугамъ различнаго рода еще въ XV и XVI в., т. е., значительно ранѣе того времени, къ которому относятъ образованіе особаго состоянія задворныхъ людей, ихъ господа выдѣляли въ непосредственное распоряженіе извѣстное имущество, и оно составляло собственность рабовъ.

Боярскій приговоръ 1624 г. не предполагаетъ, что имущество могло быть только у задворныхъ людей и не могло быть и у людей, живущихъ во дворѣ.

Установляемое имъ правило легко можетъ быть объяснено тѣмъ, что когда слуга жилъ во дворѣ своего господина, то, если у него и были свои животы, то выдѣлить эти животы изъ состава прочаго имущества представлялось затруднительнымъ. Задворный же человѣкъ могъ чаще имѣть обособленное хозяйство, и потому являлось возможнымъ осуществить требованіе справедливости, чтобы хозяинъ не несъ имущественной отвѣтственности за преступленіе, совершенное его слугою, сверхъ того, что имъ было выдѣлено слугѣ.

Отсюда еще далеко до заключенія, что задворные люди представляли собою особое юридическое состояніе.

Не только не видно, чтобы задворные люди отличались юридически, въ отношеніи правъ и обязанностей, отъ прочихъ людей, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые именуются дѣловыми людьми, но источники не даютъ основаній къ заключенію, что задворные люди составляютъ какую-либо особую обособленную группу по своему хозяйственному положенію. То, что они живутъ въ особыхъ дворахъ, не является характеристическимъ для нихъ признакомъ.

Какъ въ писцовыхъ книгахъ, такъ въ позднѣйшихъ переписныхъ, не всѣ люди, живущіе особыми дворами именутся задворными. Особыми дворами живутъ и дѣловые люди.

Не является характеристическою чертою для понятія задворнаго человѣка и то, что онъ, подобно крестьянину, занимаетъ земельный участокъ и съ него уплачиваетъ оброкъ или отправляетъ барщину. Такъ, въ Бѣлевской переписной книгѣ 1678 г., въ Погорѣльскомъ стану, названа дер. Городна, въ которой за стольникомъ Иваномъ Богдановымъ Плещеевымъ жили задворные люди. „А тѣ задворные люди писаны иные крестьянскіе и бобыльскіе дѣти, что они отъ бѣдности своей живутъ въ боярской мѣсячинѣ и государевой подати и боярскихъ доходовъ не плотятъ“. (Замысловскій, 211).

Въ особыхъ дворахъ могли жить и служилые несвободные люди. Въ переписной книгѣ по Бѣжецкому Верху, въ Мещерскомъ стану, было село Раменье. Въ немъ имѣлся дворъ вотчинниковъ, въ которомъ жилъ прикащикъ, въ томъ же дворѣ жили и задворные служивые люди. (Замысловскій, стр. 179).

Все это приводитъ къ заключенію, что „задворные люди“ не составляютъ какой-либо особой группы въ составѣ несвободнаго земледѣльческаго населенія.

Памятники, проводя строгое различіе между крестьянами и бобылями съ одной стороны и людьми съ другой, употребляютъ термины „люди дѣловые“ и „люди задворные“, въ одномъ и томъ же значеніи.

Въ Тверскихъ актахъ, изданныхъ Шумаковымъ, напечатана грамота, относящаяся къ 1689 г. т. е. къ тому времени, когда, по теоріи проф. Ключевскаго, задворные люди окончательно выдѣлились и составили группу, ничѣмъ не разнившуюся отъ крестьянъ. Между тѣмъ по этой грамотѣ задворные и дѣловые люди—однозначные термины.

Власти Старицкаго Успенскаго монастыря просили о послушной грамотѣ „били челомъ о своихъ вотчинныхъ пустошахъ и о крестьянахъ и о *задворныхъ* дѣловыхъ людяхъ“. Въ грамотѣ данной по означенному челобитью сказано: „и вы бы всѣ крестьяне и *дѣловые люди*, которые въ той вотчинной деревнѣ Дьяковѣ живутъ, а на пустошахъ учнутъ жити Пречистые Богородицы Старицкаго Успенскаго монастыря архимандрита Исая съ братьею и кто по нихъ будетъ, слушали, пашню на нихъ пахали и доходъ монастырской ихъ платили“.

Изъ этого можно заключить, что дѣловые люди терминъ общій, обнимающій собою между прочимъ и тѣхъ слугъ, которые жили за дворомъ, и которыхъ иногда, когда желали быть болѣе точными, именовали задворными дѣловыми людьми или просто задворными людьми.

Всѣхъ дворовъ людскихъ, въ которыхъ проживали дѣловые и задворные люди, или просто люди, по Угличской писцовой книгѣ было 115 на общее число дворовъ 1539.

Такимъ образомъ, людскіе дворы составляютъ нѣсколько болѣе 6% всего числа дворовъ.

Для сравненія можно указать, что въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, писцовая книга котораго составлена почти одновременно съ Угличскою книгою (1630 — 1632), было 149 дворовъ людскихъ на 1.543 всѣхъ дворовъ, т. е. людскихъ дворовъ было не много менѣе 9% всего количества дворовъ, принадлежавшихъ рабочему населенію.

Въ Тульскомъ уѣздѣ, по книгамъ 1629 г., считалось 205 людскихъ дворовъ на 1.204, т. е. немного менѣе 15%.

Число жильцовъ каждаго отдѣльнаго людскаго двора по Угличской писцовой книгѣ колебалось отъ 1 до 5, и въ 115 людскихъ дворахъ проживали 142 жильца; среднимъ на дворъ приходилось менѣе двухъ жильцовъ; между тѣмъ какъ на дворъ крестьянскій и бобыльскій приходилось въ среднемъ болѣе двухъ жильцовъ.

Не всѣ *люди* упоминаемые въ писцовой книгѣ проживали въ людскихъ дворахъ. Во многихъ случаяхъ люди проживали въ дворахъ, названныхъ помѣщиковыми и вотчинниковыми.

Въ одномъ случаѣ во дворѣ вотчинника проживали дѣловые люди вмѣстѣ съ приказчикомъ.

Если подвести итогъ рабочаго несвободнаго населенія, сосчитавъ людей, проживавшихъ въ отдѣльныхъ дворахъ и въ дворахъ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ, то получимъ цифру 280—крайне незначительную, сравнительно съ цифрою крестьянъ и бобылей, которыхъ по писцовой книгѣ было 2498 чел.

Если писцовая книга сколько-нибудь вѣрно передаетъ численный составъ зем-

ледѣльческаго населенія Угличскаго уѣзда, то изъ приведенныхъ данныхъ можно видѣть, что преобладающимъ элементомъ въ этомъ составѣ было свободное населеніе, т. е. крестьяне и бобыли.

По обычному представленію, дворы несвободнаго земледѣльческаго населенія, пашенныхъ людей, ютились около двора помѣщикова и вотчинникова, находились съ нимъ въ непосредственной связи.

Данныя Угличской писцовой книги не подтверждаютъ этого вывода.

Въ рядѣ случаевъ дворъ помѣщиковъ или вотчинниковъ имѣется въ одномъ пунктѣ владѣнія, а дворы дѣловыхъ людей въ другомъ.

Такъ, напр., у Гурья Иванова Волынцова были помѣстья и вотчины въ Городскомъ и Мологскомъ станахъ.

Въ вотчинномъ сельцѣ Андреевскомъ Мологскаго у., у Волынцова былъ дворъ помѣщика и дворъ приказчика. Дворы же дѣловыхъ людей указаны въ другомъ стану, въ дер. Житовѣ, гдѣ не было двора помѣщикова.

Въ помѣстьи за иноземцемъ Игнатьемъ Федоровымъ Ивановскимъ были 2 деревни. Въ одной изъ нихъ былъ дворъ помѣщиковъ, а въ другой—дворы дѣловыхъ людей.

Также за недорослью Михалкою Остафьевымъ сыномъ Грозновымъ было сельцо и деревня. Въ сельцѣ былъ дворъ помѣщиковъ, а въ деревнѣ дворъ дѣлового человѣка.

По описанію писцовой книги были цѣлыя *деревни*, въ которыхъ отмѣчены одни людскіе дворы, гдѣ не было ни крестьянскихъ, ни бобыльскихъ дворовъ. Такихъ деревень мы насчитали 20-ть. Въ большей же части случаевъ людскіе дворы находились въ деревняхъ, рядомъ съ дворами крестьянскими и бобыльскими.

Какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣловые люди поселены были отдѣльно цѣлою деревнею, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда дворы дѣловыхъ людей находились вмѣстѣ съ дворами крестьянскими и бобыльскими, земля, отведенная на долю людскихъ дворовъ, именуется помѣщиковою или вотчинниковою, въ отличіе отъ земли крестьянской; только запущенная земля (перелогъ и лѣсная поросль), сосчитываются всегда общей цифрою.

Такъ, за помѣщикомъ Тамановскимъ, въ Городскомъ станѣ, было сельцо Коноповo, на рѣчкѣ Пукшѣ. Въ сельцѣ былъ дворъ помѣщиковъ и дворъ дѣлового человѣка. Пашни пахатной при сельцѣ было 6 четв. съ осьминою, и вся эта пашня названа помѣщиковою.

Точно также въ Кацкомъ станѣ въ дер. Лодыгинѣ жили одни дѣловые люди. Пашня, числящаяся при этой деревнѣ, названа помѣщиковою.

Отсюда можно заключить, что въ деревняхъ, въ которыхъ есть дворы крестьянскіе или бобыльскіе, на ряду съ дворами людскими, и часть пашни названа помѣщиковою, а часть крестьянскою; первая изъ нихъ обозначаетъ пашню, воздѣлываемую людьми.

Напримѣръ, въ помѣстьи вдовы Ямнской была деревня Прямиково на рѣкѣ Волгѣ. Въ этой деревнѣ былъ дворъ помѣщиковъ, дворъ задворнаго человѣка, 2 двора крестьянскихъ, 3 двора бобыльскихъ. При деревнѣ числилось пашни пахотной помѣщиковой 10 четвер. крестьянской 8 четвер., пер. и лѣсной поросли 25 четвер.

Въ двухъ только случаяхъ писцовая книга называетъ пашню, которую пахали дѣловые люди, людскою пашнею.

Въ дер. Жердѣевѣ, въ Городскомъ стану, былъ одинъ дворъ людской. Въ деревнѣ числилось 4 четверти пашни, которая названа людской.

Въ вотчинѣ кн. Андрея Ѳедоровича Литвинова-Мосальскаго, въ дер. Лукьяновѣ былъ дворъ людской и дворъ бобыльскій. Пашни пахотной людской 5 четв. и крестьянской 2 четв.

Если во всѣхъ случаяхъ, когда въ данномъ владѣніи есть людскіе дворы или имѣются дѣловые люди, проживающіе въ помѣщиковыхъ или вотчинныхъ дворахъ, есть и помѣщикова или вотчинникова пашня, то далеко не всегда при существованіи послѣдней упоминаются людскіе дворы.

Если не предполагать, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ пропускомъ со стороны писца, не отмѣтившаго о существованіи въ данномъ владѣніи дѣловыхъ людей, то слѣдовало бы думать, что въ такого рода владѣніяхъ крестьяне и бобыли отбывали барщину въ пользу помѣщика или вотчинника.

Писцовая книга по характеру сообщаемыхъ ею свѣдѣній не даетъ никакого матеріала для сужденія, на какихъ условіяхъ воздѣлывалась земля людьми и въ чемъ эти условія разнились отъ условій, на которыхъ земля воздѣлывалась крестьянами или бобылями.

Изъ актовъ, приведенныхъ въ книгѣ проф. Дьяконова, можно видѣть, что дѣловые пашенные люди иногда получали мѣсячину, т. е., обрабатывая пашню на помѣщика, получали извѣстную плату, обезпечивающую ихъ содержаніе. (Дьяконовъ, 291).

Въ монастырскихъ владѣніяхъ Угличскаго уѣзда, гдѣ рядомъ съ крестьянами и бобылями упоминаются служки, служебники и дѣтеныши, пахавшіе землю на монастыри, обезпеченіе послѣднихъ выражалось въ выдачѣ имъ мѣсячнаго хлѣба изъ монастырскихъ житницъ и денегъ на платье изъ монастырской казны.

То же могло быть и въ свѣтскихъ владѣніяхъ.

Возможно, что дѣловые люди, сидѣвшіе на пашнѣ, платили съ нея оброкъ помѣщику. Писецъ вовсе не касается этихъ отношеній. Для его цѣлей важно было различить пашню, которую пашутъ дѣловые люди, отъ той, которую пашутъ крестьяне и бобыли, потому что только послѣдняя пашня признавалась живущею, подлежавшею обложенію, по количеству дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, извѣстное число которыхъ клалось въ живущую четверть, составлявшую къ тому времени, къ которому относится Угличская писцовая книга, основную окладную единицу. Людскіе дворы въ живущую четверть не кладутся, и, если въ данномъ владѣніи имѣются одни людскіе дворы и одна помѣщикова или вотчинникова пашня, то земля считается впустѣ лежащею.

Такъ, въ помѣстьи вдовы Анны Опочининой была дер. Савино. Въ этой дер. былъ дворъ помѣщиковъ и дворъ задворнаго человѣка. Пашни пахотной помѣщиковой 7 четв. Вся помѣстная земля Анны Опочининой, при переводѣ въ сошное письмо, признана „впустѣ“ и не положена въ живущую четверть.

Въ этомъ непричисленіи дворовъ людскихъ къ дворамъ, полагаемымъ въ живущую четверть, единственное отличіе этихъ дворовъ отъ дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ.

Въ настоящее время можетъ быть признано установленнымъ, что людскіе особые дворы были привлечены къ государственному обложенію лишь въ концѣ столѣтія указами 1678 г., когда всѣ главнѣйшіе прямые налоги стали взыматься не съ живущей четверти, а съ двороваго числа. Въ подтвержденіе того, что задвор-

ные люди были привлечены къ государственному обложенію ранѣе 1711 г., до котораго годъ, по мнѣнію проф. Ключевскаго, они платили тягло лишь по частному договору или по хозяйственному распоряженію господъ, я могу привести челобитье отъ 1699 г., сохранившееся въ частномъ собраніи актовъ, хранящемся въ архивѣ Ярославской Ученой Архивной Комиссіи. Вотъ текстъ этого челобитья:

„Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, бьетъ челомъ холопъ твой, Петрушка Векентьевъ. Въ прошломъ, государь, 204 году бѣжалъ отъ меня, холопа твоего, задворной дѣловой человѣкъ Афонка Терентьевъ и въ нынѣшнемъ, государь, 207 году (т. е. 1699 г.) того моего бѣглого человѣка Афонку поймалъ человѣкъ мой Исайко Дементьевъ и привелъ въ Судной Московскій Приказъ для того, что за задворныхъ людей твои, великаго государя, подати платимъ противъ крестьянъ.

Милосердый великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, его принять и распросить, гдѣ онъ жилъ, и вели, государь, роспроса свой государевъ указъ учинить.“

С. П. Писаревъ.

Кого изъ смоленскихъ князей, съ именемъ Андрея, слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ „святой Андрей Переяславльскій и Смоленскій Чудотворецъ“?

О святомъ Андреѣ Переяславльскомъ, пришедшемъ въ Переяславль-Залѣсскій изъ Смоленска, сохранилось такъ мало данныхъ, что трудно опредѣлить, кого изъ смоленскихъ князей съ именемъ Андрея надо видѣть въ святомъ Андреѣ Переяславльскомъ и Смоленскомъ; въ зависимости отъ этого возникаетъ неопредѣленность и въ указаніи на время жизни святого Андрея и годъ его смерти. Тѣмъ не менѣе въ 1890 году, 27 октября совершено было *500-лѣтнее* празднество со дня кончины его.

Руководились тогда, при опредѣленіи означенной цифры годовъ, словами „Житія“ другого переяславльскаго святого, преподобнаго Даніила, истолкованными преосвящ. Филаретомъ, архіепископомъ Черниговскимъ въ его книгѣ: „Русскіе святые, чтимые церковію“ (Отд. III. октябрь 27 день, изд. 1865 г.). Въ этомъ Житіи говорится, что преподобный Даніилъ, который родился въ 1459 году, выросъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, былъ потомъ игуменомъ переяславльскаго Троицкаго монастыря,— исходатайствовалъ у тогдашнихъ властителей открытіе мощей св. Андрея Переяславльскаго по поводу чудесныхъ видѣній, бывшихъ ему отъ св. Андрея, и по поводу ветхости Никольской церкви, при которой погребенъ былъ означенный святой. При этомъ препод. Даніилъ сообщалъ, что еще Московскій князь Иванъ Васильевичъ III имѣлъ великое уваженіе къ имени святого князя Андрея, скончавшагося въ образѣ пономаря и привратника храма Николая Чудотворца, скрывшаго свое княжеское званіе во время жизни своей въ Переяславлѣ и только при смерти обнаружившаго свое происхожденіе чрезъ хартію, найденную въ его рукахъ, на которой было написано: „*Азъ есмь единъ отъ князей смоленскихъ: зависти же ради и крамолы отъ братій моихъ оставилъ княженіе, домъ и отечество мое*“.

Иванъ Васильевичъ III, современникъ Даніила, пріѣхавши въ Переяславль, изъ почтенія къ св. Андрею былъ въ упомянутомъ Никольскомъ храмѣ и взялъ въ Москву „на благословеніе своему дому“, золотой перстень и княжескую цѣпь, найденные по смерти св. Андрея на его тѣлѣ вмѣстѣ съ веригами, и сохранившіеся до этого времени въ означенномъ храмѣ. А за это назначилъ священнослужителямъ Никольскаго храма „ругу“, т. е. годовое жалованье. Преподобный Даніилъ сообщилъ еще, что въ его время никто уже не помнилъ св. Андрея, даже престарѣ-

лые; но „за много лѣтъ предъ *симъ*“ (писалъ это преподобный Даніилъ въ 1539 г., когда хлопоталъ объ открытіи мощей св. Андрея) ранѣе совершалась ему служба, существовали стихиры и канонъ ему, изображался и ликъ святого на иконѣ *). „Нынѣ же“, добавляетъ препод. Даніилъ, „не знаю, почему такой угодникъ Божій преданъ забвенію и не чествуется подобно другимъ“?

Изъ этихъ данныхъ получается выводъ, что св. Андрей жилъ раньше Ивана Васильевича III, умершаго въ 1505 году, и раньше препод. Даніила. Выходя изъ этого положенія, архіепископъ Черниговскій Филаретъ сталъ искать *по Родословнымъ спискамъ* (это слѣдуетъ отмѣтить) князей смоленскихъ съ именемъ Андрея и нашелъ только двоихъ, жившихъ прежде велик. князя Ивана III: во-первыхъ, *Андрея Владиміровича* **), сражавшагося на р. Калкѣ, тамъ онъ и убитъ,—слѣдов.: не окончилъ жизнь подвижникомъ въ Переяславлѣ. Идя, далѣе въ своихъ поискахъ, онъ нашелъ другого Андрея, жившаго въ 14-мъ вѣкѣ, именно: *Андрея Ѳедоровича*, князя Ѳоминскаго и Ржевскаго (отрасль смоленскихъ князей отъ Давида Ростиславича), прозваніе ему было *Коробья*. На этомъ князѣ, при опредѣленіи личности свят. Андрея, преосвященный Филаретъ и остановился. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что по древней родословной книгѣ князей (Смотр.: „Рус. св.“, 267 стр.), у этого Андрея Коробья значится сынъ Ѳедоръ, который изъ Ѳоминска „во Тверь пришелъ“, т. е. переселился.

Преосв. Филаретъ разсуждаетъ такъ: „Отецъ князя Андрея Коробья, князь Ѳедоръ слѣпой Ѳоминскій, былъ современникомъ вел. князю Симеону Гордому, умершему въ 1353 году. Въ то время смоленское княжество, при умноженіи князей смоленскихъ, раздроблено было на мелкія части: не удивительно, что при дѣлежѣ достояній произошли ссоры между родичами; конечно, въ это же время и блаженный князь Андрей (разумѣется Коробья), наскучивъ тревогами жизни и ихъ нравственною тяготою, скрылся изъ Смоленска, чтобы въ неизвѣстности совершать подвиги благочестія. Время этого князя недалеко отъ времени вел. кн. Ивана III, такъ что до послѣдняго легко могли сохраниться перстень и цѣпь перваго. По такимъ соображеніямъ *кончина* князя Андрея Ѳедоровича (Коробья) послѣдовала не раннѣе *1390 года*. Около того же времени полагается и кончина святого Андрея по рукописнымъ святцамъ“.—Это же соображеніе воспроизвели, слѣдуя за архіепископомъ Филаретомъ, составленныя ко дню празднованія 500-лѣтія св. Андрею брошюры: 1) „Сказаніе о жизни, подвигахъ и обрѣтеніи мощей св. Андрея, благовѣрнаго князя Смоленскаго и Переяславльскаго Чудотворца“· (Москва, 1890 г.); 2) „Святой благовѣрный князь Андрей Смоленскій и Переяславльскій чудотворецъ“. (Губ. гор. Владиміръ, 1890 г.).

Разсмотримъ, насколько удобно сближать 1390 годъ съ годомъ смерти упоминаемаго святого, также,—удобно ли сближать имя Андрея Коробья съ именемъ св. Андрея Смоленскаго и Переяславльскаго? Будемъ говорить сначала только относительно года.

*) „Образъ святого, иже отъ древнихъ лѣтъ на иконѣ написанъ, показуя (показывали Даніилу), такоже и стихиры и канонъ ему составленъ въ древнихъ книгахъ явѣ быша“ (Лѣт.). Въ „Иконописномъ подлинникѣ„ о св. Андреѣ сказано: „подобіемъ русъ, главою плѣшастъ, брада — аки Никиты мученика, ризы княжескія; въ рукѣ крестъ, а въ другой мечъ (у Барсукова: „Источ. русск. агіографіи“ 1882 г., стр. 286).

**) Надо бы его назвать Мстиславичемъ, п. ч. онъ былъ сынъ Мстислава Романовича Стараго.

Нужно напомнить, что препод. Даніилъ самъ лично уже не видалъ св. Андрея, не зналъ и о времени, когда святому составили службу: все это было до него. Но спрашивается: на много ли удаленъ 1390 годъ отъ времени жизни препод. Даніила, до постриженія въ монашество называвшагося Димитріемъ? Если препод. Даніилъ, какъ выше означено, родился въ 1459 году, то между той и другой датой будетъ всего только 69 лѣтъ. Въ теченіе этого количества лѣтъ должны были послѣдовать и кончина блаженнаго, и прославленіе его, и составленіе ему службы, и наконецъ то, что стали забывать святого; а ко времени жизни препод. Даніила даже отлагать составленную службу святому. При всестороннемъ обсужденіи данныхъ необходимо приходишь къ заключенію, что невозмно было всему этому совершиться въ такой короткій срокъ *). А препод. *Даніилъ* увѣряетъ митрополита и властителей, что *въ его время никто, даже изъ престарѣлыхъ, не помнилъ св. князя Андрея*. Слѣдовательно, онъ жилъ до нихъ—престарѣлыхъ людей, иначе до 1390 г.

Преосв. Филаретъ выставилъ причину, вслѣдствіе чего онъ останавливается преимущественно на 1390 годѣ: „время кн. Андрея Ѳедоровича Ѳоминскаго не далеко отъ времени вел. кн. Ивана III, такъ что до Ивана Васильевича III легко могли сохраниться перстень и цѣпь св. Андрея". На это можно сказать, что въ томъ храмѣ, гдѣ особенно чтили св. князя, — тамъ его княжескіе атрибуты, по особому уваженію къ святому, какъ важныя біографическія свидѣтельства его (особенно въ противоположеніе вериагамъ, которыя носилъ святой, и которыя тоже сохранялись тутъ же), могли уцѣлѣть и въ болѣе долгій періодъ времени.

Мы должны упредить, что въ рукописныхъ святцахъ, на которые указалъ архіепископ. Филаретъ, именно: Отенскій списокъ и другой, хранящійся въ Истор. Обществѣ № 231, сообщается, что „*св. Андрей Переяславльскій преставился въ лѣто 6800*" отъ сотворенія міра, т. е. въ 1292-омъ году. Означенную дату преосвященный Филаретъ игнорировалъ, передвинувши время смерти святого на цѣлыя 98 лѣтъ. На сколько состоятельно такое пріуроченіе года смерти святого, — скажемъ послѣ. А теперь будемъ слѣдить за сближеніемъ имени св. Андрея Переяславльскаго съ именемъ Андрея Ѳоминскаго Коробья.

Князья Ѳоминскіе, хотя и происходятъ отъ князей Смоленскихъ, но ко времени 1390 года стали обособляться отъ князей послѣдующихъ, прямыхъ преемниковъ смоленскаго престола. До князя Андрея Коробья смѣнилось уже 6 поколѣній потомковъ смоленскихъ князей, начиная съ великаго князя смоленскаго Давида Ростиславича, родоначальника Ѳоминскихъ; и послѣ Давида никто изъ предковъ Андрея Коробья не сидѣлъ на княженіи въ Смоленскѣ, да и разсчитывать на это они не могли за отдаленностію родства отъ прямой вѣтви и за многочисленностію другихъ, ближайшихъ преемниковъ. Эта вѣтвь Ѳоминскихъ князей сосредоточивала свои интересы только въ предѣлахъ ей доставшихся владѣній, удаленныхъ отъ

*) Правда, къ означенному числу надо приложить небольшое количество лѣтъ младенчества и дѣтства Дмитрія, названнаго въ монашествѣ Даніиломъ, пока онъ сталъ сознавать и помнить все совершающееся и окружающее его („святый рано отданъ былъ въ ученіе", говоритъ „Житіе" Даніила); прибавимъ хоть 9 лѣтъ; и тогда все вмѣстѣ взятое (69+9=78) составитъ только 78 лѣтъ, что равно возрасту жизни одного престарѣлаго человѣка. Событія не могли забыться въ памяти народа въ такой промежутокъ времени; свѣдѣнія о нихъ дошли бы до Даніила и его сверстниковъ отъ отцовъ и матерей, если бы при нихъ совершались эти событія.

Смоленска; за отдаленностію ихъ отъ центра, Смоленска, на нихъ стали имѣть виды и Москва, и Тверь, и Литва.

Въ сношеніи съ названными княжествами имъ пришлось быть самостоятельными, интересы ихъ со Смоленскомъ разошлись: такъ что они обособились въ названіе князей Березуйскихъ, Ѳоминскихъ, Ржевскихъ; а отъ нихъ еще болѣе изолировались вѣтви князей Полевыхъ, Крюковыхъ, Корповыхъ (вѣроятно Коробовыхъ, отъ Андрея Коробья), Травиныхъ, Курдимовыхъ, Мухиныхъ, Собакиныхъ, Толбузиныхъ. Иные изъ нихъ стали искать покровительства и служить Литвѣ: въ „Похвальномъ словѣ Витовту". („Чтен. Общ. ист. Л. Нестора" 1885 г., кн. 9) говорится, что „ему служили князья удѣльные, напр.: Ржевскіе даже и до *Ѳоминска*". Иные тяготѣли къ Москвѣ, напр. Ѳедоръ Красный изъ рода Ѳоминскихъ, собственно князь Березуйскій, умершій въ 1387 году. Нѣкоторые, поступая въ бояре этихъ государствъ, утратили и свое княжеское званіе.

Между тѣмъ, св. Андрей на хартіи пишетъ: „Азъ есмь единъ отъ князей *смоленскихъ*, зависти ради и крамолы отъ *братій моихъ*, оставивъ *княженіе, домъ и отечество мое*". А въ службѣ ему говорится слѣдующее: „*градъ твой Смоленскъ* яко чуждь имѣя, водворился еси въ Переяславлѣ". (Тропарь гласъ 2-й). Очевидно, святой Андрей былъ князь спеціально смоленскій, и выдѣляетъ себя не изъ отдаленныхъ родственниковъ, удѣльныхъ князей, а изъ ряда своихъ только смоленскихъ братьевъ, которыхъ было нѣсколько, и они вели крамолы противъ него въ г. Смоленскѣ; такъ что ему пришлось оставить и княженіе смоленское и домъ княжескій, въ которомъ онъ жилъ,—оставить родину.

Ѳоминскій князь Андрей Ѳедоровичъ Коробья не могъ о себѣ такъ говорить; не могли о немъ говорить и другіе, что Смоленскъ его родной городъ, ибо, какъ выше было сказано, онъ имѣлъ свои особыя владѣнія. Извѣстно, что въ бывшемъ городѣ Ѳоминскѣ (нынѣ село Ѳоминское городище, лежащее въ Зубцовскомъ уѣздѣ, при сліяніи рр. Вазузы и Осуги) существовалъ домъ князей Ѳоминскихъ, гдѣ, конечно, и жилъ Андрей Ѳедоровичъ. Это и есть его „отечество", а не Смоленскъ. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что Андрей Ѳедоровичъ владѣлъ своимъ Ѳоминскомъ безспорно, ибо, какъ видно изъ „Изслѣдованія княжествъ Ѳоминскаго и Ржевскаго" (Квашнина Самарина), у него (Андрея Ѳедоровича) братьевъ не было; значитъ—не могло быть и „зависти и крамолы", ради которыхъ бы онъ могъ уйти въ Переяславль. Ушелъ изъ Ѳоминска, какъ мы видѣли уже его сынъ, и то не по „зависти", а потому, что не хотѣлъ, вѣроятно, подчинится Литвѣ.—Изложенное, на мой взглядъ, довольно убѣдительно доказываетъ, что Андрей Ѳедоровичъ не можетъ быть названъ святымъ Андреемъ Смоленскимъ и Переяславльскимъ.

Еще присоединимъ самое главное: въ службѣ святому Андрею Переяславльскому восхваляется его *дѣвство*, напримѣръ, въ тропарѣ гласъ 8-й говорится: „чистоту сердца дѣвствомъ почтилъ еси, суету міра сего презрѣвъ, устремился еси зрѣти Бога". А Андрей Коробья былъ женатъ и имѣлъ, какъ мы видѣли, сына Ѳедора Андреевича. Это уже окончательно лишаетъ возможности сближать Ѳоминскаго князя со св. Андреемъ Переяславльскимъ.

Я рѣшился подтвердить вышеприведенную древнюю дату 2-хъ рукописныхъ святцевъ, упоминаемыхъ архіепископомъ Филаретомъ, которая (дата), кстати ска-

зать, подтверждается еще рукописью: „Книга о россійскихъ святыхъ, въ коемъ градѣ, монастырѣ, въ пустынѣ поживе и чудеса сотвори и т. д.“ Въ этой „книгѣ“ говорится то же, что и въ Отенскомъ спискѣ: *„святый благовѣрный князь Андрей Смоленскій и Переяславльскій чудотворецъ преставился* въ лѣто 6800-е, (т. е. въ 1292-омъ году) (а не 1390-мъ); обрѣтены мощи его въ лѣто 7048-е.

Преосвященный Филаретъ разсматривалъ имена князей только по „Родословнымъ спискамъ“, провѣряя ихъ по лѣтописямъ; но такъ какъ не могъ найти ни одного князя съ именемъ Андрея изъ вѣтви смоленскихъ, сколько-нибудь подходящаго по времени къ этой цифрѣ лѣтъ: то естественно, что онъ отстранилъ эту дату, предположивъ вышеуказанную, т. е. 1390-й годъ. Я же, подтверждая древнее, традиціонное свидѣтельство, основываю свое изслѣдованіе главнымъ образомъ на одной изъ грамотъ (договоръ смоленскихъ князей съ нѣмцами), на которой уцѣлѣло имя другого князя Андрея, болѣе ранняго, чѣмъ Андрей Коробья. Грамота эта давно извѣстна въ исторической литературѣ, но на нее не было обращено надлежащаго вниманія. Она составлена въ 1284 году, очень близкомъ къ подтверждаемой нами датѣ смерти св. кн. Андрея Переяславскаго. Грамота была написана смолянами къ рижскому епископу и ратманамъ, а на ней подпись: *„ту былъ на мѣсто на княжи на Ѳедорово Андрей Михайловичъ князь“*.

Этотъ князь Андрей, неизвѣстный ни по изданнымъ до сего времени лѣтописямъ, ни по родословнымъ книгамъ (потому и не попалъ въ изслѣдованіе преосвящ. Филарета), былъ, несомнѣнно, княземъ смоленскимъ, ибо подписывается на грамотѣ смолянъ. Такъ какъ о немъ доселѣ ничего не было извѣстно, то надо уяснить эту личность и указать мѣсто въ средѣ другихъ смоленскихъ князей. Изъ подписи его на грамотѣ видно, что у этого князя Андрея отецъ былъ князь Михаилъ; но Андрей проявляетъ себя въ Смоленскѣ во время княженія Ѳедора. Если провѣримъ эти факты по исторіи, то увидимъ, что въ означенный на грамотѣ годъ 1284-й, дѣйствительно, главнымъ княземъ смоленскимъ числится Ѳедоръ Ростиславичъ съ 1280 года по 1297 годъ; а передъ нимъ княжилъ въ Смоленскѣ его братъ Михаилъ Ростиславичъ (1278—1280 г.),—это, съ несомнѣнностью, есть отецъ Андрея, ибо другого князя съ именемъ Михаила, отъ кого бы могъ Андрей произойти, не было въ эту эпоху въ средѣ смоленскихъ князей; Ѳедоръ же Ростиславичъ приходится дядею названному князю Андрею Михайловичу. Такимъ образомъ, Андрей Михайловичъ былъ второстепеннымъ княземъ, что видно и изъ его подписи подъ грамотою; а это обстоятельство отчасти послужило причиной тому, что лѣтописи о немъ умолчали. Но какъ отецъ его занималъ нѣкоторое время великокняжескій смоленскій престолъ, то онъ съ полнымъ правомъ могъ называть себя смоленскимъ княземъ. Эти біографическія данныя говорятъ то самое, что сказалъ о себѣ въ своей хартіи св. Андрей Переяславскій и Смоленскій.

Какъ же племянникъ могъ подписаться за дядю великаго князя, да еще на такомъ важномъ документѣ, какъ сношеніе съ другимъ государствомъ—Ригой?

Для уясненія этого вопроса мы должны обратиться къ біографіи Ѳедора Ростиславича. Такъ какъ она общеизвѣстна, то мы выдѣлимъ изъ нея только нѣсколько свѣдѣній, касающихся вопроса объ Андреѣ Михайловичѣ.

У Ѳедора Ростиславича было нѣсколько братьевъ: Глѣбъ, Константинъ, Михаилъ и наконецъ самъ Ѳедоръ. Онъ былъ еще малолѣтнимъ, когда старшій братъ, Глѣбъ Ростиславичъ, взошелъ на отцовскій столъ. При дѣлежѣ владѣній, братья обидѣли

Ѳедора дали ему только бѣдный городъ Можайскъ. Виноватъ въ этомъ былъ, конечно, Глѣбъ, старшій въ родѣ, заправлявшій смоленскою областью и имѣвшій уже дѣтей: Александра, Романа, Святослава и, кажется, Ивана. Дѣйствуя въ ущербъ Ѳедору, Глѣбъ имѣлъ въ виду надѣлить волостями своихъ дѣтей. Это не могло не возбудить въ Ѳедорѣ Ростиславичѣ чувства недовольства къ брату Глѣбу и его дѣтямъ. Случилось однако чрезъ нѣсколько времени такъ, что Ѳедоръ Ростиславичъ, вслѣдствіе женитьбы своей на Ярославской княжнѣ, получилъ себѣ въ княженіе Ярославль; сюда онъ и переселился изъ Можайска и полюбилъ Ярославль. Изъ Ярославля ему пришлось два раза путешествовать въ Орду вмѣстѣ съ другими князьями на помощь монголамъ для ихъ завоеваній на юго-востокѣ. Ѳедоръ Ростиславичъ, мужественный князь, высокаго и статнаго роста, отличился тамъ доблестями и очень понравился монголамъ, такъ что ему едва удалось оттуда выйти. Между тѣмъ братъ его Глѣбъ Ростиславичъ, смоленскій князь, умеръ 1278 году, успѣвъ надѣлить сыновей своихъ волостями. По смерти Глѣба мѣсто смоленскаго князя, по праву старѣйшинства, занялъ отецъ Андрея — *Михаилъ Ростиславичъ*. Видимо, этотъ князь былъ больной, ничѣмъ не проявилъ себя, не ѣздилъ даже въ Орду за ярлыкомъ на княженіе; вѣроятно, помогалъ ему въ дѣлѣ управленія княжествомъ сынъ его Андрей. На второмъ году своего княженія Михаилъ и померъ.

Ѳедоръ Ростиславичъ долженъ былъ занять смоленскій престолъ на правахъ единственнаго оставшагося дяди среди племянниковъ. Онъ явился въ Смоленскъ. Но для закрѣпленія себя на этомъ второмъ важномъ престолѣ онъ долженъ былъ получить утвержденіе хана, а для этого опять отправиться въ Орду. Въ Смоленскѣ же долженъ былъ посадить вмѣсто себя намѣстника...

Кому было временно поручить княженіе, какъ не племяннику Андрею, проживавшему послѣ смерти отца въ Смоленскѣ, тѣмъ болѣе, что отношенія его къ другимъ племянникамъ отъ брата Глѣба были менѣе родственныя?! Такимъ образомъ, Андрей Михайловичъ, за отсутствіемъ главнаго князя, будучи меньшимъ въ родѣ, распоряжался, какъ старшій; въ то время онъ и подписывалъ за Ѳедора грамоты. Это не могло не возбуждать зависти въ двоюродныхъ братьяхъ, сыновьяхъ Глѣба. Къ тому времени Ѳедоръ Ростиславичъ овдовѣлъ и вновь женился въ Ордѣ на дочери хана, былъ у него въ великой чести и прижился тамъ; ханъ далъ ему во власть многіе города. Обо всемъ этомъ знали на Руси и въ частности въ Смоленскѣ; а племянники могли думать, что Ѳедоръ, женившись въ Ордѣ, не возвратится въ Смоленскъ, тѣмъ болѣе, что у него отъ второй жены—татарки появились уже дѣти. Между тѣмъ Смоленскъ, наслѣдіе старшихъ племянниковъ, остается подъ управленіемъ Андрея, и положеніе его съ каждымъ годомъ все упрочивается по довѣрію къ нему Ѳедора, а не по родовому праву. При такихъ обстоятельствахъ могли возбуждаться не только зависть, но интриги, или крамолы, даже не исключительно лишь противъ Андрея Михайловича, чтобъ отнять у него насмѣстничество, но и противъ Ѳедора, чтобы лишить его самого и дѣтей его Смоленскаго престола, ибо онъ живетъ не въ Смоленскѣ, а въ Ордѣ; къ тому же имѣетъ множество другихъ владѣній, кромѣ Смоленскихъ. Хотя о крамолахъ, въ отношеніи Андрея, лѣтописи не даютъ данныхъ, ибо не упомянули и о самомъ Андреѣ Михайловичѣ; но въ отношеніи Ѳедора Ростиславича враждебныя дѣйствія Глѣбовичей очевидны, по крайней мѣрѣ изъ послѣдующихъ фактовъ. Такъ, въ 1286 году Романъ Глѣбовичъ въ отсутствіе Ѳедора „напалъ на Смоленскъ, пожогъ посадъ, во-

лости и села повоева“ (Лѣт.). Причину нѣкоторые источники выставляютъ ту, что Романъ хотѣлъ отложиться отъ Смоленска; а, можетъ-быть, существовала и другая причина, напримѣръ: отнять у Ѳедора Смоленскъ въ свою пользу или для другихъ Глѣбовичей. А Александръ Глѣбовичъ въ 1297 году, обманомъ завладѣвъ гор. Смоленскомъ, отложился отъ Ѳедора и сдѣлался самостоятельнымъ княземъ Смоленска, хотя Ѳедоръ ходилъ на него войною.

Еще въ началѣ 1284 года, какъ мы видѣли, Андрей Михайловичъ подписывается на грамотѣ въ Ригу, а въ серединѣ означеннаго года Андрея уже не оказывается на мѣстѣ Ѳедора въ Смоленскѣ. Странный фактъ! Куда онъ дѣвался и что съ нимъ случилось? Приблизительно въ концѣ того же года явился изъ Орды самъ Ѳедоръ Ростиславичъ. И какъ не явиться, когда въ Смоленскѣ нѣтъ намѣстника?! Въ своемъ присутствіи Ѳедоръ разбираетъ дѣла, творитъ судъ, между прочимъ по поводу распри о гиряхъ, или „колоколѣ“, между нѣмцемъ Бирелемъ и русскимъ купцомъ Артамоновичемъ; составлена была грамота по этому поводу, изъ которой видно, что Ѳедоръ Ростиславичъ обвинилъ несправедливость русскаго купца. А въ подписи на этомъ документѣ (1284 года) фигурируетъ уже другой намѣстникъ, *боярин Григорій*. Очевидно, Андрей Михайловичъ окончательно оставилъ должность и удалился изъ Смоленска; Ѳедору пришлось замѣстить опять себя лицомъ даже не княжескаго рода, ибо изъ Глѣбовичей никого не хотѣлъ поставить на этомъ мѣстѣ.

Эти данныя объ Андреѣ Михайловичѣ, извлеченныя изъ исторіи княженія Ѳедора Ростиславича, вполнѣ гармонируютъ съ данными о святомъ Андреѣ Переяславльскомъ и Смоленскомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, кто такой былъ Андрей Михайловичъ. Несомненно, одинъ изъ рода князей смоленскихъ. Смоленскъ былъ для этого князя его „отечество“, какъ тогда выражались: тамъ же находился и домъ, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ отцомъ и во время отсутствія Ѳедора, замѣняя его мѣсто; Андрей подвергался зависти и крамоламъ со стороны своихъ братьевъ двоюродныхъ, т. е. испытывалъ то, что несомнѣнно подтверждается хартіею святого Андрея, подвижника Переяславля Залѣсскаго, и церковною службою этому святому. О семейной жизни Андрея Михайловича не сохранилось никакихъ данныхъ; думать надо, что онъ былъ не женатъ, потому что онъ, какъ мы видѣли, не попалъ въ родословные списки: если бы у него было потомство, то нельзя было бы прервать послѣдовательность въ родословномъ древѣ упоминаніемъ о потомкахъ, исключивъ предка; слѣдовательно—онъ былъ холостъ. Это соотвѣтствуетъ выраженію въ службѣ святому: „чистоту сердца *дѣвствомъ почтилъ еси*“. И время жизни Андрея Михайловича совпадаетъ со временемъ подвижника Переяславскаго. Остается намъ сдѣлать выводъ слѣдующій: въ обоихъ случаяхъ это одна и та же личность. Такимъ образомъ, свѣдѣнія изъ жизни св. Андрея Переяславскаго сообщаютъ намъ новыя данныя о смоленскомъ князѣ Андреѣ Михайловичѣ и обратно.

* * *

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать: если, уклонившись отъ точно опредѣленной даты, означенной древними записями въ Святцахъ расширить объемъ обозрѣнія князей съ именемъ Андрея вплоть до 15 вѣка, какъ сдѣлалъ это преосвященный

Филаретъ, то кромѣ троихъ упомянутыхъ въ нашемъ изложеніи князей Андреевъ можно найти еще не менѣе 6 князей съ тѣмъ же именемъ, соприкасающихся по родству со смоленскими. Я производилъ эту кропотливую работу; но въ данномъ случаѣ расширять предѣлы статьи безполезною выпискою свѣдѣній о князьяхъ Андреяхъ, чтобы при сближеніи ихъ со святымъ Андреемъ получить о каждомъ отрицательный выводъ,—я нашелъ утомительнымъ и излишнимъ.

Возраженіе на наше изслѣдованіе можетъ возникнуть въ указаніи на „Житіе и терпѣніе св. Андрея“, гдѣ говорится, что онъ подвизался въ Переяславлѣ въ образѣ понамаря Николаевской церкви около 30 лѣтъ. У насъ же выходитъ, что онъ жилъ въ Переяславлѣ не болѣе 8 лѣтъ (съ 1284—по 1292 годъ). На это слѣдуетъ отвѣтъ такой: упомянутое „Житіе и терпѣніе св. князя Андрея, смоленскаго и переяславскаго чудотворца“ есть сочиненіе довольно пріукрашенное и относится къ гораздо позднему времени. Его составилъ тотъ, кто написалъ житіе преподобнаго Даніила, конечно, послѣ открытія мощей этого преподобнаго мужа. Въ древнѣйшихъ же записяхъ и службѣ святому Андрею означеннаго указанія нѣтъ. Если уже ко времени жизни преподобнаго Даніила, какъ мы видѣли, стали забываться біографическія подробности св. кн. Андрея, то—можно ли вѣрить въ точность хронологическаго показанія, дошедшаго до автора „Житія“ препод. Даніила путемъ устной передачи черезъ три сотни лѣтъ?

В. И. Колосовъ.

Время основанія города Твери.

Вопросъ о времени основанія города Твери доселѣ еще не разрѣшенъ вполнѣ обстоятельно.

Одинъ изъ первыхъ Тверскихъ археологовъ Діомидъ Кармановъ, вполнѣ полагаясь на Татищева, призналъ годомъ основанія г. Твери 1182 годъ. *) У Татищева говорится, что Всеволодъ III, по разореніи Торжка „при устіи рѣки (Тверцы) оставя войско, велѣлъ въ 1181 году построить Твердь и велѣлъ крѣпко наблюдать, чтобы отъ Новгородцевъ и Торжка люди для воровства не пріѣзжали". **) Нашъ мѣстный историкъ, опираясь на этомъ сообщеніи Татищева, измѣняетъ только годъ основанія Твери на 1182-й, разсуждая, очевидно, такъ: въ 1181 году Всеволодъ III только велѣлъ построить Твердь, но распоряженіе его было приведено въ

*) При этомъ онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Во время княжескихъ междоусобій „надобно стало всякому князю имѣть столицу для своего пребыванія, укрѣпленную, а также и пограничныя владѣнія своего —крѣпости, дабы быть безопасну въ своемъ владѣніи. Отселѣ начало свое многіе взяли города. Точно такимъ образомъ началась и Тверь отъ Рождества Христова въ 1182 году. Въ сіе время въ Россіи три сильнѣйшихъ владѣнія находилось, а именно: Кіевское, Суздальское или Владимірское и Новгородское. Кіевомъ и полуденною стороною Россіи владѣлъ Великій Князь Святославъ Всеволодовичъ; Суздалемъ, Владиміромъ и средней частію Россіи — Всеволодъ Георгіевичъ сего имени III. Владѣніе его граничило съ Новгородскимъ между прочимъ по рѣкамъ Волгѣ и Тверцѣ. Новгородскій пограничный городъ былъ Торжокъ, который тогда отъ Новгородцевъ отданъ былъ во владѣніе высланному отъ нихъ князю Ярополку Ростиславичу, дабы онъ отъ сего города имѣлъ пристойное содержаніе. Сей князь, имѣя на Великаго князя Владимірскаго злобу, началъ выѣзжая по Тверцѣ на Волгу, области сего князя разорять и людей грабить и пожегъ многія села, не доходя Переславля, только за 40 верстъ. Надобно стало великому князу Всеволоду области свои охранить. Онъ, взявъ небольшое войско, наскоро пошелъ къ Торжку и, оступя оный, въ крѣпкой осадѣ, мѣсяцъ содержалъ, а волости онаго всѣ пожегъ. А какъ сіе нападеніе отъ великаго князя учинено было нечаянно, и граждане съѣстными припасами не запаслись, то и началъ быть въ городѣ голодъ, такъ что принуждены были коней ѣсть. Между тѣмъ на приступѣ раненъ былъ стрѣлою Ярополкъ весьма тяжко, отъ чего граждане, потерявъ бодрость, отдали городъ Великому Князю. Князь Всеволодъ Торжокъ выжегъ, а Ярополка и Новоторжцевъ оковавъ, свелъ съ собою во Владиміръ. На Волгѣ же при устьѣ рѣки Творцы, оставя войско, велѣлъ построить твердь или крѣпостцу и крѣпко наблюдать, чтобы изъ Новагорода и изъ Торжка люди для воровства на Волгу не пріѣзжали". (Д. Кармановъ. Собраніе сочиненій, относящихся къ Исторіи Тверскаго края. Г. Тверь. 1893 г. стр. 28 и 29).

**) Татищевъ, Исторія Россійская, 1774 г., кн. III, стр. 246.

исполненіе въ слѣдующемъ 1182 году. Но слово Тверь несомнѣнно не произошло отъ слова Твердь и поэтому отождествлять Твердь Татищева съ городомъ Тверью нѣтъ достаточныхъ основаній. Не смотря на это, послѣдующіе мѣстные изслѣдователи Тверской старины не подвергали этотъ вопросъ новой детальной обработкѣ, считая вслѣдъ за Карамановымъ основаніе города Твери въ 1182 году за несомнѣнное данное. *) Къ сожалѣнію не пришелъ къ рѣшительнымъ выводамъ по данному вопросу и Борзаковскій, авторъ Исторіи Тверскаго Княжества, хотя и собралъ много данныхъ для того или иного рѣшенія его. Вполнѣ несомнѣннымъ существованіе г. Твери онъ признаетъ только въ 1209 году, когда многіе лѣтописные списки ясно упоминаютъ о г. Твери. По его словамъ, „въ первый разъ въ лѣтописяхъ Тверь упоминается въ 1209 г., когда Новгородцы были тѣснимы Всеволодомъ III, захватывавшимъ въ своей области ихъ гостей съ товарами; тогда въ Новгородъ, на защиту его, явился Торопецкій князь Мстиславъ Удалой, сынъ Мстислава Храбраго. Новгородцы посадили подъ стражу Святослава, сына Всеволода, и отправились въ походъ на Всеволода. Всеволодъ послалъ войско съ Константиномъ и другими своими сыновьями. Это войско дошло до Твери, гдѣ и былъ заключенъ миръ. **) Съ большимъ сомнѣніемъ онъ относится къ свидѣтельству Уставной грамоты Новгородскаго Князя Всеволода Мстиславича для церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ отъ 1135 года, въ одномъ изъ списковъ которой ясно и опредѣленно упоминается „Тверской гость," т. е. купецъ изъ города Твери. Тутъ мы между прочимъ читаемъ: „И язъ князь великій Всеволодъ далъ есми пошлины попомъ Святаго Великаго Ивана Петрятино дворище съ купецъ Руси, на память, княземъ великымъ дѣдомъ моимъ и прадѣдомъ, имати съ купецъ тая старина и въ вѣкы: съ Тверскаго гостя, и съ Новгородцаго, и съ Бѣжицкаго, и со всего Помостья" ***). Эта грамота дошла до насъ въ двухъ спискахъ, одинъ изъ которыхъ относится къ концу XVI или началу XVII вѣка, а другой XVII вѣка. ****) Старшій изъ этихъ списковъ и заключаетъ въ себѣ приведенный нами отрывокъ. Относительно достовѣрности этой грамоты нашъ знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ разсуж-

*) Такъ составитель біографіи Тверскихъ іерарховъ прот. Чередѣевъ говоритъ: „Въ 1182 году Великій Князь Владимірскій Всеволодъ III Георгіевичъ при устьѣ р. Тверцы основалъ твердь (т. е. крѣпость), которую впослѣдствіи стали называть Тверь". При этомъ онъ прямо ссылается на Карманова. (Чередѣевъ. Біографіи Тверскихъ іерарховъ примѣч. 2, стр. 285). Авторъ сочиненія о Св. Благовѣрномъ Великомъ Князѣ Михаилѣ Ярославичѣ Тверскомъ, коснувшись вопроса объ основаніи г. Твери, говоритъ: „Не прошло полувѣка съ тѣхъ поръ, какъ Великій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій положилъ основаніе г. Москвѣ (1147—1155), сынъ его Всеволодъ Георгіевичъ, по случаю войны съ Новгородцами (1182), взявъ у нихъ Торжокъ, приказалъ на рѣкъ Волгѣ, при устьѣ рѣки Тверцы поставить крѣпость или твердь, дабы воспрепятствовать Новгородской вольницѣ съ Новоторжскими разбойниками дѣлать набѣги и грабежи по этимъ рѣкамъ и защитить области великаго княженія Владимірскаго... Основанная крѣпость скоро стала заселяться и сдѣлалась резиденціей Великихъ князей Тверскихъ". (А. Соколовъ. Св. Благовѣрный Великій князь Михаилъ Ярославичъ Тверской. Тверь 1864 г. стр. 21 и 22).

**) Борзаковскій. Ист. Тв. Княж. стр. 17. Въ примѣчаніи къ этому пункту онъ приводитъ отрывки изъ лѣтописныхъ списковъ: Лавреньтьевскаго стр. 184, Воскресенскаго стр. 116, Никоновскаго т. II стр. 307. Приведемъ одинъ изъ этихъ отрывковъ: И „бывшимъ имъ (Константину съ братьями) на твери съ полкы своими, Новгородци же убоявшеся пустиша Святослава на тверь ко братьи своей и взяша миръ. (Воскресенскій, стр. 116).

***) Дополненія къ актамъ историческимъ, т. I, стр. 3.

****) Тамъ-же, стр. 5.

даетъ такъ: „Въ подлинности этой грамоты не можетъ быть сомнѣнія: къ счастію до насъ дошло два ея списка, изъ сличенія которыхъ можно ясно видѣть, какимъ искаженіямъ подвергались грамоты отъ переписчиковъ: въ началѣ одного списка читаемъ: „се язъ князь великій Всеволодъ, нареченный во святомъ крещеніи Гавріилъ, самодержецъ сынъ Мстиславль, внукъ Володимеровъ Мономаха, властвующа всею Русскою землею и властію Новгородскою". А въ другомъ спискѣ послѣднія слова отнесены не къ Мономаху, а къ самому Всеволоду и читаемъ: владычествующу ми всею Русскою землю и всею областію Новгородскою", откуда выходитъ историческая несообразность, заставляющая заподозрить подлинность грамоты. *) Правда, указываемая С. М. Соловьевымъ историческая несообразность находится въ томъ же спискѣ грамоты, въ которомъ упоминается и „Тверской гость", но Соловьевъ, упоминая объ этой исторической несообразности, не думалъ отрицать достовѣрность перваго списка грамоты, а только отмѣтилъ такое искаженіе переписчикомъ подлинной грамоты, которое могло бы заставить заподозрить подлинность ея, не имѣй мы по счастію двухъ списковъ ея, изъ сличенія которыхъ мы и можемъ убѣдиться въ несомнѣнной подлинности искаженной грамоты. Борзаковскій по поводу процитованнаго мѣста Всеволодовой грамоты пишетъ слѣдующее: „Если это выраженіе (Тверской гость) не есть ошибка, или прибавка, или искаженіе позднѣйшаго времени, то въ такомъ случаѣ это выраженіе указываетъ на то, что уже около 1134—1135 года существовала Тверь, что, можетъ-быть, и тогда весь окрестный край назывался Тверскимъ и что Тверь въ то время принадлежала Новгороду. Все это возможно, но историческая критика не дозволяетъ принимать этого выраженія за несомнѣнно вѣрное" **). Наше мнѣніе по данному случаю иное. Мы думаемъ, что здравая историческая критика не можетъ отступать отъ труднаго хотя бы вопроса, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки къ его рѣшенію, особенно когда положительное рѣшеніе его представляется вѣроятнымъ. Вѣроятность положительнаго рѣшенія вопроса наоборотъ должна заставить историка съ особою тщательностію изслѣдовать тѣ источники, изъ которыхъ онъ возникаетъ, и употребить всѣ усилія къ извлеченію изъ нихъ всѣхъ необходимыхъ данныхъ для разрѣшенія возникшаго недоумѣнія. Ничего этого Борзаковскій не попытался сдѣлать, несмотря на сдѣланный имъ громадный подборъ данныхъ для исторіи Тверского Княжества. Обратимся къ самой грамотѣ. Сличая два списка ея, мы находимъ не только однѣ указанныя уже разницы, но и много другихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя очень выразительны. Укажемъ нѣкоторыя крупнѣйшія разницы двухъ списковъ Уставной грамоты князя Всеволода.

1-ый списокъ.	2-ой списокъ.
И язъ князь великій Всеволодъ поставилъ есми Святому Ивану три старосты отъ житьихъ людей, и отъ черныя тысяцкаго, а отъ купцовъ два старосты, управливати имъ всякія дѣла Иванская, и Торговая, и гостиная, и судъ торговый.	Азъ князь великій Всеволодъ поставилъ есмь Святому Ивану три старосты отъ житьихъ людей и отъ черныя тысяцкого, а отъ купцовъ два старосты, управливати имъ всякая дѣла торговая, Ивановская и гостинная.

*) Исторія Россіи Соловьева. С.-Пб. Изданіе Т-ва Обществ. польза. Кн. 1, стр. 751., пр. 8.
**) Борзаковскій. Исторія Тверского княжества, стр. 18—19.

А имати старостамъ купецкимъ и купцемъ изъ вѣсу вощанаго на полъ третьядцать гривенъ серебра на всякый праздникъ Св. Ивана и во вѣкъ; а старостамъ купецкимъ Святаго Великаго Ивана ставить на праздникъ Святаго Ивана семьдесятъ свѣчъ, и темьянъ, и ладанъ.

А праздникъ Рождество Святого великаго Іоанна почесть творити и праздновати старостамъ, Иванскимъ купцомъ.

А пѣти въ праздникъ владыцѣ, а старостамъ купецкимъ и купцамъ дати владыцѣ гривна серебра да сукно Ипьское; а на завтрѣе пѣти архимандриту Святаго Егорія, а взять ему полгривнѣ серебра; а на третей день пѣти игумену Святѣй Богородицы изъ Онътонова Монастыря, взять ему полъгривнѣ серебра.

А пѣти въ праздникъ обѣдня владыцѣ, а назавтрѣе архимандриту Святого Георгія, а на третей день игумену святѣй Богородицы изъ Онтоніева монастыря. А взяти владыцѣ дару рубль, а князю великому намѣстникомъ дару по сукну Ипскому, а дати имъ 20 пудъ меду на подсыту чистаго пошлины; а дворецкому сукно Ипское, а 10 пудъ меду на подсласту чистаго пошлины, по старинѣ; а тіуну дару сукно Тумаское, а дати ему 5 пудъ меду на подсыту чистаго, по старинѣ; Архимандриту сукно Ипское, а игумену Онтоновскаго монастыря взяти дару полтину, а пошлины отъ него идетъ 40 калачей, 40 хлѣбовъ, да капуста и уксусъ.

И язъ князь великій Всеволодъ далъ есми пошлины попомъ Святаго Великаго Ивана Петрятино дворище съ купецъ въ Руси, на память княземъ великымъ дѣдомъ моимъ и прадѣдомъ, имати съ купецъ тая старина и во вѣкы: съ Тверского гостя, и съ Новгородцкаго, и съ Бѣжицкаго, и съ Деревьскаго, и съ всего Помостья.

А буевище Петрятино дворище отъ прежнихъ дверей Святаго Великаго Ивана до погреба до Концаньскаго мосту.

А буевище Петрятино дворище отъ прежнихъ дверей Святого Іоанна до погреба до конца Иванского.

Изъ этого сличенія двухъ списковъ съ полною ясностью видно, что во второмъ спискѣ грамоты князя Всеволода мы имѣемъ подновленный списокъ этой грамоты, приноровленный къ Московскимъ порядкамъ. Писецъ второго списка не знаетъ „торговаго суда“, „Концаньскаго мосту“ (вм. „Концаньскаго мосту“ онъ пишетъ „до конца Иванскаго“); намѣренно пропускетъ древнее распоряженіе ежегодно брать „изъ вѣсу вощанаго полътретьесятъ гривенъ“ на отправленіе храмового Праздника Іоанну Крестителю, ставить въ этотъ праздникъ въ церковь Св. Іоанна „семьдесятъ свѣчь, темьянъ и ладанъ“. Дѣлаетъ писецъ второго списка большія доба-

вленія и измѣненія въ распоряженіи о дарахъ Владыкѣ, архимандриту и игумену за служеніе въ храмовой праздникъ: въ то время, какъ первый списокъ говоритъ: „дати владыцѣ гривна „серебра, да сукно Ипское“, а архимандриту и игумену „взять по полгривнѣ серебра“, второй списокъ замѣняетъ гривну Владыкѣ Московскимъ рублемъ, а полгривны архимандритовъ—полтинами и выдвигаетъ цѣлый рядъ новыхъ Московскихъ сановниковъ въ Новгородѣ, какъ-то: намѣстниковъ великаго князя, дворецкаго, тіуна и предписываетъ имъ давать крупные дары „по старинѣ“. Всѣ указанныя разности двухъ списковъ, кажется, съ очевидностію подтверждаютъ, что писецъ второго списка произвольно распоряжался съ имѣвшимся у него подъ руками оригиналомъ: онъ свободно выкидывалъ устарѣвшія распоряженія князя Всеволода, приноравливая содержаніе ея къ современнымъ ему Московскимъ порядкамъ, по временамъ даже стремясь создать ложную старину. Первый же списокъ несомнѣнно заключаетъ въ себѣ болѣе близкій къ оригиналу грамоты списокъ ея; за это ручается то обстоятельство, что мы здѣсь имѣемъ особенности, которыхъ не понимаетъ или которыя не нравятся Московскому писцу.

Установивъ сравнительно большую точность и близость къ оригиналу перваго списка грамоты, мы вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаемъ почти полную вѣроятность упоминанія Тверскихъ гостей среди другихъ Новгородскихъ и областныхъ купцовъ. Упоминаніе Тверскихъ гостей среди другихъ купцовъ области Великаго Новгорода перестаетъ быть невѣроятнымъ, разъ мы допустимъ, что поселеніе на устьѣ р. Тверцы (тогдашняя Тверь) находилось во время написанія грамоты въ Новгородской области. Принадлежность же тогдашней Твери Новгороду въ 1135 г. болѣе чѣмъ вѣроятна. Бѣляевъ, внимательно изучавшій исторію Новгорода и Пскова, говоритъ, что „Новгородцы, изъ Торжка проникнувши р. Тверцой въ Волгу, заселили при ея верховьяхъ новую колонію Тверь, можетъ быть, Углече-поле, далѣе Мологу, Кострому и др.“ *).

Съ другой стороны, менѣе чѣмъ за годъ до составленія Всеволодовой грамоты Юрій Долгорукій основываетъ городъ Константинъ или Кснятинъ при впаденіи р. Нерли въ Волгу **), еще очень далеко отъ устья рѣки Тверцы; этотъ городъ всего вѣроятнѣе и былъ тогда крайнимъ пунктомъ Суздальскихъ владѣній на правомъ берегу рѣки Волги.

Соображенія Борзаковскаго, стремящагося довести границы Суздальскаго княжества въ это время до устьевъ р. Тверцы, хотя бы только по правому берегу р. Волги, едва ли заслуживаютъ вѣроятія,—то обстоятельство, что Суздальцы въ своихъ походахъ на Торжокъ не встрѣчали какого-нибудь непріятельскаго города, ничего не доказываетъ: поселеніе, какимъ была Тверь подъ властью Новгорода, не городъ, т. е. не укрѣпленіе, и здѣсь войско Суздальское естественно не могло встрѣчать сопротивленія ***).

Новгородское поселеніе усть-Тверь или Твердь уже издавна было расположено по правому берегу р. Тверцы при впаденіи ея въ Волгу ****). Самъ же Борзаковскій

*) Бѣляевъ, Русская земля предъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ, стр. 87—88, по Борзаковскому стр. 17.

**) Того же лѣта (6442) князь Юрій Володимеричъ Манамашь заложи градъ на усть-Нерли на Волгѣ, и нарече ему Константинъ... Никонов. Лѣтопись. Спб. 1862 г., стр. 158.

***) Борзаковскій, стр. 15.

****) См. нашу статью „Стерженскій и Лопастицкій кресты въ связи съ древними водными путями въ верхнемъ Поволжьѣ“, г. Тверь, 1900 г., стр. 9 и 10.

говоритъ въ своемъ изслѣдованіи о Тверскомъ княжествѣ: „Вѣроятно, Новгородцами было основано поселеніе при устьѣ Тверцы, которое отъ имени рѣки и получило свое названіе; это поселеніе вслѣдствіе своего выгоднаго въ торговомъ отношеніи положенія стало богатѣть (подобно Торжку, богатѣвшему по той же причинѣ). Но поселеніе это не было укрѣплено, потому что не было въ томъ надобности, и лѣтописи умалчивали о немъ, потому что о немъ не приходилось говорить по поводу какихъ-либо событій“ *). Съ этими соображеніями нельзя не согласиться, хотя самъ Борзаковскій въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи и пытается ослабить силу этихъ соображеній, призывая на помощь историческую критику. Въ такомъ положеніи, т. е. въ положеніи неукрѣпленнаго торговаго поселенія, Тверь оставалась до конца XII вѣка. Весьма вѣроятно, что границы княжества Суздальскаго, росшаго на счетъ Новгородскихъ владѣній, постепенно приближались въ этотъ періодъ времени къ Твери. Въ 1181 же году это поселеніе оказалось театромъ событій, сильно повліявшихъ на дальнѣйшую судьбу его. Въ этомъ году Святославъ Всеволодовичъ князь Черниговскій, захвативши въ свои руки престолъ Кіевскій, пошелъ на великаго князя Всеволода съ Половцами, къ нему присоединился у Твери и сынъ его Владиміръ, князь Новгородскій, вмѣстѣ съ Новгородцами **). Отсюда пошли они въ Суздальскую землю, все опустошая на своемъ пути. Великій князь Всеволодъ вышелъ съ войскомъ къ нимъ навстрѣчу и столкновеніе произошло на р. Вленѣ, недалеко отъ Переяславля. Осторожный князь Всеволодъ не рѣшился на открытую битву, а велѣлъ построить твердь, чтобы изъ укрѣпленія отбиваться отъ противниковъ. Святославъ и Новгородцы, убивъ Суздальцевъ человѣкъ 300, ушли назадъ, испугавшись весенней распутицы, и оставили въ Торжкѣ князя Ярополка Ростиславича. Этотъ князь уже издавна находился во враждѣ съ Всеволодомъ III ***); неудивительно, поэтому, что первымъ дѣломъ его было нападеніе на Суздальскія области и погромъ ихъ ****). На этотъ разъ Всеволодъ III, набравъ войско, самъ вторгся въ Новгородскую область, осадилъ Торжокъ и послѣ пятинедѣльной осады взялъ его; при этомъ былъ захваченъ въ плѣнъ и раненый Ярополкъ. На обратномъ пути изъ этого похода великій князь Всеволодъ, по свидѣтельству Татищева, „при устьи рѣки (Тверцы) оставя войско, велѣлъ въ 1181 году построить твердь и велѣлъ крѣпко наблюдать, чтобъ отъ Новгородцевъ и Торжка люди для воровства не пріѣзжали“. Хотя это извѣстіе, кромѣ Татищева, до сихъ поръ и не найдено ни въ одной лѣтописи, но въ связи съ вышеизложенными обстоятельствами является вполнѣ вѣроятнымъ. Всеволодъ III только что одержалъ „великую побѣду“ надъ Новгородцами *****); побѣда эта была такъ значительна, что въ слѣдующемъ году, вѣроятно, даже осенью 1181 же года, Новгородцы выслали отъ себя Черниговскихъ князей и просили себѣ князя у Всеволода III ******). Вполнѣ естественно было послѣ этой побѣды великому князю Всеволоду продвинуть свои границы до устьевъ р. Тверцы и обезопасить

*) Борзаковскій, стр. 18.

**) Тое же зимы иде князь Святославъ Всеволодовичъ, внукъ Олговъ, на Всеволода Юрьевича съ погаными Половцы, а сынъ его Володимеръ изъ Новагорода съ Новгородцы; и стяжася на Волзѣ у Твери. Полное собр. Лѣтоп., Спб., 1856 г., Воскресенская лѣтопись, стр. 96.

***) Карамзинъ. Ист. Г. Рос., т. III, стр. 32, примѣч. 15 и др.

****) Твер. Лѣтопись, стр. 267; Воскресенск., 96 и др. лѣт.

*****) Воскр. Лѣт., стр. 90.

******) Ibid.

свои владѣнія отъ набѣговъ на будущее время, построивъ при устьѣ рѣки укрѣпленіе, или городъ. Это укрѣпленіе, или городъ Тверь несомнѣнно были построены Суздальцами не на лѣвомъ берегу р. Волги, а на правомъ, такъ какъ, во-первыхъ, правый нагорный берегъ рѣки представляетъ больше удобствъ для построенія укрѣпленія, чѣмъ лѣвый, низменный, и такъ какъ, во вторыхъ, укрѣпленіе на правомъ берегу р. Волги, прикрываясь со стороны Новгорода р. Волгою, имѣло болѣе обезпеченныя сношенія съ Суздалемъ. Вѣроятность возникновенія города Твери въ концѣ XII вѣка при Всеволодѣ III подтверждается и послѣдующими лѣтописными извѣстіями. Такъ, въ Воскресенской лѣтописи подъ 1208 годомъ мы читаемъ: „Великій князь Всеволодъ посла сыны своя, Константина, Юрья, Ярослава къ Торжку; и бывшимъ имъ на Твери съ полкы своими, Новгородцы же убоявшеся пустиша Святослава на Тверь ко братіи своей и взяша миръ". Въ той же лѣтописи подъ 1209 годомъ находится слѣдующее извѣстіе: „Приходиша къ Москвѣ Рязанскіе два князя, Изяславъ Володимеричъ, и Юрьъ Михаилъ Всеоловдичъ, слышаша бы, яко сынове Всеволожи отошли суть на Тверь противу Новгородцемъ, а сего не ведаху, яко урядившеся съ Новгородци пріидоша со Твери въ Володимеръ къ отцю своему *)... Въ первой Новгородской лѣтописи подъ 1215 годомъ находимъ: „Того же лѣта князь Ярославъ я Якуна Зуболомища, а по Ѳому посла по Доброщинице по Новоторжъскый посадникъ и оковавъ потоци и на Тьхверь по грѣхомъ нашимъ" **).

Такимъ образомъ, уже съ 1208 года, т. е. 27 лѣтъ спустя послѣ 1181 года, лѣтописи съ несомнѣнностью говорятъ о Суздальскомъ городѣ Твери, городѣ, значительно уже укрѣпленномъ, такъ какъ въ 1215 году князь Ярославъ заточаетъ въ этомъ городѣ, какъ надежномъ мѣстѣ, захваченныхъ имъ вліятельныхъ Новгородцевъ.

Новый Суздальскій городъ Тверь постепенно начинаетъ принимать болѣе и болѣе замѣтное участіе въ тогдашнихъ историческихъ событіяхъ.

*) Воскресенская Лѣтоп., стр. 116. Борзаковскій на основаніи Лавреньтьевской лѣтописи относитъ это извѣстіе къ 1209 году. Борзаковскій, стр. 17, пр. 81.

**) 1-ая Новгородская л., Спб., 1841 г., стр. 33, ср. Тверскую стр. 315 и др.

Н. М. Бекаревичъ.

О каменномъ вѣкѣ въ Костромской губерніи.

Еще въ 1850 году мѣстнымъ землевладѣльцемъ г. Дѣвочкинымъ старательно собиралась коллекція каменныхъ орудій, фотографіи съ которыхъ случайно дошли до насъ, самыя же коллекціи, какъ это видно изъ статьи г. Комарова *) были переданы нѣкоторымъ лицамъ и учрежденіямъ (профессору Рулье, Савельеву-Ростиславлеву, Траутшольду и Московскому Обществу любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи). Фотографіи передаютъ намъ прекрасные типы каменныхъ молотковъ, кремневыхъ стрѣлокъ, ножей и другихъ каменныхъ орудій, найденныхъ въ Костромскомъ, Нерехтскомъ, Макарьевскомъ и Варнавинскомъ уѣздахъ.

За симъ въ капитальномъ трудѣ Гр. Уварова **) „Археологія Россіи. Каменный періодъ“ мы видимъ, что въ 1860 году Эйхвальдъ нашелъ на берегу Нерехотскаго озера большое количество кремневыхъ наконечниковъ; при этомъ графъ прибавляетъ: „доселѣ и эта мѣстность не была еще изслѣдована основательно“.

Въ 1883 году Ф. Д. Нефедовымъ ***) была открыта фабрика каменныхъ орудій близъ с. Одоевскаго, Ветлужскаго уѣзда; найденныя здѣсь каменныя орудія, — каменныя стрѣлы, рыболовные крючки и пр. оказались грубой, примитивной обработки, т. е. только отбитыми, безъ всякихъ слѣдовъ полировки (палеолитической эпохи).

Дѣйствительно, до самыхъ послѣднихъ лѣтъ на каменный періодъ въ Костромской губерніи не было обращено должнаго вниманія, хотя и были находимы то тамъ, то сямъ каменныя орудія, но все это были находки характера случайнаго безъ всякой попытки попристальнѣе приглядѣться къ мѣсту находки, произвести раскопки и изслѣдованія.

Костромская Архивная Коммиссія была по преимуществу занята производствомъ курганныхъ раскопокъ и тѣмъ болѣе вела ихъ энергично, что во многихъ мѣстахъ курганныя кладбища стали все постепенно исчезать, превращаясь въ пашни, разрушавшія рельефъ могильниковъ, придававшія имъ унылый ровный колоритъ. Спасши отъ гибели нѣсколько такихъ курганныхъ группъ, ознакомясь съ характеромъ и содержимымъ насыпей и добывъ разнообразную коллекцію курганныхъ предметовъ, наша Коммиссія сочла долгомъ приступить къ собиранію матеріала

*) М. Комаровъ. Къ изуч. камен. вѣка въ Костр. краю. „Костромской Листокъ“ 1899 г. № 144.
**) Гр. Уваровъ. Археологія Россіи. Каменный періодъ, стр. 344.
***) Журн. Засѣд. Костр. арх. ком. 29 августа 1895 г. стр. 31.

для ознакомленія съ каменнымъ періодомъ въ губерніи, а равно съ различными городищами.

Въ настоящее время мы остановимся на первой задачѣ и оговоримся, что предлагаемая замѣтка носитъ характеръ предварительнаго сообщенія.

Изъ 12 уѣздовъ губерніи, въ 3-хъ (Галичскомъ, Кологривскомъ и Чухломскомъ) вовсе не были находимы каменныя орудія; въ остальныхъ же они находились и въ особенности въ значительномъ количествѣ въ Костромскомъ, гдѣ было предпринято нѣсколько раскопокъ.

Дѣлая нерѣдко археологическія экскурсіи въ разные пункты, преимущественно Костромскаго уѣзда, намъ не разъ приходилось слышать отъ населенія Шунгенской волости, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, послѣ дождя и грома находятъ громныя стрѣлки, „*пущаемыя Ильей пророкомъ*“. Такія стрѣлки съ особеннымъ тщаніемъ собираются деревенскими бабками, тщательно хранятся, завернутыми въ тряпицу и употребляются съ врачебной цѣлью, ибо имъ приписываются многія цѣлительныя свойства. Случится у кого колотье въ боку, въ ушахъ и пр.—зовутъ бабку, владѣющую „громной“ стрѣлкой, и она (бабка) врачуетъ заболѣвшаго, покалывая стрѣлкой то мѣсто, гдѣ „колетъ“. А то эти стрѣлки смачиваются водой и воду употребляютъ противъ многихъ недуговъ. Вообще надо замѣтить, что „громныя“ стрѣлки пользуются среди населенія большимъ почетомъ и извѣстностью и пріобрѣсти ихъ отъ владѣльцевъ нерѣдко бываетъ болѣе нежели трудно. Эти безхитростные разсказы о стрѣлкахъ навели на мысль присмотрѣться къ нѣкоторымъ мѣстамъ въ Шунгенской волости. Дѣйствительно, при первомъ же обзорѣ окрестностей дер. Святое было найдено большое количество кремневыхъ осколковъ, половина тщательно оббитой кремневой стрѣлки и примитивные черепки глиняной посуды.

Крживоблоцкій *) описываетъ районъ Шунгенской и Мисковской вол. такъ: „третье пространство (по правую сторону р. Костромы), состоитъ изъ низменной луговой равнины, покрытой озерами и наводняемой ежегодно весеннимъ разливомъ соединяющихъ свои воды съ Волгою; только немногія возвышенія, на которыхъ расположены селенія выходятъ изъ розлива, во время котораго они кажутся какъ бы островами среди водъ. Описываемое поемное пространство Костромскаго уѣзда непосредственно соединяется съ таковымъ же розливомъ Даниловскаго уѣзда Ярославской губерніи и составляетъ пространство въ длину по р. Волгѣ отъ гор. Костромы до дер. Тимохиной, лежащей на луговой Ярославской дорогѣ, около 35 верстъ, а въ ширину около 25 верстъ. Розливъ начинается съ общимъ движеніемъ весеннихъ водъ и продолжается вообще около 5 недѣль. Населеніе пользуется прекрасными покосами, садитъ въ большомъ количествѣ картофель и занимается хмѣлеводствомъ; изрѣдко на высокихъ мѣстахъ сѣется яровое. При посадкѣ и выкапываніи картофеля, а также при работахъ въ хмѣльникахъ крестьянами случайно находятся каменныя орудія“.

Деревня Святое находится за р. Костромой (за Ипатьевскимъ монастыремъ) и отстоитъ верстахъ въ 3-хъ отъ гор. Костромы. Вешнимъ розливомъ Волги и Костромки она заливается кругомъ, да и деревенская улица чуть не на половину покрывается водой; не затопляется только самая деревня и песчаные бугры, начинающіеся непосредственно отъ высшей точки деревни и идущіе какъ бы грядой къ

*) Крживоблоцкій. Мат. для геогр. и стат. Россіи. Костромская губернія.

дер. Стрѣльниково, находящейся на СЗ. отъ Святаго на разстояніи 2—2½ верстъ. Подъ деревней и отчасти буграми по спадѣ водъ разстилаются извилистыя лентообразныя озера—Святое и Мерское. Первое длиною въ 3 версты, шириною около 50 саженъ и глубиною до 1½ саж., грунтъ дна иловатый, второе значительно менѣе. Сами бугры были покрыты огромными соснами, на что указываютъ оставшіеся кое-гдѣ громадные пни, да и старожилы говорятъ, что слышали отъ своихъ дѣдовъ о дремучихъ сосновыхъ борахъ близъ деревни. Вотъ на этихъ-то буграхъ и была обнаружена стоянка каменнаго періода, да и не одна только стоянка, а цѣлая фабрика доисторическаго человѣка.

При раскопкахъ на буграхъ на разстояніи 10—20 сант. отъ дерновой покрышки обнаруженъ культурный слой темнобураго цвѣта, рѣзко выдѣляющійся въ массѣ песка; при тщательномъ его изслѣдованіи находятся небольшіе угли, черепки глиняной посуды и небольшія частички костей, (опредѣленію онѣ не поддаются), а также осколки кремней. Главнымъ образомъ каменныя стрѣлки, копья и пр. попадаются послѣ сильныхъ дождей или ливней, когда водою во многихъ мѣстахъ дѣлаются промоины. Тогда по берегамъ промоинъ и на выпесенномъ водою пескѣ и встрѣчаются предметы каменнаго вѣка. Такъ, были находимы въ изобиліи разныхъ цвѣтовъ и величинъ куски кремня, съ отбитыми въ разныхъ направленіяхъ поверхностями, за симъ въ громадномъ количествѣ попадаются болѣе или менѣе правильныя кремневыя пластинки, плоскія съ одной стороны и съ 2—3 и 4-мя гранями съ другой (lames); нѣкоторыя изъ такихъ пластинокъ на концѣ имѣютъ округленія отъ мелкихъ стесовъ. Вставленныя въ рукоятку изъ дерева (или рога) нѣкоторыя изъ такихъ пластинокъ могли служить обоюдоострыми ножами.

Стрѣлки попадаются различныхъ типовъ: листовиднаго (длинныя и короткія, въ видѣ ивовыхъ и миртовыхъ листьевъ) съ различными переходами, миндалевидныя, ромбовидныя, треугольныя и наконечники съ язычкомъ и жалами. Далѣе найдены наконечники копій (дротиковъ) длиною до 11 сант. и шириною до 4,5 сант. такихъ же типовъ, какъ и стрѣлки, кромѣ треугольнаго; нуклеусы, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ настолько сильно пріострены, что могли служить колющимъ (многраннымъ) орудіемъ; одинъ изъ нихъ походитъ на шило; наконецъ, 2 каменныхъ молота изъ діорита, 3 пращевыхъ камня и глиняное широкое напряслице. Глиняные черепки были находимы или простые, или съ примитивными орнаментами въ видѣ различныхъ вдавленій: круглыхъ, овальныхъ, треугольныхъ, квадратныхъ и прямоугольныхъ и въ видѣ царапинъ; полнаго рисунка составить нельзя, такъ какъ черепки очень малыхъ размѣровъ, но между прочимъ видно, что различнаго рода вдавленія идутъ рядами, параллельно или перекрещиваются; на нѣкоторыхъ черепкахъ виднѣются какъ бы отпечатки отъ плетенокъ или корзинъ, послужившихъ имъ манекеномъ при выдѣлкѣ.

Вторая мастерская каменнаго періода была обнаружена рядомъ съ дер. Оганино, той же Шунгенской волости. Оганино стоитъ на сравнительно высокомъ мѣстѣ на лѣвомъ берегу р. Костромы, въ 7 верстахъ отъ города (и въ столькихъ же отъ дер. Святое). Вешнія воды деревни не затопляютъ, не затопляютъ также и возвышенности, находящейся близъ ея. Вокругъ этой послѣдней, по спадѣ водъ, остаются озерки. На возвышенности и были найдены предметы каменнаго вѣка. Въ общемъ они похожи на таковые же, найденные при дер. Святое,—тѣ же стрѣлки, наконечники копій, но только эти послѣдніе гораздо массивнѣе; за симъ здѣсь най-

дено массивное и миніатюрное долота, первое въ 19 и второе въ 4 сант. длины, и клинообразные топоры, скребки, нуклеусы, кремень, ограненный въ видѣ пирамиды (тетраэдра) и половина глинянаго напряслица. Черепки попадаются въ изобиліи изъ слабообожженной глины, но съ орнаментами только въ видѣ круглыхъ вдавленій.

Въ окрестностяхъ с. Шунги и д. Стрѣльниково также найдено значительное количество кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій, а вблизи перваго—каменный діоритовый молотъ. Около села Куникова, Мисковской вол., въ пустошѣ Горушиной, въ протокахъ по направленію къ р. Костромѣ (послѣ весенней воды) также были находимы черепки глиняной посуды. Кромѣ этого здѣсь же найдены кремневая стрѣлка и костяное шило. (?)

Въ Мисковской вол. найдено 3 долота (2 изъ нихъ съ желобами), діеритовый молотъ, половина недодѣланнаго молота и топоръ съ широкимъ тупымъ лезвеемъ.

Въ Костромскомъ уѣздѣ найдены предметы каменнаго вѣка еще въ слѣдующихъ селеніяхъ: около с. Селищъ 2 стрѣлки, у с. Доръ—долото и молотъ и близь с. Черной Заводи родъ искусно сдѣланнаго киркообразнаго молота до полуаршина длиною, тщательно отшлифованнаго, съ отверстіемъ и съ двумя ушками около него. Тщательная работа и особая нарядная его форма наводятъ на предположеніе, не служилъ ли онъ символомъ власти. Нами была посѣщена также мѣстность, гдѣ Эйхвальдъ нашелъ слѣды пребыванія человѣка каменнаго періода.

Во 1-хъ, Нерехтскаго озера въ Нерехтскомъ уѣздѣ долгое время мы не могли найти. Есть нѣсколько озеръ, но съ присвоенными имъ различными названіями. Наконецъ, было узнано, что одно изъ наиболѣе крупныхъ и заслуживающихъ названіе озера—есть Подозерское. Отстоитъ оно отъ гор. Нерехты верстахъ въ 35 и находится на границѣ Владимірской и Ярославской губерній. Фигура озера кругловатая, съ діаметромъ около версты или нѣсколько болѣе; глубина мѣстами до 5 саженъ, грунтъ иловатый; изъ озера выходитъ однимъ рукавомъ р. Лахость, впадающая въ р. Которосль. Вокругъ озера расположены сс. Островъ, Подозерье, Тюгаево (Шуйскаго у.) и Осенево (Ярославской губ.) Между сс. Островъ и Подозерье лежитъ болото, имѣющее около 6 вер. въ длину и до 5 верстъ въ ширину. Лѣтомъ нѣсколько оно просыхаетъ, мѣстами поросло мелкимъ лѣсомъ, мѣстами покрыто мхомъ и трясинами; далѣе простирается во Владимірской губ.

При изслѣдованіи береговъ р. Лахости вблизи озера нами были найдены черепки грубой глиняной посуды, орнаментированные подобно найденнымъ при дер. Святое, затѣмъ кремневые ограненные осколки (lames) и части костей животныхъ. Кромѣ сего у мѣстнаго населенія мы видѣли типичные кремневые наконечники стрѣлъ и копій, найденные вблизи озера. Въ виду обширности района, занимаемаго берегами озера, изслѣдованіе, можно сказать, только еще начато и имѣетъ быть продолжено въ недалекомъ будущемъ. Кромѣ всего вышесказаннаго каменныя орудія были находимы: въ Буйскомъ уѣздѣ (булава и молотокъ), въ Макарьевскомъ молотъ, Варнавинскомъ—2 молота и точильный камень, Юрьевецкомъ (около Кривоезерскаго мон.)—копье и глиняный кружокъ съ дырочками, въ Кинешемскомъ—молотокъ, Ветлужскомъ (около с. Одошнуръ)—молотъ, 2 долота, нуклеусъ и ножъ съ зазубринами.

И. А. Виноградовъ.

О надписи на Стерженскомъ крестѣ.

Стерженскій крестъ принадлежитъ къ весьма замѣчательнымъ памятникамъ древности. Въ настоящее время онъ находится въ Тверскомъ Музеѣ; вѣсу въ немъ 57 пуд., вышина креста 2 арш. 5 вершк., ширина поперечины 1 арш. 13 вершк., ширина нижней оконечности 3 четверти аршина, ширина верхней оконечности 7 вершк., ширина лѣвой оконечности поперечины 8 вершк., правой 7 вершк., толщина въ серединѣ $5^1/_2$ вершковъ. Мѣсто, на которомъ первоначально стоялъ этотъ крестъ, опредѣлено весьма точно. Недалеко отъ истока, р. Волга проходитъ чрезъ два небольшихъ озера—Малый и Большой Верхиты. Выйдя изъ Большого Верхита, въ пяти верстахъ отъ истока, Волга впадаетъ въ озеро Стержъ. При самомъ впаденіи въ Стержъ, на правомъ берегу Волги, на болотѣ стоитъ курганъ съ плоской вершиной около 3 саж. высоты и 25 саж. въ окружности. На вершинѣ этого кургана и находится крестъ. Огибая курганъ съ другой стороны, въ Волгу впадаетъ небольшая рѣчка, которую мѣстные жители называютъ Суязь, находя основанія для такого наименованія рѣчки въ надписи на Стерженскомъ крестѣ. Надпись гласитъ: „6641 (1133) мѣсяца Іюля 14 день почахъ рыти рѣку сю язъ Иванко Павловиць и крестъ сь поставихъ“. По поводу чтенія этой надписи среди членовъ Тверской Архивной Комиссіи въ послѣднее время возникло разногласіе. Покойный Предсѣдатель Тверской Архивной Комиссіи А. К. Жизневскій и авторъ брошюры „Стерженскій и Лопастицкій кресты въ связи съ древними водными путями въ верхнемъ Поволжьѣ“ В. И. Колосовъ истолковываютъ надпись въ томъ смыслѣ, что Иванко Павловичъ, извѣстный новгородскій посадникъ, „рылъ“ Волгу, т. е. углублялъ и расширялъ ее для удобнаго судоходства, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ она дѣйствительно мелка и узка. Въ надписи Иванко Павловичъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ „язъ“.

Въ засѣданіи Тверской Архивной Комиссіи 10 декабря 1899 года Предсѣдатель И. А. Ивановъ, посѣтившій лѣтомъ этого года истокъ рѣки Волги, высказалъ предположеніе, что слова надписи: „почахъ рыти рѣку сю язъ“ указываютъ не на Волгу („сю“), а на вышеупомянутую рѣчку „Суязь“. Иванко Павловичъ рылъ рѣчку Суязь, можетъ-быть, для того, чтобы дать ей другое направленіе при впаденіи въ озеро Стержъ и образовать островокъ для сторожевого кургана или городка, который такимъ образомъ былъ бы со всѣхъ сторонъ защищенъ водою.

Предложенное И. А. Ивановымъ чтеніе надписи вызвало возраженія со стороны членовъ Архивной Комиссіи. Такъ какъ спорный вопросъ до настоящаго времени оставался неразрѣшеннымъ окончательно, Архивная Комиссія постановила предложить его на обсужденіе перваго Областного Археологическаго Съѣзда. Точный снимокъ Стерженскаго креста и надписи находится въ „Описаніи Тверского Музея" А. К. Жизневскаго (стр. 36), которое честь имѣю предложить вниманію гг. членовъ съѣзда.

Послѣ оживленныхъ преній члены съѣзда пришли къ заключенію, что чтеніе надписи на Стерженскомъ крестѣ, указанное покойнымъ Предсѣдателемъ Тверской Архивной Комиссіи А. К. Жизневскимъ, слѣдуетъ признать болѣе правильнымъ.

Е. В. Барсовъ.

Изъ исторіи колонизаціи и культуры Ростовскаго края.

Въ четвертый разъ мнѣ приходится говорить съ этой каѳедры. По мѣрѣ постепеннаго возстановленія памятниковъ этого города, историческая мысль переносилась все далѣе и далѣе въ глубь вѣковъ, отъ Бѣлой Палаты Дмитрія Ростовскаго къ Стефану Пермскому, который учился въ здѣшнемъ Братскомъ Затворѣ и который цѣлый Зырянскій край ввелъ въ ограду христіанской цивилизаціи и, наконецъ, къ Леонтію Ростовскому, первосвятителю здѣшней Мери, въ честь коего сооруженъ былъ придѣлъ въ Соборномъ храмѣ и затѣмъ засыпанъ былъ камнями и мусоромъ. Нынѣ, на областномъ ученомъ Съѣздѣ, я хочу перенести Ваше сознаніе къ сѣвернымъ границамъ былого Ростовскаго княжества и подѣлиться съ Вами изъ этой области нѣкоторыми историческими фактами, нѣкоторыми народными преданіями и, наконецъ, нѣкоторыми личными соображеніями. Вопросъ о колонизаціи и культурѣ какого бы то не было края, требуетъ вообще долголѣтней работы и не одной только силы, а потому я прошу у Васъ *снисходительнаго* вниманія къ моимъ *отрывочнымъ* наблюденіямъ и замѣчаніямъ.

Прежде всего поражаетъ меня *гигантская мощь* самаго подвига колонизаціи, совершавшейся въ теченіе вѣковъ Славянскимъ племенемъ, съ поглощающимъ напряженіемъ физическихъ силъ. Представьте себѣ, что, начиная отъ Романова, въ глубь на крайній сѣверъ, простирались непроходныя болота. Болото—донынѣ слывущее подъ именемъ *Варяжскаго* (въ Романовскомъ и Рыбинскомъ уѣздахъ), соединялось съ болотомъ *Ваучскимъ*, непроходимымъ даже въ послѣднее время. Почти отъ Ростова до Бѣлаго моря — были сплошные мхи и топи. По большому водному пути, по Шекснѣ и Волгѣ, стояли непроходныя чащи и дремучіе лѣса. Не столько жило здѣсь людей, сколько обитало звѣрей. Но надъ этими опасностями отъ звѣрей высились еще страхованія природы, олицетворявшіяся этическимъ сознаніемъ. *Лѣшій* всюду наводилъ ужасъ; даже еще въ русскихъ актахъ XIV в. мы то и дѣло стрѣчаемъ, что тутъ *лѣшій* мхи, тамъ *лѣшія* болота, индѣ *лѣшіи* озера. Картину этого быта отчасти рисуютъ предъ нами древнерусскіе синодики, гдѣ совершается молитва о потопшихъ, объ убитыхъ деревомъ, объ уведенныхъ лѣснымъ демономъ, объ убитыхъ громомъ, молніей и т. п. Нужна была необыкновенная сила духа, чтобы бороться съ такими опасностями и умѣть побѣждать ихъ.

Первыми пасельниками по рѣкамъ Судѣ и Шекснѣ, до ея верховьевъ по восточной сторонѣ нынѣшняго Бѣлозерскаго уѣзда, жило Мерянское племя, то же са-

мое, что во всей Ростовской области. Весь же и Іегна обитали по правую сторону Шексны ближе къ Тверской области. Что на Шекснѣ были Меряне, на это указываютъ многія географическія названія, однородныя съ Ростовскими; такъ есть р. *Выкса* въ Череповскомъ уѣздѣ и *Выкса* въ Ростовскомъ уѣздѣ; есть *Ухтома* въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ и *Ухтома* въ Пошехонскомъ уѣздѣ; есть *Эдома* въ Череповскомъ уѣздѣ и *Эдома* въ Пошехонскомъ и Романо-Борисоглѣбскомъ уѣздахъ. Рѣки съ именемъ *Ухтома* есть и въ Ростовскомъ уѣздѣ. А что племена Весь и Іегна жили въ нынѣшней Тверской области, на это указываютъ названіе города *Весью* и нѣкоторыхъ близлежащихъ деревень *Іегна*.

Два факта особенно характерны въ жизни Финскихъ племенъ. Во 1-хъ, топографическія названія указываютъ, что они селились всегда или близъ небольшихъ озеръ или на притокахъ и ручьяхъ; ихъ поселеній не видно на берегахъ большихъ рѣкъ; такія рѣки имъ были не нужны или же они ихъ боялись. Во 2-хъ, курганныя раскопки показываютъ, что не было побоищъ при встрѣчѣ ихъ съ Славянскимъ племенемъ. Много было раскопано кургановъ въ Бѣлозерскомъ и Череповскомъ уѣздахъ г. Европеусомъ, но онъ нигдѣ не нашелъ видимыхъ остатковъ какихъ бы то не было побоищъ. Языка Мери и Веси мы не знаемъ, но, судя по нарѣчіямъ Чудскому и Корельскому, можемъ предполагать крайнее его убожество и неразвитость; по крайней мѣрѣ, въ указанныхъ нарѣчіяхъ нѣтъ словъ для выраженія не только нравственныхъ отвлеченныхъ понятій, но и для обозначенія самыхъ элементарныхъ культурныхъ предметовъ. Еще Тацитъ, описывая сѣверныхъ Финновъ, указывалъ на крайнюю ихъ подавленность и угнетенность. На нашъ взглядъ, и Меря и Весь, черезъ 1000 лѣтъ послѣ того, при скудости своей нравственной природы, при отсутствіи всякаго вдохновенія и творчества точно такъ же неспособны были къ самостоятельной дальнѣйшей колонизаціи и культурѣ; подъ давленіемъ суровой природы, подъ нравственными ея страхованіями, они, если бы и не были поглощены Славянами, вымирали бы сами собою.

Первыми колонистами по Шекснѣ, начиная отъ ея верховьевъ до Волги, были Новгородскіе Славяне, всего вѣроятнѣе удалые добрые молодцы изъ Заонежья, этой древнѣйшей Новгородской колоніи. Отсюда прямой былъ путь по рѣкамъ и озерамъ на Волгу.

Предпріимчивость, отвага и подвигъ — представляютъ отличительныя качества этого Славянскаго племени. Совершенное заблужденіе думать, будто русскій Славянинъ только землепашецъ и мало способенъ къ морскимъ плаваніямъ. Нужно знать и видѣть, съ какими опасностями совершаютъ Заонежане свое плаваніе среди бурей и страшныхъ волнъ: по Онежскому озеру, которое они справедливо называли моремъ, съ замираніемъ сердца смотришь, какъ утлая нагруженная ладья то исчезаетъ на нѣсколько мгновеній между волнами, то появляется на высокихъ ея гребняхъ и вновь исчезаетъ. Могучая сила и ловкость видимо умѣютъ править ладьею и побѣждать волны.

Еще менѣе страшны были для Заонежанъ плаванія по большимъ рѣкамъ. Покойный Погодинъ, уясняя сказаніе Константина Багрянороднаго о Днѣпровскихъ порогахъ, изъ коего видно, что Руссы, обходя большіе пороги, выгружали суда и самыя лодки носили на плечахъ до менѣе безопасныхъ мѣстъ, восклицалъ: „только Норманны способны творить такія чудеса“. Къ сожалѣнію, онъ не зналъ, что въ Олонецкой губерніи донынѣ дѣлается то же самое на рѣкѣ Водлѣ, гдѣ точно такъ же

выгружаютъ суда и носятъ ихъ на своихъ плечахъ въ обходъ пороговъ. Для нашей цѣли, въ данномъ случаѣ, чрезвычайно важно то, что въ верховьи Шексны, среди финскихъ названій рѣкъ, озеръ и мѣстъ, каковы—Коргулино, Шабога, Выкса, Лонжа, Ирма, вдругъ встрѣчаемъ пунктъ, гдѣ являются—рѣка Словенка, волокъ Словенскій, село Словенское. Надпорожье и, наконецъ, самые пороги на Шекснѣ въ этомъ пунктѣ донынѣ называются *Славянскіе пороги*. Едва ли смѣло предположить, что это былъ первый пунктъ Славянской колонизаціи на Шекснѣ. Это значитъ, что Новгородскіе Славяне, на нашъ взглядъ, въ глубокой древности захватили въ свои руки *Шекснинскіе пороги*, служившіе воротами съ сѣвера на Волгу и обратно. Другой пунктъ, которымъ рано должны были завладѣть Заонежскіе Славяне — это былъ Луковецъ. Здѣсь Шексна дѣлаетъ крутой изгибъ, и въ нее впадаетъ рѣка Суда, на которой расположены были Бѣлозерскія удѣльныя княжества и по которой можно было проникнуть въ предѣлы сѣверныхъ Новгородскихъ колоній. Уже въ древнѣйшихъ русскихъ актахъ упоминается Луковецъ или, какъ онъ здѣсь называется, *Луковесь*. Не безъ причины, конечно, мы предполагаемъ, что эти Славяне, первые колонизаторы Шексны, были Заонежане: испоконъ вѣковъ ведутъ они торговлю съ Волжскимъ понизовьемъ. Замѣчательно, что главнымъ складочнымъ мѣстомъ сѣверныхъ товаровъ, какими были *мѣха*, служилъ не Бѣлозерскъ и не какой-нибудь другой городъ, а *Шунга*—въ Заонежьѣ. Уже въ XII в. здѣсь былъ монастырь, церковные амбары для товаровъ, и ежегодно въ крещеніе происходила большая ярмарка, на которую, для скупки мѣховъ, въ теченіе вѣковъ съѣзжались и донынѣ съѣзжаются торговые люди съ Волжскаго понизовья. Быть можетъ, Заонежане въ начальныя времена вели торговлю мѣхами еще съ Болгарскимъ царствомъ, и тогда Шекснинскіе пороги могли служить заставой въ рукахъ Славянъ для азіатскихъ понизовыхъ торговцевъ. Очень вѣроятно, что путемъ той же Заонежской колонизаціи занесена была на Шексну и Заонежская былина. До послѣдняго времени здѣсь несомнѣнно существовалъ былинный эпосъ.

На берегахъ въ селѣ Логиновѣ еще въ дѣтствѣ я слыхалъ пѣніе этихъ былинъ и какъ сейчасъ вижу старика Макара Осипова, который пѣлъ ихъ въ домѣ моего отца.

Ученые разыскиваютъ, откуда идутъ тѣ или другіе былинные мотивы, самобытны ли они или взяты отъ Тюрковъ, книжнаго ли они происхожденія или творческаго. Всѣ эти работы, конечно, очень важны для исторіи русской литературы, но для исторіи Россіи въ собственномъ смыслѣ всего важнѣе тотъ мотивъ, что богатырь чувствуетъ, какъ *его богатырская сила переливается въ немъ изъ жилы въ жилу*. Такъ можетъ пѣть лишь тотъ народъ, который самъ въ себѣ чувствуетъ эту богатырскую силу.

Достойно вниманія, что распространеніе Заонежской былины оканчивается на Шекснѣ. На Волгѣ начинается уже *пѣсня* то раздольная и разудалая, то монотонная и унылая, отвѣчавшая то высотѣ и широтѣ волнъ, разсѣкаемыхъ веслами, то медленной поступи тянувшихъ лямку.

Былина служила средствомъ для воспитанія въ молодыхъ поколѣніяхъ удалаго, богатырскаго духа: она пѣлась, какъ сама гласитъ, малымъ дѣтямъ въ ученіе. Волжская пѣсня служила къ облегченію труда или проявляла самую отвагу и молодечество.

Но Заонежскіе Новгородцы, колонизуя этотъ край, относились къ Финскимъ

инородцамъ какъ промышленники и не столько заботились объ ихъ культурномъ подъемѣ, сколько извлекали изъ нихъ торговыя выгоды.

Славянская колонизація и христіанская культура въ сѣверномъ Ростовскомъ краѣ связаны главнымъ образомъ съ Московскою школою пустынниковъ Лавры преподобнаго Сергія. Какъ извѣстно, многочисленные ученики его, распространившись по всему сѣверо-востоку Россіи, основывали многочисленныя пустыни и монастыри съ ихъ сельско-хозяйственнымъ укладомъ и строгою дисциплиною. Можно себѣ представить, какое громадное впечатлѣніе должны были производить эти величественные храмы, эта монастырская иконопись, эти церковные звоны и—что всего важнѣе — эта нравственная сила, витавшая въ нихъ, на неразвитыя Финскія племена, на эти младенческіе народцы. Крестъ каменный ставился на поляхъ, въ лѣсахъ, на распутіяхъ, при колодцахъ, освобождалъ подавленное народное сознаніе отъ страхованій природы — и не страшенъ становился лѣшій, ибо этотъ крестъ прогонялъ демоновъ; онъ былъ красота церкви и демонамъ язва.

Такимъ піонеромъ сельско-хозяйственной культуры и христіанской цивилизаціи въ сѣверномъ Ростовскомъ краѣ былъ ученикъ преподобнаго Сергія Кириллъ Бѣлозерскій и его обитель. Сельско-хозяйственная его дѣятельность поразительна и вполнѣ достойна, наравнѣ съ монастыремъ Соловецкимъ, спеціальнаго историческаго изученія. Въ XVI в. у монастыря было 42 вотчины, не говоря уже о безчисленныхъ пустошахъ, въ коихъ стояли скотные монастырскіе дворы съ управляющимъ старцемъ и прикащикомъ. Во всѣхъ вотчинахъ монастырь созидалъ храмы, дань съ коихъ платилась Ростовской каѳедрѣ. Въ моемъ рукописномъ собраніи есть выпись изъ грамотъ Ростовскихъ митрополитовъ и архіепископовъ, въ коихъ исчислены по именамъ эти вотчинные храмы; одна грамота Ростовскаго архіепископа Досиѳея 1539 г.; другая его же 1542 г. и затѣмъ 5 грамотъ Іоны, архіепископа Ростовскаго 1576 г. Въ этихъ грамотахъ между прочими упоминаются храмы, стоявшіе въ верховьяхъ рѣки Шексны, съ коихъ платилась дань Ростовскимъ архіепископамъ: Городище — въ немъ храмъ Дмитрій Солунскій; Ерга — церковь Николая Чудотворца; въ Чуровскихъ—церковь Рождества Пресвятыя Богородицы; въ Чаромскихъ—св. пророкъ Илія; на Колѣнцѣ—церковь Кириллъ Чудотворецъ; въ Надпорожьѣ—церковь Живоначальная Троица. Дань, платимая Ростовскимъ архіепископамъ — съ разныхъ церквей была различна. Чуровская церковь, напримѣръ, платила гривну; Чаромская церковь двѣ гривны, а съ церкви на Колѣнцѣ дани не имывали, приходу мало. Дани эти собиралъ и платилъ Ростовскимъ архіереямъ Кирилловъ монастырь. Если можно предположить, что древнія границы Ростовской епархіи совпадали съ древними границами Ростовскаго княжества, то очевидно, что оно простиралось почти до верховьевъ рѣки Шексны и захватывало почти цѣлую восточную полосу нынѣшняго Череповскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ. Княжество Бѣлозерское, обнимая собою всю окружность Бѣлоозера, къ западу простиралось по рѣкѣ Судѣ и ея притокамъ. Изъ удѣльныхъ Бѣлозерскихъ княжествъ одно только Ухтомское было расположено на восточной сторонѣ Бѣлоозера — на рѣкѣ Ухтомѣ, другія же—*Вадбальское* и *Андогское*—находились на притокахъ Суды. Роды князей Бѣлозерскихъ, Ухтомскихъ и Вадбольскихъ живы донынѣ; родъ же князей Андогскихъ исчезъ; преданіе знаетъ только мѣстность, гдѣ стоялъ дворецъ Андогскихъ князей на берегу р. Шулмы, что въ Андогѣ у Пречистой; нынѣ эта мѣстность стала достояніемъ одного крестьянина-кулака. Въ томъ же XIV в. на берегахъ

Шексны былъ основанъ другой монастырь—Воскресенскій—въ Череповцѣ, въ древнихъ актахъ называвшемся *Череповесь*. Этотъ монастырь, какъ и Кирилловъ, кромѣ культурнаго значенія, имѣлъ и значеніе политическое. Въ то время, какъ Ростовскіе князья не хотѣли идти въ подданство Москвы, народная масса, тянувшая къ своимъ мѣстнымъ просвѣтительнымъ центрамъ, вмѣстѣ съ ними склонялась своими симпатіями къ Москвѣ, какъ главному средоточію церковной власти и нравственной силы. Прошло съ тѣхъ поръ болѣе 500 лѣтъ, а эти нравственныя нити, связывавшія народную массу съ Москвою, цѣлы донынѣ. Воскресенскій Череповскій монастырь основанъ былъ ближайшимъ родственникомъ преподобнаго Сергія Симоновскимъ архимандритомъ Ѳеодоромъ, впослѣдствіи архіепископомъ Ростовскимъ. И вотъ что мы видимъ: въ соборномъ Череповскомъ храмѣ, древнемъ монастырскомъ, донынѣ есть придѣлъ въ честь преподобнаго Сергія, и самый главный Череповскій праздникъ — это праздникъ 25 Сентября — Сергіевъ день, а на старомъ Симоновѣ въ Москвѣ донынѣ есть придѣлъ въ честь Кирилла Бѣлозерскаго и главный праздникъ 9 іюня—*Кириллова память*. Такимъ образомъ донынѣ Череповецъ празднуетъ преподобному Сергію, а Москва ликуетъ во славу Кирилла Бѣлозерскаго, такъ могуче привлекшаго Сѣверо-Ростовскій край къ Московскому просвѣтительному центру. Впослѣдствіи Воскресенскій Череповскій монастырь былъ *домовымъ Патріаршимъ* и обладалъ рѣдкимъ самоуправленіемъ: онъ судилъ крестьянъ не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и въ уголовныхъ, не исключая душегубства.

Наконецъ, я коснусь и другихъ монастырей, болѣе близкихъ къ нынѣшней Ярославской губерніи — это Выксинская пустынь Азарьева и пустынь Досиѳеева.

Изъ исторіи Азарьевой пустыни я отмѣчу лишь два любопытныхъ факта; во-первыхъ, здѣсь, въ этой пустыни, жила въ заточеніи царица Марія Нагихъ — мать Дмитрія Царевича. Разсказываютъ, что Годуновъ, ссылая ее въ сѣверный Бѣлозерскій край, предоставилъ ей право самой выбрать мѣсто для жительства. Плывя вверхъ по р. Шекснѣ, она услыхала пріятный серебристый звонъ Азарьевой пустыни, отстоящей отъ Шексны на пространствѣ 3 верстъ. Здѣсь она остановилась и, прибывъ въ пустыню, пожела остаться здѣсь навсегда; но что особенно замѣчательно, она поселилась не въ самомъ монастырѣ, а поодаль, на разстояніи 200 саженей отъ него, въ полѣ; здѣсь была построена для нея келья; а внизу въ лощинѣ былъ выкопанъ колодецъ, который донынѣ называется *„Царицынъ колодецъ“* и который, будто бы, она выкопала своими руками. Жила она здѣсь съ годъ и жила весьма уединенно; только изрѣдка появлялась въ церкви. Когда она была вызвана въ Москву на свидѣтельство Самозванца, оттуда прислала она большой колоколъ, весьма пріятнаго серебристаго звука. Уже на моей памяти колоколъ этотъ съ лѣтописнымъ надписаніемъ разбился и былъ промѣненъ церковнымъ старостою на новый въ Нижегородской ярмаркѣ.

Другой достойный вниманія фактъ тотъ, что въ Азарьевой Выксинской пустыни существовалъ великолѣпный деревянный храмъ, выстроенный въ честь Михаила Малеина — ангела царя Михаила Ѳеодоровича. Старожилы донынѣ помнятъ этотъ храмъ, похожій на храмъ Покрова Богородицы въ селѣ Логиновѣ. Храмъ этотъ сгорѣлъ, а праздникъ въ честь Михаила Малеина — ангела родоначальника Дома Романовыхъ, донынѣ неизмѣнно совершается въ мѣстномъ населеніи, что достойно особеннаго вниманія въ виду приближающагося трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ.

Досиѳеева пустынь стояла на самомъ берегу Шексны. Кто былъ этотъ Досиѳей, равно какъ и Азарій, неизвѣстно. Разсказываютъ, что когда Иванъ Васильевичъ Грозный путешествовалъ въ Кирилловъ монастырь, на обратномъ пути, здѣсь, онъ вышелъ на берегъ и въ дремучемъ лѣсу встрѣтилъ старца Досиѳея и его келью; онъ велѣлъ ему построить церковь и обѣщалъ помочь. Дѣйствительно, онъ вспомнилъ въ Москвѣ свое обѣщаніе и прислалъ въ Досиѳееву пустынь *чугунный колоколъ*. Колоколъ этотъ сохранился до нашего времени, и мною переданъ въ Московское Археологическое Общество, гдѣ онъ теперь и находится.

Таковы историческіе факты, народныя преданія и личныя мои соображенія, коими я хотѣлъ подѣлиться съ Вами, не столько въ ученомъ докладѣ, сколько въ живомъ словѣ.

У насъ нерѣдко въ рѣчахъ о русскомъ народѣ слышатся упреки въ его отсталости, косности и некультурности. При этомъ совершенно забывается тотъ изумительный богатырскій подвигъ колонизаціи сѣверо-востока Россіи, который совершался нашимъ крестоноснымъ народомъ въ теченіе многихъ вѣковъ, съ крайнимъ напряженіемъ физической и духовной силы. Народы Запада сѣли на *готовыя* мѣста и прямо унаслѣдовали *готовую* культуру древняго міра. А Русскому Славянину пришлось своимъ плечомъ и хребтомъ, съ топоромъ и мотыкою въ рукахъ, цѣлые вѣка бороться съ лѣшими, мхами и болотами, чтобы только приготовить мѣсто, пригодное для культурной жизни.

Все на свѣтѣ идетъ своимъ чередомъ. Настала пора, когда правящіе и мыслящіе классы призываются Исторіей къ одной заботѣ — къ развитію въ массахъ народныхъ историческаго самосознанія. Я глубоко раздѣляю убѣжденіе, что народы, у которыхъ коротка историческая память, не достойны своего существованія.

А. И. Маркевичъ.

Акты Череповецкаго Воскресенскаго монастыря *).

№ 1.

Отъ Великаго Господина Святѣйшаго Іосифа Патріарха Московскаго и всеа Русіи въ Бѣлозерской уѣздъ нашего домового Воскресенскаго монастыря, что въ Череповцѣ, архимандриту Гедеону съ братіей. Били есте намъ челомъ, а сказали, что владѣетъ у васъ насильствомъ Пошехонецъ сынъ боярской Василей Денисьевъ монастырскими двемя пустошми и истокомъ съ рыбною ловлею; а у васъ на тѣ пустоши и истокъ выпись съ писцовыхъ книгъ, и въ писцовыхъ книгахъ тѣ пустоши и истокъ съ рыбною ловлею написаны за вами; а сысканы тѣ пустоши и истокъ по старымъ межамъ блаженныя памяти при святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ Московскомъ и всеа Русіи и отдана къ нашему Воскресенскому монастырю; а впредь похваляется (онъ), Пошехонецъ сынъ боярской Василей Денисьевъ, что тѣми пустошми и истокомъ хочетъ владѣть насильствомъ, для того что били вы челомъ на него въ Разбойномъ

---

*) Къ приведеннымъ актамъ, содержаніе и значеніе которыхъ само собою ясны, считаемъ полезнымъ прибавить слѣдующее. Первые десять актовъ склеены, очевидно, еще въ монастырѣ, по времени ихъ тамъ полученія, что не вполнѣ соотвѣтствуетъ порядку посылки ихъ изъ Москвы; что же касается 11-го акта, то, хотя онъ полученъ и раньше двухъ ему предшествующихъ, но, очевидно, прибавленъ ко всѣмъ предыдущимъ въ заключеніе, и вотъ почему: десять актовъ присланы изъ Патріаршаго Дворцоваго Приказа и потому представляютъ нѣчто цѣльное, тогда какъ актъ № 11 посланъ изъ Патріаршаго Суднаго Приказа и потому стоитъ особнякомъ. То лицо, которое сдѣлало изъ первыхъ 10 актовъ одинъ столбецъ, присоединило къ нимъ за одно и актъ № 11 и именно на немъ помѣтило, что въ этомъ столбцѣ находятся грамоты патріарха къ архимандриту Гедеону. Возможно, что далѣе такихъ грамотъ уже не было; напр., архимандритъ Гедеонъ почему-либо пересталъ быть архимандритомъ Воскресенскаго монастыря, что въ Череповцѣ.

Слѣдовательно, порядокъ, въ какомъ получались акты въ монастырь, были таковы: №№ 1—8, 11, 9 и 10. Относительно № 3 помѣты, когда онъ былъ доставленъ въ монастырь, не имѣется, но легко опредѣлить, что онъ былъ полученъ въ промежутокъ между полученіемъ № 2 и № 4, почему составитель столбца и помѣстилъ его между этими номерами.

По времени же посылки актовъ изъ Москвы порядокъ ихъ былъ слѣдующій: №№ 5, 1, 2, 4, 3, 11, 6, 7, 8, 9 и 10.

Всѣ акты были сложены обычнымъ способомъ и запечатаны красными сургучными печатями на продѣтыхъ черезъ акты бумажныхъ ленточкахъ. Слѣды такихъ печатей сохранились хотя бы въ видѣ окраски; но на нѣкоторыхъ актахъ, какъ это и обозначено мною, на своихъ мѣстахъ остались обломки печати съ изображеніемъ благословляющей правой руки.

Приказѣ, и онъ вамъ далъ на себя запись, что ему, сыскавъ, монастырская рухледь отдать вамъ и сыскъ сполна заплатить; и намъ бы васъ пожаловати, велѣть вамъ о томъ нашъ указъ учинить. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а тѣ пустоши и истокъ старинной Воскресенскаго монастыря, и вы бъ тѣми пустошми и истокомъ владѣли по прежнему; а ему, Василью, тѣми пустошми и истокомъ владѣть и хлѣба сѣять и сѣна косить на тѣхъ пустошахъ не давали и ссоры бъ впредь о тѣхъ пустошахъ и о истокѣ межъ вами не было. А въ чемъ учинится споръ, и вы бъ писали къ намъ къ Москвѣ бъ, и о томъ къ вамъ нашъ указъ будетъ. Писанъ на Москвѣ. Лѣта 7151-е августа въ ... день.

На оборотѣ: Въ Бѣлозерской уѣздъ нашего домоваго Воскресенскаго монастыря, что въ Череповцѣ, архимандриту Гедіону съ братьею.

Принесъ государеву патріархову грамоту старецъ Іосифъ Неюдюревъ 152-го г. сентября въ 13 день.

На склейкѣ: Діакъ Федоръ Тороповъ.

№ 2.

Отъ В. Г. Св. Іосифа П. М. и вс. Р. въ Б. у. н. В. м-ря, что въ Ч-цѣ, арх. Гедеону съ бр. Билъ намъ челомъ Андрей Наугородовъ Бѣлозерскаго уѣзду нашей Чюровской волости деревни Плоскова на крестьянина на Ивашка Антонова сына Коробейника а сказалъ: Во прошломъ де во 151-мъ году изъ государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи жалованья, а изъ его помѣстья, изъ деревни Опахалина подговорилъ у крестьянина его, у Трофимка Ананина, жену его Ненилку Яковлеву дочь, назвалъ ее себѣ племянницею, и та Ненилка снесла отъ мужа своего живота его на двадцать на пять рублевъ съ полтиною, и, подговоря, выдалъ замужъ за нашего крестьянина тое же Чюровскіе волости деревни Дубровы за Первушку Богданова сына Кузнеца; и намъ бы его пожаловать велѣть тѣхъ крестьянъ дать на поруки и поставить ихъ къ суду на Москвѣ. И будетъ такъ, какъ намъ Андрей Наугородовъ билъ челомъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ тѣхъ крестьянъ Ивашка Антонова да Первушку Богданова въ той его въ подговорной жонкѣ Ненилкѣ и въ сносныхъ животахъ велѣлъ дать на поруку съ записью, а за порукою учинилъ имъ срокъ стать къ отвѣту на Москвѣ въ нашемъ Патріаршемъ во Дворцовомъ Приказѣ передъ боярином нашимъ передъ Василіемъ Федоровичемъ Яновымъ да передъ дьякомъ нашимъ передъ Ѳедоромъ Тороповымъ на срокъ на три недѣли до масленицы 152-го года и запись по нихъ поручную прислалъ къ намъ къ Москвѣ на тотъ же срокъ съ отпискою вмѣстѣ. Писанъ на Москвѣ. Лѣта 7152 генваря во 29 день.

На оборотѣ: Въ Б. у н. д. В. м-ря арх. Гедеону. 152-го февраля въ 3 день привезъ грамоту Ондреевъ человѣкъ Наугородова Васька Татаринъ. Печатные взяты.

На склейкѣ: Діакъ Ф-ръ Тороповъ.

№ 3.

Отъ В. Г. Св. Іосифа П. М. и вс. Р. въ Б. у. н. д. В. м-ря, что въ Ч-цѣ, арх. Гедеону съ бр. Въ нынешнемъ во 152-мъ году писали есте къ намъ, патріарху, какъ ты архиморитъ былъ у насъ на Москвѣ, и безъ тебя своровали нашие Череповскіе волости деревни Солманского крестьяне Тугаринко Максимовъ да деревни

Семенкова Кирюшка Осиповъ да деревни Носовского Стенька Игнатьевъ—убили до смерти на дорогѣ прохожаго человѣка; и ты, архимоpитъ, тѣхъ крестьянъ, Тугаринка Максимова да Стеньку Игнатьева, про то убойство роспрашивалъ, и въ роспросѣ передъ тобою въ томъ убойствѣ повинился, что онъ того прохожева человѣка убилъ по совѣту съ Тугаринкомъ, и нынѣ тѣ крестьяне даны на поруки до нашего указу, а крестьянинъ Кирюшка бѣгаетъ; и о томъ бы велѣть тебѣ указъ учинить. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ тѣхъ мужиковъ, Тугаринка съ товарищи, велѣли подавать на крѣпкія поруки съ записьми, а за поруками ихъ съ женами и дѣтьми со всѣми ихъ крестьянскими животы и по нихъ поручныя записи прислали къ намъ къ Москвѣ нынѣ по зимнему пути, а для обереганья послать съ ними слугъ монастырскихъ; а будетъ имъ на своихъ лошадехъ подняться не мошно, и вы бъ подъ тѣхъ крестьянъ въ помочь дали подводы съ волостныхъ людей. А что у нихъ есть хлѣба, и ты бъ, архимоpитъ, велѣлъ имъ дать на дорогу, чѣмъ имъ до Москвы сытыми быть, а достольной хлѣбъ велѣлъ продать, а деньги прислалъ къ нимъ же къ Москвѣ. А что у нихъ есть какихъ животовъ, и ты бъ прислалъ роспись и о томъ ко намъ отписалъ, а на Москвѣ отписку и поручныя записи и животомъ крестьянскимъ роспись и деньги велѣлъ отдать въ нашемъ во Дворцовомъ Приказѣ нашему патріаршу боярину Василью Федоровичю Янову да дьяку нашему Ѳедору Торопову. Писанъ на Москвѣ. Лѣта 7152-го февраля въ 7 день.

На оборотѣ: Въ Б. у. н. д. В. м-ря, что въ Ч-цѣ, арх. Гедіону с. бр.

На склейкѣ: Д-къ Ф-ръ Тороповъ.

Остатки красной сургучной печати съ изображеніемъ благословляющей правой руки.

№ 4.

Отъ В. Г. Св. Іосифа П. М. и вс. Р. въ Б. у. н. д. В. М-ря, что въ Ч-цѣ: арх. Гедеону съ бр. Билъ намъ челомъ Илья Матвѣевъ сынъ Скобѣевъ, а сказалъ, Въ прошломъ де во 142-мъ году бѣжалъ изъ-за вдовы Ульяны Богдановскіе жены Рѣзанова послѣ мужа ея смерти Бѣлозерскаго уѣзду вотчинный ея деревни Бору крестьянинъ Терешка Андроновъ съ женою и съ дѣтьми и со всѣми своими крестьянскими животы; и бѣгая тотъ крестьянинъ живалъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ нашей во дворцовой езовой въ Череповской волости въ Чюцкой Кулигѣ; и въ прошломъ де во 148-мъ году та вдова тое вотчинную деревню Боръ дала сыну его, Ильину, Ивану за дочерью своею и въ приданые со крестьяны, а тотъ де крестьянинъ Терешка Андроновъ написанъ сыну его въ рядной записи; и въ прошломъ де во 151 году билъ онъ намъ челомъ за сына своего Ивана иималъ нашу грамоту по того бѣглаго приданнаго крестьянина по Терешку Андронова, и по его Ильину челобитью послана наша грамота въ Белозерской уѣздъ на наши дворцовые езовые волости къ прикащику къ Степану Еврееву, велѣно того бѣглого сына его крестьянина Терешку Андронова дати на поруку, а за порукою велѣно его выслати къ суду къ Москвѣ въ нашъ Патріаршъ Дворцовой Приказъ на срокъ генваря въ 1 день нынѣшняго 152-го году. И тотъ де сына его приданной крестьянинъ къ отвѣту къ Москвѣ не сталъ, а прикащикъ де Степанъ Евреевъ писалъ къ намъ, Патріарху, ложно, что бутто онъ того крестьянина въ Череповской волости Чюцкой Кулигѣ не сыскалъ; а въ отписки де его написано, что бутто прислана наша грамота по челобитью вдовы Ульяны

Богдановскіе жены Рязанова, а не по его челобитью; а та вдова Ульяна била челомъ въ прошлыхъ де годахъ блаженныя памяти при Іосафѣ патріархѣ, а не въ прошломъ въ 151-мъ году; а тотъ де сына его крестьянинъ и нынѣ живетъ въ нашей въ Череповской волости въ Чютцкой Кулигѣ; и намъ бы его пожаловать, велѣть бы ему дать паша грамота къ тебѣ, архимориту, и того крестьянина съ женою и съ дѣтьми и съ животы ему отдать. И будетъ такъ, какъ намъ, Илья, Матвѣевъ сынъ Скобѣевъ билъ челомъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ того крестьянина Терешку Ондронова въ той въ Череповской волости въ Чютцкой Кулигѣ велѣли сыскать, а сыскавъ, поставя его съ нимъ, Ильею, или съ его человѣкомъ, кого онъ съ сею грамотою къ вамъ пришлетъ, съ очи на очи того крестьянина распросили, сыскавъ про него всякими сыски накрѣпко, сколь давно и въ которомъ году тотъ крестьянинъ въ нашу Череповскую волость пришолъ, и изъ за кого имянемъ. А роспрося обыскавъ подлинно, учинилъ бы еси указъ во крестьянствѣ безволокитно по государеву указу и по уложенью. А будетъ въ чемъ споръ учинится, и вы бъ отомъ къ намъ отписали, а отписку и роспросныя рѣчи и сыскъ и крестьянина за порукою и по немъ поручную запись велѣли подать въ нашемъ Патріаршѣ Дворцовомъ Приказѣ боярину нашему Василью Федоровичю Янову да діаку нашему Федору Торопову. Писанъ на Москвѣ. Лѣта 7152 г. февраля во 2 день.

На оборотѣ: Въ Б. у. н. д. В. м-ря, что в Ч-цѣ, Гедеону съ бр.

152 го марта въ 3 день привезъ грамоту Илья Скобѣевъ.

На склейкѣ: Д-къ Ф-ръ Тороповъ.

Печатные взяты.

Остатки красной сургучной печати съ изображеніемъ благословляющей правой руки.

№ 5.

Отъ В. Г. Св. Іосифа П. М. и вс. Р. в. Б. у. н. д. В. М-ря арх. Гедеону съ бр. Билъ намъ челомъ Новгородецъ Бѣжецкіе пятины Прохоръ Кириловъ сынъ Кулибакинъ, а сказалъ де, что де его, Прохоровъ, крестьянинъ Гарасимко Семеновъ съ женою и детьми и со всѣми своими крестьянскими животы, бѣгая, живетъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ нашей дворцовой Череповской волости въ деревнѣ Пустынной, и намъ бы его пожаловати велѣть-бъ ему дать наша грамота и того его бѣглаго крестьянина Гарасимка Семенова съ женою и съ дѣтьми ему отдати. И будетъ такъ, какъ намъ Новгородецъ Прохоръ Кулибакинъ билъ челомъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ такова именемъ крестьянина Гарасимка Семенова въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ нашей дворцовой Череповской волости въ деревнѣ Пустынной велѣли сыскать, а сыскавъ, поставя его передъ собою съ Новгородцемъ съ Прохоромъ Кулибакинымъ съ очей на очи, и велѣли ему на того крестьянина положить крѣпости и съ писцовыхъ книгъ выписи и его распросили и сыскали всякими сыски на крѣпко въ правду: попы и діаконы по священству, а старосты и цѣловальники и крестьяны по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русіи крестному цѣлованью, крестьянинъ Гарасимко Семеновъ сколь давно въ нашей дворцовой Череповской волости въ деревнѣ Пустынной живетъ, и изъ-за кого имянемъ во деревню Пустынную пришолъ, изъ-за Прохора ли Кулибакина, и въ которомъ году и мѣсяцѣ и числѣ въ нашу дворцовую Череповскую волость пришолъ. Да по тѣмъ его роспроснымъ рѣчамъ и, сыскавъ про

то подлинно всякими сыски, и по крепостямъ въ томъ крестьянинѣ указъ учинили безволокитно въ правду по государеву указу и по уложенію, до чего доведется. Писано на Москвѣ. Лѣта 7151 апрѣля въ 22 день.

На оборотѣ: Въ Б. у. н. д. В. м., что въ Ч-цѣ, арх. Гедіону и бр. Марта въ 22 д. привезъ грамоту Ноугородецъ Прохоръ Кириловъ сынъ Кулибакинъ.

Печатные взяты.

На склейкѣ: Д-къ Ф-ръ Тороповъ.

Остатокъ такой-же печати, что и выше.

№ 6.

Отъ В. Г. Св. Іосифа П. М. и вс. Р. въ Б. у. н. д. В. м., что въ Ч-цѣ, арх. Гедіону да нашихъ дворцовыхъ езовыхъ волостей прикащику Степану Еврееву. По нашему указу, взяты были нашихъ дворцовыхъ езовыхъ волостей работные люди и по нашему указу спущены съ Москвы, а тружались они на нашей работѣ со радѣньемъ. И нынѣ мы указали нашихъ дворцовыхъ езовыхъ волостей и Череповскіе волости взяти къ Москвѣ для домовыхъ издѣлій двадцать человѣкъ, а наемъ имъ велимъ дать изъ нашіе домовые казны по сороку алтынъ человѣку на мѣсяцъ, а пить и ѣсть наше жъ домовое. И для тѣхъ работниковъ посланъ къ вамъ нарочно съ сею нашею грамотою сынъ боярской Иванъ Всеволоцкой. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ велѣли собрать съ нашихъ дворцовыхъ езовыхъ волостей и съ Череповскіе волости для нашихъ домовыхъ издѣлій двадцать человѣкъ, и прислали ихъ къ намъ къ Москвѣ, не мѣшкая, тотчасъ, съ нашимъ сыномъ боярскимъ съ Иваномъ Всеволоцкимъ, и то имъ сказали, что имъ за работу дадутъ здѣ на Москвѣ изъ нашіе домовые казны по сороку алтынъ человѣку на мѣсяцъ, а пить и ѣсть имъ наше жъ домовое; и тѣхъ работниковъ велѣли подавать на поруки съ записьми, и записи по нихъ поручныя прислали къ намъ къ Москвѣ съ нашимъ сыномъ боярскимъ со Иваномъ Всеволоцкимъ, чтобъ они безъ отпуску съ издѣлья не сошли. Писанъ на Москвѣ. Лѣта 7152 іюня въ 12 день. А сынъ боярской не посланъ. Прислать бы вамъ за крѣпкими поруки тотчасъ безо всякаго мотчанія. Дьякъ Федоръ Тороповъ.

На оборотѣ: Въ Б. у. н. д. В. м-ря, что въ Ч-цѣ арх. Гедіону да Степану Еврееву.

152 года іюня въ 20 день принесъ грамоту Череповскіе волости крестьянинъ Мирошка.

На склейкѣ: Д-къ Федоръ Тороповъ.

№ 7.

Отъ В. Г. Св. Іосифа П. М. и вс. Р. въ Б. у. н. д. В. м-ря, что въ Ч-цѣ, арх. Гедеону да прикащику Степану Еврееву. Какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ собрали со всѣхъ нашихъ езовыхъ волостей къ сѣнокосу и для пашеннаго дѣла тридцать человѣкъ дѣловцовъ и, подававъ ихъ на поруки съ записьми, прислали къ Москвѣ тотчасъ безо всякаго мотчанія. А кого имяны дѣловцовъ выберете, и вы бъ имъ сказали наше жалованье, что имъ за работу, покамѣста они на издѣльѣ будутъ, дадутъ по сороку алтынъ на мѣсяцъ человѣку, а пить и ѣсть имъ наше жь домовое. И вамъ бы однолишно тѣхъ дѣловцовъ собравъ, прислать къ

намъ къ Москвѣ, не замотчавъ. А будетъ вы, норовя крестьяномъ, тѣхъ дѣловцовъ вскорѣ не сберете и къ Москвѣ не пришлете, и для тѣхъ дѣловцовъ велимъ послати съ Москвы нарочно пристава изъ прогоновъ, и прогоны и приставу ѣздъ велимъ доправить на васъ. Писано на Москвѣ. Лѣта 7152 іюня во 27 день.

На оборотѣ: Въ Б. у. н. д В. м-ря арх. Гедіону да прик. Ст. Еврееву.

Іюля въ 7 день привезъ грамоту Чюровскіе волости крестьянинъ Ивашко Омеліяновъ.

Склейки нѣтъ, а потому нѣтъ и помѣты дьяка.

№ 8.

Отъ В. Г. Св. Іосифа П. М. и вс. Р. въ Б. у. н. д. В. м-ря арх. Гедеону да прик. Ст. Еврееву. Въ нынѣшнемъ въ 152 году іюня во 5 день. взято было изъ Череповскіе волости и съ Чюровскіе и съ Ковжскіе тридцать человѣкъ дѣловцовъ, и двадцати человѣкомъ дано изъ нашей домовые казны на мѣсяцъ, по рублю человѣку, а десяти человѣкомъ дано на двѣ недѣли, по полтинѣ человѣку, и тѣ дѣловцы, тридцать человѣкъ, съ Москвы отпущены, а не додано тѣмъ дѣловцомъ по двѣ гривны человѣку. И какъ къ вамъ ся наша грамо тапридетъ, а дѣловцы въ Бѣлозерской уѣздъ придутъ, и вы бъ тѣмъ дѣловцомъ дали съ волостными людьми счетъ: будетъ имъ доведется къ тому за ихъ работу дадать, и вы бъ имъ по росчету, собравъ съ волостныхъ людей, имъ додали. Писано на Москвѣ. Лѣта 7152 августа въ 10 день.

На оборотѣ: Въ Б. у. н. д. В. м-ря, что въ Ч-цѣ арх. Гедіону да прик. Ст. Еврееву.

Принесъ государеву патріархову грамоту зъ Данского Пятунка Прокофьевъ сынъ Боранъ 152 г. августа во 20 день.

Склейки, а потому и дьячей помѣты нѣтъ.

№ 9.

Отъ В. Г. Св. Іосифа П. М. и вс. Р. въ Б. у. н. д. В. м-ря, что въ Ч-цѣ, арх. Гедеону да нашихъ езовскихъ волостей прикащику Степану Еврееву. Писали есте къ намъ, патріарху, и прислали съ нашихъ езовъ съ Череповскаго да съ Чюровскаго живые рыбы одиннадцать осетровъ, живопросольныхъ восьмъ осетровъ, да живопросольныхъ же шесть осетровъ, да пять стерлядей свѣжихъ, да двадцать пять стерлядей живопросольныхъ, и противъ живопросольныхъ осетровъ пупковъ и вязиги, съ цѣловальники съ Савкою Фокинымъ да съ Ивашкомъ Омельяновымъ. И та рыба и пупки и вязига противъ вашей отписки принята вся сполна и цѣловальники съ Москвы отпущены. Писанъ на Москвѣ. Лѣта 7152 августа во 12 день.

На оборотѣ: Въ Б. у. въ н. д. В. м-рь., что въ Ч-цѣ, арх. Гедіону да прик. Ст. Еврееву.

Принесъ государеву патріархову грамоту Череповскія волости Чюцкіе Кулиги Савка Фокинъ сынъ Колуга 152 году, августа во 20 день.

Склейки нѣтъ, а потому и помѣты нѣтъ.

№ 10.

Отъ В. Г. Св. Іосифа П. М. и вс. Р. в. Б. у. н. д. В. м-ря, что въ Ч-цѣ арх. Гедеону. Въ нынѣшнемъ во 153-мъ году октября во 29 день билъ намъ челомъ и извѣщалъ Бѣ-

лозерского уѣзду нашіе дворцовые Чюровскіе волости крестьянинъ Посничко Ивановъ, а сказалъ: Приказали де ему волостные люди всѣмъ міромъ извѣстить намъ, патріарху, объ езовой рыбной ловлѣ на приказнаго нашего человѣка на Степана Евреева, что по нашему указу и по наказной памяти велѣно ему къ рыбной ловлѣ выбирать знающихъ добрыхъ прожиточныхъ людей, чтобъ въ рыбной езовой ловлѣ прибыль учинить и радѣть не оплошно, и онъ, Степанъ, своимъ умысломъ, безъ мірского приговору, для своей корысти выбиралъ цѣловальниковъ насильствомъ, людей бѣдныхъ и незнающихъ, иималъ окупы по барану, а съ иныхъ по полтинѣ и по рублю, и простояла езовая ловля до государева ангела, а езъ былъ безъ подѣлки худъ и лову рыбѣ не было. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ нашихъ езовыхъ волостей Чюровскіе и Череповскіе и Ковжскіе сыскалъ всякими сыски накрѣпко вправду повальнымъ обыскомъ: попы и дьяконы по священству, а старосты и цѣловальники и крестьяны по государеву цареву и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русіи крестному цѣлованью: прикащикъ Степанъ Евреевъ къ нашей езовой рыбной ловлѣ вы (*вѣроятно, пропущено:* биралъ) цѣловальниковъ своимъ ли самовольствомъ для своей бездѣльной корысти и безъ твоего, архимарита, и волостныхъ людей, вѣдома, и отъ того на крестьянахъ окупы деньги и бараны себѣималъ ли, и сколько на комъ на крестьянинѣ денегъ и барановъ взялъ, и въ его, Степаново, нерадѣнье езовые люди въ простоѣ были ль и многое ли время въ простоѣ были и рыбы не ловили. Да тотъ сыскъ за обыскныхъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ руками прислали къ намъ къ Москвѣ, а на Москвѣ велѣли подать въ нашемъ Дворцовомъ Приказѣ боярину нашему Василью Федоровичю Янову да дьяку нашему Федору Торопову. А по нынѣшнему первому зимнему пути ѣхалъ бы еси ты къ намъ къ Москвѣ не мѣшкая, и что есть у васъ въ монастырѣ лошадей добрыхъ, и ты бъ, архимаритъ, тѣ лошади привелъ къ Москвѣ съ собою вмѣстѣ. Писанъ на Москвѣ. Лѣта 7153-го октября въ 30 день.

На оборотѣ: Въ Б. у. н. д. В. м-ря, что въ Ч-цѣ, арх. Гедиону.

Принесъ государеву патріархову грамоту патріаршъ крестьянинъ Чюровскіе волости Посникъ Ивановъ 153-го году ноября въ 8 день.

На склейкахъ: Д-къ Ф-ръ Торопов[ъ].

№ 11.

Отъ В. Г. Св. Іосифа П. М. и вс. Р. въ Череповецъ Воскресенскаго монастыря архимориту Гедеону. Билъ намъ челомъ Смолянинъ Савинъ Степановъ сынъ Неѣловъ и въ челобитной его написано: Въ Вологоцкомъ уѣздѣ въ Юской волости на рѣкѣ на Югу на берегу была церковь Всѣхъ Святыхъ Отецъ въ нашей патріаршей области Пошехонскія десятины и изъ давнихъ лѣтъ запустѣла, и нынѣ де струбъ церковной стоитъ, и напередъ де сего та церковная земля бывала на оброкѣ тоежь Юскіе волости у Пречистенскаго у вдоваго попа Федора и у иныхъ окольныхъ людей, и лугъ Всѣхъ Святыхъ, на которомъ лугу стоитъ церковь; и о томъ де лугѣ билъ челомъ государю Смолянинъ Петръ Бердяевъ и назвалъ тотъ лугъ порожею землею, а не церковною, и дружа де ему, Петру, тотъ вдовой попъ Федоръ да Ильинской попъ Дружина сказали про тотъ лугъ, бутто де тотъ лугъ лежитъ въ порожихъ земляхъ, а не церковной; и по ихъ сказкѣ отданъ тотъ лугъ тому Петру Бердяеву въ помѣстья, и послѣ де его, Петра, владѣетъ сынъ его Федоръ Бердяевъ тѣмъ церковнымъ лугомъ; и полевую землю тоежь церкви тотъ же Федоръ

Бердяевъ вгородилъ къ себѣ въ поля къ деревни своей Карповой; и намъ бы его пожаловати, велѣти бъ ему дать нашу сыскную грамоту и велѣти бъ про тое нашу церковную землю сыскати окольными людьми, а тѣхъ поповъ: вдоваго попа Федора да попа Дружину, поставить на Москвѣ и въ той церковной земли допросить. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ въ Вологоцкомъ уѣздѣ въ Юскую волость нашей патріаршей Пошехонской десятины церкви Всѣхъ Святыхъ Отецъ, что стоитъ на рѣкѣ на Югу на берегу, ѣхалъ, и тое церкви и погосту и церковные земли самъ дозрилъ, и около тое церкви обыскалъ архимариты и игумны и попы и дьяконы по священству, а старцы по иноческому обѣщанію, а дворяны и дѣти боярскія и ихъ крестьяны по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіі крестному цѣлованію, опричь того Пречистинского вдоваго попа Федора да Ильинского попа Дружины: въ Вологоцкомъ уѣздѣ, а въ нашей патріаршей области въ Юской волости на берегу рѣки Югу церковь Всѣхъ Святыхъ Отецъ изъ давныхъ лѣтъ была ли и запустѣла ли, и нынѣ на томъ лугу струбъ церковной стоитъ ли, и та церковная земля за окольными людьми на оброкѣ была ли, и Петръ Бердяевъ въ помѣстье свое подъ себя справилъ ли, и сколь давно справилъ, и послѣ его сынъ его Федоръ Бердяевъ тѣмъ лугомъ владѣетъ ли, и той же церкви Всѣхъ Святыхъ Отецъ церковную полевую землю онъ, Федоръ, вгородилъ ли къ себѣ въ поля къ деревнѣ Карповой, и будетъ вгородилъ, и сколь давно владѣетъ, и имъ, обыскнымъ людемъ, про тое церковную землю Всѣхъ Святыхъ Отцовъ и про лугъ и про полевую землю, что была на оброкѣ вѣдомо ли. Да кто что въ обыску обыскные люди скажутъ, и ты бъ тѣхъ обыскныхъ людей имена и рѣчи велѣлъ написать на списокъ порознь по статьямъ подлинно, да къ тѣмъ обыскнымъ рѣчамъ обыскнымъ людемъ велѣлъ руки свои приложить; а будетъ кто обыскныхъ людей сами грамотѣ не умѣютъ, и въ ихъ мѣсто велѣлъ отцемъ ихъ духовнымъ руки свои приложить; а Юскіе волости [illegible]стинского вдового попа Федора да Ильинского попа Дружину велѣлъ ихъ [illegible] поруки съ записью въ томъ, что имъ въ той церковной землѣ стать на Москв[illegible] тѣ обыски совершивъ за обыскныхъ людей и отцевъ ихъ духовныхъ руками [illegible] своею рукою и по тѣхъ попахъ поручную запись прислалъ къ намъ къ Мо[illegible]вѣ и велѣлъ подать въ нашемъ Судномъ Приказѣ боярину нашему Василью Федоро[illegible]ичю Янову да дьякомъ нашимъ Василью Потанову да Ивану Ковелину съ кѣмъ будетъ пригоже.

Писанъ на Москвѣ. Лѣта 7152-го мая въ 6 день.

На оборотѣ: Въ Черповецъ Воскресенскаго монастыря архимариту Гедеону.

Привезъ сію государеву патріархову грамоту Вологоцкаго уѣзду Иванъ Савиновъ сынъ Неѣлова 152-го года августа въ 27 день.

Печатные взяты.

Значительно ниже: Грамоты государевы патріарховы къ архимориту Гедеону.

По склейкамъ: Діякъ Иванъ Ковелинъ.

Въ самомъ низу: Справилъ Петрушка Михайловъ.

Библиотека ООН